

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2020 Volume 24 No. 4

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

ISSN 2687-0088 e-ISSN 2686-8024

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 10.12.2020. Выход в свет 24.12.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 28,7. Тираж 500 экз. Заказ № 1054. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander Ignatenko, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Dániel Z. Kádár, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Andreas Musolff, University of East Anglia (Norwich, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion – Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

English language editor *Maria A. Shkineva*

Computer Design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.В. Игнатенко, РУДН, Россия, E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион – Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Кадар Дэниел, исследовательский центр Института лингвистики Венгерской академии наук (Венгрия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Музолф Андреас, Университет Восточной Англии (Норвич, Великобритания)

Эцуко Оиси, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путиц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Редактор англоязычных текстов *М.А. Шкинева*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Monika KOPYTOWSKA (Lodz, Poland) and Radosław KRAKOWIAK (Warsaw, Poland) Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland.....	743
Manuel PADILLA CRUZ (Seville, Spain) Towards a relevance-theoretic approach to the diminutives morpheme.....	774
Mohammad ALIPOUR and Parastoo JAHANBIN (Ahvaz, Iran) A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorials.....	796
Tatiana A. IVUSHKINA (Moscow, Russia) Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer’s novels.....	816
Nataliya A. LAVROVA and Elena A. NIKULINA (Moscow, Russia) Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers.....	831
Igor G. MILOSLAVSKY (Moscow, Russia) Four lessons from Zaliznyak.....	858
Irina V. KOROVINA (Saransk, Russia) System of deictic coordinates – intertextual deixis in academic discourse.....	876
Lyubov A. KOZLOVA (Barnaul, Russia) Metaphor as the reflection of ethnoculturally determined cognition.....	899
Irina KONONENKO (Warsaw, Poland) Cross-cultural communication and lost in translation: A corpus study	926
Elena N. REMCHUKOVA and Ekaterina M. NEDOPEKINA (Moscow, Russia) Difficulties in translating Russian classics: Pushkin’s novel “Eugene Onegin” in English and French.....	945
Natalia Y. NELYUBOVA , Polina S. SYOMINA (Moscow, Russia) and Vitalija KAZLAUSKIENE (Vilnius, Lithuania) Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings.....	969
Larisa A. PIOTROVSKAYA and Pavel N. TRUSHCHELEV (Saint Petersburg, Russia) What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks.....	991
Olga S. CHESNOKOVA and Marija RADOVIĆ (Moscow, Russia) Donyms in the Pacific Alliance countries: Morphological and semantic variation.....	1017
Book reviews	
Anna GLADKOVA (Melbourne, Australia) Review of Sadow, Lauren, Bert Peeters, and Kerry Mullan (eds.). 2020. <i>Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 3. Minimal English (and beyond)</i> . Singapore: Springer	1049
Vladimir I. KARASIK (Moscow, Russia) Review of O.A. Leontovich, M.A. Gulyaeva, O.V. Lunyova, M.S. Sokolova. 2019. <i>Positive communication</i> . Moscow: Gnosis. 295 p. ISBN 978-5-94244-072-5.....	1055

СОДЕРЖАНИЕ

Monika KOPYTOWSKA (Лодзь, Польша), Radoslaw KRAKOWIAK (Варшава, Польша) Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland (Невежливость в интернете на фоне Covid-19: социальная разобщенность и неверные представления о туристической индустрии в Польше).....	743
Manuel PADILLA CRUZ (Севилья, Испания) Towards a relevance-theoretic approach to diminutives morpheme (Рассмотрение морфем с уменьшительным значением в рамках теории релевантности)	774
Mohammad ALIPOUR, Parastoo JAHANBIN (Ахваз, Иран) A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorial (Сопоставительное исследование проксимальности в редакционных статьях иранских и американских газет)	796
Tatiana A. IVUSHKINA (Москва, Россия) Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels (Литературные заимствования как социальные маркеры в романах Джеффри Арчера)	816
Nataliya A. LAVROVA, Elena A. NIKULINA (Москва, Россия) Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers (Предикторы корректной интерпретации английских и болгарских идиом носителями русского языка)	831
МИЛОСЛАВСКИЙ И.Г. (Москва, Россия) Четыре урока Зализняка	858
КОРОВИНА И.В. (Саранск, Россия) Система дейктических координат и интертекстуальный дейксис в научной коммуникации	876
КОЗЛОВА Л.А. (Барнаул, Россия) Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции	899
КОНОНЕНКО И. (Варшава, Польша) Кросскультурная коммуникация и трудности перевода: корпусное исследование	926
РЕМЧУКРВА Е.Н., НЕДОПЁКИНА Е.М. (Москва, Россия) Трудности перевода русской классики: роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английском и французском языках	945
НЕЛЮБОВА Н.Ю., СЕМИНА П.С. (Москва, Россия), Виталия КАЗЛАУСКЕНЕ (Вильнюс, Литва) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок)	969
ПИОТРОВСКАЯ Л.А., ТРУЩЕЛЁВ П.Н. (Санкт-Петербург, Россия) Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов.....	991
ЧЕСНОКОВА О.С., РАДОВИЧ М. (Москва, Россия) Катоиконимы стран Тихоокеанского Альянса: морфологическое и семантическое варьирование.....	1017
Рецензии	
Anna GLADKOVA (Мельбурн, Австралия) Рецензия на книгу Sadow, Lauren, Bert Peeters, and Kerry Mullan (eds.). 2020. <i>Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 3. Minimal English (and beyond)</i> . Singapore: Springer	1049
КАРАСИК В.И. (Москва, Россия) Рецензия на книгу: Леонтович О.А., Гуляева М.А., Лунёва О.В., Соколова М.С. <i>Позитивная коммуникация</i> . – Москва: Гнозис, 2019. 295 с. ISBN 978-5-94244-072-5.....	1055

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-743-773

Research article

Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland

Monika KOPYTOWSKA¹ and Radosław KRAKOWIAK²

¹ University of Lodz

Lodz, Poland

² Impuls Travel

Warsaw, Poland

Abstract

Lockdowns and other counter-measures introduced by governments around the globe in the aftermath of the outbreak of coronavirus dealt a serious blow to tourism and the hospitality industry. Faced with bankruptcy and closure, tourism-related businesses raised the alarm and called for government support, which in turn triggered numerous comments from online audiences. Focusing on such online discourses and the incivility they abound with, the present article aims to address various aspects of the interface between the crisis, online communication and social polarization, as well as the constitutive and constituted nature of discourse. We bring under scrutiny the response of the online public to appeals from the tourism industry, working on the assumption that these Internet comments, in terms of content and form, have been considerably shaped by three factors, namely (1) public perception of the tourism industry, (2) culture-related emotionality patterns, as well as (3) techno-discursive design and the resulting dynamics of communication within cyberspace. Adopting the Media Proximization Approach (MPA), together with the CDA perspective on discourse and representation, and drawing on insights from studies on online communication we analyze and discuss the corpus of online comments (53,043 words) following 21 articles on the crisis within the tourism industry in Poland published between 6 March and 23 June 2020. Our findings show that the response of the online public, which is predominantly negative and at times hostile, reflects the socio-political polarization in Poland, enhanced by the sense of threat to life and health as well as the scarcity of resources. Cyberspace and its technological affordances considerably affect solidarity and disunity dynamics through representational and interpersonal proximization, enabling creation and perpetuation of stereotypes along with values and emotions. Acting as proximization triggers, nomination, predication and argumentation strategies both reflect and shape knowledge and axiological preferences, which constitute an integral part of the construction of social reality.

Keywords: *online discourse, online incivility, cyberspace, Media Proximization Approach, COVID-19, tourism industry*

For citation:

Kopytowska, Monica & Radosław Krakowiak. 2020. Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 743–773. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-743-773

Невежливость в интернете на фоне Covid-19: социальная разобщенность и неверные представления о туристической индустрии в Польше

Моника КОПЫТОВСКА¹ и Радослав КРАКОВЯК²

¹ Лодзинский университет

Лодзь, Польша

² Туристическое агентство Impuls Travel

Варшава, Польша

Аннотация

Самоизоляция и иные ограничительные меры, введенные по всему миру после вспышки коронавируса, нанесли серьезный удар по индустрии туризма и гостиничному бизнесу. Туристические компании, столкнувшиеся с банкротством и последующим закрытием, выразили обеспокоенность и призвали власти оказать им поддержку, что, в свою очередь, вызвало многочисленные комментарии в сети. В данной статье анализируются подобного рода онлайн-дискурсы и многочисленные проявления невежливости, рассматриваются различные аспекты взаимосвязи между кризисом, онлайн-коммуникацией и социальной поляризацией, а также между конститутивной и конституируемой природой дискурса. Мы внимательно изучили реакцию онлайн-аудитории на обращения туристической индустрии исходя из предположения, что эти интернет-комментарии с точки зрения формы и содержания в значительной степени сформированы тремя факторами, а именно (1) общественным восприятием туристической индустрии, (2) культурно-эмоциональными особенностями, а также (3) технодискурсивным дизайном и соответствующей динамикой коммуникации в киберпространстве. Опираясь на концепцию проксимизации в СМИ, положения критического дискурс-анализа и результаты исследований онлайн-коммуникации, мы проанализировали корпус онлайн-комментариев, состоящий из 53043 слов, и 21 статью о кризисе туристической индустрии Польши за период с 6 марта по 23 июня 2020 года. Наши результаты показали, что реакция онлайн-общественности, которая является преимущественно негативной, а иногда и враждебной, отражает социально-политическую поляризацию в Польше, усиленную ощущением угрозы жизни и здоровью, а также нехваткой ресурсов. Киберпространство и его технологические возможности существенно влияют на динамику как солидарности, так и разобщенности через репрезентативную и межличностную близость, позволяющую создавать и закреплять стереотипы наряду с ценностями и эмоциями. Выступая в качестве инструментов проксимизации, стратегии номинации, предикации и аргументации отражают и формируют знания и аксиологические предпочтения, которые играют важную роль в конструировании социальной реальности.

Ключевые слова: интернет-дискурс, невежливость в интернете, киберпространство, концепция проксимизации в СМИ, COVID-19, туристическая индустрия

Для цитирования:

Kopytowska M., Krakowiak R. Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 743–773. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-743-773

1. Introduction

The outbreak of coronavirus disease (COVID-19) has affected the world like nothing else in recent history, triggering serious economic crises around the globe

and significantly transforming transport and communication dynamics in all possible respects. Lockdowns and related restrictions have put a strain on one of the basic human needs, “compulsion of proximity” (Boden and Molotch 1994: 258, 277) or the need to achieve a state of co-presence (Kopytowska 2015a: 138). In view of closed borders, travel restrictions, cancellation of flights and public events, not to mention home quarantine and emphasis on social distancing, Urry’s (2002) observation that people aim for proximity within three dimensions – with other people in face-to-face interactions, with unique locations in face-to-place interactions, and with special events in face-to-moment interactions – has acquired a new meaning. And, so have “mediated proximity and co-presence”.

The present article aims to address various aspects of the interface between the pandemic triggered crisis, social (dis)unity and online communication. Specifically, it focuses on online discourses concerning the critical situation of the tourism industry in Poland and on public response to calls for government financial help coming from that sector. This response – overwhelmingly hostile and negative – has, as will be demonstrated, three underlying causes: (1) public perception of the tourism industry and professionals working in it, (2) culture-related emotionality patterns characteristic of Polish people, and (3) “the techno-discursive design” of online media (KhosraviNik 2014, 2017b, 2018) along with communicative dynamics within cyberspace. These three focal points entail bringing in a number of concepts, assumptions and hypotheses from both Critical Discourse Studies and research on online communication and identity, in particular in times of threat and crisis. The Media Proximization Approach (Kopytowska 2013, 2015a, 2015b, 2015c, 2018a, 2018b, forthcoming) with notions of proximity and distance at its core will also be adopted here to explicate online incivility, along with stereotyping and discursive construction of us vs. them. Following Fairclough and Wodak (1997: 273), we work on the assumption that three broad domains of social life, namely representations of the world, social relations between people, and personal identities, are constituted discursively. In our case this discursive construction will concern the crisis related to the Covid-19 pandemic, professional identities of tourism industry employees and how they are perceived by others, as well as the process of social polarization in the event of health and economic threat.

The tourism industry has been chosen as our focus for several reasons. Firstly, it is the sector which has been most seriously affected by the pandemic along with the resultant lockdowns and travel restrictions. Secondly, despite the fact that the impact of Covid-19 on this industry has been discussed in the recent literature, there are no studies which would address the question of how this particular sector is perceived by the public and represented in online discourses. While interactions with tourism professionals or tourism related discourses such as advertising, reviews, etc. have been analyzed within Critical Discourse Studies or pragmatics, discursive representation of tourism professionals has not been the subject of scholarly attention. The present study fills in this gap by identifying patterns of, and motivations behind online incivility directed at the tourism industry professionals

and explaining hostility towards them in the context of the Polish socio-political reality and culture-related “emotionality patterns” (Lewandowska-Tomaszczyk 2013, 2017c, 2020).

Data-wise, we will examine the corpora comprising comments following online articles on the crisis within the tourism industry in Poland published between 6 March and 23 June 2020. The analysis is mostly qualitative in nature, though Sketch Engine was used to compile and annotate the corpus and its concordance tool was used to analyze selected lemmas in relation to their immediate context.

2. Cyberspace, proximization and online incivility

“Technologies of the participatory web” (KhosraviNik and Unger 2015) have changed both the process of communication and those who participate in it. As posited by the Media Proximization Approach (MPA) “distance” in all its dimensions, along with “distance-related operations” have been at the core of this process of transformation (Kopytowska 2013, forthcoming). Stemming from Chilton’s Discourse Space Theory (DST) (2004, 2005, 2010, Deictic Space Theory in 2014) and Cap’s (2006, 2008, 2010, 2013, 2017) STA model, MPA shares their assumption that distance-related operations, which consist in bringing closer (proximizing) selected aspects of reality, are likely to affect the perception of the audience members. However, while acknowledging the role of the performative potential, of language in distance reduction, MPA argues that proximization not only between selected aspects of reality and the audience (representational dimension) but also between members of the audience (interpersonal dimension) is possible thanks to “technological affordances” (Hutchby, 2001) of the media (Kopytowska forthcoming). Inextricably connected with “communicative deterritorialization” (Hepp 2013: 108), the cognitive and discursive nature of the proximization process enables both co-presence and mediated experience (Kopytowska 2013, 2015a, 2015b, 2015c, 2018a, 2018b), satisfying in this way the already mentioned human “compulsion for proximity” (Boden and Molotch 1994: 258, 277).

Assuming the performative potential of language and its role in assigning “status functions” and “deontic powers” (Searle 1995, 2006, 2010), along with the constitutive potential of discourse (Fairclough and Wodak 1997), MPA posits that media affordances and “distance work” enabled by them play a crucial role in all these processes. Language itself has the “capacity to transcend the ‘here and now’” (Berger and Luckmann 1991/1966: 40), to induce presence of “a variety of objects that are spatially, temporally and socially absent” (1991/1966: 64), but with the technological affordances of the media individuals can “access” other individuals, places or events out there in the world. Not only can these “accessed” entities be spatially distant (spatial proximization), but they can also be proximized from the past or from the future (temporal proximization). Proximization can thus involve bringing closer (to media users) various aspects of reality (representational dimension of proximization),

but also, thanks to “the techno-discursive design” (KhosraviNik 2014, 2017a, 2017b, 2018) of the online media, engaging these users in interaction with other users (interpersonal dimension of proximization).

Media users’ knowledge concerning the events and phenomena referred to in online discourse can be discussed in terms of epistemic distance. The less people know about something and the less they understand it, the greater the distance. To reduce it, one will have to refer to his or her (or other users’) previous experience or knowledge of similar events. Generalizations, stereotypes, and simplifications on the one hand, and particular illustrative examples on the other will enhance epistemic proximization. In the case of digital communication, anonymity and the resulting lack of accountability for one’s words, will make people more likely to rely on mental shortcuts and simplistic judgements (Tetlock 1983), which, we argue, will have a cumulative effect.

Axiological distance, concerning differences in cultural values, beliefs and practices, involves the opposition of “us” versus “them”, or “us” versus the “Other”. Such opposition will gain particular prominence in view of threat or scarcity of resources (Duckitt 2006), which is what we call “axiological urgency” (Kopytowska 2015b, forthcoming). Lewandowska-Tomaszczyk (2020: 263) links hatred to “value and belief conflict, which is rooted in situations perceived by the individuals involved as disadvantageous to their own wellbeing”, pointing to either “scarcity of certain resources or a threat concerning the users’ status and position”. Within cyberspace, as posited by the Social Identity Model of Deindividuation Effects and related approaches, the perceived sense of anonymity is likely enhanced in-group identity among the users, making them more prone to stereotyping and dismissing opinions of those they consider members of the out-group (Lea and Spears 1991, Postmes, Spears and Lea 2002). Granted that the Internet facilitates and enhances the creation of “filter bubbles and echo chambers” (KhosraviNik 2017a: 64), where similar attitudes, ideas and beliefs are confirmed and amplified, “axiological preferences” (Kopytowska forthcoming) will be both the point of departure and the factor shaping the dynamics of online interactions.

Being about the affective involvement of media users, emotional distance is highly dependent on all the other distance dimensions. In the case of online discourses, both interactivity and anonymity will considerably affect the process of distance reduction here (emotional proximization). Tadic et al. (2013) write about “bursts of emotional messages that involve many users”, while others discuss the affective potential of cyberspace, with anonymity as a key factor, in the context of online incivility (Halpern and Gibbs 2013, Lewandowska-Tomaszczyk, 2015, 2017, 2020, KhosraviNik and Esposito 2018, Kopytowska, Grabowski and Woźniak 2017, Kopytowska, Woźniak Grabowski 2017, Kopytowska forthcoming). Following Tice et al. (2001), Lewandowska-Tomaszczyk (2017c: 350) points to a correlation between intense negative emotional states and self-control. Additionally, states of anger and disgust, she observes (*ibid.*), decrease the processing depth and increase referencing to stereotypes. In this way we can see

that not only lack of accountability (Santana 2014, Hardaker and McGlashan 2015: 82), but also negative emotions have impact on the proliferation of stereotypical and simplistic judgements (Lewandowska-Tomaszczyk 2017c, 2020). Likewise Kopytowska, Grabowski and Woźniak (2017: 68), we argue that “discursive spiral of hate” is the consequence of not only anonymity, but also interactivity patterns, both involving distance work (proximisation). Being anonymous, the perpetrator of online aggression can relieve frustrations and negative emotions. Importantly, he or she is often supported by others who join in with similar views, fears and ideologies (Kopytowska 2017).

In addition to the techno-discursive design of the media and technological affordances-related proximizing potential, there are cultural factors at play too. Research on cultural emotionality patterns in the context of digital communication by Lewandowska-Tomaszczyk (2017a, 2017b, 2017c, 2020), along with comparative studies on conceptualising and expressing emotions in different cultures by Lewandowska-Tomaszczyk and Wilson 2013, 2014, 2016) shed new light on the culture-emotionality-communication interface and the implications it has for online verbal aggression. Lewandowska-Tomaszczyk (2020: 255–256) points to the higher expressivity of emotion in Polish culture resulting in greater online incivility. She links it with “higher emotionality expressiveness index”, observing that “the structure of argument in the Polish context typically exhibits very high emotionality, often leading to moral judgments of an antagonistic type, irrespective of the type of discourse” (2020: 268). What she also emphasizes, however, is the role of the socio-political context: “Polish history, with its experience of a long fight for independence against foreign occupying forces, conditions a more negative attitude, comprising stronger emotions of fear and distrust not only towards the ‘Others’, but also toward one another within the society. Today, hate speech is also a sign of current conflict escalation and radicalization of attitudes and behaviours, triggered by disgust and fear scenarios” (Lewandowska Tomaszczyk 2020: 285–286).

Indeed, antagonistic attitudes towards the “Others” can be traced back to events in the country’s history, but also should be linked to increasing polarization of the society. Conceptualized predominantly as division between supporters of the Law and Justice Party (PiS) and the Civic Platform (PO) such social polarization has been successfully enhanced by the media and politicians on both sides of the political scene. What is relevant to our analysis is the fact that, on coming to power, the Law and Justice Party brought forth the notions of national pride, along with the role of tradition, values, religion, and, most importantly, focus on “ordinary Poles”. This was captured very well by Beata Szydło, former Prime Minister of Poland who said: “We are a government that represents ordinary Poles. We are not a government of the elites and our main priority is ensuring that every citizen feels they are living a dignified life and have the right of self-determination”.¹ Such a juxtaposition

¹ <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/prime-minister-beata-szydlo-in-the-sejm-the-law-and-justice-government-is-a-government-of.html>

between “ordinary Poles” and “the elites”, along with views and values attributed to both groups, made its way from political and media discourses to collective imagination and emotions.

Social disunity and strong emotional arousal had their manifestations in online discourses surrounding the 2015 refugee crisis (Kopytowska, Grabowski and Woźniak 2017, Kopytowska, Woźniak and Grabowski 2017). While at that time divisive fear was associated with the “Other” coming from the outside and perceived (and constructed by media and politicians) as posing a threat in both a symbolic and a physical sense (Baider and Kopytowska 2017, see also Cap 2018a, 2018b, Larina et al. 2019), in the case of Covid-19 it was anxiety due to health- and life-threatening pandemic, general uncertainty, and scarcity of resources that led to tensions and social divisions visible in our data.

3. Tourism, media and COVID-19

Nothing in the history of communication has shown the potential of proximization to the extent that online interactions within cyberspace do. During the time of the pandemic, it has enabled proximity with other people in mediated face-to-face interactions, but also proximity with events and with places, to recall Urry (2002) again. With its immediacy, intertextuality, connectivity and interactivity, the Internet made the experience of crossing time and space boundaries even easier.

But the interface of tourism and media started attracting scholarly attention much earlier. Already in 1985, linking “post-tourism” to mediated experience, Feifer saw post-tourist as a traveller who largely travels in front of the TV screen and through travel magazines, “consuming” places without being physically mobile. In her words, “[a]s the McLuhanesque global village of communications media gets bigger and more elaborate, the passive functions of tourism (i.e. *seeing*) can be performed right at home, with video, books, records, TV” (ibid.:269). Researchers have thus discussed the role of media, in particular new media, in transforming both travel practices and perceptions of “others” and tourist destinations. While Urry (1995: 166) pointed to the impact of “massive amounts of mobility” on social identities, Shakeela and Weaver (2014) argue that social media are revolutionizing the way in which destinations are being portrayed and perceived. In the words of Urry (1990: 100), “the typical tourist experience is...to see named scenes through a frame, such as the hotel window, the car windscreen or the window of the coach”. Mass-mediated encounters, for example through the frames of social media, have added yet another dimension to this “tourist gaze” as defined by Urry (1990), bringing in new constitutive potential of both media representations and discursive practices. The social implications of the former, we argue, have been inextricably linked to changing dynamics within the latter. The growing number of prosumers of media images has vastly expanded the potential impact of media representations, in both qualitative and quantitative terms.

Researchers have discussed representations of people, places and tourism-related practices along with their social impact. These have been, for example, stereotypical representations of Japanese tourists (Beauregard 1999), representations of Indonesian rural destinations in Australian online and offline media (Murti 2020), British print media coverage of South Africa (Hammett 2014), social media users' representations of particular tourist destinations (Zhao et al. 2018), as well as re-conceptualisations of gambling tourism in Macau (O'Regan et al. 2019), Korean American community newspapers' representation of risks and benefits involved with medical tourism (Jun and Oh 2015), or even representations of "overtourism" in the online news media (Pasquinelli and Trunfio 2020). In the context of the Covid-19 pandemic the role of media has been discussed with respect to the impact of misleading media coverage on Chinese individuals and China, and possible implications for tourism marketing and tourist behaviour during times of crisis (Wen et al. 2020, see also Zhang and Xu 2020).

As already mentioned, however, representations of tourism industry professionals have not been the focus of attention. Yet, as we will attempt to demonstrate, these become particularly relevant when we look at online media discourses from the point of view of their socially constituted and constitutive nature. Not only do they reflect public perceptions of particular groups, problems, and phenomena, but they also contribute to shaping these perceptions further by perpetuating stereotypes and disseminating portrayals of, for example, these groups.

4. Analysis

4.1. Background

The Covid-19 pandemic and travel restrictions that came along with it have affected global tourism in multiple ways (Lew et al. 2020, Gursoy and Chi 2020). Authors have discussed the impact of Covid-19-induced change in touristic flows on countries' economies and natural environment (Dube et al. 2020, Lenzen et al. 2020). One of the consequences of this change in travel dynamics has been a greater orientation of tourism sectors towards local communities (Lapointe 2020, Tomassini and Cavagnaro 2020).

On 15th March 2020, Polish international air passenger and rail connections were suspended. Temporary border controls were introduced at all Polish borders and only Polish citizens and workers were allowed to enter the country, with a fourteen-day quarantine period upon arrival. Public gatherings and events with more than fifty participants were banned. On 24th March 2020, Polish Prime Minister announced the introduction of new restrictions, including a ban on movement and travel, which came into force one day later. Restrictions were lifted gradually starting with 20th April 2020. On 31st anti-crisis shield 1.0. was adopted by the Polish government and entered into force on the same day. Anti-crisis shield 2.0. and anti-crisis shield 3.0. entered into force on 18th April and 16th May 2020, respectively. A law concerning further amendments was passed on 19th June 2020

and entered into force on 24th June 2020. The main objective of these anti-crisis packages was the protection of employment and maintaining financial liquidity of companies. Relief for the tourism industry offered within these laws included the extension of the deadline for reimbursement of customer payments and opportunity for customers to use vouchers for the realization of a tourist event within a year of the day on which the event was to be cancelled due to the Covid-19 pandemic.

4.2. Data and methodology

To investigate incivility targeted at professionals from tourism industry in the context of Covid-19 pandemic we examined a corpus of online comments (53,043 words). The comments followed articles on the crisis within the tourism industry in Poland published online between 6th March and 23rd June 2020. We used Google search as well as in-built search engines on particular news websites in order to identify – by keying in the search word *branża turystyczna* ‘tourism industry’ and *turystyka* ‘tourism’ – and subsequently retrieve relevant articles. Only the articles discussing the situation in Poland in the context of crisis in this sector and only those followed by comments were selected. In this way we compiled a corpus of articles (11,371) and comments (53,043 words). Both corpora were tagged and parsed using Sketch Grammar for Polish developed on the basis of the tagset of the IPI PAN Corpus of Polish implemented into the Sketch Engine software (Kilgarriff et al. 2014). The Sketch Engine Concordance and Word Sketch tools were used to analyze selected lemmas in relation to their immediate context. Using the Keywords tool and the corpus with articles as reference corpus we identified terms (multi-word items) in the corpus of the Internet users’ comments. In this way we could see what was particularly salient in the latter corpus.

In order to identify perceptions of the tourism industry and professionals working in it among Internet users we identified referential, predicational and argumentation strategies. Since these are involved in the positive self- and negative other-representation (Reisigl and Wodak 2001: 44), we assumed that their function will be two-fold. Firstly, they will act as proximization triggers making certain aspects of discursively represented events or groups more salient. In this way they will both reflect and potentially shape public perceptions. Secondly, they will be conducive to online incivility due to their “emotive effects” (Hart 2010: 63).

Referential strategies, which are used to construct and represent social actors, consist in identifying persons and groups by naming them (Reisigl and Wodak 2001: 45). As our focus is incivility and negative representations leading to polarization, we will be particularly interested in derogatory terms and the use of deixis. Predicational strategies, aimed at labelling social actors “more or less positively or negatively, deprecatorily or appreciatively”, involve “stereotypical, evaluative attributions of negative or positive traits in the linguistic form of implicit or explicit predicates” (ibid.). Such attributions are then justified through topoi “described as parts of argumentation that belong to the obligatory, either explicit or inferable, premises” (pp. 74–75). Several topoi will be relevant to our discussion.

These include: the *topos of advantage or usefulness* (“if an action under a specific relevant point of view will be useful, then one should perform it”), the *topos of uselessness/disadvantage* (“if existing rulings do not help to reach the declared aims they have to be changed”), the *topos of danger or topos of threat* (“if there are specific dangers or threats, one should do something against them”), the *topos of justice* (“if persons/actions/situations are equal in specific respects, they should be treated/dealt with in the same way”), the *topos of finances* (“if a specific situation costs too much money or causes a loss of revenue, one should perform actions that diminish the costs or help to avoid the loss”), the *topos of reality* (“because reality is as it is, a specific action/decision should be performed/made”), and the *topos of abuse* (“if a right or an offer for help is abused, the right should be changed or the help should be withdrawn or measures against the abuse should be taken”) (Reisigl and Wodak 2001: 75-80). From the perspective of MPA topoi will be particularly important as both triggers and effects of epistemic proximization (explaining why), and in consequence axiological and emotional proximization (moral/value judgements and emotions associated with these explanations). As already mentioned, in order to create a sense of axiological urgency, for example, one needs first to make more cognitively and effectively salient the notion of threat to or, at least, incompatibility with “our” values.

4.3. Construction of crisis in tourism industry in the articles

While the corpus of articles on the crisis in the tourism industry is not the main focus of our analysis, it seems relevant to see how the crisis in this particular sector is discursively constructed, especially in view of the fact that, as argued by Kopytowska (2013, 2015a, Kopytowska, Grabowski and Woźniak 2017) keywords and other discursive devices used by the authors of the articles are likely to act, partially at least, as proximization triggers, for the audience, making selected aspects of discursively represented problems, events or groups more salient and thus cognitively and affectively accessible.

Out of twenty-one headlines (see Appendix 1) twelve focus on crisis and losses in the tourism industry due to the coronavirus pandemic, using phrases like “crisis hits tourism”, “losses in tourism”, or “travel agencies on the brink of bankruptcy”. To convey the seriousness of the situation a metaphor TOURISM IS A SICK PERSON is used in one of the headlines: *Turystyka na OIOM-ie* (‘Tourism in ICU’). In the context of the pandemic the metaphor is likely to act as a strong epistemic and emotional proximization trigger, as also is phrase “crisis kills tourism” used in one of the headlines.

Seven headlines concern government help for tourism industry, focusing either on those who demand aid (e.g. *Hotelarze z Kołobrzegu chcą pomocy państwa* (‘Hotel owners from Kołobrzeg demand government aid’), or steps taken by the government, e.g. *Sztab kryzysowy dla turystyki. Ministerstwo przygotowuje pakiet pomocy dla branży* (‘Emergency meeting for tourism. Ministry prepares aid package for industry’). Clients’s cancellations [*Biznes: Po słowach ministra*

wzrosła liczba rezygnacji z wyjazdów [‘Business: After Minister’s announcement the number of cancelled trips has increased’]) and refunds for clients (*Koronawirus. Możliwe zwroty za imprezy turystyczne* [‘Coronavirus. Possible refunds for tourist events’]) are the subject of two headlines.

To create immediacy present tense is mostly used in the headlines. Future tense, however, is also applied when journalists are making speculations about the future, thus presenting certain events as imminent (temporal proximization). Numbers, usually related to losses, are meant to convey the scale of the crisis (epistemic proximization) but also have an effect on emotions (emotional proximization).

In the corpus with articles the concordance tool generated 74 concordances with the word *turystyka* (‘tourism/tourism industry’), while the word sketch analysis for the lemma generated the following modifiers: *krajowa* (‘domestic’) (6), *wyjazdowa* (‘outbound’) (4), *światowa* (‘world’) (4), *zagraniczna* (‘foreign’) (3), *polska* (‘Polish’) (2), *zorganizowana* (‘organized’) (1), *rejestrowana* (‘registered’) (1), *przyjazdowa* (‘inbound’) (1), *korporacyjna* (‘corporate’) (1), *biznesowa* (‘business’) (1), *europejska* (‘European’) (1), and *międzynarodowa* (‘international’) (1).² Individuals or entities from tourism industry cited or referred to include: *branża turystyczna* (‘tourism industry’) (113), *hotelarze* (‘hotel owners’) (9), *biura podróży* (‘travel agencies’) (57), *przewodnicy* (‘tour guides’) (9), *piloci wycieczek* (‘tour leaders’) (9), *tour operatorzy* (‘tour operators’) (2), *przedsiębiorcy* (‘enterpreneurs’) (28), *przedsiębiorstwa transportowe* (‘transport companies’) (9), *Piotr Henicz, wiceprezes biura ITAKA, wiceprezes Polskiego Związku Organizatorów Turystyki* (‘Piotr Henicz, vice president of ITAKA travel agency, vice president of the Polish Association of Tourism Organisers’) (14). There is also a group of words related to a dramatic situation in the industry and measures taken: *kryzys* (‘crisis’) (45), *straty* (‘losses’) (38), *upadek* (‘collapse’) (5), *bankructwo* (‘bankruptcy’) (5), *pomoc* (‘aid/help’) (34), *pakiet* (‘package’) (6). These are important because they will act as triggers evoking particular responses, involving both judgements (axiological dimension), examples and stereotypes (epistemic dimension) used to substantiate these judgements and suggested measures and, in consequence, emotions (emotional dimension).

4.4. Construction of tourism industry and professionals in the comments

Multi-word analysis with article corpus as reference corpus provides some interesting insights as regards individuals, entities, and problems that became particularly salient in commenters’ discourses. These include: *biura podróży* (‘travel agencies’) (34), *nasze podatki* (‘our taxes’) (6), *ta branża* (‘this industry’) (4), *piloci wycieczek* (‘tour leaders’) (9), *swoje mercedesy* (‘their Mercedes cars’) (3), *szary obywatel* (‘average citizen’) (4), *zbiór truskawek* (‘collecting strawberries’) (4). Among top 50 keywords, in turn, we will find: *branża*

² The number of occurrences of each word is provided in round brackets.

(‘industry’) (224), *turyści* (‘tourists’) (56), *przedsiębiorcy* (‘enterpreners’) (36), *wycieczki* (‘trips’). The use of the Sketch Engine Concordance tool allowed us to examine the context in which these terms were used, which became a starting point for further qualitative analysis.

While comments are predominantly negative, and at times even hostile, in their assessment of the crisis, tourism industry workers as well as potential financial support, various arguments are provided by commenters and various images of tourism professionals are constructed.

The predominant image of work in the tourism industry is that the job is neither “real” nor “honest”. A number of referential and predicational strategies are employed to undermine the professional status of this group, either explicitly or implicitly. Tourism professionals are referred to as *cwaniacy* (‘clever dodgers’) (11) and *złodzieje* (‘thieves’) (7):

(1) *Tak jest pogonić cwaniaków.* [Yes, let’s do away with these **clever dodgers**.]

(2) *Usłyszeli cwaniaki, że urlop w kraju, to podnieśli ceny.* [**Clever dodgers** heard that holidays will be spent inside the country and they increased the prices.]

(3) *Głównie to wyzyskiwacze, oszuści i złodzieje.* [These are mainly **exploiters, frauds and thieves**.]

(4) *W ogóle mi ich nie żal. Niech plajtują jeden po drugim, złodzieje.* [I don’t feel sorry for them at all. They, **thieves**, should go bankrupt one by one.]

What they do is implicitly put in opposition to a job considered the “proper” job. This is achieved by the verb *weźcie się do* (‘get [a job]’) in the imperative mood used with nominal phrases including such adjectival modifiers as *normalna* (‘normal’) (5), *uczciwa* (‘honest’) (4), *konkretna* (‘meaningful’) (1):

(5) *Ja też bym k... chciał żyć cudzym kosztem, weźcie się do konkretnej pracy i podejmijcie pracę która jest ludziom potrzebna do przeżycia.* [F..., I’d also want to live at somebody else’s expense, **get a meaningful job**, a job that people need to survive.]

(6) *1000 przewodników w Krakowie? Noo to już przesada... Weźcie się do uczciwej roboty a nie spacerować po mieście z wycieczkami za grube pieniądze.* [1000 tour guides in Cracow? Come on... **Get an honest job** instead of walking around with groups and earning big money for it.]

(7) *Człowieku weź się do roboty normalnej a nie z łapami do Państwa, a jak były zyski to oddawałeś więcej Państwu? Nie. Więc teraz wiesz co masz robic.* [Man, **get a normal job** instead of holding your hands out to the State, when you had profits did you give back more to the State? No. So now you know what to do.]

The owners of travel agencies are explicitly or implicitly characterized as *chciwi* ('greedy') [8], a trait which is illustrated with various examples concerning investing money [8], earning good money [9], raising prices [10] and not saving money [11]. Clauses of purpose are used to attribute negative intentions and motives [8, 10].

(8) *"Biura podróży proszą o pomoc." Teraz chcą biura pomocy, chciwi właściciele biur podróży **pokupili drogie autokary** w leasingi żeby nie płacić podatku dochodowego wykazywać straty a teraz utopili się we własnym moczu.* ["Travel agencies are asking for help." Now the agencies want help, **greedy owners of travel agencies leased expensive coaches** to avoid paying income tax show losses and now they have drowned in their own urine.]

(9) *W d... mam te płacę ze im się wycieczki nie sprzedają! **Przyzwyczaili się do koszenia kasy latami** a teraz pierwsi wyciągają łapę bo im nie idzie! Mi nikt nie pomaga gdy mam gorsze miesiące w biznesie.* [I don't give a f... about their cries that their trips are not selling! They **got used to making it big for years** and now they are the first to hold out their hands when business isn't going too well! Nobody helps me when my business is down.]

(10) *Nie należy wspierać tej branży szczególnie biur podróży. Proponują zmianę terminu na jesień, ale za dopłatą. **Celowo podnoszą cenę na jesień, aby trzeba pokryć dopłatę. ONI NIE Zachowują się uczciwie.*** [We should not support this industry in particular travel agencies. They suggest postponing the trip till autumn but at an extra cost. They **intentionally raise autumn prices** to make you pay extra. **THEY DO NOT behave honestly.**]

(11) *Jak **łupili turystów** na każdym kroku to było dobrze? **Mogli odkładać na gorsze czasy.*** [When they overcharged tourists on every occasion it was okay? They could have put the money aside for worse times.]

Work in the tourism industry is associated with earning good money, which is what evokes commenters' envy, anger and frustration. The *topos of justice* comes to the surface here with two sets of arguments. Firstly, everybody should be equal, which is understood as "should work equally hard and with similar effects" [9, 12]. This is visible in statements like "I am and so should X" or "X should experience what Y does". Secondly, if someone was in a more privileged position for years, they should be held accountable for that and they do not deserve any help now [9, 11].

(12) *Jasne. **A wcześniej obracali milionami.** Jeśli tak im zle, zapraszam do magazynu za 2700 brutto jak wielu moich znajomych.* [Sure. **And earlier they made millions.** If they feel that their situation is so bad, they are welcome to work in a warehouse for 2700 gross as many of my friends.]

As already mentioned, tourist professionals are perceived (and referred to) as thieves and frauds. Several different reasons are provided here including the high prices of tourist services, lack of receipts for certain services, clients' money lost

due to travel agencies' bankruptcies, as well as dissatisfaction with the services provided.

(13) *Branżę turystyczną. Hahaha. Raczej brnza ZŁODZIEJI! Żadnych paragonów nie wystawiają, ceny kosmos dla milionerów. Żeby zwykły szary obywatel nie mógł pojechać nad morze czy w góry i pokazać kawałek Polski swojemu dziecku bo go nie stać. Co za absurd, że taniej jest 3 czy 4 tys km z tad gdzie zawsze jest pogoda? Jesteście złodziejami i tyle! Przestańcie płakać w końcu. Obniżcie ceny ro wszyscy przyjadą!* [Tourism industry. Hahaha. Rather **the industry of thieves**. They give no receipts, prices are exorbitant. How come that an average ordinary citizen cannot go to the seaside or to the mountains and show a piece of Poland to his child because he cannot afford it. It is absurd that it is cheaper 3 or 4 thousand kilometers away where there is always a good weather? **You are thieves**. Full stop. Stop crying. Lower the prices and people will come!]

(14) *... to nieroby naciągacze i oszusty, zbierają kasa na wycieczki a potem sie okazało że nie opłacili Hotelu i nie opłacili obiadków bo kasa znika kilka razy dio roku w tej branży !!!* [These are **slobs, tricksters and frauds**, they take money for trips and then it turns out they haven't paid for the hotel and food because money disappears a few times per year in this industry!!!]

(15) *nie żałuję ich, tak zwani touroperatorzy, wszelkie biura podróży z tymi wielkimi niemieckimi na czele to banda oszustów, nigdy rzeczywistość nie zgadza się z tym co podają na swoich stronach czy katalogach, w zeszłym roku byłem na Krecie w hotelu 5 stars, wszystko się zgadzało z wyjątkiem opisu plaży, miała być piaszczysta, była kamienista z takimi kamieniami w morzu przy brzegu, że mój 10 letni syn nie mógł sam pokonać tej rafy, żeby potem popływać w morzu (a pływa dobrze) itd. to było z TUI, ostatni raz dałem się nabrać.* [I don't feel sorry for them, the so-called tour operators, any travel agencies including the big German ones are **a pack of frauds**, reality never matches what they put on their websites or in catalogues, last year I was in Crete in a 5 star hotel and everything was okey except the beach, it was supposed to be sandy and was pebbly instead with such stones in the sea and on the shore that my 10 year old son could not go over that reef to swim in the sea (and he swims well) etc. it was TUI, and the last time I had been fooled.]

(16) *Przez kilka lat jeździłem nad morze i nigdy nie dostałem paragonu. Jesteście ZŁODZIEJAMI!! Tak, nieplacenie podatków to jest złodziejstwo! Dlaczego to jest tolerowane?* [For some years I used to go to the seaside and I never got a receipt. **You are THIEVES!!!** Yes, not paying taxes is thievery. Why is it tolerated?]

Several observations can be made in connection with the above examples [13–16]. Firstly, we have to do here with the fallacy of “hasty generalization” or *secundum quid* (Reisigl and Wodak 2001: 73), where personal experience with the provider of particular services becomes the basis for judgement concerning the whole industry resulting in the use of derogatory terms. Secondly, tourism industry professionals are blamed for high prices in the services which, in view of some

commenters, an “average Polish citizen” cannot afford [13]. What already can be seen here is an implicit opposition between allegedly affluent tourism professionals and the rest of the society, illustrated with examples mentioning cars as status symbols [18, 19]. Such status symbols stand metonymically for luxury and wealth attributed to this group (as already mentioned, “their Mercedes cars” was among multi-word terms salient in the corpus with comments). When juxtaposed with the image of holding out hands for financial help they evoke anger, envy and contempt. The latter is also visible in implicit questioning of the moral values of this group by associating it with moral laxity [18]. In [17], in turn, a strongly vulgar offensive word is used as part of referential and predicational strategies.

(17) *Wyciąganie łap tłustych hotelarzy, sqrwysyny* [Fat hotel owners are holding out their hands, **motherfuckers.**]

(18) *Biedni hotelarze będą musieli sprzedawać swoje mercedesy klasy S, porszafki, i inne fury, porzucić kochanki i kochanków bo trzeba będzie przycisnąć pasa.* [Poor hotel owners will have to **sell their S class mercedes cars, Porsche and other cars, abandon their mistresses and lovers** because they will need to cut back.]

(19) *Znam tych z turystyki!! Byle agencja a pierwszy zakup to BMW X5 lub audi A6. Z zyskami to chyba się nie dzielili.* [I know those from tourism industry!!! Any agency and **its first purchase is BMW X5 or Audi A6.** They didn't share their profits I suppose.]

Not only are the representatives of the tourism industry considered rich and undeservedly enjoying better social status than the rest of the society, but the perceived wealth and luxury they live in are attributed to “exploiting” tourists, something that is considered highly contemptible [20–24].

(20) *branża turystyczna przez ostatnie lata żyła w luksusach dzięki turystom więc mają gdzie ulokowane zyski, zamiast żebrać to trzeba uruchomić skarbonkę na ten kwartał i nie robić wstydu.* [for the last years tourism industry **lived in luxury thanks to tourists** so they have their earnings put aside somewhere, instead of begging they should use their money box for this quarter and stop being embarrassing.]

(21) *Wyją krezusi wypasieni na zdzieraniu skóry z rodaków* [That's a cry of **fat cats** that got fat **ripping the skin off their compatriots.**]

(22) *A jak branża turystyczna zarabiała krocie na nas, to było cicho. Wcale ich teraz nie żałuje.* [And when tourism industry **earned money on us**, they were quiet. I don't feel sorry for them at all now.]

(23) *Przez te lata nachapali się – Mają mienia, samochody, domy majątki warte MILIONY – A CO MA POWIEDZIEĆ Robotnik, który stracił pracę a na utrzymaniu rodzina, dzieci – Nie ma czym zapłacić za Mieszkanie* [For all those years **they lined their pockets** – they have property, cars, houses and fortunes worth MILLIONS – AND WHAT ABOUT **a factory worker who lost his job, has a family and children to provide for** – has no money to pay the rent.]

(24) *Windują ceny z kosmosu a teraz chcą leżeć i żeby im rząd dawał kasę. Macie miliony w na kontach a przecież nie chcieliście polskich rodzin tylko eeelllyty gościć to macie za karę dekonunktury i tyle.* [They gave exorbitant prices and now want to lie and get money from the government. **You have millions in your accounts and you didn't want to host Polish families but elites** so you have downturn in return.]

The “us” vs. “them” dichotomy is created here, not only by means of deixis (“us”) but also by putting tourism professionals in opposition to other citizens. Another frequently used polarizing juxtaposition can be seen in [24], a juxtaposition between an average Polish family and the elites. While first used in 2006 with a pejorative meaning by Jarosław Kaczyński, the leader of the Law and Justice Party (PiS), within the rhetoric of “good change” developed since then “elites” have become the synonym of the enemy of political reforms introduced by this conservative party. According to Kłosińska and Rusinek (2019: 70–72) “elites” have been typically used with modifiers like “Brussels”, “European” or “opposition” and thus portrayed as being against “real” Poles. As argued by these authors in times of “good change”, that is the rule of Law and Justice party, among politicians of this party as well as those who support it the term acquired only negative connotations. Elites started to be seen as evil, corrupt and anti-Polish (ibid. 72). Associating the tourism industry with “elites” has its axiological consequences and acts as an axiological proximization trigger. Tourism professionals become part of the “them” group not deserving support from “us”.

The parasite metaphor is used [25] to describe those employed in this sector along with other terms like “spongers” [26] and “exploiters” [27] appearing in the context of pleading for government help:

(25) *wyjątkowo pasożytnicza i droga ta branża w Polsce.* [Uniquely **parasitic and expensive industry** in Poland.]

(26) *"Tarcza nie starcza"? Dostajecie kasę za nic i jeszcze wam mało ...DARMOZJADY. Szklarnie w Holandii, maliny w Norwegii, budowy w Austrii...czekają. Narzekacze pospolici!!!!* [“Work package is not enough”? You are getting money for nothing and it is still not enough for you. ...**SPONGERS**. Greenhouses in the Netherlands, raspberries in Norway, construction sites in Austria...are waiting. You common grumblers!!!!]

(27) *przez lata trzepali kasę robiąc majątki a teraz przez trzy miesiące nagle stracili wszystko pewne JEST CHCĄ WYDOIĆ KASĘ OD PAŃSTWA to cwani wyzyskiwacze korzystając z koronowirusa!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!* [For years they **earned big money making fortunes** and now during three months they lost everything **FOR SURE THEY WANT TO EXTORT MONEY FROM THE STATE** these are **cunning exploiters** taking advantage of coronavirus!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!]

This kind of metaphor, aimed at degrading and dehumanising its target, has been, as argued by Musolff (2014), routinely used for the purpose of racial and socio-political stigmatization and legitimization of measures taken against a

particular group, including that of annihilation. In this case it is used for polarization purposes, portraying the industry as harmful to the rest of the population in a situation in which the resources of the whole nation are scarce. The negative image is enhanced firstly by the already mentioned construction of opposition “us” vs “them” and, secondly, by attributing evil intentions [27]. In other words, not only did they get money for nothing (in contrast to others working hard) before the pandemic, but they also want to exploit the system at a time when the whole country is in a difficult situation. The *topos of abuse* emerges here to justify both hostility and objection to financial support. “Why should our taxes be used to help those who do not respect Polish people and exploit both their compatriots and the state?”, seems to be the question underlying commenters’ outrage and refusal to help.

Tourism professionals are recommended to try other seasonal jobs abroad involving physical labour [26]. Work in supermarkets as a cashier is often referred to, considered to be an unskilled job which is hard and badly paid [28-30]. Commenters thus again question the “serious/real work” status of the tourism profession, which is additionally emphasized in example [30] by the phrase “You will have money from work”:

(28) *Na tych biznesmenów turystyki czekają wolne posady od zaraz: jako kasierki/-rzy w Biedronie albo Stokrotce.* [For these tourism businessmen there are vacancies to take immediately: as **cashiers in Biedronka or Stokrotka.**]³

(29) *W Biedronce ciągle przyjmują kasjerów.* [In Biedronka they are still employing **cashiers.**]

(30) *Biedronki, lidle i inne markety spożywcze potrzebują pracowników na już! Śmiało skoro brakuje pracy to do marketów na kasy i rozkładanie towaru. Kasa będzie z pracy.* [Biedronka and Lidl and other grocery stores need employees now. So off you go if there is not enough work **go to the stores to work as cashiers or to place goods on shelves. You will have money from work.**]

Alternatively, other examples of physical work are given [31] ironically mentioning “suntan” associated with this group of professionals, or using change of state verbs to trigger the presupposition that this group has not really worked so far [32]:

(31) *Branża turystyczna mile widziana przy pracach polowych, opalenizna gwarantowana.* [Tourism professionals are welcome to **work in the fields, tan guaranteed.**]

(32) *Zawiesić firmę i do pracy się wziąć.* [Suspend business and **start working.**]

³ Biedronka is the largest Portuguese supermarket chain in Poland. Initially it targeted lower-income customers. In April 2004 a TV programme broadcast by TVN Uwaga revealed that its workers were not properly paid for working overtime, which started a series of court cases.

As regards the argument about exploiting the system, commenters question pleas for government help by either challenging the professionalism of tourism-related businesses [33, 34] or referring to prices as an indicator of their income [31].

(33) *3 dni wystarczyło by były "na skraju bankructwa"? A co to za ch... firmy?! [3 days were enough to put them "on the verge of bankruptcy"? What kind of s... companies are these?!]*

(34) *To w takim razie to nie biura podróży, a piramidy finansowe, skoro chwilowy brak klientów powoduje upadek. [Then these are not travel agencies but pyramid schemes, if a temporary lack of clients leads to their demise.]*

(35) *Niech biura turystyczne przestaną płakać i nie próbują naciągnąć państwo na kasę. Gdyby faktycznie biura były w kryzysie to obniżałyby ceny ofert turystycznych a te są niezmiennie wysokie. Tak działa rynek, jest źle obniża się ceny. Czyli kryzys to bujda i próba wyłudzenia pieniędzy. [Travel agencies should stop crying and trying to extort money from the state. If indeed travel agencies were in crisis, they would be lowering prices and these are still high. This is how the market works, when the situation is bad, prices are lowered. So the crisis is a whopping lie and an attempt to extort money.]*

In addition to the already mentioned *topos of abuse* other *topoi* are referred to in order to portray tourism industry's pleas for help as unsubstantiated. One of them is the *topos of reality*: the situation is as it is and one should accept it [36, 37].

(36) *Och, straszne. Naprawdę nie trzeba być wybitnym analitykiem, aby przewidzieć, że w razie epidemii, branża turystyczne będą mniej zarabiać lub tracić. Normalne ryzyko biznesowe. [Oh, how terrible. Really, you don't need to be an outstanding analyst to predict that in the case of epidemic tourism industry will earn less or lose money. It's the usual business risk.]*

(37) *To jest biznes, raz jest gorzej raz lepiej. Zawsze można się przebranzować i być elastycznym na rynku, a nie płakać. [This is business, there are ups and downs. You can always retrain and be flexible on the market instead of crying.]*

More frequently, however, the *topos of uselessness* and *topos of finances* are employed to question the need for government help, or even the *raison d' être* of such companies (34–36).

(38) *taka branża jest nikomu do życia nie potrzebna, niech idą z torbami i nie wyciągają łap po pieniądze uczciwie pracujących [nobody needs this industry, let them go broke so that they don't hold out their hands for the money of those who work honestly.]*

(39) *a co mnie to obchodzi jakaś branża turystyczna, to nie jet potrzebne do przeżycia. [I don't care about tourism industry, it is not necessary to survive.]*

(40) *Drogi rządzie zero pomocy dla touroperatorów rynek sobie bez nich poradzi. Większość z nich to zwykle pasożyty żyjące z pośrednictwa nic nie wnoszące dla naszego kraju a wręcz przeciwnie w dobie kryzysu pomaganie im tylko osłabi gospodarkę bowiem wyprowadzi kapitał za granicę.* [Dear government, no help for tour operators **the market will manage without them**. Most of them are **ordinary parasites** living off intermediary services and contributing nothing to our country, to the contrary, in time of crisis helping them will only weaken the economy as it will take the capital abroad.]

The *topos of threat*, acting as a strong trigger of emotional proximization can also be found in the comments. Tourism is presented as the cause of the current pandemic, which has two consequences. One of them is anger addressed at the perceived culprit. Secondly, what follows logically is that in order to avert (the continuity of) the threat, one has to eliminate the factors causing it, namely tourism-related activities [41–44].

(41) *A to nie przez turystykę tak się wirus rozprzestrzenił po ziemi?* [And isn't it **because of tourism** that the virus spread all over the globe?]

(42) *Turystyka to główna przyczyna tak szybkiej ekspansji wirusa, dlatego już w styczniu powinna być zablokowana, ale chciwe rządy państw w obawie przed spadkiem dochodów nic nie robiły, a teraz doprowadzili do dużo większych strat – ciekawe tylko kto za to odpowie po zakończeniu epidemii !!! Nieodpowiedzialne w obliczu zagrożenia* [**Tourism is the main cause** of such a rapid spread of the virus so it should have been blocked already in January, but greedy governments afraid of losing their income did nothing and now brought about more serious losses – I'm wondering who will be held responsible for it after the epidemic is over!!! It's irresponsible in view of the threat.]

(43) *Jak się zastanowić, to za tempo i skalę obecnej epidemii odpowiadają głównie ludzie, którzy nie mogą usiedzieć na miejscu, nawet kilka razy w roku muszą się poniewierać w jakichś zagranicznych zbiorowych noclegowniach – hotelach, pensjonatach, kurortach narciarskich. Zaliczać obiekty turystyczne macane przez miliony turystów, brudne zaułki, plaże, targowiska.* [If you think about it, **the pace and scale of the current epidemic has been due to people who can't sit in one place**, who even a few times a year have to roam around and stay in some shared accommodation abroad – hotels, guesthouses, ski resorts. Visit tourist attractions touched by millions of tourists, dirty places, beaches, marketplaces...]

(44) *turystyka w dobie epidemii nie ma szans przetrwania pod rzadnym pozorem to przez waszą działalność tyle teraz mamy syfu w Polsce bo zawsze ryzykowałiscie i graliście życiem ludzkim w celu uzyskania korzyści majątkowych tak było zawsze że wysyłaliscie ludzi w rejony gdzie było zagrożenie tereorystyczne kiedyś teraz epidemiologiczne i przywleklicie syfa do Polski.* [tourism in time of pandemic has no chance to survive under any circumstances it is **because of your activity that we have so much virus shit in Poland** because you have always risked people's lives in order to gain

financial benefits it has always been like that you sent people to the regions with a terrorist threat in the past now epidemiological threat bringing this virus shit to Poland.]

Finally, the *topos of advantage* is also used to underline benefits of halting tourism, understood as sending people abroad, for “us” and “our” country. It is used together with the *topos of finances* [47, 48] but one can also notice national pride undertones [45, 46]. The latter also indicates that tourism is, by some commenters at least, associated only with sending people abroad.

(45) *Może ludzie w końcu docenią piękno polski.* [Maybe people will finally appreciate the beauty of Poland.]

(46) *Polska jest piękna. Trzeba Polskę zwiedzić.* [Poland is beautiful. You should visit Poland.]

(47) *Ekonomicznie to jest pozytywne dla nas więcej pieniędzy tak potrzebnych tu na inwestycje zostanie w kraju.* [Economically this is good for us more money necessary for investment here will remain in the country.]

(48) *skonczy sie wywozenie przez lemingow ciezko wypracowanych przez zwyklych skoncza sie zagraniczne wojaze lemingow.* [lemmings will no longer take abroad the money earned by ordinary people, lemmings will no longer travel abroad.]

Example [48], with its animal metaphor TOURISTS ARE LEMMINGS, is important from the point of view of axiological proximization and what we might call “socially disuniting potential”. The term *lemingi* (‘lemmings’) comes from rodents which according to a longstanding myth are driven to commit mass suicide. A video game titled “Lemmings” released in 1991, in which the player must save such creatures, further popularized the myth. According to Biesaga (2017) the word was first used with reference to people in 2007, while Janicki and Władyka (2012) point to 2008 when Internet users with right-wing political views used it with reference to career-oriented individuals with a university degree, a consumerist lifestyle and liberal political views. Even though Łaziński (2012) does not consider the metaphor offensive, it has usually served to express irony and criticism. In one of his articles published in a conservative monthly, *Uważam Rze*, Mazurek (2012) lists a number of attributes associated with “lemmings”, including using Facebook and TVN24 (channel of a private broadcaster with liberal ideology) as their main source of knowledge, criticism of conservative values represented by their parents and grandparents, a general consumerist attitude, and “showing off”. Again, we have here an opposition between “real”, traditional Poles spending their holidays in their own country and “lemmings” fascinated with Western culture and lifestyle and spending “Polish” money abroad while enjoying expensive holidays that the “real” Poles cannot afford. With the polarization of society into PiS (Law and Justice) and PO (Civic Platform) supporters, “lemmings” have been associated with the latter. So have “wealthy” professionals from the tourism industry.

Such an association is visible in other comments [49–53]:

(49) *niech idą do PO-pewnie im da.* [They should go to PO which will surely give them the money.]

(50) Kołobrzeg to ostoja totalnej opozycji. Jeszcze nie ma sezonu a im już mało. **Niech występują o pomoc do Tuska i Brukseli.** To ich bogowie. [Kołobrzeg is the refuge of total opposition. **They should ask Tusk and Brussels for help.** These are their gods.]

(51) *Te beszczelne typy z POskomuny niech użyją swoje milionowe nielegalne tzw. oszczędności a nie znowu z łapami po cudze.* [**These Postcommunist impertinent guys** should use their illegal so-called savings worth millions instead of holding out for someone else's money.]

(52) *Wygracie wybory to bedziecie sobie wyplacac ,mieliscie juz swoich Boosow z Wybrzeza : Walesa , Tusk ,Dulkiewicz czy jak jej tam ktorzy sprzedali wasze stocznie ,wasz przemysl ,nawet wodociagi i scieki niemcom.* [Once you win elections you will get the money, **you have already had your bosses from the Coast: Walesa, Tusk, Dulkiewicz** or whatever she's called who sold your shipyards, your industry, even water pipes and sewage to Germans.]

(53) *Upadajcie.Pa pa. PS.Niech Wam PO pomoże.* [Go bankrupt. Bye-bye. PS. **PO should help you.**]

As can be seen in the above comments, the tourism industry representatives are referred to as “postcommunists”. Often a play on words is used to combine both the name of the party (Civic Platform – PO) and “postcommunists” with reference to this group. As argued by Kłosińska and Rusinek (2019: 206–207), in the rhetoric of “good change” the term has a polarizing and accusatory function. “Postcommunists” arguably intend to destroy everything that the Law and Justice party along with their “good change” programme want to implement, according to their principles, to cherish Polish national tradition and to create a political system which will guarantee dignity and stable existence for Polish citizens. Placed in opposition to this programme, the tourism industry is seen as not catering for the needs of ordinary Poles and offering services many of these Poles cannot afford.

5. Discussion and conclusions

The Covid-19 pandemic has had a significant impact not only on public health but also on the global economy, along with many aspects of social life. The tourism industry has been hit hard by coronavirus lockdowns and travel restrictions, finding itself on the brink of unprecedented crisis. The objective behind the present article has been to examine the public response to calls for government financial help coming from that sector in Poland. To this end we have focused on online discourses revolving around the crisis in the tourism industry, working on the assumption that they will both reflect people's perceptions of professionals working in it and co-construct the crisis within collective consciousness. While limited in its

scope, the analysis has provided some interesting insights as regards perceptions of tourism itself, the role of this branch in the country's economy as well as stereotypical representations of those who work in it.

Public online response to pleas for help coming from tourism professionals has been overwhelmingly hostile and negative, which, as we have argued, can be attributed to three factors, namely perceptions of how tourism-related businesses work, sociocultural factors including emotionality patterns characteristic for Polish people, and “the techno-discursive design” of the online media. The analysis of data clearly demonstrates that public understanding of industry dynamics is far from comprehensive. Referring to tour guides, travel agencies and hotel owners as well as bar owners at the Polish seaside selling fish and chips, commenters base their generalizations on personal experience. Even though in 2019 the Polish tourism industry was said to contribute 6% to GDP and provide employment for over 700 000 people, it is by many commenters assessed negatively and seen as “parasitic” on Polish society. The fact that prices in tourism-related services (especially those concerning outbound tourism) are high has two consequences when it comes to perceptions of this sector. Firstly, it is a simplification (visible in the comments) that high prices of services translate into high income for those who provide these services. Examples of expensive cars and other luxurious goods given by commenters to illustrate this claim act as epistemic and axiological proximization triggers, and so do other stereotypical representations associated with the industry. Secondly, this fact leads to anger and envy on the part of those who cannot afford such services. Why should the existence of the sector they cannot benefit from be justified? Furthermore, the work of the tourist industry professionals is considered neither hard nor particularly skilled, as at first glance it is not associated with physical labour seen as an indicator of hard work. While trips abroad are frequently part and parcel of a tourism professionals' job, they are seen by others as holiday-time activities. We thus see a discursively constructed opposition between hard physical labour and something which is stereotypically perceived as an enjoyable way of spending time, often in distant exotic places. Finally, there is a stereotype rooted in the Polish collective mentality that financial success is often the result of fraudulent and unfair practices involving the exploitation of others or, at least, of the system (the *topos of abuse*).

Socio-political polarization, creating a conducive environment for incivility, also clearly reverberates in the online discourses we studied. “Us” vs “them”, with a dividing line along political affiliations, encompasses various groups and individuals. We thus have opposition and tensions between “the elites” and the rest of society that includes “ordinary Poles”. It is the latter that are associated with Polish values, tradition, and often also with hard physical labour. Tourism industry professionals are considered to both belong to, and cater for the former group. While such an opposition is not only reflected in various public discourses, including those we studied (constituted nature of discourse), it is also discursively constructed, amplified and perpetuated by political, mainstream and social media discourses, and thus likely to affect the perceptions of society members

(constitutive nature of discourse). As demonstrated in research on other situations involving physical or symbolic threats as well as scarcity of resources, the tendency to create in- and out-groups is naturally enhanced (see Larina et al. 2019). The “Other” that is either demonized or denigrated evokes anger along with other negative emotions (see Lewandowska-Tomaszczyk 2020). We have to remember that tourism industry professionals are just one of many other groups in Poland targeted by discourses of hostility during the time of pandemic-triggered crisis (including healthcare workers and police officers).

The “techno-discursive design” of the online media enables, facilitates and amplifies both polarization and incivility (see KhosraviNik 2017b, 2018, Kopytowska forthcoming). Connectivity and interactivity enabled by the Internet have made it possible for people to satisfy their “compulsion for proximity”, which has become particularly relevant in a time of lockdowns and social distancing, when online interactions compensate for the lack of offline contact. At the same time, however, cyberspace has become the platform where people have the opportunity to alleviate frustrations arising from feelings of threat and insecurity. This platform has also made it possible for people with similar fears and “axiological preferences” to connect (spatio-temporal proximization) and further enhance and perpetuate their judgements and emotions (axiological and emotional proximization) (Kopytowska 2017, forthcoming). As already mentioned, strong emotions of anger and disgust (Lewandowska-Tomaszczyk 2017c) make people more likely to resort to stereotypical thinking. So does lack of accountability resulting from anonymity. Not surprisingly, then, we find in our data stereotypes and simplistic judgements, frequently leading to sweeping generalizations. Anonymity, enhancing stronger in-group identity has also contributed to greater polarization and, in consequence, incivility towards others.

As we have argued, with its potential to transgress time and space boundaries, the Internet has in important ways transformed travel practices, as well as perceptions of places and “others”. Despite many positive implications of this transformation process, including social media activism intended to support the tourism industry in diverse ways, it has also meant creating a conducive environment for the spread of both harmful stereotypes concerning various elements of this industry and incivility targeting groups and individuals. Representational and interpersonal dimensions of proximization have thus meant providing us, media users, with opportunities for co-constructing social reality, involving both solidarity and disunity dynamics. They have also considerably transformed “the tourist gaze” taking it to a new mediated level.

© Monika Kopytowska and Radosław Krakowiak, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Baider, Fabienne & Monika Kopytowska. 2017. Conceptualising the Other: Online discourses on the current refugee crisis in Cyprus and in Poland. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (2). 203–233. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2017-0011>
- Beaugard, Guy. 1999. Travelling Stereotypes: “The Japanese Tourist” in Canada. *Journal of Transnational & Crosscultural Studies* 7 (1). 79–95.
- Berger, Peter & Thomas Luckmann. 1991 [1966]. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. London: Penguin Books.
- Biesaga, Monika. 2016. Drugie życie leminga we współczesnej polszczyźnie. *Polonica* XXXVI (36). 43–54.
- Boden, Deirdre & Harvey L. Molotch. 1994. The compulsion of proximity. In Roger Friedland & Deirdre Boden (eds.), *NowHere: Space, time, and modernity*, 257–286. Berkeley: University of California Press.
- Cap, Piotr. 2006. *Legitimation in political discourse: a cross-disciplinary perspective on the modern US war rhetoric*. Newcastle: Cambridge Scholars Press.
- Cap, Piotr. 2008. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse. *Journal of Pragmatics* 40. 17–41.
- Cap, Piotr. 2010. Axiological aspects of proximization. *Journal of Pragmatics* 42. 392–407.
- Cap, Piotr. 2013. *Proximization: the pragmatics of symbolic distance crossing*. Amsterdam: Benjamins.
- Cap, Piotr. 2017. *The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse*. London and New York: Palgrave Macmillan.
- Cap, Piotr. 2018a. “We don’t want any immigrants or terrorists here”: The linguistic manufacturing of xenophobia in the post-2015 Poland. *Discourse & Society* 29 (4). 380–398.
- Cap, Piotr. 2018b. From “cultural unbelonging” to “terrorist risk”: communicating threat in the Polish anti-immigration discourse. *Critical Discourse Studies* 15 (3). 285–302.
- Chilton, Paul. 2004. *Analysing political discourse: theory and practice*. London: Routledge.
- Chilton, Paul. 2005. Discourse Space Theory: geometry, brain and shifting viewpoints. *Annual Review of Cognitive Linguistics* 3. 78–116.
- Chilton, Paul. 2010. From mind to grammar: coordinate systems, prepositions, constructions. In Vyvyan Evans & P. Chilton (eds.), *Language, Cognition and space: the state of the art and new directions*, 499–514. London: Equinox.
- Chilton, Paul. 2014. *Language, space and mind: the conceptual geometry of linguistic meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dube Kaitano, Godwell Nhamo & David Chikodzi. 2020. COVID-19 cripples global restaurant and hospitality industry. *Current Issues in Tourism*. DOI: 10.1080/13683500.2020.1773416
- Duckitt, John. 2006. Differential effects of right wing authoritarianism and social dominance orientation on outgroup attitudes and their mediation by threat from and competitiveness to outgroups. *Personality and Social Psychology Bulletin* 32. 684–696.
- Fairclough, Norman & Ruth Wodak. 1997. Critical discourse analysis. In Teun A. van Dijk (ed.), *Discourse as social interaction*, 14–31. London: Sage.
- Feifer, Maxine. 1985. *Going Places*. London: Macmillan.
- Gursoy, Dogan & Christina G. Chi. 2020. Effects of COVID-19 Pandemic on Hospitality Industry: Review of the Current Situations and a Research Agenda. *Journal of Hospitality Marketing & Management* 29 (5). 527–29. DOI: 10.1080/19368623.2020.1788231
- Halpern, Daniel & Jennifer Gibbs. 2013. Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. *Computers in Human Behavior* 29 (3). 1159–1168.

- Hammett, Daniel. 2014. Tourism Images and British Media Representations of South Africa. *Tourism Geographies* 16 (2). 221–36. DOI: 10.1080/14616688.2012.762688
- Hardaker, Claire & Mark McGlashan. 2015. ‘Real men don’t hate women’: Twitter rape threats and group identity. *Journal of Pragmatics* 91. 81–93.
- Hart, Christopher. 2010. *Critical Discourse Analysis and cognitive science: new perspectives on immigration discourse*. Basingstoke: Palgrave.
- Hepp, Andreas. 2013. *Cultures of mediatization*. Cambridge: Polity Press.
- Hutchby, Ian. 2001. Technologies, texts, and affordances. *Sociology* 35 (2). 441–456.
- Janicki, Mariusz & Wiesław Władka. 2012. Strategia leminga. www.polityka.pl Retrieved from: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1528687,1,kim-jest-polityczny-leming.read>
- Jun, Jungmi & Kyeong Mi Oh. 2015. Framing Risks and Benefits of Medical Tourism: A Content Analysis of Medical Tourism Coverage in Korean American Community Newspapers. *Journal of Health Communication* 20 (6). 720–27. DOI: 10.1080/10810730.2015.1018574
- KhosraviNik, Majid. 2014. Critical discourse analysis, power and new media discourse. In Yusuf Kalyango & Monika Kopytowska (eds.), *Why Discourse Matters: Negotiating Identity in the Mediatized World*, 287–306. New York: Peter Lang.
- KhosraviNik, Majid. 2017a. Right wing populism in the West: Social Media Discourse and Echo Chambers. *Insight Turkey* 19 (3). 53–68.
- KhosraviNik, Majid. 2017b. Social Media Critical Discourse Studies (SM-CDS).” In John Flowerdew & John E. Richardson (eds.), *Handbook of Critical Discourse Analysis*, 583–596. London: Routledge.
- KhosraviNik, Majid. 2018. Social Media Techno-Discursive Design, Affective Communication and Contemporary Politics. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences* 11. 427–442.
- KhosraviNik, Majid & Johann Unger. 2016. Critical discourse studies and social media: Power, resistance and critique in changing media ecologies. In Ruth Wodak & Michael Meyers (eds.), *Methods of critical discourse studies*, 3rd ed, 205–233. London: Sage.
- KhosraviNik Majid & Eleonora Esposito. 2018. Online hate, digital discourse and critique: Exploring digitally-mediated discursive practices of gender-based hostility. *Lodz Papers in Pragmatics* 14 (1). 45–58.
- Kilgarriff, Adam, Vit Baisa, Jan Bušta, Milos Jakubíček, Vojtech Kovář, Jan Michelfeit, Pavel Rychlý & Vit Suchomel. 2014. The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography* 1 (1). 7–36.
- Kłosińska, Katarzyna & Michał Rusinek. 2019. *Dobra zmiana, czyli jak rządzi się światem za pomocą słów*. Kraków: Wydawnictwo Znak.
- Kopytowska, Monika. 2013. Blogging as the mediatization of politics and a new form of social interaction – a case study of Polish and British political blogs. In Piotr Cap & Urszula Okulska (eds.), *Analyzing Genres in Political Communication*, 379–421. Amsterdam: John Benjamins.
- Kopytowska, Monika. 2014. Pictures in our heads: Crisis, conflict, and drama. In Yusuf Kalyango & Monika Kopytowska (eds.), *Why Discourse Matters: Negotiating Identity in the Mediatized World*, 89–109. New York: Peter Lang.
- Kopytowska, Monika. 2015a. Mediating identity, ideology and values in the public sphere: Towards a new model of (constructed) social reality. *Lodz Papers in Pragmatics* 11 (2). 133–156. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2015-0008>
- Kopytowska, Monika. 2015b. Ideology of ‘here’ and ‘now’. *Critical Discourse Studies* 12 (3). 347–365. DOI: <https://doi.org/10.1080/17405904.2015.1013485>
- Kopytowska, Monika. 2015c. Covering conflict: between universality and cultural specificity in news discourse genre and journalistic style. *International Review of Pragmatics*

- (Special Issue on Communicative styles and genres: between universality and culture-specificity) 7. 308–339.
- Kopytowska, Monika. 2017. Introduction: Discourses of Hate and Radicalism in Action. In Monika Kopytowska (ed.), *Contemporary Discourses of Hate and Radicalism across Space and Genres*, 1–12. Amsterdam: John Benjamins.
- Kopytowska, Monika. 2018a. The televisualization of ritual: spirituality, spatiality and co-presence in religious broadcasting. In Paul Chilton & Monika Kopytowska (eds.), *Religion, Language and Human Mind*, 437–473. New York: Oxford University Press.
- Kopytowska, Monika. 2018b. Culture, Mediated Experience and the Semiotics of Distance. In Artur Galkowski & Monika Kopytowska (eds.), *Current Perspectives in Semiotics: Signs, Signification and Communication*, 221–234. Frankfurt: Peter Lang.
- Kopytowska, Monika. Forthcoming. “Proximization, presumption and salience in digital discourse: on the interface of social media communicative dynamics and the spread of populist ideologies.” [Special Issue on Social Media Critical Discourse Studies]. *Critical Discourse Studies*. DOI: 10.1080/17405904.2020.1842774
- Kopytowska, Monika, Julita Woźniak & Łukasz Grabowski. 2017. “From ‘patriotism’ to hate: axiological urgency in online comments related to refugees”. In Stavros Assimakopoulos, Fabienne H. Baider & Sharon Millar (eds.), *Online Hate Speech in the European Union: A Discourse-Analytic Perspective*, 42–51. Berlin: Springer.
- Kopytowska, Monika, Łukasz Grabowski & Julita Woźniak. 2017. “Mobilizing against the Other: Cyberhate, refugee crisis and proximization”. In Monika Kopytowska (ed.), *Contemporary Discourses of Hate and Radicalism across Space and Genres*, 57–97.
- Lapointe, Dominic. 2020. Reconnecting Tourism after COVID-19: The Paradox of Alterity in Tourism Areas. *Tourism Geographies* 22 (3). 633–38. DOI: 10.1080/14616688.2020.1762115.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas Mark Ponton. 2019. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* 15 (1). 3–22. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>
- Lea, Martin & Russel Spears. 1991. Computer-mediated communication, de-individuation and group decision-making. *International Journal of Man Machine Studies* 34. 283–301.
- Lenzen, Manfred, Mengyu Li, Arunima Malik, Francesco Pomponi, Ya-Yen Sun, Thomas Wiedmann & Futu Faturay. 2020. Global Socio-Economic Losses and Environmental Gains from the Coronavirus Pandemic. *PLoS ONE* 15 (7). 1–13. DOI: 10.1371/journal.pone.0235654.
- Lew, Alan A., Joseph M. Cheer, Michael Haywood, Patrick Brouder & Noel B. Salazar. 2020. Visions of travel and tourism after the global COVID-19 transformation of 2020. *Tourism Geographies* 22(3). 455–466. DOI: 10.1080/14616688.2020.1770326
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2013. Online Interconnectivity and Negative Emotion Patterning. *Sociedad de la Información* 44. 76–109.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2015. Emergent group identity construal in online discussions: A linguistic perspective. In F. Zeller, C. Ponte & B. O’Neill (eds.), *Revitalising Audience Research: Innovations in European Audience Research*, 80–105. New York: Routledge.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2017a. Identity, Emotions and Cultural Differences in English and Polish Online Comments. *International Journal of Language and Culture* 4 (1). 47–71. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijolc.4.1.04lew>
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2017b. Conflict Radicalization and Emotions in English and Polish Online Discourses on Immigration and Refugees. In Stephen Croucher, Barbara Lewandowska-Tomaszczyk & Paul A. Wilson (eds.), *Conflict, Mediated Message and Group Dynamics: Intersections of Communication*, 1–24. USA: Rowman & Littlefield.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2017c. Incivility and confrontation in online conflict discourses. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (2). 347–367. DOI: <https://doi.org/10.1075/ps.18069.lew>

- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 2020. Culture-driven emotional profiles and online discourse extremism. *Pragmatics and Society* 11 (2). 262–291. DOI: <https://doi.org/10.1075/ps.18069.lew>
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara & Paul A. Wilson. 2013. English *Fear* and Polish *Strach* in Contrast: GRID Approach and Cognitive Corpus Linguistic Methodology. In Jimmy Fontaine, Klaus R. Scherer & Cristina Soriano (eds.), *Components of Emotional Meaning: A Sourcebook*, 425–436. Oxford: Oxford University Press.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara & Paul A. Wilson. 2014. Self-conscious Emotions in Collectivistic and Individualistic Cultures: A Contrastive Linguistic Perspective. In Jesús Romero-Trillo (ed.), *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics vol. 2: New Empirical and Theoretical Paradigms*, 123–148. Berlin: Springer.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara & Paul A. Wilson. 2016. Physical and Moral Disgust with Socially Believable Behaving Systems in Different Cultures. In Anna Esposito & Lakhmi C. Jain (eds.), *Toward Robotic Socially Believable Behaving Systems, Volume I – Modelling of Emotions*, 105–132. Cham: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-31056-5_7
- Mazurek, Robert. 2012. Alfabet leminga. [uwazamrze.pl](http://www.uwazamrze.pl) Retrieved from: <http://www.old.uwazamrze.pl/artukul/909451/alfabet-leminga/3>
- Murti, Desideria C. W. 2020. Gaze the Struggle of Others: The Representations of Rural Places and People of Indonesia in Tourism Media for Australian Tourists. *Journal of Communication Inquiry* 44 (3). 231–55. DOI: 10.1177/0196859920901326.
- Musolff, Andreas. 2014. Metaphorical parasites and “parasitic” metaphors: Semantic exchanges between political and scientific vocabularies. *Journal of Language and Politics* 13 (2). 218–233
- O’Regan, Michael, Jaeyeon Choe & Michael Di Giovine. 2019. Reframing and Reconceptualising Gambling Tourism in Macau as a Chinese Pilgrimage. *Tourism Geographies* 21 (3). 508–28. DOI: 10.1080/14616688.2018.1545248.
- Pasquinelli, Cecilia & Mariapina Trunfio. 2020. Overtouristified Cities: An Online News Media Narrative Analysis. *Journal of Sustainable Tourism* 28 (11). 1805–1824. DOI: 10.1080/09669582.2020.1760871.
- Postmes, Tom, Russel Spears & Martin Lea. 2002. Intergroup differentiation in computer-mediated communication: Effects of depersonalization. *Group Dynamics* 6 (1). 3–16.
- Reisigl, Martin & Ruth Wodak. 2001. *Discourse and discrimination*. London: Routledge.
- Santana, Arthur D. 2014. Virtuous or Vitriolic. *Journalism Practice* 8 (1). 18–33.
- Searle, John. 1995. *The construction of social reality*. London: The Penguin.
- Searle, John. 2006. Social ontology: some basic principles. *Anthropological Theory* 6 (1). 12–29.
- Searle, John. 2010. *Making the social world: the structure of human civilization*. Oxford: Oxford University Press.
- Shakeela, Aishath & David Weaver. 2014. The Exploratory Social-Mediatized Gaze: Reactions of Virtual Tourists to an Inflammatory YouTube Incident. *Journal of Travel Research* 55 (1). 113–124. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047287514532369>
- Tadic, Bosljka, Vladimir, Gligorijevic, Marija Mitrovic & Milovan Suvakov. 2013. Co-evolutionary mechanisms of emotional bursts in online social dynamics and networks. *Entropy* 15. 5084–5120.
- Tetlock, Philip E. 1983. Accountability and judgment processes in a personality prediction task. *Journal of Personality and Social Psychology* 45 (1). 74–83.
- Tice, Dianne M., Ellen Bratslavsky & Roy F. Baumeister. 2001. Emotional distress regulation takes precedence over impulse control. *Personality and Social Psychology* 80 (1). 53–67.

- Tomassini, Lucia & Elena Cavagnaro. 2020. The Novel Spaces and Power-Geometries in Tourism and Hospitality after 2020 Will Belong to the ‘Local.’ *Tourism Geographies* 22(3). 713–19. DOI: 10.1080/14616688.2020.1757747.
- Urry, John. 1990. *The Tourist Gaze*. London: Sage.
- Urry, John. 1995. *Consuming places*. London: Routledge.
- Urry, John. 2002. Mobility and proximity. *Sociology* 36 (2). 255–274.
- Wen, Jun, Joshua Aston, Xinyi Liu & Tianyu Ying. 2020. Effects of Misleading Media Coverage on Public Health Crisis: A Case of the 2019 Novel Coronavirus Outbreak in China. *Anatolia: An International Journal of Tourism & Hospitality Research* 31 (2). 331–336. DOI: 10.1080/13032917.2020.1730621
- Zhang, Yunpeng & Fang Xu. 2020. Ignorance, Orientalism and Sinophobia in Knowledge Production on COVID-19. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie (Journal of Economic & Social Geography)* 111 (3). 211–223. doi: 10.1111/tesg.12441
- Zhao, Zhao, Minmin Zhu & Xiaofei Hao. 2018. Share the Gaze: Representation of Destination Image on the Chinese Social Platform WeChat Moments. *Journal of Travel & Tourism Marketing* 35 (6). 726–739. DOI: 10.1080/10548408.2018.1432449

Appendix 1

Headline	Date	Link
Koronawirus. Możliwe zwroty za imprezy turystyczne. [‘Coronavirus. Possible refunds for tourist events’.]	6 March 2020	https://niezalezna.pl/314716-koronawirus-mozliwe-zwroty-za-imprezy-turystyczne
Rz: Koronawirus zabija turystykę w Polsce. [‘Coronavirus kills tourism industry in Poland’.]	6 March 2020	https://www.dorzeczy.pl/kraj/131777/rz-koronawirus-zabija-turystyke-w-polsce.html
Czy koronawirus uderzy w branżę turystyczną w Małopolsce? [‘Will coronavirus hit tourism industry in Małopolska?’]	9 March 2020	https://gazetakrakowska.pl/czy-koronawirus-uderzy-w-branze-turystyczna-w-malopolsce/ar/c14-14845546
Koronawirus w Krakowie. Zanika turystyka pod Wawelem. Biura podróży na skraju bankructwa. [‘Coronavirus in Cracow. Tourism near Wavel disappears. Travel agencies on the brink of bankruptcy’.]	13 March 2020	https://gazetakrakowska.pl/koronawirus-w-krakowie-zanika-turystyka-pod-wawelem-biura-podrozy-na-skraju-bankructwa/ar/c1-14856615Asdasdasd
Hotelarze z Kołobrzegu chcą pomocy państwa. [‘Hotel owners from Kołobrzeg demand government aid’]	16 March 2020	https://niezalezna.pl/316691-hotelarze-z-kolobrzegu-chca-pomocy-panstwa
Turystyka na OIOM-ie [‘Tourism in ICU’]	22 March	https://www.dorzeczy.pl/kraj/133591/turystyka-na-oiom-ie.html

Headline	Date	Link
Minister Emilewicz-zdradza: „Rząd pracuje nad programem 1000 plus”. Ma dotyczyć turystyki i rekreacji. [‘Minister Emilewicz reveals: “The government is working on the 1000 plus programme”. It will concern tourism and leisure’]	2 April 2020	https://niezalezna.pl/320406-minister-emilewicz-zdradza-rzad-pracuje-nad-programem-1000-plus-ma-dotyczyc-turystyki-i-rekreacji
1. Sztab kryzysowy dla turystyki. Ministerstwo przygotowuje pakiet pomocy dla branży. 2. [‘Emergency meeting for tourism. Ministry prepares aid package for industry’]	9 March 2020	https://www.money.pl/gospodarka/sztab-kryzysowy-dla-turystyki-ministerstwo-przygotowuje-pakiet-pomocy-dla-branzy-6487161321990273a.html
We wtorek koronawirusowy pakiet dla polskiej turystyki. [‘Covid package for Polish tourism industry on Tuesday’]	9 March 2020	https://wgospodarce.pl/informacje/76378-we-wtorek-koronawirusowy-pakiet-dla-polskiej-turystyki
3. Już 400 mln strat w samej turystyce przez koronawirusa 4. [‘400 million losses in tourism industry because of coronavirus’]	7 March 2020	1. https://wyborcza.pl/7,155287,25767097,juz-400-mln-strat-w-samej-turystyce-przez-koronawirusa.html
Polska turystyka traci na epidemii 400 mln zł [‘Polish tourism industry loses 400 million because of epidemic’]	7 March 2020	https://wgospodarce.pl/informacje/76306-polska-turystyka-traci-na-epidemii-400-mln-zl
"Rzeczpospolita": Wirus bije w turystykę. [‘“Rzeczpospolita”: Virus hits tourism’.]	6 March 2020	https://wydarzenia.interia.pl/raporty/raport-koronawirus-chiny/aktualnosci/news-rzeczpospolita-wirus-bije-w-turystyke,nId,4365854#comments4-1
5. Kryzys w branży turystycznej. "To jest dramat" [‘Crisis in tourism industry. “This is a disaster”’]	13 March 2020	https://lovekrakow.pl/aktualnosci/kryzys-w-branzy-turystycznej-to-jest-dramat_34683.html
6. Ogromne straty w branży turystycznej przez koronawirusa. Liczone będą w miliardach dolarów. 7. [‘Huge losses in tourism industry caused by coronavirus. They will amount to billions of dollars’.]	9 March 2020	https://niezalezna.pl/315022-ogromne-straty-w-branzy-turystycznej-przez-koronawirusa-liczone-beda-w-miliardach-dolarow
Branża turystyczna czeka na rządową pomoc. [‘Tourism industry waits for government aid’.]	24 March 2020	https://biznes.interia.pl/gospodarka/news-branza-turystyczna-czeka-na-rzadowa-pomoc,nId,4400172#comments4-1

Headline	Date	Link
Turystyka ucierpi pierwsza. [‘Tourism will be the first to suffer’.]	24 March 2020	https://biznes.interia.pl/gospodarka/news-turystyka-ucierpi-pierwsza,nId,4397997#comments4-1dasdas
Spadki sprzedaży w branży turystycznej sięgają 60-70 procent [‘Drop in sales in tourism industry reaches 60 – 70 percent’.]	20 March 2020	https://biznes.interia.pl/gospodarka/news-spadki-sprzedazy-w-branzy-turystycznej-siegaja-60-70-procent,nId,4392625#comments4-1
8. Branża turystyczna ma dość. "Turystyka umiera, rząd nas nie wspiera!" 9. [‘Tourism industry says enough. “Tourism is dying and the government isn’t supporting us”’.]	23 June 2020	https://turystyka.wp.pl/branza-turystyczna-ma-dosc-turystyka-umiera-rzad-nas-nie-wspiera-6524681487047520a
Biznes: Po słowach ministra wzrosła liczba rezygnacji z wyjazdów. [‘Business: After Minister’s announcement the number of cancelled trips has increased’.]	17 April 2020	https://biznes.interia.pl/gospodarka/news-biznes-po-slowach-ministra-wzrosla-liczba-rezygnacji-z-wyjaz,nId,4443477
Dalsza pomoc dla turystyki wątpliwa. [‘Further aid for tourism is doubtful’]	9 June 2020	http://www.tur-info.pl/a/54188,,turystyka-ministerstwo-rozwoju-granice.html
Promyk nadziei na pomoc dla turystyki. [‘Ray of hope for tourism’.]	17 June 2020	http://www.tur-info.pl/a/56534,,minister-rozwoju-pomoc-turystyka.html

Article history:

Received: 30 July 2020

Revised: 15 October 2020

Accepted: 18 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июля 2020

Дата принятия к печати: 18 октября 2020

Bionotes:

Monika KOPYTOWSKA is Assistant Professor at the University of Lodz, the Department of Pragmatics. Her research interests revolve around media discourse and the pragma-rhetorical aspects of the mass-mediated representation of conflict, ethnicity, and religion. She has published internationally in linguistic journals and volumes (e.g. [ed.] *Contemporary Discourses of Hate and Radicalism across Space and Genres*, Benjamins, 2017, with Y. Kalyango [eds.] *Languages, Cultures, Media*, Université Savoie Mont Blanc, with C. Karner [eds.], *National Identity and Europe in Times of Crisis*, Emerald, 2017, with P. Chilton [eds.] *Religion, Language and Human Mind*. New York: Oxford University Press, 2018). She is the Editor-in-Chief of *Lodz Papers in Pragmatics* (De Gruyter).

Contact information:

Institute of English Studies
Faculty of Philology
University of Lodz
Pomorska 171/173, 90-236 Lodz, Poland
e-mail: monika.kopytowska@uni.lodz.pl
ORCID ID: 0000-0002-1065-7044

Radosław KRAKOWIAK graduated from the Academy of Hospitality, Catering Industry and Tourism in Warsaw. Currently employed as MICE Director at “Impuls” Travel. He has worked in tourism industry since 1999 specializing in incentive travel and event management.

Contact information:

e-mail: radoslaw.krakowiak@wp.pl

Сведения об авторах:

Моника КОПЫТОВСКА – доцент кафедры прагматики Лодзинского университета, Польша. Область ее научных интересов – медиадискурс, прагмариторические аспекты освещения конфликтов, этничность и религия в СМИ. Является автором и соредактором ряда международных публикаций, среди которых: *Contemporary Discourses of Hate and Radicalism across Space and Genres*, Benjamins, 2017 (совместно с Y. Kalyango), *Languages, Cultures, Media*, Université Savoie Mont Blanc (совместно с C. Karner), *National Identity and Europe in Times of Crisis*, Emerald, 2017 (совместно с P. Chilton), *Religion, Language and Human Mind*. New York: Oxford University Press, 2018. Является главным редактором журнала *Lodz Papers in Pragmatics* (издательство De Gruyter).

Контактная информация:

Institute of English Studies
Faculty of Philology
University of Lodz
Pomorska 171/173, 90-236 Lodz, Poland
e-mail: monika.kopytowska@uni.lodz.pl
ORCID ID: 0000-0002-1065-7044

Радослав КРАКОВЯК окончил Варшавскую академию гостеприимства, общественного питания и туризма. Работает в сфере туризма с 1999 года. Специализируется на корпоративном туризме и организации мероприятий. В настоящее время директор по деловому туризму в компании «Импульс» Трэвел.

Контактная информация:

e-mail: radoslaw.krakowiak@wp.pl

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-774-795

Research article

Towards a relevance-theoretic approach to the diminutive morpheme¹

Manuel PADILLA CRUZ

University of Seville
Seville, Spain

Abstract

This paper intends to lay the foundations for a relevance-theoretic approach to the diminutive morpheme. In many languages, this morpheme is attached to nouns, adjectives, adverbs or verbs. It frequently nuances their referents by providing information concerning the smallness, littleness or scarcity of the size, amount or degree of their referents. However, the semantics of this morpheme cannot always be connected with such notions. In Spanish, for example, it is often used in order to intensify, express approximation or pejoration, show affection or modesty, suggest intimacy or mitigate verbal actions. This variety of functions renders its semantics fairly elusive and rules out a conceptual analysis. Relying on the relevance-theoretic distinction between *conceptual* and *procedural* meaning, this paper argues that the diminutive might possess a procedural semantics amounting to *procedures* or processing instructions. It also considers the output(s) of such procedures in Spanish and shows that in several cases the diminutive would clearly contribute to the lexical pragmatic processes taking place during *mutual parallel adjustment*. These yield highly idiosyncratic conceptual representations. In other cases, the instructions encoded by the diminutive could be thought to trigger a representation of the speaker's psychological states or even contribute to what in relevance-theoretic pragmatics is known as the *higher-level explicature* of an utterance. Since this would involve admitting that the semantics of the diminutive could be *poly-procedural*, this paper concludes by wondering whether a unitary procedural approach would be preferable.

Keywords: *diminutive morpheme, relevance theory, procedural meaning, lexical pragmatics, ad hoc concepts, higher-level explicatures*

For citation:

Padilla Cruz, Manuel. 2020. Towards a relevance-theoretic approach to the diminutive morpheme. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 774–795. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-774-795

¹ Some of the ideas presented in this paper are also discussed in another article (Padilla Cruz, in press). This work has been funded by the research project “La formación de la conciencia figurativa en la etapa de Educación Primaria: el humor y la fraseología” (FFI2016-76047-P), funded by the Spanish Research Agency of the Ministry of Economy, Industry and Competitivity.

Рассмотрение морфем с уменьшительным значением в рамках теории релевантности

Мануэль ПАДИЛЬЯ КРУЗ

Севильский университет
Севилья, Испания

Аннотация

Цель статьи – заложить основу рассмотрения морфем с уменьшительным значением в рамках теории релевантности. Во многих языках эти морфемы присоединяются к существительным, прилагательным, наречиям или глаголам. Они часто придают референциальному значению оттенок, указывающий на маленький размер, небольшой объем или незначительную степень выраженности признака. Однако семантика данных морфем не всегда может быть соотнесена с этими понятиями. Например, в испанском языке они часто выражают интенсивность, близительность, уничижение, обозначают любовь или скромность, указывают на близость или смягчают глагольные действия. Это разнообразие функций делает семантику морфемы трудноуловимой и затрудняет ее понятийный анализ. Опираясь на разграничение *понятийного* и *процедурного* значения с точки зрения теории релевантности, автор статьи утверждает, что диминутив может обладать процедурной семантикой, выражающей процедуру или команду по обработке информации. В статье также рассмотрены результаты таких процедур в испанском языке и показано, что в некоторых случаях диминутив вносит очевидный вклад в лексико-семантические процессы, происходящие во время *взаимного параллельного приспособления*. Результатом этих процессов становятся идиосинкретические понятийные репрезентации. В других случаях инструкции, закодированные в диминutive, могут служить источником репрезентаций психологического состояния говорящего или даже вносить вклад в то, что в прагматике теории релевантности известно как *экспликация высшего уровня* в высказывании. Исследования свидетельствуют о том, что семантика диминutive может быть полипроцедуральной, и ставит вопрос о предпочтительности унитарного процедурального подхода к их исследованию.

Ключевые слова: *диминутив, теория релевантности, процедурное значение, лексическая прагматика, ситуативные понятия, высокоуровневая экспликация*

Для цитирования:

Padilla Cruz M. Towards a relevance-theoretic approach to the diminutive morpheme. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 774–795. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-774-795

1. Introduction

Morphemes are linguistic units that are added to stems in different positions. They are traditionally defined as the smallest elements endowed with meaning, so they modify the meaning of the stems receiving them. Inflectional languages possess a wide variety of them, among which is the diminutive. This is classified as a *derivational* morpheme that tends to indicate an objective appraisal pertaining to smallness, littleness or scarcity. However, it can also convey more subjective assessments. As a result, the diminutive is normally regarded as an *evaluative* morpheme (Volek 1987, Wierzbicka 1991, Bosque 2009).

In addition to its evaluative function, the diminutive fulfils other functions in various languages. In Spanish, for instance, these include intensification, approximation and pejoration (Mendoza 2005). In certain social contexts characterised by good, friendly relationships, it may also express attitudes and feelings like affection or endearment, as well as a range and shades of positive and negative emotions. This likewise enables it to suggest, assert or highlight intimacy between the interlocutors, and even facilitates its use to insult mildly in joking or playful situations (Mendoza 2005, Nájuez Fernández 2006, Maíz-Arévalo 2018). Furthermore, the diminutive can frequently be employed with completely diverse functions when any of the interlocutors' *face* is at risk (Brown and Levinson 1987). On the one hand, it may work as a device enabling the speaker² to avoid bragging and show modesty. On the other hand, it may function as a hedging or mitigating tool permitting her to soften the *weightiness* or seriousness of certain verbal actions (Garcés Conejos, Bou Franch and García Gómez 1992, Sifianou 1992, De Marco 1995, Albelda Marco and Briz Gómez 2010, Bardaneh 2010, Albelda Marco and Cestera Mancera 2011, Briz Gómez 2011, Briz Gómez and Albelda Marco 2013).

This multi-functionality does not only cause the diminutive to resist a unitary treatment, but even seems to preclude a conceptual analysis. Although it could be stably associated with notions like smallness, littleness or scarcity in some cases, such notional matches seem unlikely in other cases. Still, on some occasions what the speaker means exactly turns out extremely hard to pin down in conceptual terms. If the diminutive did not encode only one concept, or a determinate group of concepts, what would it encode? Moreover, what would it contribute to communication? This paper seeks to begin to search for some answers to these questions. It will do so on the grounds of relevance theory and through examples from Spanish (Sperber and Wilson 1986/1995, Wilson and Sperber 2002, 2004).

Relevance theory is a cognitive-pragmatic framework that centres on comprehension. It portrays this as an exercise in *mindreading*, or attribution of intentions and psychological states. Among them is the speaker's *informative intention*, or her intended message(s). Comprehension is driven by *expectations of relevance*: achieving a satisfactory amount of cognitive benefit in exchange for a reasonable amount of cognitive or processing effort (Wilson 1999, Wilson and Sperber 2002, 2004). It mobilises a set of automatic, specialised and incredibly fast mental mechanisms that perform a number of parallel, non-sequential, subconscious inferential tasks during an intricate process that is termed *mutual parallel adjustment*. These tasks yield specific outputs that facilitate the formulation of a hypothesis about speaker's meaning. Although some of them are performed by the comprehension mechanism as a necessary step to formulate such a hypothesis, the inferences made in other tasks are determined by (para)linguistic elements of the acoustic signal (Carston 2000, Jary 2016). These elements are considered to

² Following a relevance-theoretic convention, reference to the speaker is made through the feminine 3rd person singular personal pronoun, while reference to the hearer is made through the masculine counterpart.

encode processing instructions or *procedures*, so their semantics is *procedural* (Blakemore 1987, 1992, 2002, Wilson and Sperber 1993, Carston 2016, Wilson 2016). This paper will suggest that the diminutive morpheme could also encode procedures and that its contribution to comprehension would hence amount to constraints on (some of) the interpretative tasks performed during mutual parallel adjustment. It will also show that the procedural semantics of the diminutive might be supposed to yield distinct outputs, so it could be regarded as *poly-procedural*. This would challenge the feasibility of a unitary procedural approach in light of the extant relevance-theoretic conception of procedural meaning (Carston 2016, Wilson 2016).

2. Functions of the diminutive

In languages like English the diminutive is frequently conveyed analytically and there are words with a diminutive meaning (Zuluaga Ospina 1970, Schneider 2003). In contrast, in Romance languages like Spanish or Italian, or in languages as diverse as Greek or Jordanian Arabic, to name but a few, it is an affix with a high frequency of occurrence or *productivity* (Sifianou 1992, De Marco 1995, Bardaneh 2010). In fact, in these languages it is not only attached to nouns, but also to adjectives, adverbs and verbs. In Spanish, furthermore, the diminutive may often be realised through various allomorphs, which are subject to regional or dialectal variation: *-ito/a* (*casita, gordito*), *-ico/a* (*perrico, latica*), or *-illo/a* (*casilla, mayorcillo*), with variation for grammatical gender (Gómez Torrego 2002, Mendoza 2005, Bosque 2009).

As an evaluative morpheme, the diminutive usually expresses objective and subjective judgements concerning the smaller size of the referent of a noun, the lesser amount of the quality denoted by an adjective, or the lower degree of the manner alluded to by an adverb. However, it may also serve distinct purposes. In Spanish these include (Mendoza 2005, Maíz-Arévalo 2018):

- a) Intensifying the conditions or states referred to by adjectives or adverbs:
 - (1) a. La habitación está *limpita*.
‘The room is clean[+DIM]’.
 - b. Comimos *tempranito*.
‘We ate early[+DIM]’.
- b) Making approximate or vague estimates:
 - (2) a. El pueblo está *cerquita*.
‘The town is closer’.
 - b. Carmen está *agobiadilla* con los exámenes.
‘Carmen is overwhelmed[+DIM] because of the exams’.
- c) Denigrating, deteriorating, disparaging or slighting the referent of nouns:
 - (3) a. Llevaba una *camisilla* con unas *floreccitas* espantosas.
‘She was wearing a shirt[+DIM] with hideous flowers[+DIM]’.

- b. Pablo es un *jovenzuelo* de reputación cuestionable.
'Paul is a youngster[+DIM] of questionable reputation'.

The functions of the diminutive are not limited to these, though. It fulfils others that are motivated by the social context wherein interlocutors interact and are linked to the expression of politeness (Brown and Levinson 1987), *rappor-management* (Spencer-Oatey 2008) or *relational work* (Locher and Watts 2005). On the one hand, the diminutive works as a positive-politeness strategy aimed at addressing the hearer's *positive face*, or as a rapport-maintaining or enhancing tactic. It indicates social proximity, solidarity and membership to a same group that shares viewpoints, values, feelings and intentions (Brown and Levinson 1987: 103, Fraser 1990: 230). As a hearer-supportive device, it boosts the force of the utterance while enhancing the hearer's positive face. This is common in positive-politeness contexts characterised by intimacy and good relationships, or, what is the same, in *solidarity politeness systems* distinguished by social proximity and lack of power differences (Scollon and Scollon 1995). This overall role makes it possible for the diminutive to achieve two crucial goals (Sifianou 1992, Mendoza 2005, Badarneh 2010, Maíz-Arévalo 2018):

d) Showing positive attitudes like affection and endearment towards the hearer or something connected with him, while expressing a wide array and shades of beneficial emotions and feelings. In this case, the diminutive behaves as an *expressive* (Potts 2007a, 2007b, Blakemore 2011, 2015):

- (4) Tienes una *casita* muy acogedora.
'You own a very cosy house[+DIM]'.

e) Suggesting, asserting or emphasising intimacy and camaraderie in joking or playful situations where the interlocutors can even insult each other mildly:

- (5) ¡Eres un *cabroncete*!
'You are a bastard[+DIM]!'

On the other hand, the diminutive safeguards the interlocutors' face from potential threats (Sifianou 1992, Bosque 2009, Albelda Marco and Briz Gómez 2010, Badarneh 2010, Albelda Marco and Cestero Mancera 2011, Briz Gómez 2011). It may protect the speaker's positive face as long as it enables her to avoid bragging or appearing arrogant, conceited or presumptuous. Hence, by means of it the speaker (f) can show modesty and humility:

- (6) Me he comprado un *cohecito* nuevo.
'I have recently bought a new car[+DIM]'.

Regarding the hearer's face, the diminutive acts as a negative-politeness strategy purporting to not impose on him, but to respect his freedom of action (Brown and Levinson 1987: 129). It attends to his negative face, as long as it mitigates or attenuates the weightiness of an action or what this demands. Therefore, the diminutive (g) hedges speech acts like requests or directives by

minimizing their rank of imposition (Albelda Marco and Briz Gómez 2010, Briz Gómez 2011, Briz Gómez and Albelda Marco 2013). This may be common in negative-politeness contexts characterised by social distance, lack of familiarity or power-differences, or, in other words, in *deferential* or *hierarchical politeness systems* (Scollon and Scollon 1995). However, this use may also be observed in solidarity politeness systems:

- (7) ¡Dame un *cigarrito*!
'Give me a ciggy!'

Owing to this wealth of functions, the interpretation of the diminutive is often highly contingent on situational and discourse factors, such as the interlocutors' identities, relationships, intentions, previous knowledge or ways of speaking (Würstle 1992: 50). Moreover, their fulfilment reveals that its semantics cannot be constantly and invariably matched to notions like small size or low degree. For example, the speaker of (1a) would not be understood as communicating that the room in question is not very clean or that its level of cleanness is minimal. Similarly, that of (3a) would not be taken to state that the person referred to was wearing a small shirt or that the flowers printed on it were tiny. If the diminutive cannot be associated with those notions, what concept(s) would it encode? Or, rather, would it encode (a) concept(s) at all? Would it be a conceptual element?

An extant proposal argues that the diminutive morpheme would encode some sort of "[fictive]" feature. This would enable it to specify the referent of the word to which it is attached in a "[non-serious]" way, or perhaps in a non-literal manner (Dressler and Merlini Barbaresi 2001). If this was so, its semantics could then be accounted for as triggering more specific concepts than those encoded or activated by the lexical items to which it is added. The issue is that such concepts need not always be non-serious or non-literal, but could instead be highly personal. In other words, the speaker could take advantage of the diminutive morpheme in order to refer to highly idiosyncratic, perhaps context-specific notions. For instance, when she uses it with a view to intensifying, as in (1a), she would clearly not be alluding to a low level of cleanness, but to the opposite –i.e., a "non-literal notion". But the speaker could even mean a higher level of cleanness than expected or a special kind thereof. She might also be simultaneously expressing surprise or satisfaction with the (kind of) cleanness of the room. Then, instead of providing some size-, amount-, degree-related notional material, the diminutive would invite the creation or activation of some conceptual representation that could capture what the speaker is thought to mean. Similarly, when the speaker adds the diminutive in order to show her attitude towards something or express her emotions, as in (4), she would evidently not be pointing out the smallness of the house. However, she would not be suggesting that it is large, either; her intention would be for the hearer to notice that she has a certain attitude towards it or that it causes her a particular emotion, which he would have to represent mentally.

This suggests that the diminutive would not contribute precise, stable conceptual representations to comprehension, so its role should be different. It seems to guide comprehension, and perhaps in distinct manners, during the process of formulation of a hypothesis about speaker's meaning. The issues that need solving are, therefore, what the nature of the diminutive is and what its actual impact on comprehension would be. These issues may be approached from a relevance-theoretic perspective. Indeed, relevance theory (Sperber and Wilson 1986/1995, Wilson and Sperber 2002, 2004) offers a psychologically plausible model of comprehension that is based on a series of parallel inferential tasks. Hypotheses about speaker-intended meaning depend on the output of such tasks, which could somehow be guided by the diminutive.

3. Comprehension and mutual parallel adjustment

Utterances are intentional ostensive stimuli that “make evident to the receiver the intention of the communicator to make it evident that she intends to inform the receiver of something. So an addressee is justified in expecting some significance from ostensive stimuli that he cannot expect from non-ostensive stimuli which he may attend to” (Carston 2013: 272–273). They set in motion a complex mental machinery that works out such significance by formulating a hypothesis about the speaker's meaning, or her *informative intention* (Wilson 2017). This usually is “not one particular interpretation, but any one of a number of interpretations with very similar import” (Carston 2000: 10).

Formulation of that hypothesis partially depends on decoding. The linguistic sub-module unpacks the constituents of utterances and arranges them in a *logical form*, or a chunk of conceptual representations. This form is “in the appropriate format for integration with representations from other information sources” (Carston 2000: 6), but is not yet fully propositional. It needs to undergo a series of inferential developments or pragmatic enrichments known as *mutual parallel adjustment*. They are carried out by the inferential mechanism (Sperber and Wilson 1995: 72, 181, Carston 2000, 2002, Wilson and Sperber 2002, 2004). One of them is *disambiguation* of the potential senses of lexical items –e.g., ‘bank’ as a financial institution or river shore– and/or of specific sentential constituents –e.g., “Can I try [that dress [that is] in the shop window]?” vs. “Can I try [that dress] [in the shop window]?”. The other developments fall into two categories: those that are linguistically mandated and those that are not (Carston 2000, Jary 2016).

Linguistically mandated inferential developments are also known as *saturation* (Recanati 1993, 2002, 2004). They amount to assignment of reference to elements like personal, anaphoric or cataphoric pronouns, place and time deictics, or proper nouns, and assignment of temporal reference to verbs. These tasks are constrained by the procedures that such elements encode (Blakemore 1987, 1992, 2002, Wilson & Sperber 1993, 2002, 2004). Thus, a personal pronoun like ‘she’ encodes an instruction that limits the searching space for a referent to a feminine and singular

one, while the procedural meaning of a deictic like ‘here’ restricts the search for a location to one in the vicinity of the speaker. In turn, the Spanish or French imperfect preterite encode an instruction that sets an action in a long timespan prior to the moment of speaking (Escandell Vidal and Leonetti 2011, de Saussure 2012, Moeschler 2016).

Saturation is also necessary for completing syntactically complete but semantically sub-propositional sentences (Carston 2000, 2002, 2009, Carston and Hall 2017, Hall 2017):

- (8) a. London is more beautiful [than what?]
- b. It is the same [as what?]

Moreover, it is needed for establishing certain relations –e.g., temporal, causal, etc.– between events and states alluded to in a proposition. In this case, it may be aided by contextual or encyclopaedic information, and/or the procedures encoded by some discourse or pragmatic markers:

- (9) Mary gave John a pen *and* [then/as a result] he wrote down her address.

Non-linguistically mandated developments of a logical form are known as *free enrichment*. They are made when “a proposition would be expressed by the saturated linguistically encoded meaning of the utterance, but the resulting proposition is not a fully explicit expression of what is asserted by the speaker” (Jary 2016: 25). They involve two operations:

(i) Supplying *unarticulated constituents* –i.e., aphonetic or non-verbalised constituents necessary to get a meaningful proposition (Carston 2000: 3)– such as the location or time of an event, or the instrument wherewith an action is performed:

- (10) a. There are seven packets [in the warehouse/shop]
- b. I have had a shower [today/five minutes ago]
- c. Tom gave Mary the key and [then] she opened the door [with the key that Tom gave her].

This development is a by-product of “general and routine processes of reasoning” (Carston 2000: 35) based on general knowledge about actions and events. It is not triggered by covert, silent or hidden indexicals, or empty constituent slots (Recanati 1989, Stanley 2000, 2002, Stanley & Szabó 2000, Martí 2006).

(ii) *Lexical adjustment*. Relevance-theoretic pragmatics conceives of concepts as mental entities consisting of a *lexical entry* with information about the natural language words used to verbalise them, a *logical entry* with inference rules capturing its analytic implications and an *encyclopaedic entry* storing varied information about their denotation. Initially, concepts were claimed to be encoded by open-class words like nouns, adjectives and verbs, and to have a denotation. But they were also argued to be schematic, to amount to *pro-concepts*. Hence, they were thought to need an inferential adjustment resulting in occasion-specific or *ad hoc concepts* (Sperber and Wilson 1997, Carston 2000, 2002). A verb like ‘pass’ in the

sentences below would encode the concept PASS³, but it needs modulating in differing manners so that it denotes distinct, albeit somehow related, actions (from Carston 2013):

- (11) a. Jack passed a rope around the tree.
b. Jill passed two cars.
c. Jack passed Jill his phone number.
d. Mary passed her exams.

Early on, relevance-theoretic pragmatics distinguished two types of lexical adjustment (Carston 2000, 2002, Wilson and Carston 2006, 2007). The first one is *broadening* or *loosening* of the denotation of a concept towards something less specific than its literal meaning. This fine-tuning drops one or more of the logical or defining properties of the concept. Thus, CIRCLE in (12a) would not exactly denote a circular shape, but a circle-like shape, while RAW in (12b) would not mean literally raw, but undercooked (from Carston 2013):

- (12) a. The children quickly formed a *circle*.
b. This steak is *raw*.

The second type is *narrowing* or *strengthening* of a lexicalised concept so that it refers to something more specific. This involves elevating one of its idiosyncratic properties to the status of logical property (Carston 2002: 339) on the grounds of “other concepts encoded in the uttered sentence and larger exchange, as well as contextual assumptions, contextually-salient objects, events, etc., and expectations about intended interpretations” (Hall 2017: 93). Accordingly, RED in (13a) is limited to ‘red ink’, while DRINK in (13b) is specified as “drinking large quantities of alcohol” (from Carston 2013):

- (13) a. Give me a *red* pen.
b. Many doctors *drink* because of the stress of their job.

Both adjustments, nevertheless, may take place in combination. This happens, for example, when words are metaphorically used:

- (14) Anne is a *princess*.

Lexical adjustment was then understood as a “rearrangement of some of the information associated with lexical concepts” (Hall 2017: 93). However, a more recent view posits that open-class words would not encode concepts, but just procedures⁴. These would enact the construction of “an address or file label giving access to associated information in memory” (Hall 2017: 97). Such a file would gather highly idiosyncratic information making up singular, perhaps one-off, mental entities (Carston 2013, 2016, Wilson 2016).

³ Following another relevance-theoretic convention, concepts are notated in small caps and ad hoc concepts with an asterisk.

⁴ Conceptual and procedural meaning need not be mutually exclusive but may be jointly encoded by some linguistic expressions (Ifantidou 1992, 1993, Escandell Vidal 2002, Wilson and Sperber 1993, Wharton 2009, Wilson 2016).

These pragmatic developments follow the least effort-demanding path and stop when expectations of cognitive gain are satisfied. Relying on highly salient contextual and encyclopaedic information, the mind looks for the most easily-accessible, logical and plausible options when delimiting the sense of words or syntactic stretches, searching for potential referents, recovering missing information or modulating the meaning of lexical items (Wilson 1999, 2017, Wilson & Sperber 2002, 2004). The result is the *lower-level explicature* of an utterance. This is part of the meaning that the speaker communicates explicitly. It has four defining characteristics:

a) It is a communicated proposition that is part of the speaker's meaning.

b) It is identified by a combination of decoding and inference. The more decoding involved, the *stronger* a lower-level explicature will be, while the more inference needed, the *weaker* it will be (Wilson and Sperber 2002, 2004, Wilson 2017).

c) It is distinct from an implicature, as it does not overlap in content and has its own truth conditions. In fact, a lower-level explicature can function as an autonomous premise in inferential processes and may be stored separately in memory (Carston 2013: 263–264).

d) Like an implicature, it is calculable and cancellable. Indeed, “cancellability and calculability are properties of any and all aspects of utterance meaning which are derived pragmatically rather than via a process of linguistic decoding” (Carston 2013: 264)⁵.

The mind also represents the speaker's attitude, feelings, emotions and/or stance about what she says, and/or the action that she intends to perform verbally. This representation is the higher-level explicature. It is a conceptual schema under which the pragmatically developed logical form is embedded (Sperber and Wilson 1986/1995, Wilson and Sperber 2002, 2004). Its construction may be steered by a plethora of linguistic elements. These include *attitudinal* adverbials (15), *illocutionary* adverbials (16), *evidential* adverbials (17), *hearsay* adverbials (18), parenthetical expressions (19), syntax, mood and/or modal verbs (20) (Ifantidou 1992, 1993, 2001, Wilson and Sperber 1993, Wilson 1999):

- (15) a. *Unfortunately*, Tom did not enjoy the film.
b. [SPEAKER_x REGRETS* [TOM_y NOT ENJOY* FILM* at time_t]]
- (16) a. *Frankly*, Tom enjoyed the film.
b. [SPEAKER_x SAYS* IN A FRANK MANNER [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]
- (17) a. *Clearly*, Tom enjoyed the film.
b. [SPEAKER_x IS CERTAIN* [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]

⁵ To Gricean pragmatists, cancellability was a feature of the so-called *particularised conversational implicatures*. Presuppositions or *conventional implicatures*, in contrast, were considered non-cancellable because of their dependence on the semantic properties of one or some of the words used (Grice 1989).

- (18) a. *Allegedly*, Tom enjoyed the film.
 b. [SPEAKER_x IS UNCERTAIN* [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]
- (19) a. Tom did not enjoy the film, *I hear*.
 b. [SPEAKER_x HEARS*/IS TOLD* [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]
- (20) a. Tom *enjoyed/might have enjoyed* the film.
 b. [SPEAKER_x INFORMS*/IS CERTAIN* [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]

Paralinguistic elements like interjections, prosody, gestures, facial expressions or movements also assist the construction of higher-level explicatures, as they also encode processing instructions (Wilson and Wharton 2006, Wharton 2009, 2016). If they provide clear evidence for the speaker's attitude, stance, emotions or feelings, they *determinately* show it, while they *indeterminately* do so if the evidence that they provide is less clear (Sperber and Wilson 2015):

- (21) a. *Wow*, Tom enjoyed the film!
 b. [SPEAKER_x IS HAPPY*/SURPRISED*/DELIGHTED* [TOM_y ENJOY* FILM* at time_t]]

Absent in Gricean pragmatics, the notion of higher-level explicature is a valuable contribution of relevance-theoretic pragmatics. It also has four defining characteristics:

a) It is not the communicated proposition, but a representation, perhaps in a propositional format, of the speaker's mental states. Yet, it also is part of her informative intention.

b) It is identified by a combination of decoding, inference and emotion-reading in some cases, while in others by inference and emotion-reading. Its strength varies depending on the number of mechanisms involved in its construction and the determinacy of paralinguistic.

c) It is distinct from a lower-level explicature and occupies a superordinate representational level, as it subsumes the latter.

d) It is calculable and cancellable inasmuch as its construction relies on inference and this may go wrong.

Both the lower- and the higher-level explicature make up the explicit content of an utterance. The fact that the diminutive morpheme may be connected with specific notions could indicate that it contributes some conceptual material to the explicit content of utterances. Then, it would be a conceptual element. However, its varied usages also suggest that its contribution to comprehension could be different: it could steer (some of) the tasks in mutual parallel adjustment and it could do so in distinct manners. It seems to affect other conceptual elements in the lower-level explicature of an utterance, but it might trigger the representation of the speaker's attitude, emotions and/or feelings. This would involve admitting that the diminutive is a procedural element that steers the phase of comprehension in which hypotheses about explicit content are formulated.

4. On the procedural nature of the diminutive morpheme

If the semantics of the diminutive morpheme were conceptual, it would encode concepts like smallness or littleness. Consequently, it would alter the denotation of the concept linguistically encoded by the word to which it is attached in terms of size. For instance, its addition to a noun like ‘dog’ would shift the concept DOG encoded by that noun to another like SMALL DOG. This would have facilitated the lexicalisation of words receiving this morpheme, as might have happened to ‘mesita/mesilla de noche’ (‘nightstand’) (Criado de Diego and Andión Herrero 2018).

This semantic modification, however, does not seem feasible when the diminutive expresses intensification (1), approximation (2) and pejoration (3), or when it is used to show intimacy (5) or modesty (6). The speaker of (1a) would not be communicating that the degree of cleanness of the room is low, while that of (2a) would not be saying that the town is not (very) close. The adjective to which the diminutive is attached in (1a) seems to express a higher degree of cleanness than average or than the speaker actually expected, about the same as the adverb in (2a) appears to convey that the town is close, closer than expected or within a short ride. Similarly, in (3a) the speaker would not be stating that the shirt and the flowers on it are tiny, while in (5) she would not be calling her interlocutor a miniature bastard. The nouns to which the diminutive is added in (3a) give the impression that the shirt is hideous or of bad quality, and the flowers on it outdated or of bad taste. In turn, in (5) the diminutive shows that the speaker considers her interlocutor any of a range of things including a rascal, a naughty person or a badly behaved person, while it also displays her affection to him. Lastly, the speaker of (6) would not be asserting that her new car is minuscule, either. The morpheme suggests that the speaker’s car is affordable, inexpensive, non-indulgent, an average or sub-compact vehicle.

None of those notions or ideas are objectively connected with size, but involve some element of subjectivity. What speakers seem to do when adding the diminutive is to invite the construction of highly idiosyncratic conceptual representations that capture personal assessments, estimates, judgements or evaluations of something to which they allude. Accordingly, the diminutive would trigger the construction of the ad hoc, occasion-specific, perhaps one-off, concepts LIMPIA* (CLEAN*), CERCA* (CLOSE*), CAMISA* (SHIRT*), etc. It would be endowed with a procedural semantics enacting the adjustment of the concepts encoded by the words to which it is attached. Hence, instead of contributing conceptual material to comprehension, its contribution would amount to processing instructions steering lexical pragmatic processes.

Following the traditional relevance-theoretic view of lexical adjustment, the procedural semantics of the diminutive would instruct the comprehension module to narrow down the denotation of the concept encoded by the word to which it is added towards some more specific notional space. The logical properties of that concept would be retained, but one or more items of encyclopaedic information

would be elevated to defining properties, even if temporarily. In the case of (3a), for instance, the encyclopaedic entry of CAMISA (SHIRT) might store beliefs concerning features or properties related to size, material, cut, style, touch, etc., as well as more personal beliefs regarding the speaker's views, values or standards about shirts in general or some type or style of shirt. When the denotation of that concept is narrowed, some of those personal beliefs are given the status of essential properties of the resulting concept. Thus, CAMISA* (SHIRT*) might be roughly paraphraseable as "outdated loose-fitting shirt that the speaker dislikes and would never wear". The final output of narrowing, nevertheless, would depend on available contextual information and, obviously, on the information stored in the encyclopaedic entry of the concept encoded by the lexical item to which the diminutive is attached. In the more recent relevance-theoretic view, in contrast, the procedure encoded by the diminutive would trigger the creation of some sort of occasional mental file where the hearer stores beliefs about what he thinks the speaker refers to by means of the lexical item to which the morpheme is added. Thus, CAMISA* (SHIRT*) might host beliefs pertaining to the type of garment the speaker means, its cut, size, style, decoration, but also similar beliefs concerning the speaker's supposed opinion or assessment of the shirt she is talking about.

Ascribing this procedural semantics to the diminutive, however, might raise certain issues when it is used to express attitudes, emotions or feelings. Certainly, the ad hoc concepts resulting from its addition may house beliefs about the speaker's likes, preferences, assessments, judgements and, why not, the attitudes she has towards the referents of such concepts or the emotions that they cause her. When processing (4), the hearer might create the ad hoc concept CASA* (HOUSE*), roughly paraphraseable, for instance, as "the sort of house the speaker likes/adores". Its mental file might likewise include fairly idiosyncratic assumptions to the effect that the speaker is delighted, impressed, surprised, stunned or dumbfounded by the house. Yet, the representation of affective attitudes and emotions seems to be the by-product of a specialised emotion-reading mechanism different from the inferential one (Wilson 2012).

The emotion-reading mechanism monitors a variety of paralinguistic clues and is thought to yield some sort of attitudinal or emotional description. The format of this representation would be compatible with that of the representations constructed by the inferential mechanism, so it can integrate with them. The occurrence of the diminutive morpheme might be considered to activate, or raise the activation of, the emotion-reading mechanism. Additionally, it might be deemed to somehow constrain the output of that mechanism in a fashion similar to attitudinal adverbials and paralinguistic clues like interjections, intonation, facial expressions or gestures.

The descriptions enacted by such (para)linguistic elements embed or subsume the whole pragmatically developed proposition supplied by the inferential mechanism. In other words, their scope ranges over a whole lower-level explicature. In contrast, the attitudinal or emotional representations that the diminutive might be supposed to trigger would not take under their scope whole

propositions. Rather, they would simply affect constituents thereof: namely, the conceptual referents of the lexical items to which the diminutive is attached. This would enable the diminutive to indicate the speaker's attitude or feelings about just certain constituents of a propositional form, not about the whole of it. As in the case of higher-level explicatures, the actual content of that alleged representation would depend on available contextual and/or encyclopaedic information. If this were so, then the diminutive morpheme could also be contended to encode another procedure: one that facilitates identification of psychological states about entities, objects, events, etc., referred to in a proposition, and their mental representation. That new representation could be sketched as follows:

- (22) a. Tienes una casita muy acogedora.
 b. [SPEAKER_x SAYS* [HEARER_y OWNS* COSY*
 [SPEAKER FEELS POSITIVE EMOTION >]HOUSE*]]

The output of that procedure would resemble that of the procedures that slurs or expressive expletives might encode. Offensive terms like 'hori' or 'chink' target a disparaging attitude at the social group that they allude to (Blakemore 2015). They could then be posited to enact its representation through some attitudinal description confined to their referents. In turn, expletives like 'fucking' or 'bleeding' project a number of attitudes towards the nouns they accompany. They would hence trigger similar mental representations, too (Padilla Cruz 2018, 2019). Output similarity might warrant an alternative procedural analysis of the diminutive along the same lines as these two types of elements.

The more restricted scope of the attitudinal or emotional description that the diminutive, as well as slurs and expletives, might trigger would differentiate it from a higher-level explicature. Supposedly, it would occupy a different representational slot or give rise to an additional representational layer. That attitudinal or emotional description would only subsume, or be superordinate to, a conceptual constituent of a lower-level explicature. This might apparently justify coining a new label in order to refer to it: *intermediate-level explicature* (Padilla Cruz 2018). An intermediate-level explicature could be characterised as follows:

a) It would be a representation, perhaps in a propositional format too, of the speaker's affective attitude towards or emotional state about what is denoted by a conceptual element of the proposition that she expresses. Hence, it would also be part of her intended meaning.

b) It would be the by-product of decoding, inference and emotion-reading, and its strength would be contingent on the occurrence of (para)linguistic elements steering its construction. These could provide more or less clear evidence of the speaker's psychological states.

c) It would be distinct from both a lower-level and a higher-level explicature, as it would only take under its scope a constituent of a lower-level explicature. Therefore, it would be a shorter-ranging representation whose scope is limited to just a conceptual element of the expressed proposition.

d) Like a lower-level and a higher-level explicature, it would also be both calculable and cancellable because of its dependence on inference.

The ascription of that alternative procedure triggering that shorter-ranging attitudinal or emotional representation to the diminutive morpheme would also raise a series of issues. On the one hand, the diminutive would be a *poly-procedural* element: it would encode a procedure for ad hoc-concept construction and another procedure enacting the said representation, which would be activated on differing occasions. The possibility that certain linguistic elements encode more than one procedure has been advanced by Padilla Cruz (2018, 2019) and Bardzokas (2019a, 2019b). The former has proposed that expressive expletives might enact ad hoc-concept construction, while giving rise to affective-attitude descriptions. The latter has argued that the Modern Greek pragmatic marker ‘μα’ (‘ma’) effects the elimination of a contextual assumption accessed by the hearer and the representation of the speaker’s attitude of surprise about that assumption. Similarly, ‘αφού’ (‘afú’) constrains the implicated content of the utterance where it appears and presents a convincing argument justifying a speaker’s decision to perform a speech act. Such a twofold procedural encoding would contradict the current relevance-theoretic characterisation of procedural meaning. In addition to being non-compositional, behaving rigidly and lacking nonliteral uses, procedural elements are claimed to be monosemic: they only encode one processing instruction (Carston 2016: 159–161). However, multiple procedural encoding would be possible if the diminutive encoded some sort of *meta-procedure*, or superordinate instruction, determining which particular procedure from among a set of candidates should be activated in a specific context. Alternatively, the activation of a specific procedure could be determined by additional semantic, syntactic or prosodic constraints (Wharton 2009, Wilson 2011, 2012, 2016, Padilla Cruz 2018).

On the other hand, the enactment of another representational layer would increase the complexity of the tasks in mutual parallel adjustment and, therefore, cognitive effort. That increase undoubtedly contravenes the natural tendency of the human mind to achieve maximum processing efficiency (Sperber and Wilson 1986/1995). Its by-product, furthermore, might be considered to superfluously increment the number of representations with which the mind would work. This would oppose Ockham’s razor principle, according to which the simplest and easiest explanation is to be preferred. Perhaps information about the speaker’s attitude, emotions or feelings may be manifest as a result of the occurrence of the diminutive morpheme and can be stored within the conceptual file created for the lexical item to which it is attached (Padilla Cruz, in press). However, there does not seem to be any reason why the mind could not be thought to represent that information as an additional, independent representation. It could be the output of the emotion-reading mechanism, which would track paralinguistic clues like prosody, facial expressions or gestures accompanying the utterance where the diminutive occurs (Wilson 2012). Were this so, the diminutive would contribute to

the activation of that mechanism, interact with those clues and favour the construction of such a representation.

The procedural semantics of the diminutive has thus far been examined with regard to its uses as an intensification, approximation or pejoration device, as well as when it shows intimacy or psychological states. But this morpheme also satisfies an attenuating, hedging or mitigating function (Garcés Conejos, Bou Franch and García Gómez 1992, Albelda Marco and Briz Gómez 2010, Albelda Marco and Cestero Mancera 2011, Briz Gómez 2011, Briz Gómez and Albelda Marco 2013, Maíz-Arévalo 2018). In directive speech acts, such as requests, commands or orders, it communicates that the very action, or a requested item, do not involve a high degree of imposition (Brown and Levinson 1987). This function might suggest that its semantics resists a procedural analysis along the lines of those previously proposed.

Clearly, the diminutive would not give rise to an additional representation capturing the speaker's psychological states about something. Indeed, she would not be expressing any feeling about something she alludes to. As for lexical adjustment, the diminutive might be thought not to license it either. In (7) the morpheme would not effect the narrowing of CIGARETTE so that the fine-tuned concept highlights or brings to the fore specific properties or nuances of the referred item. The speaker simply unveils estimates about the cost of an object or action. The crux of the diminutive might then be deemed to reside precisely there: in what the speaker communicates about the action that she seeks to accomplish.

Representations of illocutionary force or actions verbally attempted are made through higher-level explicatures. The diminutive might be judged to constrain them when it is used to hedge speech acts. Its semantics would also be procedural and the procedure that it would allegedly encode would assist the construction of fine-grained superordinate speech-act descriptions. These might be considered to include precise information about the performance or presentation of the intended action, or the hearer's unlikely effort-expenditure. Thus, the notion of littleness or low degree often linked to the diminutive would be symbolically transferred to, and somehow integrated in, the higher-level explicature of an utterance –hence its capacity for mitigating verbal actions. Those more elaborate higher-level explicatures would somehow resemble those effected by the occurrence of illocutionary adverbials like that in (16). Accordingly, the higher-level explicature of (7) could be represented as follows:

- (23) a. [SPEAKER_x REQUESTS* POLITELY [HEARER_y GIVES* SPEAKER_y CIGARRETTE*]]
 b. [SPEAKER_x REQUESTS*, AND THINKS* THAT REQUEST* DOES NOT REQUIRE* (MUCH) EFFORT* [HEARER_y GIVES* SPEAKER_y CIGARRETTE*]]

Again, positing a procedure for only a specific use of the diminutive would render it a poly-procedural element and leave a complex picture of its semantics: in some cases it would steer the lexical pragmatic processes necessary for the

construction of a lower-level explicature, in other cases it would facilitate the construction of attitudinal or emotional representations, whereas in others it would contribute to higher-level explicatures. Activation of that extra procedure would call for a superordinate procedure or depend on paralinguistic clues and/or linguistic factors, such as imperative mood, interrogative word-order, conventionalised (requestive) formulae and/or occurrence of certain illocutionary force indicating devices. Yet, this could be considered demanding and implausible in cognitive terms, and to contradict the relevance-theoretic position on procedural meaning. That third procedure could even be deemed redundant, as long as its effects could be thought to result from another procedure: that enacting ad hoc-concept construction. This might otherwise be regarded as the sole procedure encoded by the diminutive. If that pragmatic process were approached as a rearrangement of information stored in the encyclopaedic entry of a concept (Hall 2017), it would facilitate access to encyclopaedic assumptions referring to the cost of goods or actions, and their elevation to the status of defining properties, even if momentarily. If that process is approached as amounting to the creation of idiosyncratic mental spaces subsuming varied assumptions (Carston 2013, 2016, Wilson 2016), the instructions packed by the diminutive would trigger files that would house beliefs concerning the speaker's estimates of item cost or the effort-expenditure demanded by particular actions. Although this would enable a unitary account of the procedural meaning of this morpheme, it still is too soon to rule out the possibility that its semantics might consist of three procedures or it causes the mind to perform distinct tasks yielding diverse outputs. Future research should corroborate or refute it by examining the communicative effects of the diminutive in other languages where it is also fairly productive or by analysing the augmentative, another evaluative morpheme that appears to fulfil similar functions.

5. Conclusion

The various functions of the diminutive morpheme may be explained as stemming from its semantics. Though it is amenable to a procedural analysis, this is not an easy endeavour. This affix might be argued to encode distinct procedures: one for ad hoc-concept construction, another giving rise to shorter-ranging attitude- or emotion-related descriptions, and a third one steering the construction of sophisticated higher-level explicatures. They would turn the morpheme into a poly-procedural element requiring an additional instruction or (para)linguistic constraints determining the exact procedure that should be activated on a particular occasion. Alternatively, the procedural meaning of the diminutive could be viewed as consisting solely of one processing instruction. It would only effect a lexical pragmatic process resulting in an occasion-specific conceptual representation that may store a range of information. That information may pertain to the speaker's attitudes, emotions and feelings about what she alludes to, or the cost and/or effort-expenditure demanded by items or actions. Although approaching the semantics of this morpheme in this fashion would enable a unitary account of its meaning and

contribution to communication, further research should confirm the number and nature of the procedure(s) that the diminutive actually encodes. This is fundamental to developing a psychologically plausible relevance-theoretic approach to this evaluative morpheme.

© Manuel Padilla Cruz, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Albelda Marco, Marta & Antonio Briz Gómez. 2010. Aspectos pragmáticos. Cortesía y atenuantes verbales en las dos orillas a través de muestras orales. In Milagros Aleza Izquierdo & José María Enguita Utrilla (eds.), *La lengua española en América: normas y usos actuales*, 237–260. Valencia: Universidad de Valencia.
- Albelda Marco, Marta & Ana María Cestero Mancera. 2011. De nuevo, sobre los procedimientos de atenuación lingüística. *Español Actual* 96. 9–40.
- Badarneh, Muhammad A. 2010. The pragmatics of diminutives in colloquial Jordanian Arabic. *Journal of Pragmatics* 42 (1). 153–167.
- Bardzokas, Valandis. 2019a. Distinctions in procedural meaning. *International Review of Pragmatics* 11 (1). 79–108.
- Bardzokas, Valandis. 2019b. Poly-procedural meaning: The case of Modern Greek marker ‘afu’. Paper delivered at the 40th Annual Meeting. Department of Linguistics, School of Philology, Aristotle University of Thessaloniki.
- Blakemore, Diane. 1987. *Semantic constraints on relevance*. Oxford: Basil Blackwell.
- Blakemore, Diane. 1992. *Understanding utterances. An introduction to pragmatics*. Oxford: Blackwell.
- Blakemore, Diane. 2002. *Relevance and linguistic meaning. The semantics and pragmatics of discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blakemore, Diane. 2011. On the descriptive ineffability of expressive meaning. *Journal of Pragmatics* 43 (14). 3537–3550.
- Blakemore, Diane. 2015. Slurs and expletives: A case against a general account of expressive meaning. *Language Sciences* 52. 22–35.
- Bosque, Ignacio. 2009. *Nueva gramática de la lengua española*. Madrid: Espasa.
- Briz Gómez, Antonio. 2011. Lo discursivo de las partículas discursivas en el *Diccionario de partículas discursivas del español (DPDE)*: La atenuación como significado fundamental o uso contextual. In Heidi Aschenberg & Óscar Loureda Lamas (eds.), *Marcadores del discurso: de la descripción a la definición*, 77–108. Madrid: Iberoamericana.
- Briz Gómez, Antonio & Marta Albelda Marco. 2013. Una propuesta teórica y metodológica para el análisis de la atenuación lingüística en español y portugués. La base de un proyecto en común (ES.POR.ATENUACIÓN). *Onomázein* 28 (2). 288–319.
- Brown, Penelope & Stephen C. Levinson. 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carston, Robyn. 2000. Explicatures and semantics. *UCL Working Papers in Linguistics* 12. 1–44.
- Carston, Robyn. 2002. *Thoughts and utterances. The pragmatics of explicit communication*. Oxford: Blackwell.

- Carston, Robyn. 2009. The explicit/implicit distinction in pragmatics and the limits of explicit communication. *International Review of Pragmatics* 1 (1). 35–62.
- Carston, Robyn. 2013. Word meaning, what is said and explicatures. In Carlo Penco & Filippo Domeneschi (eds.), *What is said and what is not*, 175–204. Stanford: CSLI.
- Carston, Robyn. 2016. The heterogeneity of procedural meaning. *Lingua* 175–176. 154–166.
- Carston, Robyn & Alison Hall. 2017. Contextual effects on explicature: Optional pragmatics or optional syntax? *International Review of Pragmatics* 9 (1). 51–81.
- Criado de Diego, Cecilia & Andión Herrero, María Antonieta. 2018. Lexicalización diminutiva en dos corpus originales (lengua oral y lengua escrita). *Estudios de Lingüística de la Universidad de Alicante* 32. 73–90.
- De Marco, Anna. 1998. The acquisition of diminutives in Italian. *Antwerp Papers in Linguistics* 95. 199–218.
- de Saussure, Louis. 2012. Temporal reference in discourse. In Keith Allan & Kasia Jaszcolt (eds.), *The Cambridge handbook of pragmatics*, 423–446. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dressler, Wolfgang U. & Lavinia Merlini Barbaresi. 2001. Morphopragmatics of diminutives and augmentatives. On the priority of pragmatics over semantics. In István Kenesei & Robert M. Harnish (eds.), *Perspectives on semantics, pragmatics, and discourse. Festschrift for Ferenc Kiefer*, 43–58. Amsterdam: John Benjamins.
- Escandell Vidal, Victoria. 2002. Echo-syntax and metarepresentations. *Lingua* 112 (11). 871–900.
- Escandell Vidal, Victoria & Manuel Leonetti. 2011. On the rigidity of procedural meaning. In Victoria Escandell Vidal, Manuel Leonetti & Aoife Ahern (eds.), *Procedural meaning: Problems and perspectives*, 81–102. Bingley: Emerald Group Publishing.
- Fraser, Bruce. 1990. Perspectives on politeness. *Journal of Pragmatics* 14. 219–236.
- Garcés Conejos, Pilar, Bou Franch, Patricia & Emilio García Gómez. 1992. Estudio pragmático-contrastivo del diminutivo: Una propuesta metodológica. In Feli Etxeberria & Jesús Arzamendi (eds.), *Bilingüismo y adquisición de lenguas. Actas del IX Congreso Nacional de AESLA*, 247–258. Vitoria: Servicio de Publicaciones de la Universidad del País Vasco.
- Gómez Torrego, Leonardo. 2002. *Gramática didáctica del español*. Madrid: Ediciones SM.
- Grice, Herbert P. 1989. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hall, Alison. 2017. Lexical pragmatics, explicature and ad hoc concepts. In Ilse Depraetere & Raphael Salkie (eds.), *Semantics and pragmatics: Drawing a line*, 85–100. Cham: Springer.
- Ifantidou, Elly. 1992. Sentential adverbs and relevance. *UCL Working Papers in Linguistics* 4. 193–214.
- Ifantidou, Elly. 1993. Parentheticals and relevance. *UCL Working Papers in Linguistics* 5. 193–210.
- Ifantidou, Elly. 2001. *Evidentials and relevance*. Amsterdam: John Benjamins.
- Jary, Mark. 2016. Rethinking explicit utterance content. *Journal of Pragmatics* 102. 24–37.
- Locher, Miriam A. & Richard J. Watts. 2005. Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research. Language, Behaviour and Culture* 1 (1). 9–33.
- Maíz-Arévalo, Carmen. 2018. “Sólo un poquito”: El uso y funciones del diminutivo en español peninsular en dos grupos de Facebook. *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación* 73. 33–52.
- Martí, Luisa. 2006. Unarticulated constituents revisited. *Linguistics and Philosophy* 29 (2). 135–166.

- Mendoza, Martha. 2005. Polite diminutives in Spanish. A matter of size? In Robin T. Lakoff & Sachiko Ide (eds.), *Broadening the horizons of linguistic politeness*, 163–173. Amsterdam: John Benjamins.
- Moeschler, Jacques. 2016. Where is procedural meaning located? Evidence from discourse connectives and tenses. *Lingua* 175–176. 122–138.
- Náñez Fernández, Emilio. 2006. *El diminutivo. Historia y funciones en el español clásico y moderno*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid.
- Padilla Cruz, Manuel. 2018. Expressive APs and expletive NPs revisited: Refining the extant relevance-theoretic procedural account. *Lingua* 205. 54–70.
- Padilla Cruz, Manuel. 2019. Qualifying insults, offensive epithets, slurs and expressive expletives: A relevance-theoretic approach. *Journal of Language Aggression and Conflict* 7 (2). 156–181.
- Padilla Cruz, Manuel (in press) Ad hoc concepts, affective attitude and epistemic stance. *Pragmatics & Cognition*.
- Potts, Christopher. 2007a. The expressive dimension. *Theoretical Linguistics* 33 (2). 165–197.
- Potts, Christopher. 2007b. The centrality of expressive indices. *Theoretical Linguistics* 33 (2). 255–268.
- Recanati, François. 1993. *Direct reference: From language to thought*. Oxford: Blackwell.
- Recanati, François. 2002. Does linguistic communication rest on inference? *Mind & Language* 17 (1–2). 102–126.
- Recanati, François. 2004. *Literal meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schneider, Klaus P. 2003. *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Scollon, Ron & Suzanne W. Scollon. 1995. *Intercultural communication. A discourse approach*. Cambridge: Blackwell.
- Sifianou, Maria. 1992. The use of diminutive in expressing politeness: Modern Greek versus English. *Journal of Pragmatics* 17 (2). 155–173.
- Spencer-Oatey, Helen D. (eds.). 2008. *Culturally speaking. Culture, communication and politeness*. London: Continuum.
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 1986. *Relevance. Communication and cognition*. Oxford: Blackwell.
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 1995. *Relevance. Communication and cognition* (2nd ed.). Oxford: Blackwell.
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 1997. The mapping between the mental and the public lexicon. *UCL Working Papers in Linguistics* 9. 107–125.
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 2015. Beyond speaker's meaning. *Croatian Journal of Philosophy* 15 (44). 117–149.
- Stanley, Jason. 2000. Context and logical form. *Linguistics and Philosophy* 23 (4). 391–434.
- Stanley, Jason. 2002. Making it articulated. *Mind & Language* 17 (1–2). 149–168.
- Stanley, Jason & Zoltán G. Szabó. 2000a. On quantifier domain restriction. *Mind & Language* 15 (2–3). 219–261.
- Volek, Bronislava. 1987. *Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wharton, Tim. 2009. *Pragmatics and non-verbal communication*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wharton, Tim. 2016. That bloody so-and-so has retired: Expressives revisited. *Lingua* 175–176. 20–35.
- Wierzbicka, Anna. 1991. *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wilson, Deirdre. 1999. Metarepresentation in linguistic communication. *UCL Working Papers in Linguistics* 11. 127–161.

- Wilson, Deirdre. 2012. Modality and the conceptual-procedural distinction. In Ewa Wałaszewska & Agnieszka Piskorska (eds.), *Relevance theory. More than understanding*, 23–43. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Wilson, Deirdre. 2016. Reassessing the conceptual-procedural distinction. *Lingua* 175–176. 5–19.
- Wilson, Deirdre. 2017. Relevance theory. In Yan Huan (eds.), *The Oxford handbook of pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Wilson, Deirdre & Robyn Carston. 2006. Metaphor, relevance and the ‘emergent property’ issue. *Mind & Language* 21 (3). 404–433.
- Wilson, Deirdre & Robyn Carston. 2007. A unitary approach to lexical pragmatics: Relevance, inference and ad hoc concepts. In Noel Burton-Roberts (eds.), *Pragmatics*, 230–259. Basingstoke: Palgrave.
- Wilson, Deirdre & Dan Sperber. 1993. Linguistic form and relevance. *Lingua* 90 (1). 1–25.
- Wilson, Deirdre & Dan Sperber. 2002. Relevance theory. *UCL Working Papers in Linguistics* 14. 249–287.
- Wilson Deirdre & Dan Sperber. 2004. Relevance theory. In Larry Horn & Gregory Ward (eds.), *The handbook of pragmatics*, 607–632. Oxford: Blackwell.
- Wilson, Deirdre & Tim Wharton. 2006. Relevance and prosody. *Journal of Pragmatics* 38. 1559–1579.
- Würstle, Regine. 1992. *Überangebot und Defizit in der Wortbildung: Eine kontrastive Studie zur Diminutivbildung im Deutschen, Französischen und Englischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Zuluaga Ospina, Alberto. 1970. La función del diminutivo en español. *Thesaurus* 1 (1). 23–48.

Article history:

Received: 30 July 2020

Revised: 30 September 2020

Accepted: 2 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июля 2020

Дата принятия к печати: 2 октября 2020

Bionote:

Manuel PADILA CRUZ holds a PhD in English Linguistics from Universidad de Seville, where he currently is an Associate Professor of English at the Department of English Language. He also is the head of the research group “Intercultural pragmatic studies (English-Spanish): Pragmatic and discourse issues”. His research interests fall within pragmatics and, more specifically, relevance-theoretic pragmatics. He has approached a number of phenomena that include phatic communication, interjections, pragmatic failure, insults, epistemic vigilance or humour. His work has been published, among others, in *Journal of Pragmatics*, *Intercultural Pragmatics*, *International Review of Pragmatics*, *Humor*, *Lingua*, *Language Awareness*, and *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*.

Contact information:

University of Seville, Seville, Spain

e-mail: mpadillacruz@us.es

ORCID ID: 0000-0003-2908-7261

Сведения об авторе:

Мануэль ПАДИЛЬЯ КРУЗ получил докторскую степень по лингвистике английского языка в Университете Севильи, где в настоящее время является доцентом кафедры английского языка. Он возглавляет исследовательскую группу «Межкультурные прагматические исследования (английский – испанский языки): прагматические и дискурсивные проблемы». Сферу его исследовательских интересов составляют проблемы прагматики, в частности, прагматические аспекты теории релевантности. Доктор Падилья Круз исследовал ряд лингвистических феноменов, в т.ч. фатическое общение, междометия, прагматические сбои, оскорбления, эпистемическую вигильность и юмор. Его работы были опубликованы в журналах *Journal of Pragmatics*, *Intercultural Pragmatics*, *International Review of Pragmatics*, *Humor*, *Lingua*, *Language Awareness*, *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*.

Контактная информация:

University of Seville

e-mail: mpadillacruz@us.es

ORCID ID: 0000-0003-2908-7261

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-796-815

Research article

A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorials

Mohammad ALIPOUR and Parastoo JAHANBIN

Department of English Language teaching, Ahvaz Branch,
Islamic Azad university
Ahvaz, Iran

Abstract

The study is aimed at gaining further insight into the concept of proximity and its contribution to text development in general and newspaper editorials in particular. It also furthers our understanding of cross-linguistic differences in the use of metadiscourse. Therefore, the purpose of this study was to investigate and compare proximity elements in Iranian and American newspaper editorials. Following Hyland's proximity model (2010a) which comprises five major elements, *organization, argumentative structure, stance, engagement, and credibility*, we focused on a detailed analysis of proximity features in two corpora, Iranian newspaper editorials and American newspaper editorials. To this aim, 240 newspaper editorials, including 120 editorials from each category, were collected. The outcomes revealed that there were significant differences in the use of proximity elements in the mentioned corpora. It was demonstrated that *stance* markers were considerably more recurrent in the American data than their Iranian counterpart. Unlike the American editorials, the Iranian ones contained a larger number of *engagement* markers. The key reasons behind such discrepancies are discussed in terms of differences in cultural, social, and political backgrounds. This study can be helpful for English for Specific/Academic Purposes (ES/AP) learners who study journalistic English to become familiar with proximity.

Keywords: *editorials, proximity, metadiscourse, stance, engagement, English, Persian*

For citation:

Alipour, Mohammad & Parastoo Jahanbin. 2020. A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorials. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 796–815. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-796-815

Научная статья

Сопоставительное исследование проксимальности в редакционных статьях иранских и американских газет

Мохаммад АЛАМПУР, Джоханбин ПАРАСТУ

Исламский университет Азад
Ахваз, Иран

Аннотация

Данное исследование нацелено на осмысление понятия проксимальности и его вклада в формирование текста в целом и газетных редакционных статей в частности. Оно также

углубляет понимание кросскультурных различий в использовании метадискурса. Цель исследования – рассмотрение и сопоставление элементов проксимальности в редакционных статьях иранских и американских газет. Опираясь на модель проксимальности К. Хайленда (2010a), которая включает пять основных элементов (организация, аргументативная структура, позиция, вовлеченность и доверие), мы сосредоточились на детальном анализе особенностей проксимальности в двух корпусах данных – редакционных статьях иранских и американских газет. С этой целью было собрано 240 газетных редакционных статей, по 120 в каждой категории. Исследование показало, что между двумя корпусами наблюдаются серьезные различия в использовании проксимальности. Был сделан вывод о том, что в американских редакционных статьях маркеры отношения встречались намного чаще, чем в иранских. В отличие от американских редакционных статей, иранские включали намного больше маркеров вовлеченности. Причины этих расхождений обсуждаются с точки зрения культурных, социальных и политических фоновых различий. Знакомство с особенностями проксимальности может быть полезным для тех, кто изучает английский язык для специальных/академических целей (ES/AP), в частности для журналистики.

Ключевые слова: редакционная статья, проксимальность, метадискурс, позиция, вовлеченность, английский язык, персидский язык

Для цитирования:

Alipour M., Jahanbin P. A comparative study of proximity in Iranian and American newspaper editorials. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 796–815. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-796-815

1. Introduction

It is known that the language of newspapers is not completely impartial (Fowler 1991). Editorials can be assumed as the initial part of newspapers that are used to start communication between the writer and the reader. In spite of other parts of newspaper that are considered to provide somewhat neutral reports, this section reflects the editor's personal attitude and "perhaps more than any other type of writing reflects national styles regarding modes of persuasion" (Connor 1996: 143). The main concentration of an editorial is on the establishment of a relationship between the author and the addressee to indirectly convey their thoughts to readers through linguistic elements. This part is marked as a message from the editor (Vazquez Y Del Arbol 2005). Editorials are considered as leading articles. In other words, these articles are accomplished to shape and change people's views. Different rhetorical features are applied to reflect the editor's opinion directly and indirectly (Van Dijk 1996). "Editorials suggest the formal policy of a newspaper on a current issue that contain newsworthy statement at the time of publication" (Le 2004: 688).

In accord with the social view of written communication, writers and readers negotiate shared interpretive practices in texts (Kuhi & Mojood 2014). For Fowler (1991), the text is the offshoot of this negotiation through shared knowledge or culture where the writer must take heed of its social influence on readers (Hyland 2005a). This type of communication can transpire via proximity.

Metadiscourse markers are groups of linguistic elements which assist the writer to predict the addressee's need and allow him/her to write based on readers' attitude (Hyland 2010b). Metadiscourse markers are defined as rhetorical elements

that imply trustworthiness and concerns of addressees. They also demonstrate how the text is tied up with the addressee's expectation and his/her life (Crismore & Farnsworth 1990, Hyland 1999). Metadiscourse markers can be considered as linguistic links that assist people who are involved in conversation to comprehend each other whether in a written or spoken context (Vande Kopple 1985). Crismore, Markkanen, and Steffensen (1993) stated that metadiscourse devices are crucial linguistic features that are applied intentionally and purposefully to intensify the sense of unification between the author and the reader. They demonstrate the writers' "personality, credibility, considerateness of the reader, and relationship to the subject matter and to readers" (p. 40).

Many studies (Abdollahzadeh 2007, Andrusenko 2016, Ansarin & Tarlani-ali-abadi 2011, Dafouz-Milne 2008, Khabbazi Oskouei 2011, Kuhl & Mojood 2012; Lee 2011, Lee & Elliott Casal 2014) have investigated cross-linguistic metadiscourse which deals with metadiscourse features across languages. Abdollahzadeh (2007) explored metadiscourse markers in English and Persian editorials. To this aim, he compared 26 editorials from each group to find similarities and differences that might exist between them. The outcomes revealed that English authors tend to employ code-glosses and certainty markers more than Iranians. Also, emphatic markers are used considerably more in Persian editorialists. Cultural differences are the most significant factor that affects metadiscourse in both languages. In addition, Andrusenko (2016) demonstrated crucial cross-cultural, cross-linguistic, and genre-related distinctions in the use of hedges. The results disclosed that the total percentage of hedges in Spanish research articles is higher than the Arabic counterparts. In another study, Ansarin and Tarlani-ali-abadi (2011) focused on reader engagement in English and Persian applied linguistics articles. Although there was not any significant distinction among their examined corpora, the results demonstrated that English native writers are more competent to establish a successful interaction between the writer and the reader. Moreover, it was revealed that the differences in reader engagement derive from different cultural norms that are an inseparable part of the writer's characteristic. Moreover, Dafouz-Milne (2008) investigated Spanish and English newspapers to highlight the probable differences that exist in textual and interpersonal metadiscourse markers used to establish persuasion with regard to cultural differences. The outcomes illustrated the presence of both textual and interpersonal metadiscourse markers in both languages. Also, textual markers are used more in Spanish opinion columns than English ones.

Khabbazi Oskouei (2011) explored interactional metadiscourse markers in English and Persian editorials. The results disclosed that there is not any significant difference in the employment of interactional elements between Persian and English editorials. In addition, she concluded that both English and Persian authors are willing to utilize the mentioned linguistic features to convince their addressees to accept their views implicitly. In another research study, Kuhl and Mojood (2012) examined metadiscourse in English and Persian editorials. The results revealed

fundamental distinctions across editorial genres and also showed how authors employ metadiscourse devices to convince readers to accept their own points of view. Regarding the differences, the existence of cultural variations cause editorialists to have different preferences for the employment of hedges and boosters. Persian and English editorials utilize interactional metadiscourse devices more than transactional ones to influence the addressee's attitude. Additionally, Lee (2011) examined stance and engagement in Japanese and English in journalistic and academic genres. He discovered that English writers are less willing to use engagement elements in editorials. Lee and Elliott Casal (2014) explored metadiscourse elements in English and Spanish theses. They analyzed 200 discussion and result sections of master's theses in engineering to find similarities and differences across metadiscourse employments. The outcomes demonstrated that metadiscourse devices in English articles are used more than Spanish articles. The study also indicated that cross-cultural differences affected the frequency of metadiscourse patterns in both groups.

According to Hyland (2010a) who first put forth proximity, this concept embodies the idea of interaction and occurs when authors establish mutual interaction via the employment of rhetorical features. Hyland adds that proximity deals with two facets in the establishment of mutual interaction. In other words, it is based on two central concepts. The first one is named *proximity of membership* that is defined as the demonstration of power through experts with regard to the norms of community. The second concept is called *proximity of commitment* that is considered as the manifestation of the writers' position in the text, and the way they declare their point of view (Hyland 2010a).

"Proximity is achieved in argument by the ways writers frame information for their target readers. Framing is achieved by tailoring information to the assumed knowledge base of potential readers, creating proximity for different audiences through language choices which ask readers to recognize something as familiar or accepted" (Hyland 2010a: 121). In case of proximity, very few studies have been conducted so far. Preliminary work on proximity construction in written corpora was undertaken by Hyland (2010a). He concentrated on constructing proximity relating to readers in popular and professional science. He investigated a corpus of texts in two very different genres, research papers and popular science articles, and discovered that the notion of interpersonality is established through the application of proximity elements.

Scotto Di Carlo (2014) explored proximity in online popularizations. Popularization by definition is a social process consisting of a large class of discursive-semiotic practices aiming to communicate lay versions of scientific knowledge (Calsamiglia & Van Dijk 2004). This study aimed to apply Hyland's (2010a) proximity framework in TED (Technology, Entertainment, and Design) talks in order to find out how presenters use rhetorical features to guarantee mutual understanding between the addresser and the addressee. The results showed that proximity features and linguistic devices in TED talks were used to invoke the

audience's emotions. By applying such rhetorical features, speakers boost comprehensibility of their speeches so as to become more understandable. Apart from Hyland, a number of cognitive linguists have investigated proximity. For instance, Johnstone and Mando (2014) examined the relationship between proximity and journalistic practice. Their findings highlighted the significant role of proximity features. Babaii and Rajabi (2018) studied various aspects of proximity in online video courses belonging to the fields of education and psychology from Coursera website. They applied Hyland's (2010a) proximity framework to analyze the collected data. They demonstrated some crucial linguistic features that online instructors used to interact successfully with their learners.

Since persuasion strategies can vary across genres, and according to Hyland's (2005a) claim that editorials apply metadiscourse in their own means to influence the readers, it appears that the editorials genre might as well resort to its particular ways to employ and distribute proximity. However, since "writing is a cultural object" (Moreno 1997: 5) and based on Kaplan's (1966) contrastive rhetoric, every language possesses an exclusive set of rhetorical norms (Connor 1996). As a result, it can be said that the use of proximity markers might differ cross-culturally in one specific genre, which is the editorials genre in the current study. Moreover, we opted for editorials in the same line with Ansary and Babaii (2009) who believe editorials are "persuasive, public and probably representative both of local cultures and of ideological proclivities" (p.214), and are hence worth being cross-culturally investigated.

There have been a few studies on the newspaper genre (Dafouz- Milne 2003, 2008, Le 2004, Abdollahzadeh 2007, Noorian & Biria 2010). Nonetheless, there is merely one cross-linguistic research attempt made by Abdollahzadeh (2007) on the use of metadiscourse across English and Persian newspaper editorials. To the best of our knowledge, despite the above-mentioned studies, there appears to be no research of the proximity concept in the newspaper editorial section in general and between Iranian and American editorials in particular. To bridge this gap, the current study is primarily designed to find out the proximity markers in editorials written by Iranian and American authors. Therefore, the motives for this study are the followings: 1) the need to achieve a successful interaction in the newspaper editorial genre, 2) the need to be familiar with Iranian and American editorialist's lexicon in terms of proximity, and 3) the need to determine the most frequent types of proximity markers across Iranian and American newspaper editorials.

Specifically, the following research questions are pursued:

1. Are there any similarities or differences among Iranian and American newspaper editorials in terms of proximity construction?
2. What types of proximity elements are frequently used in Iranian newspaper editorials?
3. What types of proximity elements are frequently used in American newspaper editorials?

2. Theoretical Framework

In this study, the identification of proximity features was based on the characteristics of proximity defined by Hyland (2010a), the pioneer of its investigation. According to him:

Proximity deals with writer's control of rhetorical features which display both authority as an expert and a personal position towards issues in an unfolding text. It is concerned with how writers represent not only themselves and their readers, but also their material, in ways which are most likely to meet their readers' expectations (p. 117).

This model consists of five major elements that are briefly explained below:

1. *Organization*: It can be seen as one of the writing means that authors employ to attain closeness with their own readers. It is illustrated by a general preface at the beginning of the text to motivate readers to follow the text enthusiastically. This strategy can be implied through *introduction*, *establishing a common ground* with the audience, *contextualizing the topic historically* and using *proverb* (Hyland 2010a).

2. *Argument structures*: These features are utilized to persuade readers to think in the same way that writers desire. In other words, they attempt to promote critical thoughts by the application of technical terminology, acronyms, reference to other investigation and specialized forms of equipment. Moreover, for explanatory technique and paraphrasing, linguistic devices are used to clarify ambiguities. These linguistic devices can be '*that means*', or '*in other ways*' (Hyland 2010a).

3. *Stance*: It is defined as linguistic devices that authors apply to inspire reader's feelings and judgements. Distinctive emotions and beliefs about specific issues can be represented through linguistic elements including: *Hedges*, *Boosters*, *Attitude Markers*, and *Self-mention* (Hyland 2005b).

4. *Engagement*: Hyland (2005b) describes *engagement* markers as rhetorical devices that are used to involve readers in the text. They comprise *reader pronouns*, *personal asides*, *appeals to shared knowledge*, *directives*, and *questions*.

5. *Credibility*: It deals with reliability of the proposition. The sources of propositions must be provided by author to ensure the addressee that the text is credible. To achieve the aim, writer mentions the name of scientists who are well-known and accepted by people (Hyland 2010a).

3. Corpus

The corpora used in this study were collected from the editorials of the most accessible and recent Persian and American newspapers. The data consisted of 240 newspaper editorials, 120 Iranian editorials and 120 American editorials. The editorials were compiled from newspapers published from January 2018 to March 2018. The researchers started with the most recent newspapers in March, and they moved backward chronologically in order to access the newest editorials. Therefore, the reason behind the selection of this time interval was recency.

Hereafter, for the purpose of data saturation, we added 30 more editorials to each category. Once the editorials were collected, word count was run in order to determine the size of the corpora. The total number of words in the two sub-corpora was 209,951. We have discovered 13,768 proximity elements described above were in the selected samples.

With regard to the Iranian corpus, 120 editorials were compiled from *Keyhan* (affiliated with the conservative party), *Mardomsalari* (affiliated with the reformist party), *Shargh* (affiliated with the reformist party), and *Iran* (affiliated with the moderate party) newspapers. Thirty editorials were selected from each newspaper. The rationale behind the selection of these newspapers was their circulation among Iranian newspapers. The circulations of all the mentioned newspapers are roughly 120,000. The Iranian corpus comprised of 120,598 words, and the proximity features were counted to be to 7,934. As regards the American corpus, 120 editorials were culled from *New York Times* (affiliated with the Democratic party) with the circulation of 1,865,318, *Los Angeles Times* (affiliated with the Democratic party) with the circulation of 653,868, *Washington Post* (affiliated with the left-wing political party) with the circulation of 474,767, and *Guardian* (affiliated with the liberal and left-wing party) with the circulation of 185,429. Thirty editorials were compiled from each newspaper. The reason behind the selection of these newspapers was ease of accessibility and their rates of circulation. The American corpus included 89,353 words and 5,834 proximity items. It is worth mentioning that depending on the editorial board’s preferences and the culture, the length of each editorial was different. Table 1 shows the general information of the corpora.

Table 1

General information about the corpora			
Editorials	No. of the Texts	No. of Words	No. of Proximity Elements
Iranian	120	120,598	7,934
American	120	89,353	5,834
Total	240	209,951	13,768

The procedure applied in this study began with the collection of 240 Iranian and American newspaper editorials published from January 2016 to March 2016. As mentioned in the corpus section, 120 editorials were compiled from each corpus. Having read each text carefully and thoroughly, we analyzed the editorials in the light of Hyland’s (2010a) proximity model. The rationale behind the selection of this framework is that Hyland’s proximity model is the first and the only available proximity model. Prior to our research, nonetheless, in order to check the feasibility of the study and the reliability of the analysis, a pilot analysis was conducted by two raters. Ten percent of the data (Persian and English) was randomly selected and analysis was run on them by the researcher as well as her supervisor who was familiar with the framework. Both raters reached acceptable agreement over the method of analysis which was further confirmed by the reliability coefficient of ($r=0.87$) obtained through Cohen’s Kappa measure of agreement. After the

reliability coefficient was verified, the same procedure used in the pilot study in identifying the proximity elements was applied to the whole dataset. In the first step, the Persian data was transferred to a word file. Then, all the proximity elements were determined and categorized according to their specific types. The frequency of each element was counted and written. After the calculation of proximity percentages, it was required to calculate the density of proximity features. For this purpose, the frequency of each proximity marker was divided by the total number of words. In the second step, the English data was converted to a word file. Concerning the Persian data, all the proximity features was recognized and the frequency of each proximity element was recorded in the paper. The percentages were then obtained through the division of proximity markers by the total proximity number. Moreover, the density of proximity elements was estimated by dividing the number of proximity features by the number of words. The data were first collected in a paper-and-pencil grid that maintained their sequential occurrence and were then classified according to Hyland's (2010a) proximity model. Next, in order to ensure the comparability between the results for both corpora, the proximity elements were calculated and normalized. This normalization was carried out via multiplying the total number of proximity elements in the English editorials by the total number of words in the Persian editorials and then dividing it by the total number of words in the American editorials. We also identified the frequency, percentage, and density of the proximity elements. On the grounds that compiling texts which comprised exactly the same number of words was not feasible, we employed the 1000-word approach as a common premise to standardize the findings of our analyses.

4. Results and Discussion

The present study is theoretically supported by and is in line with Hyland's (2010a) model of proximity that depicts the bilateral cooperation between authors and readers. This interaction involves five major elements.

1. *Organization* can be seen as one of the writing means that is used to attain proximity. It is demonstrated through a general introduction about the topic providing a necessary background at the beginning of the text. This strategy can be implied through *introduction (general statement and quotation)*, *establishing a common ground with the audience*, *contextualizing the topic historically*, and *proverb*. These are applied at the introductory part of the text to motivate the readers to go through the whole text enthusiastically (Hyland 2010a). These linguistic features help readers to decode the text more precisely (Crismore 1989). Table 2 and Table 3 draws on percentages of editorials in which each of these occur. Regarding the *organization* markers, *contextualizing topic historical* markers was the most frequent with 2.24 percent in the Persian texts, while it occurred less in the other corpus. Iranian editorialists employ historical events to create a connection between events which happened in the past and those happening in the present. Thus, by applying references to historical events at the beginning of the text, they provide readers with specific signs about the main idea of the text. With respect to

Table 2

Details of Proximity Features in the American Corpus

Hyland's (2010a) Proximity Framework		American	%	Density in Text	
Organization	Introduction	General Statement	114	1.95	0.12%
		Quotation	6	0.1	0.006%
	Stablishing Common Ground		43	0.73	0.04%
	Contextualizing Topic Historically		125	2.14	0.13%
	Proverb		0	0	0
Total		288	4.92	0.296%	
Argumentative Structure		196	3.37	0.21%	
Stance	Hedge		2,549	43.69	2.85%
	Booster		1,891	32.43	2.11%
	Attitude Marker		420	7.19	0.47%
	Self-mention		216	3.7	0.24%
Total		5,076	87.01	5.67%	
Engagement	Reader Pronoun		65	1.11	0.07%
	Personal Aside		24	0.43	0.02%
	Shared Knowledge		43	0.74	0.04%
	Directive		3	0.05	0.003%
	Question		100	1.71	0.11%
Total		235	4.04	0.243	
Credibility		39	0.66	0.04%	
Total No. Of Density				6.459%	
Total No. of Proximity		5,834			
Total No. Of Words		89,353			

Table 3

Details of Proximity Features in the Iranian Corpus

Hyland's (2010a) Proximity Framework		Iranian	%	Density in Text	
Organization	Introduction	General Statement	112	1.41	0.09%
		Quotation	8	0.1	0.006%
	Stablishing Common Ground		66	0.83	0.05%
	Contextualizing Topic Historically		178	2.24	0.14%
	Proverb		30	0.37	0.02%
Total		394	4.95	0.306%	
Argumentative Structure		334	4.2	0.27%	
Stance	Hedge		1970	24.86	1.63%
	Booster		2532	31.91	2.09%
	Attitude Marker		1014	12.81	0.84%
	Self-mention		774	9.75	0.64%
Total		6,290	79.33	5.2%	
Engagement	Reader Pronoun		149	1.87	0.12%
	Personal Aside		138	1.73	0.11%
	Shared Knowledge		66	0.83	0.05%
	Directive		20	0.25	0.01%
	Question		346	4.36	0.28%
Total		719	9.04	0.57%	
Credibility		197	2.48	0.16%	
Total No. of Density				6.506%	
Total No. of Proximity		7,934			
Total No. of Words		120,598			

introduction markers, the calculated percentages were slightly different, 1.95 percent of American editorials initiated by *general statement*. The results demonstrated that editorialists were aware of this linguistic device and employed it similarly. Therefore, editorialists employ this linguistic element to increase the opportunity for understanding the message that is embedded in the text. In this respect, it should be noted that the last *organization* sub-category, i.e. *proverb*, was the proximity marker that was only employed in Iranian editorials with 0.37 percent. Iranian writers use *proverbs* to clarify the issues under the debate and strengthen the idea that is rooted in the same cultural background. Further, the application of *proverbs* increases the neutrality of the text, as it is narrated from a third person's viewpoint. Hence, it can be more understandable for people who live in the same society, belong to the same culture, and are familiar with similar *proverbs*. Table 2 demonstrates the non-presence of *proverbs* in American editorials. Instances are provided below to clarify the *general statement*, *contextualizing topic historical* markers, and *proverb* from the *organization* element of the proximity model:

In Iranian data

General statement:

(1) "*The dispute over the promotion of the music art is not a new debate...*".

(Iran, March 4, 2018)

Quotation:

(2) "*Secretary of Foreign Affairs said "not only there is just one solution, but also several solutions exist to the nuclear issue."*(Keyhan, February 7, 2018)

Establishing common ground:

(3) "...Let us not forget that we are on the verge of the biggest historical story of *our country...*". (Shargh, January 31, 2018)

Contextualizing topic historically:

(4) "...America's embassy in Sana'a was attacked on February 11-the anniversary of the Iranian Islamic Revolution- in Tehran...". (Keyhan, February 15, 2018)

Proverb:

(5) "...*Be careful what you wish for, you might just get it* (Literal meaning: Death is good but just for neighbors)...". (Mardom Salari, February 26, 2018)

2. *Argument structure* is employed to grasp a wide range of audiences. Authors try to persuade readers to think in the same way they desire. Moreover, for explanatory technique and paraphrasing, linguistic devices are used to clarify ambiguities. These linguistic devices can be 'that means', or 'in other ways' (Hyland 2010a), among many others which are investigated in the present study. Bernstein (1999) claims that via exemplification, authors render difficult concepts to a comprehensible form for ordinary people. Results demonstrated that the Persian editorialists made a considerable effort to convince their readers by employing this linguistic device than the American counterparts. According to Table 3, with 4.2 percent, Persian editorials contained more argumentative structures than their English counterparts. Further, the Persian editorialists employ *argumentative*

structure to support their statements. The application of this linguistic feature helps them to justify and defend their own claims about a phenomenon. In addition, via this linguistic device, they clarify vague concepts for their addressees. Among the many instances of argumentative structure we could detect in the editorials, in example 6, ‘*that means*’ is a linguistic device which is applied as an explanatory technique to clarify ambiguity (Hyland 2010a).

(6) “...since the L.A. bull hook ban, which passed in 2014, doesn't go into effect until 2017, *that means* the Ringling show that comes to Los Angeles this summer will include elephants...”. (Los Angeles Times, March 6, 2018)

3. *Stance* is defined as linguistic devices that authors apply to inspire the reader’s feelings and judgments. Distinctive emotions and beliefs about specific issues can be represented through linguistic elements including: *Hedges*, *Boosters*, *Attitude Markers* and *Self-mention*. Authors cast doubt through the use of *hedges* and demonstrate a sense of solidarity and certainty through the accomplishment of *boosters*. They also try to make their addressees agree with them via *self-mention* pronouns. *Attitude markers* are applied to demonstrate attitudes and feelings of writers (Hyland 2005b). As observed in the above Table 2, *hedges*, with 43.69 percent in American newspaper editorials, were the most frequent *stance* sub-group. Moreover, the Iranian corpus included a lower percentage of *hedges*, 24.86 percent. In addition, the high frequency of *stance* in the American corpus is in line with Hyland’s (2008) study which discovered that *stance* markers occurred more than other metadiscourse devices. The analysis displayed that *hedges* from the *stance* group and *questions* of the *engagement* category were the most repeated items. The findings about the frequency employment of *hedges* are in line with Hyland (2005b) and McGrath and Kuteeva (2012) who demonstrated that *hedges* were the most recurrent metadiscourse markers in English across different disciplines. In line with Hyland (1999) and Lee and Elliott Casal (2014), English writers tend to state their idea as an assumption. Moreover, they put the burden of interpretation on the addressee’s shoulders. Further, the wide use of *hedges* in the English corpus demonstrates that American editorialists tend to create a fuzzy situation for their addressees. They also want to leave the final decision about the discussed issues to the reader’s preference through *hedge* markers. The existence of *hedges* decreases the sense of author’s bigotry. As seen from Table 2, after *hedges*, the second frequent proximity item was *boosters*, from the *stance* sub-group, showing a very similar number. Further, an overall look at the density column demonstrates that the highest density of proximity markers belongs to *hedges* and *boosters* from the *stance* sub-group in both corpora. The Iranian editorialists utilized *boosters* to highlight assurances in their texts and engage readers by a great use of *questions*. It manifests that the Iranian authors tend to assure readers about the accuracy of issues by a great use of *boosters*. They also utilize these linguistic devices to show that they are assertive about their texts. Moreover, Iranian writers employ *boosters* to highlight the significance of a specific concept and highlight it to attract the reader’s attention. A detailed look at

Table 3 demonstrates that *attitude* markers stood at the third place in terms of the occurrence frequency. This proximity feature prominently outnumbered others in Persian texts, being 12.81 percent compared to the American corpus. It demonstrates that Iranian authors tend to express feelings and beliefs more explicitly than American editorialists do. Moreover, they prefer to avoid skepticism and doubtfulness in their texts. They furthermore employ *attitude markers* to enhance definiteness and sureness in the reader's mind. Similar to Dafouz- Milne's (2008) study, the American editorials employed *attitude markers* less than *hedges* and *boosters*. The remaining proximity categories experienced a low frequency of occurrence in all the editorials under study. In other words, they were hardly applied in this genre. Further, there is a significant difference in *self-mention* employment across the texts. The Iranian editorials contained the largest occurrence of *self-mention* element. Hence, *self-mention* is favored by Iranian editorialists more than their peers. It showed that American editorialists are reluctant to create a sense of solidarity with their readers. Examples are provided:

In American data:

Hedge:

(7) "These contrasts *may* help explain why delays in discharging patients..."

(Guardian, February 18, 2018)

Booster:

(8)

"...That was *certainly* the right result". (New York Times, March 10, 2018)

Attitude marker:

(9) "The Obama administration counters persuasively — to us, if not to Hanen — that it acted *properly* and within its legal authority." (Los Angeles Times, February 17, 2018)

Self-mention:

(10) "*We* think Montanez is the candidate..." (Los Angeles Times, February 15, 2018)

3. *Engagement* devices can be assumed as linguistic markers that are applied to manifest the author's place/position with regard to others' position in a specific context (Marthin & White 2005). Based on Bakhtin (1981) and Voloshinov (1995), from a social dimension, writers must be able to project the addressee's reaction to their text and be familiar with the reader's social needs. Then, they can involve them in their text successfully. Hyland (2005b) describes *engagement* markers as rhetorical devices that are used to involve readers in the text. They comprise *reader pronouns*, *personal asides*, *appeals to shared knowledge*, *directives*, and *questions*. The outcome revealed that the Iranian editorials had significantly higher frequencies of *engagement* markers than their American counterpart. Put simply, Iranian authors attempt to involve their readers in their editorials more than American authors and boost the reader's presence in their texts. This finding was in line with the study by Lee (2011) who examined *stance* and *engagement* in both Japanese and English in journalistic and academic genres. He discovered that the

English writers were less specialized to use *engagement* elements in editorials. Regarding the *engagement* markers, the findings displayed that *question* device was the most recurrent proximity feature in this category. The Iranian editorials used *question* markers with the rate of 4.36 percent, the English editorials 1.71 percent. *Question* markers are more prominent in Iranian editorials than in the American counterparts since editorialists believe that *questions* are the best linguistic device used to increase the addressee's involvement in the written discourse. *Reader pronoun* was the second frequent *engagement* sub-group. There was also a minor difference between the corpora in *reader pronoun* and *shared knowledge* employment. The frequency of *reader pronoun* and *shared knowledge* in both Iranian and American corpora had a relatively similar degree. As it is illustrated in Table 2 and Table 3, the least frequent *engagement* marker was *directive* in both corpora. Thus, this proximity feature made up the least density in comparison with all the proximity markers. For instance:

In American data:

Reader pronoun:

(11) “*What does citizenship mean to you?*”. (Los Angeles Times, February 17, 2018)

Personal aside:

(12) “*Besides being willing to sabotage any deal with Iran (before they know the final details), these Republicans are ...*”. (New York Times, March 11, 2018)

Shared knowledge:

(13) “*The code on our streets is pre-emptive aggression*”. (New York Times, March 10, 2018)

Directive:

(14) “*Notice these examples...*”. (Keyhan, January 4, 2018 by Hossein Shamsian)

Question:

(15) “*...So what's left?*” (Los Angeles Times, February 18, 2018)

5. *Credibility* of the text is achieved through the contribution of new events with well-known facts that occurred in the past. In other words, it deals with reliability of the proposition. To achieve the aim, a writer mentions the names of scientists who are well-known and accepted by people. On the other hand, they imply their ideas through scientific reports to enhance the reliability of their statement (Hyland 2010a). The occurrence of the *credibility* item in the corpora was very low. As is evident from Table 3, *credibility* markers were more frequent in the Iranian editorials than the American ones. Nonetheless, *credibility* markers were scarcely used in the American counterpart with 0.66 percent. As scientists and scholars hold a lofty position in the Iranian society, they give credibility to their texts by incorporating famous people's quotations. The religious concepts are also significant for Iranian people. Thus, they give reference to verses of the holy Quran to authenticate their texts. In other words, Iranian editorialists tend to validate their statement by employing the quotations of famous people or verses of Quran. It is a

kind of verification that makes readers to accept statements and accompany the writer to follow the rest of the text. Thus, this distinction is deeply rooted in cross-cultural differences. For example:

In Iranian data:

(16) “*Freud believes that crime is instinctive*”. (Iran, February 21, 2018)

The outcomes of the study illustrated the significance of proximity features in the corpora. The comparison between the American and the Iranian corpora demonstrated crucial differences in the use of proximity. These variations can derive from cultural, social, and political issues that encompass all languages. As far as the frequency of proximity items was concerned, *stance*, *engagement*, and *organization* were successively the most frequent proximity elements in the Iranian editorials. Moreover, a detailed analysis revealed that *boosters* from the *stance* group and *questions* from the *engagement* category were the prominent proximity elements in the Iranian data. With regard to differentiation in *credibility*, the American and the Iranian editorials employed this rhetorical element in a very different way. This element is observed more in Iranian editorials than in American ones. With regard to the American data, *stance*, *organization* and *engagement* occurred with the highest frequencies in comparison with other proximity elements. The analysis displayed that *hedges* from the *stance* group and *questions* of the *engagement* category were the most repeated items. Findings about the frequency employment of *hedges* are in line with Hyland (2005b) and McGrath and Kuteeva (2012) who demonstrated that *hedges* are the most recurrent metadiscourse markers in English across different disciplines.

The findings of our study are in line with previous studies devoted to metadiscourse markers in other genres (Andrusenko 2016, Ansarin & Tarlani- ali abadi 2011, Dafouz- Milne 2008, Lee & Elliott Casal 2014). The key outcome of the present study was the substantial difference in Iranian and American newspaper editorials in terms of using the proximity factors. For instance, the total number of *engagement* markers in the Iranian editorials was more than the American ones. Furthermore, the number of *stance* markers was considerably larger in the American data than the Iranian counterpart. Broadly speaking, there was a notable difference in proximity realization among the corpora.

The similarities found across the Iranian and American editorials can be explained in light of the linguistic features peculiar to the editorial genre which tend to surpass culture-specific conventions of each language. However, a fair justification for the discrepancies can be attributed to a number of factors impacting the ways in which Persians and Americans establish their argumentation and create editorials.

As far as the reasons behind the differences in Iranian and American editorials go, they deal with a range of cultural, socio-political and historical influences which vary from culture to culture. Jiang (2000) points out that “language and culture make a living organism; language is flesh, and culture is blood. Without culture,

language would be dead; without language, culture would have no shape”. Mitchell and Myles (2004) stated that “language and culture are not separate but acquired together, with each providing support for the development of the other” (p. 235). Jacobs (2017) argues that “there is no point in analyzing any type of institutional discourse if we are not seriously trying to find out about the complexity of life inside those institutions” (p. 35). When writers produce texts, they bear in mind the audience for which they create their linguistic products. That is probably why Iranian and American editorialists resort to rather different proximity strategies to put forth their arguments and establish rapport with their readers. Thus, the discrepancies in interaction behaviors are an indication of the diversity in cultural patterns and values. In other words, cultural backgrounds deeply influence the way people talk (Wang 2011). Adel (2006) suggested that cultural norms vary in different languages and also across varieties of English. Put simply, customs and rituals are coded by linguistic elements. Kuo and Lai (2006) asserted that “Language should be conceptualized as an integrated part of a society and its culture” (p. 5). Social background can also lead to such differences. Therefore, language is a social phenomenon that is formed by society (Armour-Thomas & Gopaul-McNicol 1998). In fact, language is an inseparable structure of community that is fed by society, and it is dependent on culture. Language cannot survive in isolation. It is meaningless without connection to culture and society (Fairclough 1989). Thus, the social factor is one of the most important issues that associate with the rhetorical features that authors employ to create the proximity concept with their readers. Chilton (2004) asserts that “language serves the needs of politicians” (p. 6). It means language is at the service of politics. As Persian and English languages are affected by different policies that are applied by politicians and statesmen, political variations lead authors to employ different linguistic elements to attain proximity with their addressees.

The variations across Persian and American editorials can also be discussed in terms of journalistic routines of each linguistic community. According to Bell (1991), to interpret the newspaper language, one should take into account news-processing practices, rather than merely focus on the news events. Given the degree of openness or pressure writers experience and the severity of censorship they have to cope with, Iranian and American editorials undergo different editing processes. In Iran, for instance, writers suffer from a higher degree of pressure to adhere to newswriting conventions and regulations set by the government, particularly with respect to sensitive political issues and religious topics, so crossing these red lines can at times mean the temporary or even permanent closure of a newspaper. For American editorialists, nevertheless, this censorship stranglehold is much looser. This can elucidate the discrepancy in the employment of differing proximity markers.

Following Guyot (2009), apart from political interferences, the editorial sphere has in the course of history been influenced by “advertising, commercial pressures, competition and other economic pressures” (p. 135). Thus, newspapers have to

grapple with a range of economic pressures, especially when dealing with sensitive or contentious matters, which can be synonymous with the fact that editorials need to consider financial considerations as well. This problem is more pressing in Iran since many newspapers are either state-run or depend on the money funded by the government.

5. Conclusion

Newspapers are read by most people. The editorial section is one of the most significant sections of a newspaper that is represented on the first pages. Newspaper editorials are worth studying since these sections echo cross-cultural distinctions. They are impressive, argumentative texts that represent cultural and ideological aspects (Ansary & Babaii 2009). In the case of this study, the researchers analyzed 240 Iranian and American newspaper editorials published from January 2018 to March 2018 based on Hyland's (2010a) proximity model. The results of the analysis disclosed that different types of proximity features were utilized in editorials in the corpora. The most striking point was that the overall outcomes of the present study approved differences with regard to all the proximity elements across the corpora. Even though all the corpora belong to the editorial genre, they employ proximity elements differently. Further, these distinctions across languages reflect cross-cultural differences. In other words, linguistic differences have roots in cultural norms. The results suggest that proximity elements are not a specific characteristic of English but are eloquent features of languages other than English. Embarking on such studies is essential to better portray the rhetorical features of editorials across languages, still far from being completely presented. This study can help English for Specific/Academic Purposes (ES/AP) learners who study journalistic English to become familiar with proximity and the way it is used to create interpersonal connections among writers and readers in Iranian and American editorials. Further, they will understand how appropriate rhetorical features are used to engage readers and motivate them for reading newspapers. The findings can also assist ES/AP material developers to highlight such differences and can help ES/AP teachers to draw students' attention to such differences. Moreover, proximity elements can be taught in writing sessions. Awareness of these linguistic elements can assist students to be more competent in their writings. It also aids them to enhance mutual understanding in their texts via applying proximity features. When students initiate to write about a given topic, they can simultaneously consider proximity features to achieve closeness and establish rapport with their readers.

© Mohammad Alipour and Parastoo Jahanbin, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Abdollahzadeh, Esmaeel. 2007. *Writer's presence in Persian and English newspaper editorials*. Paper presented at the International Conference on Systemic Functional Linguistics in Odense, Denmark.
- Adel, Annelie. 2006. *Metadiscourse in L1 and L2 English*. Philadelphia: John Benjamins.
- Andrusenko, Anastasiia. 2016. A contrastive analysis of Spanish-Arabic metadiscourse use in persuasive academic writing. *Procedia, Social, and Behavioral Sciences* 178. 9–14. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.138.
- Ansarin, Ali A. & Hassan Tarlani-aliabdi. 2011. Reader engagement in English and Persian applied linguistics articles. *English Language Teaching* 4 (4). 154–164. DOI: 10.5539/elt.v4n4p154.
- Ansary, Hasan & Esmat Babaii. 2009. A cross-cultural analysis of English newspaper editorials: A systemic-functional view of text for contrastive rhetoric research. *RELC Journal* 40 (2). 211–249. DOI: 10.1177/0033688209105867.
- Armour-Thomas, Eleanor & Sharon-nn Gopaul-McNicol. 1998. *Assessing Intelligence: A Bio-Cultural Model*. London: Sage.
- Babaii, Esmat. & Omidreza Rajabi. 2018. Realization of proximity in online video courses: A study with reference to Coursera. *International Journal of English Languages and Translation Studies* 6 (3). 79–89.
- Bakhtin, Mikhail M. 1981. *The Dialogic Imagination*. London: University of Texas Press.
- Bell, Allan. 1991. *The Language of News Media*. Polity: Oxford.
- Bernstein, Basil. 1999. Vertical and horizontal discourse: An essay. *British Journal of Sociology of Education* 20 (2). 157–173. DOI: 10.1080/01425699995380.
- Calsamiglia, Helena & Teun A van Dijk. 2004. Popularisation discourse and knowledge about the genome. *Discourse & Society* 15 (4). 369–389. DOI: 10.1177/0957926504043705.
- Chilton, Paul. 2004. *Analyzing Political Discourse. Theory and Practice*. London: Routledge.
- Connor, Ulla. 1996. *Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second Language Writing*. New York: Cambridge University Press.
- Crismore, Avon. 1989. *Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act*. New York: Peter Lang.
- Crismore, Avon & Rodney Farnsworth. 1990. Metadiscourse in popular and professional science discourse. In W. Nash (eds.), *The writing scholar: Studies in academic discourse* 118–136. Newbury Park: Sage.
- Crismore, Avon, Raija Markkanen & Margaret S. Steffensen. 1993. Metadiscourse in persuasive writing: A study of texts written by American and Finnish university students. *Written Communication* 10 (1). 39–71. DOI: 10.1177/0741088393010001002.
- Dafouz-Milne, Emma. 2003. Metadiscourse revisited: A contrastive study of persuasive writing in professional discourse. *Estudios Ingleses de la Universidad Complutense* 11. 29–52. DOI: 10.5209/rev_eiuc.2003.v11.8792.
- Dafouz-Milne, Emma. 2008. The pragmatic role of textual and interpersonal metadiscourse markers in the construction and attainment of persuasion: A cross-linguistic study of newspaper discourse. *Journal of Pragmatics* 40 (1). 95–113. DOI: 10.1016/j.pragma.2007.10.1003.
- Fairclough, Norman. 1989. *Language and Power*. London: Longman.
- Fowler, Roger. 1991. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London: Routledge.
- Guyot, Jacques. 2009. Political-economic factors shaping news culture. In P. Preston (eds.), *Making the news: Journalism and news cultures in Europe* 135–149. Amsterdam: Routledge.

- Hyland, Ken. 1999. Talking to students: Metadiscourse in introductory textbooks. *English for Specific Purposes*, 18 (1). 3–26. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00025-2.
- Hyland, Ken. 2005a. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum.
- Hyland, Ken. 2005b. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies Journal* 7 (2). 173. DOI: 10.1177/1461445605050365.
- Hyland, Ken. 2008. Persuasion, interaction and construction of knowledge: Representing self and others in research writing. *International Journal of English Studies* 8 (2). 1–23. DOI: 10.6018/ijes.8.2.49151.
- Hyland, Ken. 2010a. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science. *Journal of English for Academic Purposes* 9 (2). 116–127. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.02.003.
- Hyland, Ken. 2010b. Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing. *Nordic journal of English Studies, Special Issue on Metadiscourse* 9 (2). 125–143. DOI: 10.35360/njes.220.
- Jacobs, Geert. 2017. “Tu n’as pas de place pour un petit Somalie?” Language, proximity and impact in the globalized political mediascape. In B. Mottura, L. Osti, & G. Riboni (eds.), *Media and politics: Discourses, cultures and practices* 35–51. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Jiang, Wenying. 2000. The relation between language and culture. *EFT Journal* 54 (4). 328–334. DOI: 10.109/elt/54.4.328.
- Johnstone, Barbara & Justin Mando. 2014. Proximity and journalistic practice in environmental discourse: Experiencing “job blackmail” in the news. *Discourse and Communication* 9 (1). DOI: 10.1177/1750481314555266.
- Kaplan, Robert B. 1966. Cultural thought patterns in inter-cultural education. *Language Learning* 16 (1). 1–20. DOI: 10.1111/j.1467-1770.1966.tb00804.x.
- Khabbazi Oskouei, Leila. 2011. *Interactional variation in English and Persian: A comparative analysis of metadiscourse Features in magazine editorials* (Unpublished Doctoral Dissertation). Norwich: University of East Anglia.
- Kuhi, Davud & Manijeh Mojood. 2012. A Contrastive study of metadiscourse in English and Persian editorials. *The Journal of Applied Linguistics* 5 (1). 137–162.
- Kuhi, Davud & Manijeh Mojood. 2014. Metadiscourse in newspaper genre: A cross-linguistic study of English and Persian editorials. *Procedia Social and Behavioral Sciences* 98. 1046–1055. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.03.515.
- Kuo, Ming-Mu & Cheng Chieh Lai. 2006. Linguistics across cultures: The impact of culture on second language learning. *Journal of Foreign Language Instruction* 8 (2). 1–10.
- Le, Elisabeth. 2004. Active participation within written argumentation: Metadiscourse and editorialist’s authority. *Journal of Pragmatics* 36 (4). 687–714. DOI: 10.1016/S0378-2166(03)00032-8.
- Lee, Nagiko Iwata. 2011. Academic and journalistic writing in English and Japanese: A contrastive study on stance and engagement expressions. *Journal of Modern Languages* 21 (1). 59–71.
- Lee, Joseph J. & J. Elliott Casal. 2014. Metadiscourse in results and discussion chapters: A cross-linguistic analysis of English and Spanish thesis writers in engineering. *System* 46 (1). 39–54. DOI: 10.1016/j.system.2014.07.009.
- Marthin, James R. & Peter R. R. White. 2005. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. New York: Palgrave.
- McGrath, Lisa & Maria Kuteeva. 2012. Stance and engagement in pure mathematics research articles: Linking discourse features to disciplinary practices. *English for Specific Purposes* 31 (3). 161–173.
- Mitchell, Rosamond & Florence Myles. 2004. *Second Language Learning Theories* (2nd ed.). London: Hodder Arnold.

- Moreno, Ana I. 1997. Genre constraints across languages: Casual meta text in Spanish and English RAs. *English for Specific Purposes* 16 (3). 161–179.
- Noorian, Mina & Reza Biria. 2010. Interpersonal metadiscourse in persuasive journalism: A study of texts by American and Iranian EFL columnists. *Journal of Modern Language* 20 (1). 64–79.
- Scotto Di Carlo, Giuseppina. 2014. The role of proximity in online popularizations: The case of TED talks. *Discourse Studies* 16 (5). 591–606. DOI: 10.1177/1461445614538565.
- Vande Kopple, William J. 1985. Some exploratory discourse on metadiscourse. *College Composition and Communication* 36 (1). 82–93. DOI: 10.2307/357609.
- van Dijk, Teun A. 1996. *Opinions and ideologies in editorials*. Paper for the 14th International Symposium of Critical Discourse Analysis: Language, Social Life, and Critical Thought. Greece: Athens, 14th–16th December, 1995.
- Vazquez Y Del Arbol, Esther. 2005. A genre-based study of biomedical editorials and letters to the editor: A constrictive analysis. *IBERICA* 10. 145–160.
- Voloshinov, Valentin N. 1995. *Marxism and the Philosophy of Language, Bakhtinian Thought—An Introductory Reader*. London: Routledge.
- Wang, Jin. 2011. Cultural differences and English teaching. *English Language Teaching* 4 (2). 223–230. DOI: 10.5539/elt.v4n2p223.

Article history:

Received: 27 July 2020

Revised: 15 October 2020

Accepted: 17 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 июля 2020

Дата принятия к печати: 17 октября 2020

Bionotes:

Mohammad ALIPOUR holds a Ph.D. in English Language Teaching (ELT) and is currently a faculty member of Islamic Azad University, Ahvaz Branch. His research interests include discourse analysis and pragmatics. He has published articles in a number of scholarly journals.

Contact information:

Department of English Language Teaching, Ahvaz Branch, Islamic Azad University, Ahvaz, Iran

e-mail: alipour83@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-5888-000X

Parastoo JAHANBIN holds an M.A degree in English Language Teaching (ELT) and is currently working as an English teacher.

Contact information:

Department of English Language Teaching, Ahvaz Branch, Islamic Azad University, Ahvaz, Iran

e-mail: parastoo_jahanbin@yahoo.com

Сведения об авторах:

Мохаммад АЛИПУР – доктор филологии, специалист в области преподавания английского языка как иностранного, преподаватель Исламского университета Азад (Ахвазский филиал). Сфера научных интересов – дискурс-анализ и прагматика. Имеет ряд публикаций в научных журналах.

Контактная информация:

Department of English Language Teaching, Ahvaz Branch, Islamic Azad University, Ahvaz, Iran

e-mail: alipour83@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-5888-000X

Парасту ДЖАХАНБИН – магистр по специальности «Преподавание английского языка как иностранного», преподаватель английского языка. Работает на кафедре преподавания английского языка, Гуманитарный колледж Исламского университета Азад (Ахвазский филиал), Ахваз, Иран.

Контактная информация:

e-mail: parastoo_jahanbin@yahoo.com

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-816-830

Research article

Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels

Tatiana A. IVUSHKINA

MGIMO University
Moscow, Russia

Abstract

The paper is aimed at studying the use of literary words of foreign origin in modern fiction from a sociolinguistic point of view, which presupposes establishing a correlation between this category of words in a speech portrayal or narrative and a social status of the speaker, and verifying that they serve as indices of socially privileged identity in British literature of the XX¹st century. This research is the continuation of the diachronic sociolinguistic study of the upper-class speech portrayals which has traced the distinctive features in their speech and has revealed that literary words of foreign origin unambiguously testify to the social position of a character/speaker and serve as social indices. The question arises then whether it holds true for modern upper-class speakers/speech portrayals, given all the transformations a new millennium has brought about. To this end we have selected 60 contexts from two novels by Jeffrey Archer – *Not a Penny More, Not a Penny Less* (2004) and *A Prisoner of Birth* (2008), and subjected them to a careful examination. A graduate from Oxford and representative of socially privileged classes, Archer gives a wide depiction of characters with different social backgrounds and statuses. The analysis of the novels based on the contextual and functional approaches to the study enabled us to categorize the selected words into four relevant groups. The first class represented by terms (*commodity, debenture, assets, luminescence*, etc.) serves to unambiguously indicate education, occupation, and fields of knowledge or communicative situations in which a character is involved. The second class is formed of words used in conjunction with their Germanic counterparts (*perspiration – sweat, padre – priest, convivial – friendly*) to contrast the social position of the characters: literary words serving as social indices of upper class speakers, whereas their synonyms of Germanic origin characterize middle or lower class speech portrayals. The third class of words comprises socially marked words (verbs, nouns and adjectives), or U-words (the term first coined by Allan Ross and Nancy Mitford), the status acquired in the course of social history development (*elegant, excellent, sophistication, authoritative, preposterous*, etc.). The fourth class includes words used in a humorous or ironic meaning to convey the narrator's attitude to the characters or the situation itself (*ministrations, histrionic*, etc.). Words of this group are perceived as stylistic “aliens”, as they create incongruity between style and subject matter. The social implication of the selected words is enhanced by French words and phrases often accompanying them.

Keywords: *literary words of foreign origin, social context, social index, identity, socially privileged classes, categories of words*

For citation:

Ivushkina, Tatiana A. 2020. Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 816–830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-816-830

Литературные заимствования как социальные маркеры в романах Джеффри Арчера

Т.А. ИВУШКИНА

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
Москва, Россия

Аннотация

В данной статье рассматриваются литературные заимствования в речи персонажей современной английской литературы с целью установления их статуса слов, используемых для социальной идентификации представителей высших классов общества. Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом к социальным различиям в языке и отсутствием социолингвистического изучения данной категории слов на материале современной английской литературы. Проведенный нами ранее диахронический анализ речи представителей высших классов Великобритании на материале художественных произведений XIX–XX вв., выявивший корреляцию между литературными заимствованиями в речи героев и высоким социальным статусом последних, ставит вопрос о релевантности данной взаимосвязи в XXI в. глобальных изменений. Материалом исследования послужили два романа Джеффри Арчера *Not a Penny More, Not a Penny Less* (2004) и *A Prisoner of Birth* (2008), из которых выбраны 60 контекстов. Анализ романов позволил выделить четыре группы слов: первая представлена терминами (*commodity, debenture, assets, luminescence, etc.*), однозначно указывающими на образованность персонажей, их род занятий, а также на ситуацию общения, в которую попадают герои произведений; вторая группа включает в себя литературные слова, используемые в паре с синонимичным словом германского происхождения (*perspiration – sweat, padre – priest, convivial – friendly*) для создания социального контраста: социальной привилегированности и принадлежности персонажей к средним и низшим классам соответственно; третья группа – это U-words, социально-маркированные слова представителей высших классов общества (*elegant, excellent, sophistication, authoritative, preposterous, etc.*); четвертая группа образуется литературными словами с иронической или юмористической коннотациями (*ministrations, histrionic, etc.*), а также создающими намеренный контраст между стилем высказывания и предметом речи, часто усиливаемый французскими словами. Проведенное исследование подтвердило, что литературные заимствования выступают в художественном произведении социальными индексами и несут с собой имплицитную информацию, которая отличается степенью сложности ее инферентного вывода: от простой (термины) к более сложной (словарь высших классов общества), требующей от читателя специальных знаний. Результаты исследования способствуют более глубокому изучению заложенного в данной категории слов потенциала социальной идентификации как в тексте художественного произведения, так и живой речи. Исследование литературных заимствований на материале художественной литературы других авторов может пополнить выделенную типологию.

Ключевые слова: *литературные заимствования, социальный индекс, идентификация, привилегированные классы, категоризация, коннотация, контекст*

Для цитирования:

Ivushkina T.A. Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 816–830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-816-830

1. Introduction

On the face of it, literary words are self-explanatory: they explicitly refer to a literary style connected with literary traditions, writing and, consequently, education. They became part of English culture and language historically, as the result of conquests (the Norman conquest being the longest of them) and the influence of Latin, French and Greek, which immensely contributed to the development not only of English literature (the first literary works were translations from these languages) but scientific and society language as well. The first literary translation experiments preceded Jeffrey Chaucer's recognition as the national founder of the English language and literature. No wonder, there is still a significant stratum of assimilated foreign words which juxtaposes the stratum of colloquial words against the background of a stylistically neutral layer of lexis. Both literary and colloquial words bear connotations opposite in their nature: loftiness, elevation, poeticism and archaism, solemnity and grandiloquence associated with literary words, and informality, intimacy and friendliness associated with colloquial ones (Crystal 2010: 38-45).

This paper focuses on literary words used in modern English fiction. As is known, this layer of English vocabulary is not homogeneous: it comprises terms, archaic words and poetic words, historicisms, barbarisms and neologisms. Linguists from different countries give different classifications and categorization of the words constituting the literary stratum of the English vocabulary (Kuznets 1960, Kostomarov 1965, Fowler 1966, Quirk 1972a, 1972b, Gak 1977, Algeo 1980, Carter, Nash 1983, 1991, Craig 1986, Morokhovsky 1991, Skrebnev 2003, Jarceva 2004, Renouf 2004, Antrushina 2006, Akhmanova 2009, Galperin 2012, Arnold 2016, Rakushina, Ivushkina 2018, Rakushina 2019, et al.) as well as literature and discourse (Aitchinson 1987, Cook 1994). Central to this research are the words of foreign origin, primarily French, Greek and Latin, which successfully assimilated into the English language and are often not perceived as loan words. This category of words has been revealed to be part and parcel of upper class portrayals in the English literature (Ivushkina 2012, 2017).

2. Methodology And Material

The paper is aimed at studying the use of literary words of foreign origin from a sociolinguistic point of view, which presupposes establishing correlations between linguistic and social forms of characterization, verifying social implications of literary words in modern fiction speech representation. In our previous papers, the findings suggested that it is largely socially privileged classes of society that resort to this category of words, hence our scholarly interest in how it functions now and whether it retains its social indexicality. It is noteworthy that the very classification of literary words into different groups (terms, archaic, poetic, obsolete, etc.) basically gives little for the research, as historically, words (all words and literary words among others) tend to evolve, shifting their stylistic connotations, expanding or narrowing their semantics, becoming obsolete or

coming into use again with new meanings. What really matters for our sociolinguistic research are social contexts and functions they perform. It would not be surprising to hear a lot of literary words in a scholarly lecture or presentation at a university, we take it for granted. When it comes to everyday situations, communication with friends and colleagues, with acquaintances or strangers, this is where we feel either social equality/inequality or distance. This inference was reinforced with a series of interviews with British linguists who gave comments on the usage of a number of literary words frequent in speech portrayals of the British literature. The fact that foreign speakers of English are always like on a minefield with literary words under analysis, adds to the realization that in order to use this category of words appropriately, one should acquire solid knowledge of foreign languages taught at classical universities and be part of social culture. These considerations determined the approaches to the study – sociolinguistic (in social contexts) and functional (the performance). We have selected 60 contexts in order to subject the contextual use of lexical units to a careful examination. It was the selection of literary words of foreign origin in contexts that underlie the research. Empirically, we could not ignore the recurrence of some contexts with literary words under analysis which allowed us to classify them into four proposed groups (to be extended on the material of other authors). Our research is aimed at the analysis of those contexts and connotations of selected words and their social implications in the British literature and the way they are brought into play for this purpose. It should be noted that the narrator is considered as a character and studied on a par with speech portrayals.

Jeffrey Archer, one of the most bestselling British authors, has been chosen for analysis, firstly, as a graduate from Oxford University, an intrinsically upper class representative, part of upper class culture, and a bearer of socially marked upper-class language. The fact that Jeffrey Archer served for five years in the British House of Commons and 22 years in the House of Lords testifies to his invaluable experience in the upper echelons of society and his *savoir faire*. This is the reason why the narrator's speech has also been taken into consideration in our research on an equal footing with speech portrayals. Secondly, his novels depict characters belonging to different walks of life that allow us to draw a distinct line between the upper class representatives and those from middle or lower classes of the British society for contrasting socially marked linguistic differences. The study is carried out on two novels by Jeffrey Archer – *Not a Penny More, Not a Penny Less* (2004) and *A Prisoner of Birth* (2008) in which the author presents characters of different social statuses. The total amount of pages is 921.

3. The Research and the Analysis

The two novels served as a source of 60 contexts with literary words of foreign origin that drew our attention because they revealed similar patterns of social indexicality. The analysis of these contexts allowed us to categorize them into several classes.

a) CLASS 1

The first group of words represents terms from different fields of knowledge, which reflect either the main characters' areas of activities or are used for their contrast or comparison. These words are of Latin or Greek origin, which is not surprising as these languages keep enriching the English language by generating new terms in order to designate emerging phenomena, inventions, objects and notions in different spheres of life. As the French linguist Antoinette Renouf specializing in the study of Gallicisms in English notes, "One purpose is to fill 'lacunae' or gaps in English, when there is no adequate word in English to convey a particular denotation or connotation, reference or nuance. Lacunae exist in English for French cultural concepts, inventions and institutions. ... Equally, if there is sometimes no single, neat word in English to express an English concept, and if the gap can be better filled in by a French word, we will adopt it" (Renouf 2004: 529).

the following words selected from the novels belong to this group:

– **commodity** (from a French word, from Latin *commoditas*): 1) a raw material or primary agricultural product that can be bought and sold, 2) a useful or valuable thing (LEXICO online): "*Buy gold on my commodity account until it reaches \$ 10 million and then hold until you receive further instructions. Try and buy in the troughs and don't rush – be patient. Understood?*" (Archer 2004: 1). The term 'commodity account' on the first page of the novel immediately immerses the reader into the world of commerce and trade, unfolding the dark side of doing business today which is based on criminal schemes and cheating, and holding the reader in suspense to the end of the novel.

– **quarry** from Old French *quarriere* based on Latin 'a square' (LEXICO):

Roger could not believe his luck. He did not even consult anyone at Sharpley & Son, knowing only too well that they would try to talk him out of it. Harvey had counted on this and had assessed his quarry accurately (Archer 2004: 15). This term refers to oil and gas industry, the core of any economy, as it generates revenues like no other thus attracting unscrupulous people in the pursuit of profit.

– **debenture** from Latin *debenture* 'are owing' 'a long-term security yielding a fixed rate of interest, issued by a company and secured against assets' (LEXICO): "*Can you join me at Wimbledon on Tuesday, June 25th at 2 P.M., Centre Court, my usual debenture seat?*" (Archer 2004: 2). The term reflects a banking sphere of activity, capital investment and property rights. It is part of a business world in which all the characters are unwillingly involved and thrown together in order to return their stolen money, as they say 'not a penny less, not a penny more'.

The following two terms reflect a different field of activity – medicine and the medicinal notions and conditions in which characters find themselves.

– **prolapsed** from Latin *prolapse* – 'slipped forward' (LEXICO): *They christened her Rosalie, and she became the center of Harvey's attention, his only disappointment came when a prolapse closely followed by a hysterectomy prevented Arlene from bearing him any more children* (Ibid., p. 19); and the term

hysterectomy from Greek *hustera* ‘womb’ + -ectomy (LEXICO). Two terms only allow the reader to get into the family problem caused by Arlene’s inability to give a birth to a child. The term **recuperation** from Latin *recuperare* (LEXICO) is from the same field used to denote recovery from illness, etc.

In the following example we find a term belonging to the sphere of physics – **luminescence** which comes from Latin *lumen* (the emission of light by a substance that has not been heated, as in fluorescence or phosphorescence) (LEXICO): *Later, Stephen had been more embarrassed than flattered by his appearance in the resulting piece written by Compton-Miller for The Times diary: academics are sparing with the word brilliant, but journalists are not. The more self-important of Stephen’s Senior Common Room colleagues had not been amused to see him described as the brightest star in a firmament of moderate luminescence* (Archer 2004: 73). The word ‘firmament’ is a literary word which came into English via French from Latin *firmamentum*, from *firmare* ‘fix, settle’ and means ‘the sky, the heavens’. The combination of two lexical units translates the ironic attitude of the author towards journalist Compton-Miller, who ‘was not sparing’ with exaggerations.

The word **baccarat** of unknown origin came into the English language from French *baccarat* (LEXICO) and denotes a gambling card game: *Jean-Pierre, at accost to Mr. Metcalfe of \$ 25 and a 48-hour wait, became an overseas member of The Claremont, London’s most distinguished gaming club, and assessed his evenings watching the wealthy and lazy play baccarat and blackjack, their stakes often reaching \$1, 000* (Archer 2004: 116). In the novel it reflects the pastime of the rich and their involvement into playing dangerous games at large.

The word **umpire** from Old French *nonper* ‘not equal’ (LEXICO) in sports denotes an official who watches a game or match closely to enforce the rules and arbitrate on matters arising from the play: *The little green scoreboards at the southern end of the court were flashing up the names of Kodeš and Stewart as the umpire took his seat on the high chair in the middle of the court directly overlooking the net* (Archer 2004: 135).

The word **assets**, from Old French *asez* ‘enough’, based on Latin ‘ad’ (to) + *satis* ‘enough’ (LEXICO), an item of property owned by a person or company, regarded as having value and available to meet debts, commitments, or legacies reflects the world of business. In the novel used in singular it denotes a useful or valuable thing or person: *Even Stephen was impressed by Jame’s relaxed line of small talk, although he couldn’t help recalling his academic results when at Christ Church and wondered whether the noble lord would in fact be an asset to his plans* (Archer 2004: 84).

The adduced words of French, Latin or Greek origins are a few from a long list of those which function as terms unambiguously indicating spheres of their usage: medicine (*prolapsed, hysterectomy, syringe, dentures, recuperation*); finance (*debenture, assets, value*); law (*verdict, judge, subpoena, convict, remand*); physics (*luminescence*); gamble (*baccarat*); sports (*umpire*) and many others. In the article

“Shall We Hors D’oeuvres?: The Assimilation of Gallicisms into English”, Renouf writes, “According to our data, journalists in the *Independent* newspaper chiefly employ Gallicisms in the context of style, fashion, cuisine and licentiousness; also of relevant institutions (e.g. Channel Tunnel), matters of water and sea, as well as for the fairly predictable gamut of daily life and culture” (Renouf 2004: 530). It is relevant for the writers of fiction as well. These terms are initially aimed at showing the lifestyle of the characters and spheres of communication, the occupation of the characters and their social status as they reflect scientific notions and are supposed to be shared by the reader with education and erudition.

b) CLASS 2

The second group of words of foreign origin is composed of words (verbs, nouns and adjectives) of French or Latin origin, which have their synonymous Germanic counterparts in the English language. This group of words is of special interest as it reflects the historically grounded social division of words caused by the Norman invasion that had a colossal influence on the English vocabulary containing a long list of assimilated words in its record. Remaining dominant for more than three centuries, French has served as the language of the elite ruling classes of Great Britain, and having acquired socially marked implications of upper class language and culture, assimilated French and Latin words function as social and cultural indices in English fiction. The following examples demonstrate it:

(1) *After a **respectable** period of time had passed, Henryk explained that he must return to work, thanked Mrs. Rennick for her cooperation, paid the bill and left. Outside on the street he whistled with relief. His new shirt was soaked in **sweat** (Mrs. Rennick would have called it **perspiration**), but he was out in the open and could breathe freely again* (Archer 2004: 12).

Different social backgrounds of two characters – Henryk and Mrs. Rennick – are drawn and highlighted by means of two synonymous nouns: “sweat” of Germanic origin and “perspiration” of French origin (from French *perspire*), the latter used in connection with an upper class representative. Henryk felt the social distance and therefore tension and uneasiness with Mrs. Rennick, who even made him sweat during their conversation; he got relieved only after he left her house. The use of the phrase ‘whistled with relief’ reinforces the difference between them as it obviously clashes with civility. The adjective ‘respectable’ (from Latin *respectus*) with the meaning of ‘showing standards of behavior, appearance, etc. that are socially acceptable’, most often associated with the upper classes of society, in this context can be understood as ‘enough in amount or quality’ (infml.). Thus the adjective serves to emphasize good manners in upper class society (the word *respectable* is frequent in descriptions and speech portrayals of the classes in question), and at the same time to express the narrator’s subtle irony, which is in Henryk’s anxiety and fear to annoy and tire Mrs. Rennick of his presence and in trespassing the etiquette and appropriateness accepted in upper class culture.

The following episode is taken from the novel *A Prisoner of Birth*:

(2) *“My friends and I were celebrating Gerald's thirtieth birthday-
“Gerald?” interrupted Pearson.
“Gerald Payne,” said Craig. “He's an old friend from my days at Cambridge.
We were spending a **convivial** evening together, enjoying a bottle of wine.”
Alex Redmayne made a note – he needed to know how many bottles.
Danny wanted to ask what the word “**convivial**” meant.
“But sadly it didn't end up being a **convivial** evening,” prompted Pearson
(Archer 2008: 18).*

Before the judge is Craig, a graduate from Cambridge, and Danny who became a victim of perjury; unfairly accused of instigating a fight, he was sent to prison. He had no university education and did not understand the language the assaulter spoke. Just one word *convivial* (from Latin *convivialis*, from *convivium* ‘a feast’ (LEXICO)) was enough to draw a social demarcation line between the two without giving comments or any explanations. In this connection Simon Heffer’s book *Strictly English* (Heffer 2010: 150–162) comes to mind, in which the author raises the question of inappropriate use of words of foreign origin, and of their misuse even by educated journalists. The reason lies in education, asserts S. Heffer, in insufficient (or even lack of) knowledge of French, Latin and Greek, which are properly studied only at Oxbridge. The knowledge of the languages with absolutely different grammar and lexical systems allows one to memorize and use words correctly and appropriately. It explains why these days dictionaries register loan words in wrong meanings – as the result of their misuse in society. Heffer writes, “It is an interesting policy for lexicographers to accept a word into a language with a new meaning purely because people confuse it with a word that begins with the same letter, has the same number of syllables, ends with the same suffix and generally sounds similar” (Heffer 2010: 139). It only proves that words of foreign origin are socially charged and cause problems for insufficiently educated speakers to use them accurately in speech and writing.

Socially marked is the adjective “histrionic” in the following example:

(3) *James had never mentioned to anyone since leaving Oxford the class of degree he managed to secure, but for better or worse the fourth-class Honours degree was later abolished. After Oxford he joined the Grenadier Guards, which gave him considerable scope for his **histrionic talents**. This was indeed to be James’s introduction to society life in London, and he succeeded as well as a personable, rich young viscount might be expected to do in the circumstances (Archer 2004: 51).*

The adjective “histrionic” is registered as a formal word possessing a derogatory connotation (Longman Dictionary of English Language and Culture (1992)), and as archaic in ABBYY online dictionary. It came from Latin *histrion(n-)* ‘actor’ and, when used in the novel in conjunction with words of Latin origin: “managed”, “secure” (from Latin *secures*), “abolish” (from Old French *aboliss*, from Latin *abolere* ‘destroy’), and “society”, French words “grenadier” and

“guards” (French *garde*), a word “scope”, Greek by origin, and others, renders the atmosphere at Oxford and the languages they are taught, though one cannot but feel slight irony on the part of the narrator.

In the novel *A Prisoner of Birth* there is an episode when two characters – Nick, of noble birth, and Danny, from socially unprivileged classes, have the following conversation:

(4) *‘Looking forward.’*

‘Looking forward,’ repeated Danny as they reached the entrance to the chapel, where they waited in line as each prisoner was given a body search before being allowed to enter.

‘Why bother to search us before we go in?’ asked Danny.

*‘Because it’s one of the few occasions when prisoners from all four blocks can **congregate** in one place, and have a chance to exchange drugs or information.’*

‘Congregate?’

*‘Get together. A church has a **congregation**.’*

‘Spell it,’ demanded Danny (Archer 2008: 143).

It is another instance testifying to the socially indexical nature of words of foreign origin. The word ‘congregate’ came from Latin *congregat* – ‘collected (into a flock), united’, from the verb *congregare*, associated more with church congregations and religion. Now it is registered in dictionaries in the meaning ‘to gather into a crowd or mass’ (ABBYY) and in the novel it is juxtaposed with the verb ‘to get together’ of Germanic origin, more often than not used in informal speech, to highlight social differences of the characters, different level of education and upbringing. Only one verb serves the purpose.

Social implications of the words acquired historically have preserved their validity and relevance today and are extensively resorted to in order to indicate social or status differences between the interlocutors. This is one of the powerful and implicit means of social characterization in fiction. Antoinette Renouf supports this point of view by highlighting “the need or desire to indicate membership of a social or educational elite” (Renouf 2004: 528) among three reasons due to which French loan words are assimilated into the English language.

c) CLASS 3

The next class of foreign words is made up of the units that enter the upper-class vocabulary and are socially marked by definition. Aspiring for elegance, sophistication, beauty, perfection, etc. regarded as the ideal of nobility, the privileged classes assimilated a lot of words and nouns which translate the qualities and characteristics of upper-class representatives and therefore serve as social and cultural “signs”, or indices, in fiction. Here belongs the adjective ‘elegant’ (from French or from Latin *elegant-*, *elegans*, related to *eligere* ‘choose, select’) (LEXICO). In our previous papers, this adjective was marked as part of the upper-class vocabulary (Ivushkina 2012).

(5) *On the stroke of 7.30 P.M. on the appointed Thursday Jean-Pierre arrived. Stephen admired the **elegant dinner jacket** and large floppy bow tie that his guest wore, while he fingered his own little clip-on, surprised that Jean-Pierre Lamanns, who had such obvious **savoir faire**, could also have fallen victim to Prospecta Oil* (Archer 2004: 83).

In the adduced example, not only does the adjective *elegant* serve as a social sign of Jean-Pierre Lamanns' background, but the description of his appearance on the whole – 'the elegant dinner jacket and a bow tie' – is socially marked (Ivushkina 2017). The social implication is reinforced by French "savoir faire" denoting 'to act or speak appropriately in social situation'.

In the following excerpt, the combination of words "formal atmosphere and decorum" as well as "sophistication", also serves as social indices of the elite, as they reflect the basic principles on which upper class culture rests. Three of them are of Latin origin – *formalis*, *decorus*, and *sophisticatus*, and the word *atmosphere* has Greek roots: *atmos* + *sphaira*.

(6) *Harvey had enjoyed Vegas when he was younger, but the older he became the more he appreciated the **sophistication** of the French. He had grown to prefer the **formal atmosphere and decorum** of this particular Casino* (Archer 2004: 187).

The word *debonair* (from Old French *debonaire* 'of good disposition') with the stylistic marker 'appreciative', and 'becoming rare' found in Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL: 329) and having no stylistic markers in the contemporary Oxford online dictionary includes into its semantic field all the qualities inculcated in a young upper class person: suave, sophisticated, civilized and well-mannered, courteous, gallant, chivalrous, refined, polished, genteel, courtly, etc., and is therefore socially marked. The French language and culture introduced the concept of civility and manners, courtesy and gallantry, and all the above-mentioned adjectives, French or Latin by origin, are socially marked and translate social standing of the personages in speech and fiction.

(7) *On Monday morning, James drove Anne back to London and changed into the most **debonair** of his suits* (Archer 2004: 211).

It is possible to adduce a long list of loan words included into the sphere of upper class life in its various manifestations reflecting their pastime, hobbies, social events and sports. Among them are the following words selected from the novels under investigation: *astute* (from obsolete French *astut*, from Latin *astutus* 'craft'), *preposterous* (from Latin *praeposterus* 'reversed, absurd'), *impeccable* (from Latin *impeccabilis* 'not + sin') (manners, appearance), *loquacious* (from Latin *loquax*, *loquac-* 'talk'), *authoritative* (from French *autorite*, from Latin *auctoritas*, from *auctor* 'originator, promoter'), *excellent* (from French *excellent* 'being preminent', from Latin *excellere*) etc. (LEXICO).

(8) *James was beginning to feel ill, and it certainly was not the **excellent** salmon sandwiches that were causing his **discomfort*** (Archer 2004: 107).

The adduced example conveys the narrator's irony by using the socially marked adjective "excellent" and the noun "discomfort" (from "comfort") in their enantiosemiotic meanings. This class of words is considered separately.

d) CLASS 4

Class 4 includes words of foreign origin used in an ironic or humorous way by the narrator and revealed in different contexts; to share the author's irony, one is supposed to have a good knowledge and feeling of language, it requires sharing the code of the in-group members, otherwise, ironic or humorous connotations of the word are lost upon the reader.

Let us adduce some examples:

(9) *Terry Robards turned out to be a wiry American wearing a **perpetual** smile. Terry immediately made Stephen feel at ease, a knack he had developed almost subconsciously over the years and which was a great asset when digging a little deeper for stories* (Archer 2004: 75–76).

The adjective "perpetual" (from French *perpetual*, from Latin *perpetualis* 'continuing throughout') (LEXICO) is used in this context ironically to emphasize a typically 'demonstrative' 'American smile', which does not at all reflect the real feeling a person is experiencing. The verb "wearing" only creates the image of a 'special dress' always ready to be worn on necessary occasions. The adjective "perpetual" usually employed in connection with a position, job, or trophy held for life, to denote an uninterrupted and endless feelings or blooming of flowers, creates a metaphoric and exaggerated description of an American smile, which helps convey the ironic attitude of the narrator and the stereotypical attitude of the British people towards Americans at large.

The following sentence also reveals an ironic attitude of the narrator in the phrase "excellent sandwiches":

(10) *The others attached page 38A to their dossiers, aware once again how much detailed research Stephen had undertaken. James was beginning to feel ill, and it was not **the excellent salmon sandwiches** that were causing his discomfort* (Archer 2004: 107).

The plan the characters were brooding over and preparing for in order to return the stolen money and take revenge on the fraudster for becoming victims occupied Stephen's mind and body. James, helpless and sheepish, felt absolutely at a loss and depressed. He "was beginning to feel ill" translates the inner state of the character. "...it was not the excellent salmon sandwiches that were causing his discomfort" creates a clash between his physical and mental state, discomfort of mind and body which only conveys and highlights the narrator's ironic attitude to the situation in which all the characters found themselves.

In the excerpt below, appealing is the use of the word "ministrations" (from Latin *ministrare* 'wait upon', meaning the 'provision of assistance or care'), which is obviously used humorously in the situation artificially created by the characters.

The plot of the novel is funny in itself; the tone of the novel is alike, it is also felt in a humorous attitude of the narrator unveiled in different episodes of the novel *Not a Penny More, Not a Penny Less*.

(11) *James nodded and set off at the funeral pace.*

“Nurse Faubert.”

*“Yes, Doctor Barker.” Her hands were tucked primly under her blue cape, and her French accent was **enchanting**. Robin thought Harvey would not find her **ministrations** unwelcome.*

“My patient has just had an operation for the removal of a gallstone and will need plenty of rest” (Archer 2004: 198).

It is noteworthy that the noun “ministrations” is registered in Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL 1992: 628) with a stylistic marker ‘formal’ but in ABBYY it is registered as ‘formal’ or ‘humorous’. The use of formal words foreign by their origin is always like walking on a minefield, because, though assimilated, they retain their official coloring and ‘alien’ nature, thus making contrast to or even disagreeing with the context in which they are used. That is why they should be used with caution. Though there is no British counterpart in the novel, it could be replaced by ‘dramatic’ or ‘theatrical’ (Greek and Latin correspondingly), the adjectives with which everybody is well familiar.

One of the powerful means of social characterization is the incompatibility of the style and the subject matter created by the contrast of registers:

(12) *Would **the heavens descend** if he told the dreaded Mrs. Page-Stanley that she was a **malodourous old woman** in need of nothing more medically taxing than a **new set of dentures**? And would he be struck off if **he personally administered** to the **nubile** Miss Lydia de Villiers a good dose of what she so clearly indicated she desired? (Archer 2004: 39).*

One cannot but feel the narrator’s irony in the words “nubile” (from Latin *nubilis* ‘marriageable’, from *nubere* ‘cover or veil oneself for a bridegroom’) and “personally administered” (Old French, from Latin *administrare*), and in the word “odour” (from Latin *odor*, ‘smell, scent’) (LEXICO) which is never touched upon in a conversation or if it is then only euphemistically, which creates dissonance between lofty and elevated words and the topic usually closed for discussion.

4. Conclusion

The analysis of two novels by Jeffrey Archer *Not a Penny More, Not a Penny Less* and *A Prisoner of Birth* from a sociolinguistic and functional points of view has shown that a literary layer of the English vocabulary deserves the attention of a researcher. Coming from different languages, literary words of foreign origin are difficult to use and memorize as they reflect languages with different lexical and grammar systems and, therefore, in order to use such words appropriately, one must be highly educated and knowledgeable. Education has always been a privilege in British society, the first most prestigious universities were founded for the elite, that

is what the ruling classes of Great Britain incorporated into their culture in order to cultivate their own sociolect, allowing them to stand out from the rest.

The cultivation of the upper class sociolect has been reared for centuries and it has also been rooted in literature (world literature including). Literature has always been a starter for conversation and communication in society and in-group members have always been expected to share impressions of the books in fashion and even cite passages and different pieces from prose and poetry, which created an upper class jargon for those who belong and share it. It is the most ‘challenging’ stratum of the English vocabulary, not easy to assimilate or acquire, and this explains why it has remained a solid part of upper class culture.

The study of literary words of foreign origin has shown that this stratum of words is heterogeneous and there is a lot of controversy in classifications of the words. In fiction under analysis, they function as terms, as words with social implications acquired in the course of social history development, as words with their Germanic counterparts serving for contrasting the speakers’ social positions and for creating humorous or ironic attitudes of the character or the narrator. Such words are often accompanied and intensified by French words and phrases enhancing their social implications.

If the words of Class 1, which are terms, are precise in their meanings and serve to denote different notions, inventions and innovations in different spheres of our life, the three other classes require knowledge on the part of the reader to grasp the social constituent of the meaning. The study and description of the upper class language and culture helps to comprehend the social indexicality of this category of words.

© Tatiana Ivushkina, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Ahmanova, Olga S. 2009. *Ocherki po obschej i russkoj leksikologii* [*Essays on General and Russian Lexicology*], Moscow: LIBROKOM, 296.
- Aitchinson, Jean. 1987. *The English Language and Images of Matter (Language and Language Learning)*, London: Oxford University Press.
- Algeo, John. 1980. “Where Do All the New Words Come from?”, *American Speech* 55, 264–277.
- Antrushina, Galina B. 2006. *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [*Lexicology of the English Language*]. Moscow: Drofa.
- Arnold, Irina V. 2016. *Stilistika. Sovremenny anglijskij yazyk: uchebnik dlya vuzov / I.V. Arnold* [*Stylistics. Contemporary English: a textbook for University students*], 13 ed., Moscow: Flinta, 384.

- Carter, Ronald, Nash, Walter. 1983. Language and Literariness, *Prose Studies* 6 (2). 124–41. DOI: <http://doi.org/10.1080/01440358308586190>.
- Carter, Ronald; Nash, Walter. 1991. *Seeing Through Language*, Wiley-Blackwell, 280.
- Cook, Guy. 1994. *Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind*. Oxford: Oxford University Press. 285. DOI: <https://doi.org/10.1177/096394709600500108>.
- Craig, Collette G. (eds.). 1986. Noun Classes and Categorization. *Proceedings of a Symposium on Categorization and Noun Classification*, John Benjamin Publishing Company, 481. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.7>.
- Crystal, David. 2010. *The Cambridge Encyclopedia of Language*, Cambridge University Press. 515.
- Fowler, Roger (eds.). 1966. *Essays on Style and Language*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Gak, Vladimir G. 1977. *Sopostavitelnaya leksikologiya. Na materiale francuzskogo i russkogo yazykov*. [Comparative lexicology: On the material of French and Russian], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 264.
- Galperin, Il'ya R. 2012. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka: Opyt sistematizacii vyrazitelnyh sredstv* [Essays on stylistics of the English Language: experimental systematization of expressive means], Moscow: LIBROKOM, 376.
- Heffer, Simon. 2010. *Strictly English*. Random House Books. 322.
- Ivushkina, Tatiana A. 2012. *Sociolingvističeskij aspekt prilagatel'nogo v anglijskoj reči* [Sociolinguistic aspect of the adjective in English speech]. *Philology at MGIMO* 47 (62). 58–70.
- Ivushkina, Tatiana. 2017. Words as indices of social and cultural identity. *Literature, Language and Linguistics* 3 (3). 96–102. DOI: 10.18178/ijll.2017.3.3.117.
- Kostomarov, Vitalij G. 1965. *O razgranichenii terminov «ustnyj» i «razgovornyj», «pismennyj» i «knizhnyj»* [On differentiation of the terms «oral» and «colloquial», «written» and «bookish»], *Problemy sovremennoj filologii*. Moscow, 172–177.
- Kuznec, Marianna D. & Jurij M. Skrebnev. 1960. *Stilistika anglijskogo yazyka. Posobie dlya studentov pedagogičeskich vuzov* [Stylistics of the English Language. Textbook for students of pedagogical universities], Leningrad: Uchpedgiz.
- Morohovskij, Aleksandr N. 1991. *Stilistika anglijskogo yazyka: učebnik* / A.N. Morohovskij, O.P. Vorobyova, N.I. Lihosherst, et al. [Stylistics of the English Language: a textbook]. Kiev: Vysshaya shkola, 272.
- Quirk, Randolph. 1972a. *The English Language and Images of Matter (Language and Language Learning 34)*, London: Oxford University Press. 136.
- Quirk, Randolph. 1972b. *Words at Work: Lectures on Textual Structures*. Harlow: Longman.
- Rakushina, Alfiya K. 2019. *Semantičeskije izmeneniya v anglijskoj literaturno-knižnoj leksike (diachroničeskij aspekt)* [Semantic changes in English literary words (diachronic aspect)]. *Philology at MGIMO* 18 (2) 19–26. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-2-18-19-26.
- Rakushina, Alfiya K. & Tatiana A. Ivushkina. 2018. «Literaturno-knižnaya leksika» v lingvističeskoj literature [Literary-bookish words as elucidated in linguistic literature]. *Philology and Culture* 2 (52). 111–124. Kazan.
- Renouf, Antoinette. 2004. Shall We Hors D'Oeuvre's?: The Assimilation of Gallicism into English In Laporte, Eric, Christian Leciere, Mirelle Piot & Max Silberstein (eds.), *Syntaxe, Lexique et Lexique-Grammaire: Hommage a Maurice Gross, Lingvisticae Investigationes Supplements* 24. 527–545. John Benjamin. Amsterdam/Philadelphia.
- Skrebnev, Jurij M. 2003. *Osnovy stilistiki anglijskogo yazyka. Učebnik. 2-e izd.* [Fundamentals of the English Stylistics], 224. Moscow: Astrel-AST.
- Yarzeva, Viktoriya N. 2004. *Razvitie nacional'nogo literaturnogo anglijskogo yazyka* [Development of the national literary English language]. Moscow, 285.

Dictionaries

- ABBY On-line Dictionary*. [Electronic resource]. URL: <http://www.abbyonline.com> (accessed on October 10, 2019)
- Contemporary Oxford online dictionary – LEXICO* (powered by Oxford) [Electronic resource]. URL: <http://www.lexico.com> (accessed on October 10, 2019)
- Longman Dictionary of English Language and Culture*, Longman, 1992.

Books

- Archer, Jeffrey. 2004. *Not a Penny More, Not a Penny Less*. St. Martin's Paperbacks. 305.
- Archer, Jeffrey. 2008. *A Prisoner of Birth*, Pan Books. 616.

Article history:

Received: 30 May 2020
Revised: 15 September 2020
Accepted: 17 September 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 мая 2020
Дата принятия к печати: 17 сентября 2020

Bionote:

Tatiana A. IVUSHKINA is Head of English Department №3 at MGIMO University, Faculty of International Journalism. She is deputy editor-in-chief of the journal *Philology at MGIMO*. Most of her publications reflect her scholarly interest in the study of the upper classes language and culture.

Contact information:

MGIMO University
76 Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
e-mail: Tatiana.ivushkina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3024-9520

Сведения об авторе:

Татьяна Александровна ИВУШКИНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка № 3 факультета международной журналистики МГИМО. Ответственный секретарь, зам. главного редактора журнала «Филологические науки в МГИМО». Ее многочисленные публикации посвящены научной теме исследования «Язык и культура высших классов общества».

Контактная информация:

МГИМО
России, Москва, 119454, пр. Вернадского, 76
e-mail: Tatiana.Ivushkina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3024-9520

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857

Research article

Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers

Nataliya A. LAVROVA and Elena A. NIKULINA

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

Abstract

During intercultural communication, it is crucial to interpret correctly and to use appropriately foreign idioms which are culturally marked and reflect linguistic and cultural identity of a speech community. Interlocutors should be aware of the cultural and historical precedents that gave rise to the primary image underlying idiomatic expressions and thus created their unique phraseological worldview. The aim of the research is to find out what is a better predictor of correct idiom interpretation – degree of proficiency in a foreign language or degree of genealogical kinship between the native and foreign languages. The topicality of the research is justified by the need for a deeper understanding of linguistic and cultural identity of native and foreign-language speakers, with a view to facilitate and enhance cross-cultural communication. The working hypothesis is that due to the close genealogical kinship between Russian and Bulgarian and the users' advanced level of English, the number of correctly interpreted idioms may vary within a statistically significant medium range. The total sample comprises 5000 idioms (2500 English and 2500 Bulgarian ones). The subsample used in the experiment comprises 60 idioms (30 English and 30 Bulgarian ones) selected from 'The Oxford Dictionary of Idioms' and 'Nov fraseologichen rechnik na bylgarskiya jezik' ('Нов фразеологичен речник на българския език') by means of stratified systematic sampling. The main methods used in the research include (1) comparative linguistic and cultural analyses, (2) scientific experimentation, (3) systematic and stratified sampling, and (4) a paired t-test. The experimental research and the paired t-test have proved our hypothesis and demonstrated that Russian participants correctly decode more Bulgarian than English idioms, with intergroup variation being statistically significant. Research findings have implications for cultural linguistics. Since translation loans (calques), isomorphic idioms, and idioms dating back to a common source are interpreted more quickly and more accurately than idioms which contain unique or culturally-loaded elements, such as old-fashioned words or proper names, access to cultural precedents that served as prototypes of set expressions contributes to a more seamless code-switching and enables communicants to penetrate deeper the mentality of a specific linguacultural community and thus become aware of the variability of cultural cognition and conceptualisation.

Keywords: *idiom, typology, cultural linguistics, Bulgarian, code-switching, false friends of an interpreter, isomorphism*

For citation:

Lavrova, Nataliya A. & Elena A. Nikulina. 2020. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 831–857. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857

Предикторы корректной интерпретации английских и болгарских идиом носителями русского языка

Н.А. ЛАВРОВА, Е.А. НИКУЛИНА

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

Аннотация

В процессе межкультурной коммуникации существует проблема корректной интерпретации и адекватного употребления иноязычных идиом, обладающих национально-культурной маркированностью и отражающих лингвокультурную идентичность определенного этноса. Коммуникантам необходимо владеть той культурно-исторической информацией, которая на определенном этапе развития языка послужила источником внутренней формы устойчивых выражений, создав уникальную языковую картину мира. Цель статьи – установить, который из двух факторов – близкое генетическое родство между родным и незнакомым иностранным языком или владение иностранным языком на высоком уровне – является более адекватным предиктором корректной интерпретации иноязычных идиом. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания лингвокультурной идентичности представителей разных лингвокультур с целью обеспечения максимально комфортного и эффективного межкультурного общения. Гипотеза исследования заключается в том, что, учитывая близкое генетическое родство между болгарским и русским языками, а также высокий уровень владения русскоязычными студентами английским языком, количество правильно декодируемых идиом в болгарском и английском языках может некоторым образом различаться, однако статистические расхождения в ту или другую сторону не превышают средний показатель. Общий объем выборки составил 5000 устойчивых выражений (2500 английских и 2500 болгарских идиом). Материал экспериментальной части исследования включает подкорпус из 60 устойчивых выражений (30 идиом из болгарского и 30 идиом из английского языка), отобранных с помощью стратифицированной систематической выборки из словаря ‘The Oxford Dictionary of Idioms’ и ‘Нов фразеологичен речник на българския език’. В качестве основных методов исследования используются (1) метод сопоставительного лингвокультурологического анализа, (2) метод лингвистического эксперимента, (3) метод систематической и стратифицированной выборки, (4) метод статистической обработки t-test для парных выборок. Результаты исследования показали, что русскоязычные студенты, изучающие английский язык на продвинутом уровне, правильно декодируют больше болгарских, чем английских идиом, при этом межгрупповая вариативность статистически значима. Полученные данные имеют лингвокультурологическую значимость. Поскольку процент корректной интерпретации калек, изоморфных идиом и идиом, восходящих к общему источнику, превышает процент правильно интерпретированных идиом, содержащих уникальные компоненты, как, например, устаревшие слова или имена собственные, представляется, что знание определенных культурных прецедентов, послуживших источником или прототипом устойчивых выражений, проливает свет на языковую картину мира, способствует более плавному переключению с одного языкового кода на другой, помогает понять особенности менталитета определенного лингвокультурного сообщества и гетерогенность культурной когниции и концептуализации.

Ключевые слова: *идиома, типология, лингвокультурология, болгарский язык, переключение кодов, ложные друзья переводчика, изоморфизм*

Для цитирования:

Lavrova N.A., Nikulina E.A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 831–857. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857

1. Introduction

Phraseology is justly considered to be one of the most prolific areas of research, which explains why its systematic investigation started to gather momentum in the second half of the 20th century. According to the most conservative estimates (Deignan 2005, Fiedler 2007), every fifth uttered expression is to a greater or lesser extent idiomatic. This suggests that speakers heavily rely on prefabricated items in conveying not only factual, but also evaluative and expressive information. Numerous terms referring to the subject-matter of the present research are used in theoretical literature on the topic. Unfortunately, however, there is no general agreement among scholars concerning the most optimal and adequate term, the word *idiom* being widely used in Western Europe and the USA, while *phraseological unit* is its preferable counterpart in Eastern Europe and Russia. In the present paper, no principal distinction is drawn between the terms *idiom*, *idiomatic expression*, *set expression* and *phraseological unit*, which are used interchangeably as their differentiation is not the priority of the research. However, the term *idiom* will be used by default because it is short, preferred in English, and is frequently used in research on phraseology.

Given that set expressions play a key role in efficient cross-cultural communication and contribute to a more seamless code-switching, the main aim of the research is to establish what is a better predictor of correct idiom interpretation – degree of proficiency in a foreign language or degree of genealogical kinship between languages. To achieve this aim, we selected idioms from two distantly related languages – Bulgarian and English – and tested their interpretation by proficient or nearly proficient Russian speakers of English in an experimental format. The choice of Bulgarian is justified by its close etymological links to Russian, hence the presumption that students are unlikely to have much difficulty in interpreting Bulgarian idioms, as many of them are similar to Russian ones. However, students may have some difficulty interpreting English idioms because this lexical stratum is very challenging. Given this, students are likely to be under the influence of two diametrically opposed forces – centripetal (represented by the Bulgarian language) and centrifugal (represented by the English language), and it is the explicit aim of the present research to establish which one will take the upper hand.

As is well-known, Bulgarian and Russian are two closely related languages from the point of view of their genealogy: both belong to the Slavonic group of Indo-European languages, with Bulgarian belonging to its southern subgroup, and Russian belonging to its eastern subgroup. Both languages derive from the so-called Church Slavonic or the South Bulgarian variety of Slavonic languages, which was formed due to the missionary activities of Cyril and Methodius who originally

introduced the Glagolitic script to different Slavonic peoples (Brown & Ogilvie 2009). This alphabet was subsequently changed by the missionaries' disciples into Cyrillic named after one of the missionaries who, contrary to the common belief, was not the inventor of the Cyrillic script. However, it was the Cyrillic script that ultimately caught on and spread on a vast territory stretching from the Mediterranean Sea to the Pacific Ocean (Keipert 2017).

Due to the languages' etymological kinship, a number of common grammatical, lexical, phonological and phraseological features can be found in Bulgarian and Russian. However, ever since the 10th century, after Christianity and the Cyrillic alphabet spread in Russia and Bulgaria, centrifugal forces have overtaken the centripetal ones, and have largely shaped the linguistic typology of both languages (Vinogradov & Dobychnina 2018). The implication is that Bulgarian and Russian have mostly followed their own developmental paths (Ivanova 2019). This is partly due to extralinguistic factors, such as the lengthy dominance of Greeks and Turks in Bulgaria (Waugh 2019) which mostly affected lexis in the form of numerous borrowings: cf. В¹. *хора* 'people', *баджанак* 'the husbands of both sisters', *бояджия* 'painter', *тютюнджия* 'seller of tobacco', *махала* 'block of flats', *чорап* 'sock, stocking' (Kotova & Janakijev 2001). Due to the impact of Greek on Bulgarian grammar, some of its verbal suffixes, namely *-аса*, *-оса*, *-иса*, *-дуса* were borrowed to form the perfective aspect in Bulgarian: cf. *брадясам* 'to grow a beard', *здрависам* 'to congratulate' (Maslov 1981). Although the literary standard of Bulgarian was partly formed under the auspices of Russian classical literature (Polyvyanny 2016), today words or structures considered to be old-fashioned in Bulgarian are neutral in Russian, while words or structures old-fashioned or moribund in Russian are frequently neutral designations of notions in Bulgarian, which represents the systemic relation between most of Bulgarian and Russian lexis: cf. В. *очи* 'eyes', *рамо* 'shoulder', *уста* 'mouth', *риза* 'shirt', *крак* 'leg' (neutral), *нога* 'leg' (old-fashioned), etc. (Brown & Ogilvie 2009). As an example of centrifugal forces at play in Bulgarian grammar, let us consider the dative personal pronouns. While still in use in the 19th century, the dative personal pronouns are moribund in Bulgarian, being supplanted by combinations of a preposition plus the accusative form of personal pronouns: cf. *нему* – *на него*, *Вам* – *на Вас*, *нам* – *на нас*, *тям* – *на тях* (Floria 2017).

Just like proto-Bulgarian, which was mostly analytic, modern Bulgarian is still classified by linguistic typology as analytic and at least partly isolating, with the notable exception of the ramified verbal paradigm: according to the most conservative estimates (Leafgren 2011), Bulgarian verbs can build up to 3 000 forms, taking into account both regular and irregular formations as well as the potential presence of a thematic vowel which forms a bound stem of some tense forms (Zholobov 2016, Saenko 2017). Apart from the complicated system of verbal inflections, Bulgarian retains the distinction between absolute and relative tenses, which also held true for Old Russian, but has been lost in modern Russian

¹ Bulgarian.

(Urmanchieva & Plungian 2017). The small number of absolute tenses is a real stumbling block on the way to acquiring the knowledge of Bulgarian tenses by Russian and English speakers alike (Podtergera 2015), although since the same grammatical concept exists in English, its acquisition should progress faster for English speakers or for those who study English as a foreign or second language (Antipova & Matveeva 2014). Unlike Russian and similar to English, Bulgarian is an article-retaining language. However, only definiteness is systematically expressed by means of the definite article called *chlen* ('member') in Bulgarian grammar. The definite article assumes a number of forms depending on the gender and number of nouns and on the syntactic position of a masculine noun in a sentence: *момчето* 'this boy', *масата* 'this table', *куфарът* 'this coffer', *градовете* 'these towns' (Pashova 2005). A noteworthy feature of the Bulgarian definite article is that it can attach itself to the preceding adjective and even the possessive pronoun. In the latter case the grammatical concept of definiteness is expressed pleonastically (twice), which is not typical of most European languages: cf. В. *моята стая* (lit. 'the my room'), E². *my room*, G³. *mein Zimmer*. Another grammatical idiosyncrasy not shared by Bulgarian with Russian or English on a systematic level, though partly shared with French, is the so-called pronominal reprise: a pleonastic expression of an object (direct or indirect) or a subject by means of personal pronouns: *Мене ми стана леко и хубаво* lit. 'Me my felt well and good'. *Дай ми ти на мене* lit. 'Give me this for me' (Mitkovska, Bužarovska & Ivanova 2017).

Due to the shared linguistic past, Bulgarian and Russian exhibit many more common features in grammar, lexis, phonology and phraseology, in contrast to English which shares few typological features with either Bulgarian or Russian (Vashcheva & Koryakov 2018).

2. Literature review

According to Sharifian, "many features of human languages are entrenched or embedded in cultural conceptualisations" (Sharifian 2017: 21). The theoretical framework of cultural linguistics "proves a basis for understanding cultural conceptualisations and their realisation in language. Language plays a dual role in relation to cultural conceptualisation. On the one hand, linguistic interactions are crucial to the development of cultural conceptualisations, as they provide a space for speakers to construct and co-construct meanings about their experiences. On the other hand, many aspects of both language structure and language use draw on and reflect cultural conceptualisations" (Sharifian 2017: 24). One of the key concepts of cultural linguistics is cultural cognition which 'comes about as a result of social and linguistic interactions between individuals across time and space' (Sharifian 2017: 22).

² English.

³ German.

This section contains an analysis of works by authors who did comparative or typological research, including research into interpretation of idioms in several languages. In addition to the analysis of Bulgarian idioms (Todorova 2015), scholars discuss loan-translations into genealogically distant (Solano & Kolarova 2015) and proximate languages (Dobrikova 2008). Some works are an attempt to compare whether it is proficiency or crosslinguistic links that determine a higher degree of idioms' interpretation, although the evidence is patchy and inconclusive (Chrissou 2018). A relatively high number of shared idioms in Slavonic languages, namely Polish, Ukrainian and Bulgarian, is explained by the common origin of those languages. However, the three languages are more likely to borrow words from the so-called 'upward' languages, primarily English, rather than from one another (Sosnowski, Blagoeva & Tymoshuk 2018). The phenomenon of code-switching in Internet forums is investigated by Todorova (2019) who sets out to prove that the insertion of English words and idioms into Bulgarian may also contribute to the common phraseological stock shared by culturally and linguistically distant languages. The investigation of semantic relations in the comparative phraseological units in English and Bulgarian (Holandi 2009) sheds some light onto the idioms shared by English and Bulgarian. The research by Cranmer (2017) focuses on intercultural communicative competence and on the challenges that it faces. The research by Bilá & Ivanova (2020) focuses on the link between language, culture, and ideology. The paper by Nelyubova, Hiltbrunner & Ershov (2019) investigates the reflection of Russian and French values in proverbs.

Todorova (2015) presents a formalized description of Bulgarian verbal idioms with the aim of studying their processing, i.e. recognition and interpretation in context. Giving a uniform description of 1,000 Bulgarian verbal idioms, the author focuses on their categorical, pragmatic, and grammatical information and proposes a method for formal representation of idioms in a morpho-syntactic dictionary which takes into account the idioms' paradigmatic and syntagmatic characteristics. Investigating the speed of their recognition both by native and non-native speakers, Todorova concludes that idioms are best recognized if they are homonymic with free phrases: cf.: *vdigna glava* ('to be proud/to raise one's head') with 6,737 occurrences; *ostavyam na mira* ('leave alone/ leave in peace') with 2,322 occurrences; *treska trese nyakogo* ('to have fever/ to be nervous') with 2,033 occurrences, and *padna na kolene* ('to beg/to fall on knees') with 1,526 occurrences in the corpus of the Bulgarian language. However, Todorova does not specifically study the factors that may facilitate the speed of recognition of Bulgarian idioms by speakers of related or unrelated languages, which is a limitation of her work.

Solano & Kolarova (2015) devote their paper to the study of phraseological loan-translations in Bulgarian and French, which is a cross-linguistic and cross-cultural study and which aims, among other things, to highlight the factors that facilitate idiom recognition by speakers of two distantly related languages. The conclusion the scholars draw from their research is that loan-translations are more

frequent from French into Bulgarian, and hence Bulgarian learners of French are more likely to recognize related idioms in French by virtue of their having comparable idioms in Bulgarian. In most cases, French learners of Bulgarian are not greatly helped by the few idiomatic calques in Bulgarian because the bulk of Bulgarian idioms is Slavonic and differs dramatically from French both typologically and etymologically. Both groups of learners, however, have approximately the same advantage when faced with the so-called Anglicisms – isomorphic English calques in both Bulgarian and French: cf. Fr⁴. *franchir la ligne rouge* and В. *пресичам червената линия* (E. ‘to cross the red line’), Fr. *être sur le même bateau* and В. *в една и съща лодка сме* (E. ‘to be in the same boat’) or Fr. *Au milieu de nulle part* and В. *в средата на нищото* (E. ‘in the middle of nowhere’). There are also instances of language-specific calques, such as В. *имааш пеперуди в стомаха* (E. ‘to have butterflies in the stomach’) and *слон в стаята* (E. ‘an elephant in the room’) or Fr. *ce n’est pas ma tasse de thé* (E. ‘it’s not my cup of tea’) and *été indien* (E. ‘Indian summer’). Apparently, the interpretative advantage belongs to the speakers of languages in which there are language-specific calques. Thus, a speaker of Bulgarian who is learning English is more likely to decode the English idiom *an elephant in the room*, while a speaker of French who is studying English is more likely to correctly interpret the idiom *Indian summer*. It could also be hypothesized that, all else being equal, speakers of English and French are more likely to be familiar with idioms from their respective languages for two extralinguistic reasons. First, historically, a lot of borrowings into English from Norman French occurred in the centuries following the Norman Conquest. Second, there is more cultural and linguistic crosspollination between French and English than between French/English and Bulgarian. Apart from that, Bulgarian is part of the Balkan *Spachbund*, while French, English and other European languages constitute what Stepanov calls ‘the European *Sprachbund*’, i.e. a linguistic union with a number of shared features that exist in all or nearly all of the European languages (Stepanov 2016).

One of the channels through which Bulgarian may experience an influence from English is Internet forums where code-switching and ‘interlanguage’ are likely to emerge due to the egalitarian, informal mode of communication. Todorova (2019) studies the influence that English has on the Bulgarian forum ‘Netspeak’ for Bulgarian women living in the USA. The investigated forum discussions include 52,020 lexical items, of which around 2 % are nouns borrowed from English due to their easy grammatical adaptation. While verbs are rarely borrowed because of their divergent typological structures in English and Bulgarian, ready-made constructions, idioms and phrasal verbs are adopted, adapted and assimilated into Bulgarian more readily. Although the speed and quality of the interpretation of idioms is not directly tested in the research, the author indicates that the potential speed and degree of accuracy may be higher for those Bulgarian users of the forum *Netspeak* in the USA who have been exposed to the English language either through

⁴ French.

the participation of other, possibly English speaking users, or through the involuntary incorporation of Anglicisms in the speech of Bulgarian co-users of the forum. This hypothesis suggests that the degree of familiarity with a foreign language, even if this language is not explicitly studied, may positively correlate with the correct interpretation of idioms in this foreign language.

The research by Cranmer (2017) focuses on intercultural communicative competence and on numerous challenges that stand in the way to acquiring it. Apart from different communicative styles, some of the impediments on the way to intercultural competence are etymologically linked words in two or more related languages that often lead communicators up the garden path by urging them to form associations with concepts that have no bearing on the meaning of the word in another language. In connection with Bulgarian and Russian, this pertains to the pair of words *вестник* ('newspaper' in Bulgarian) – *вестник* ('academic journal' in Russian). These words completely overlap in their form and are only very distantly related in their current meaning.

The research by Bilá & Ivanova (2020) focuses on the inherent link between language, culture, and ideology, and emphasizes that "in the network of the relationships between humans, language and culture, humans are defined as biological, social, and cultural beings with all these aspects closely bound together and constituting a single integral, inseparable package" (Bilá & Ivanova 2020: 221). This means that social and cultural practice is *volens nolens* reflected in language.

The paper by Nelyubova, Hiltbrunner & Ershov (2019) investigates the reflection of Russian and French basic values in proverbs. Based on the fact that each nation has a certain hierarchically organized set of values, which only partly coincide with other cultures, the authors believe that it is important to identify both their universal and culture-specific features. According to the researchers' hypothesis, the thematic classification of proverbs may directly or indirectly reveal the values of a particular nation, and the quantitative correlation of proverbs related thematically illustrates this hierarchy of values: "a bigger or smaller number of proverbs on a certain topic indicates the degree of their importance in the consciousness of native speakers of a corresponding linguistic community" (Nelyubova, Hiltbrunner & Ershov 2019: 224). The method of linguistic and axiological analysis used by the researchers and the findings of the research suggest that language reflects the most salient cultural concepts which may be rather dissimilar across cultures: while advice, trouble, love, hope and expectation are linguistically, culturally and conceptually salient for Russian speakers, animals, exchange, daily routine and religion are, apparently, some of the key cultural concepts for the French.

In his research, Chrissou (2018) proceeds from the premise that there is a broad agreement in phraseological research upon the fact that collocational fluency is a significant determinant of efficient cross-cultural communication. For this reason, high frequency and common set phrases with a high relevance in written and oral communication should be subject to systematic cross-linguistic analysis. Applying

the methods of contrastive linguistics, the study postulates that linguistic proximity has a positive impact on cross-cultural communication and code-switching, reducing the communicative burden, whereas lack of proximity is assumed to increase the degree of difficulty. However, there is still inconclusive evidence about whether it is the formal, semantic or etymological congruency of two different languages that plays the key role in facilitating code-switching. The findings by Chrissou testify to the fact that the degree of proficiency in a foreign language is a facilitating factor in cross-cultural communication when idioms are from two or more languages that are very distant relatives. When languages are related more closely, however, it is their inherent properties that determine the difficulty degree for code-switching. However, no relying criteria for measuring the degree of distance between two languages are suggested; nor is a third language involved, for example another language from the Germanic group, such as Dutch, Swedish or Norwegian, in order to corroborate the hypothesis that linguistic proximity is a facilitating factor in the interpretation of idioms.

Columbus (2013) is primarily interested in the types of idiomatic structures that exist and that should be selected by experimental researchers as a sample for the study. According to Columbus' findings, most scholars select a biased sample of idioms by virtue of having their own, sometimes idiosyncratic, sometimes frankly skewed understanding of what constitutes an idiom. To obtain valid and reliable data, it is imperative to incorporate in a study an approximately equal measure of all the three main types of idiomatic expressions, namely restricted collocations, idioms, and lexical bundles. These subtypes of set expressions should be singled out using corpus-based measures and human ratings. The study empirically validates these categories as described by certain phraseologists in the European tradition, which is accomplished using various multi-word expressions from the British National Corpus, from across the continuum of frequent to infrequent occurrences and co-occurrences. As a conclusive warning, Columbus recommends selecting the final sample through the method of systematic or random sampling, which ensures bias-free, objective and experiment-worthy idiomatic expressions.

The research by Szerszunowicz (2013) discusses the phenomenon of exponential growth of idioms in some Slavonic languages, with Polish as the primary focus of investigation. The author claims that following major political, social and/or economic upheavals, an upsurge of set expressions can be observed in a linguacultural community. In the decades after the disintegration of the Soviet Union, this phenomenon primarily concerns former Soviet countries or countries that were subject to the Soviet influence, among which Bulgaria is no exception. According to Szerszunowicz, the major source of new idiomatic expressions is a foreign language or a foreign culture which is considered to be economically, politically, and socially more stable and prestigious and is typically looked upon as a source of inspiration for coining new idioms. English-speaking countries have arguably been at the forefront of political, economic and social changes, they are

typically considered egalitarian societies, not set against either human or linguistic migration, hence the relatively free cross-pollination between English-speaking countries and their close and distant neighbours. The result of such egalitarian policy, however, is frequently one-sided: while many Slavonic languages extensively borrow from English, English lags behind, due to the lack of an objective need to fill in either nominative or expressive lacunae. This results in more loan-translations in Slavonic languages, such as Bulgarian, and hardly any calques from Slavonic languages into English. On the plus side of this one-way process is that speakers of English and Bulgarian can recognize those Bulgarian idioms that have been loan translated from English.

The research by Sosnowski, Blagoeva, & Tymoshuk (2018) examines phraseological innovations in Bulgarian, Polish and Ukrainian. Particular attention is paid to trends in the development of phraseology and to the sources of the enrichment of the phraseology of the three studied languages. The main finding of the research is that the degree of linguistic proximity correlates positively with the level of recognition and correct interpretation of foreign-language idioms. Since Bulgarian, Polish and Ukrainian are closely related Slavonic languages, the core of common idiomatic word-stock can be singled out, which is rather extensive and is mutually comprehensible to speakers of the three languages. Despite the valuable heuristics of the research, the authors fail to compare closely related languages with a distantly related language in order to obtain objectively quantifiable data with respect to what is more weighty in determining the degree of correct idioms' interpretation: the etymological proximity of two or more languages or the degree of learners' proficiency in a foreign language. This is the research question the present study addresses, thereby filling in the existing research gap.

Dobrikova (2008) is an in-depth study of both theoretical and practical aspects of comparative phraseology. The idiomatic word-stock from the two closely related languages (Slovak and Bulgarian) is studied and the conclusion is reached that there is a lot of cross-over and cross-pollination between the phraseologies of the two languages. However, much depends on the theoretical framework within which scholars of phraseology work: while Slavonic scholars mostly follow the phraseological paradigm adopted by Soviet linguists, Bulgarian phraseologists embrace a more modest and limited view of what constitutes idiomatic language and primarily regard only lexical set expressions with a completely transferred meaning as truly idiomatic, whereas others are treated as marginal or engendered by common rules of syntactic derivation. Admitting that the etymological proximity of languages certainly correlates positively with the degree of correct idioms' interpretation, the scholar concedes that non-systematic analysis of very closely related and distantly related languages was carried out and the degree of proficiency in a foreign language versus the degree of linguistic relatedness was not analyzed with respect to its influence on idioms' interpretation.

Finally, the in-depth study by Holandi (2009) investigates semantic relations in comparative idioms in English and Bulgarian. These are set expressions that

contain conjunctions *as* or *like* (*камо*) in their structure (*as good as gold*, *плашлив като заек* lit. ‘fearful like a hare’). Having investigated 6 semantic groups of Bulgarian and English idioms, the author draws the following conclusion. On balance, the ease of the interpretation of idioms by either Bulgarian or English native speakers depends on the number of shared idiomatic word-stock. This common word-stock is determined by the three main factors, all of which are extralinguistic in nature. First, the so-called animalisms (or zoomorphic idioms) reveal a lot of commonality in terms of structure and meaning, which is explained by the comparable symbolic associations ascribed to most animals, such as hares, wolves, foxes, dogs, etc. The second group of Bulgarian-English idioms which is also relatively easily interpreted by speakers of Bulgarian and English is constituted by religious idioms due to the fact that most of them derive from the Bible, and since both Britons and Bulgarians are Christians, it is only natural to expect them to have shared comparable values which get reflected in the idiomatic language. Finally, there is another group of easily interpreted idioms, namely, translation-loans from English into Bulgarian. However, this is the least numerous group (10%, compared to the other two), since loan-translation is a relatively inconspicuous process in modern Bulgarian, although, as other researchers have observed (see above), it cannot be dismissed out of hand. Echoing the other scholars mentioned above, Holandi discusses and contrasts two distantly related languages, whose phraseology can mostly be compared from the typological, but not genealogical point of view and whose commonality, therefore, is mostly determined by extralinguistic and cultural factors, such as borrowings from the same source and humans’ common cognitive make-up. **Table 1** sums up the same or similar Bulgarian and English idioms.

Table 1

The main groups of structurally and semantically comparable Bulgarian and English idioms (after Holandi 2009)

The same zoomorphic idioms in English and Bulgarian	The same/similar phytonymic idioms in English and Bulgarian	The same biblical idioms in English and Bulgarian
as timid as a hare плашлив като заек	stick like a burr закачам се като шипка	as old as Methuselah стар като Мефасуил
as scared as a rabbit страхлив като заек	quake/quiver/shake/tremble like an (aspen) leaf треперя като лист	as sure as death грозен като смъртта
breed like rabbits плодим се като зайци	grow/spring up like mushrooms растат като гъби (след дъжд)	as poor as Job беден като Йов
run like a hare / rabbit бягам като (изтърван, пушнат) заек		as still as death (or as the grave) тих като смъртта
		as proud as Lucifer хитър като дявол as black as hell черен като дявол

3. Typological analysis of Bulgarian, Russian and English idioms

The Bulgarian proverb *Куче което лае не хапе* lit. ‘A dog that barks does not bite’ has the following English and Russian equivalents: *Собака, которая лает, не кусает* lit. ‘A dog that barks does not bite’; *to be all bark and no bite. A barking dog seldom bites*. In terms of the structure and meaning of the expression, we observe that, first, in English there are (at least) two expressions with a similar image and meaning; second, in both Russian and Bulgarian the proverbs are more generalizing than in English: the inclusion of the adverb of degree *seldom* (*A barking dog seldom bites*) makes the claim about the behaviour of dogs less categorical. The concept of being wishy-washy, lacking reserve, stamina or determination is expressed by idioms with comparable images in the three languages: cf. B. *ни риба, ни рак* lit. ‘neither fish, nor crayfish’; R⁵. *ни рыба, ни мясо* lit. ‘neither fish, nor meat’; E. *neither fish nor fowl*. What is of note is that in Bulgarian and English the principle of consonance operates, which, apparently, explains the choice of the structural elements: apart from expressing a similar concept, they begin with the same consonant. In Russian, a slightly different strategy is employed: fish and meat belong to the thematic group of nourishing food, and the words ‘fish’ and ‘meat’ stand in complementary relations to each other as co-hyponyms. They are also contrasted in that most people prefer either fish or meat and there are some who, for reasons of health, may choose to eat fish, but not meat. The Bulgarian idiom *като изтискан лимон* lit. ‘like a squeezed lemon’ has a close counterpart in Russian: cf. *как выжатый лимон* lit. ‘like a squeezed lemon’, while there is no idiom with a comparable image in English: cf. *on my last legs, dog-tired, to feel as if death warmed up this morning*, etc. The concept of close psychological resemblance between relatives is expressed by similar idioms in Bulgarian and Russian: cf. B. *Крушата не пада по-далеч от дървото* lit. ‘A pear does not fall far from the tree’. R. *Яблоко от яблони (не далеко падает)* lit. ‘An apple does not fall far from the tree’. In English, a different image underlies a comparable idiom: *a chip off the old block*. Two idioms with the same image also exist in English – one predicative (a proverb), the other one – its shortened, non-predicative variant: *The apple does not fall far from the tree/(not) far from the tree*. A more prototypical, Biblical fruit was chosen as the basis of the Russian and English proverbs, while a less prototypical one, although still common, underlies the Bulgarian idiom (Mokienko 2017).

A similar underlying image exists in the following idioms from all the three languages: cf. B. *дишам във врата на някого* lit. ‘to breathe on smb.’s neck’, R. *дышать в спину* lit. ‘to breathe onto smb.’s back’, E. *to breathe down smb.’s neck*. However, in terms of meaning, only the Bulgarian and English idioms are similar, while in Russian the idiom has the meaning of closely following someone with the intention of metaphorically overtaking them or closely watching their actions. The Russian equivalent of Bulgarian and British idioms is *стоять над*

⁵ Russian.

душой lit. ‘to stand above smb.’s soul’. The Bulgarian idiom *обръщам гръб* lit. ‘to turn one’s back’ has comparable counterparts in Russian and English: *повернуться спиной* lit. ‘to turn one’s back’, *to turn one’s back*. However, only the Bulgarian idiom can be followed by both animate and inanimate objects, while Russian and English idioms are typically followed by names of animate objects. As a result, the Bulgarian idiom has the meaning of ‘to turn over a new leaf’ (Sabeva & Zagorova 2015), while English and Russian idioms have the meaning of leaving somebody in the lurch. Similar images underlie the idioms *В. точа си зъбите* lit. ‘to cut one’s teeth’, *Р. точить зуб* lit. ‘to cut one’s tooth’, *Е. to cut one’s teeth on smth.* However, all the three idioms have different meanings and can thus be considered as false friends: ‘to eagerly anticipate smth.’ (in Bulgarian), ‘to get experience in some sphere’ (in English), and ‘to bear a grudge against smb. in preparation for revenge’ (in Russian).

The Bulgarian idiom *влизам под кожата на някого* lit. ‘to get under smb.’s skin’ differs in its meaning from the English idiom with a similar image *to get under smb.’s skin* ‘to irritate smb.’. Here the underlying image, which was originally the same, engendered two different implications that turned into systematic meanings. One implication of ‘getting under smb.’s skin’ is that it may cause unpleasant physical sensations, such as itch or pain. Another implication is that someone is getting so intimately close that you feel warmth and care and hence some pleasant physical sensation. The Bulgarian idiom *излизам из кожата си* lit. ‘to get out of one’s skin’ corresponds to the English expression *to get out of one’s way to do smth.*. The Russian counterpart with a comparable underlying image *лезть из кожи вон* lit. ‘to get outside one’s skin’ is a false friend with the meaning ‘to make an utmost effort to achieve smth’. The concept of despair is conveyed by somatic idioms in the three languages: cf. *В. клювам нос* lit. ‘to peck with one’s nose’, *Р. повесить голову* lit. ‘to hang down one’s head’, *Е. to be down in the mouth* (or *to walk with drooping shoulders*). The Russian idiom *клевать носом* lit. ‘to peck with one’s nose’ has the meaning of feeling sleepy. All the three idioms have the underlying metonymical basis from which different implications were drawn by different linguistic communities. When your nose or head or shoulders are down, it is usually due to some physical or psychological malaise which presses the body down. The down posture may also mean that one is physically tired and is seeking a horizontal position, or one is psychologically overwhelmed and has little stamina left to walk upright. The idea of wishing somebody good luck or deeply caring for someone’s well-being is expressed by the idiom *стискаам палци* lit. ‘to squeeze one’s fingers’ in Bulgarian, *кулаки держать за к-л* lit. ‘to hold one’s fists for smb.’ in Russian and *to keep one’s fingers crossed* in English. The difference between the idioms is down to the different images engendered by the words ‘fist’ (‘кулак’) in Russian, ‘fingers’ in English and squeezing one’s fingers in Bulgarian. Apart from that, the English idiom reflects an old superstition, thus providing additional cultural information (Kuiper 2013).

Drastically different images are employed for the expression of the idea of an impossible occurrence in the future, of the crushing of hopes: cf. *В. когато*

си видиш ушите без огледало, R. *когда рак на горе свиснет*, E. *when two Sundays come together*. This idea is expressed with the help of an absurd image in all the three languages, although the ‘absurdity’ is in each case different: the literal gloss of the Bulgarian proverb is ‘when you see your ears without a mirror’, the Russian gloss is ‘when a crab whistles on a mountain’, and the image behind the English saying is the wishful state of affairs when one Sunday is directly followed by another. Interestingly and in contrast to Russian, the idea of a private, one-to-one conversation and the idea of being very careful, vigilant and watchful is expressed emphatically and hyperbolically in Bulgarian by means of the expression *четири очи* lit. ‘four eyes’: cf. B. *на четири очи* lit. ‘on four eyes’, R. *сглазу на глаз* lit. ‘an eye with an eye’, E. *tete-a-tete*, B. *отварям си очите на четири* lit. ‘open all the four of your eyes’, R. *глядеть/смотреть в оба* lit. ‘to look with both (of your eyes)’, E. *to keep one’s eyes peeled*. The idea of deceiving or misleading someone is expressed through similar Bulgarian and English idioms: B. *хвърлям прах в очите* lit. ‘to throw dust in the eyes’, E. *to throw dust in smb.’s eyes*. The Russian idiom, however, is somewhat of a false friend, as the expression *пускать пыль в глаза* lit. ‘to let dust in the eyes’ has the additional semantic twist of presenting a better image of oneself (Gurevich & Dozorets 1988, Baranov & Dobrovol’skij 2014).

The concept of something that has both positive and negative consequences is expressed by the following idioms in the three languages: cf. B. *нож с две остриета* lit. ‘a knife with two edges’, R. *палка о двух концах* lit. ‘a stick with two ends’, *обоюдоострый меч* lit. ‘a double-edged sword’, E. *a double-edged sword*. The difference in the motivation of the respective idioms is threefold. First, the image of a knife corresponds to the image of a sword in Russian and English; second, in Russian there are two idioms to express the same idea, and third, the idiom *обоюдоострый меч* is less frequent than its English and Bulgarian counterparts and is more formal than its more frequent Russian synonym *палка о двух концах*.

Another typologically relevant, though not very frequent group of idioms in Bulgarian includes those that have similar underlying images and may therefore be mistaken for interchangeable, synonymous idioms. However, their meanings are different, and sometimes dramatically so. As an example, consider the two predicative Bulgarian idioms: cf. *Каквото му е на сърцето, това му на езика* lit. ‘What he has on the heart, he has on the tongue’. *Каквото ми е на душата, това ми на устата* lit. ‘What I have on the soul, I have on the mouth’. The first idiom has the meaning ‘to be sincere and open-hearted’. The second idiom means ‘to speak one’s mind’, ‘not to mince words’, ‘to speak what you really think’. Compared to the Russian idiom with a similar image, *Что на уме, то и на языке* lit. ‘What is on the mind, the same is on the tongue’, the difference in the evaluative connotation emerges: the Russian idiom has negative connotations and refers to a person who is not very intelligent and cannot keep a secret or who says silly things. None of the idioms has a set expression with a comparable image in English, with

a relative exception of the first Bulgarian idiom, which can be translated into English as ‘to wear one’s heart upon one’s sleeve’, a well-known Shakespearism.

There is also a group of idioms, mainly in Bulgarian and Russian, in which a full image in one language corresponds to a curtailed image in the other, as in the case of the following idioms: B. *върви по мед и масло* lit. ‘It goes like on honey and butter’, R. *идет как по маслу* lit. ‘It goes like on butter’. As can be seen, the Bulgarian idiom contains an extra image of honey absent from the Russian idiom, which partly explains why some native Russian speakers (personal communication) associate the idiom with a lubricant, i.e. a non-edible substance. In English, a completely different image underlies the same idea – that of an efficient mechanism: cf. *to run like clockwork*. The Bulgarian idiom *от друго тесто съм* lit. ‘I am made from different dough’ has an isomorphic Russian idiom *из другого теста* lit. ‘from different dough’. The closest English equivalent is ‘a horse of a different colour’ (Sabeva & Zagorova 2015). However, the meaningful difference between the three idioms is that Bulgarian and Russian ones refer to an animate entity, while the English idiom refers to an inanimate, abstract notion, such as the subject matter under discussion regarded as partly or completely inappropriate.

In terms of the synonymic usage of numbers, it has to be observed that number 3 is more often used in the structure of Bulgarian and Russian idioms, while number 9 plays a more prominent role in the English language. On the whole, however, number 3 is more frequent in Bulgarian. This could probably be explained by the Orthodox religion shared by Russians and Bulgarians, and a different religious paradigm in English-speaking countries: B. *всяко чудо за три дни* lit. ‘Any wonder (lasts) for three days’. E. *A nine days’ wonder*. R. *Бог троицу любит* lit. ‘God loves (The Holy) Trinity’. The allomorphic character of the Bulgarian proverb *Три пъти мери, веднъж режи* lit. ‘Measure three times, cut only once’ and its Russian counterpart *Семь раз отмерь, один раз отрежь* lit. ‘Measure seven times, cut only once’ is down to two factors: a fewer number of times corresponds to a greater number in Russian, which testifies to a more prominent role played by number 3 in Bulgarian; second, only the Bulgarian proverb is based on assonance and rhyme, which means that the *valuer* of the two proverbs is slightly different in Russian and Bulgarian. The French term *valeur* was introduced by F. de Saussure to refer to non-semantic, conceptual or paradigmatic differences between linguistic signs (words or phrases) that otherwise may be considered as translational equivalents. This means that although the Bulgarian proverb *Три пъти мери, веднъж режи* and its exact translational equivalent in Russian *Семь раз отмерь, один раз отрежь* are semantically complete matches, there are additional, conceptual differences between them due to different numerals and the presence of rhyme in the Bulgarian proverb.

Sometimes all the three (predicative) idioms have the same source (the Bible, fables, etc.) and yet develop slightly different meanings due to the different paths they follow through the centuries. This pertains to the well-known saying traced back to Aesop’s fable about the profligate youth who sells out everything down to

his last coat when he spots a swallow and thinks that it is going to be warm soon and so he does not need a coat. Observing that the Bulgarian and English sayings can be regarded as false friends, Sabeva & Zagorova (2015) differentiate between the meanings of the two in the following way: ‘In English the proverb *one swallow doesn’t make a summer/spring* is used only in reference to situations, and not to people. The saying means that because one good thing has happened, one cannot assume that more good things will happen in the future or that the whole situation will improve’ (Sabeva & Zagorova 2015: 65).

Table 2 sums up some major typological cross-linguistic relations between Bulgarian, English and Russian idiomatic expressions. The marker *vs* (‘versus’) separates idioms which are contrasted to each other. For example, in the second column the first two proverbs (Russian and Bulgarian) are separated from the English one by this marker, which means that the Russian and Bulgarian proverbs are contrasted with the English one. Naturally, the first column in the table does not have the marker ‘vs’, since all the idioms are identical from the point of view of their meaning and structure. The fourth column does not have this marker either, as the idioms are considered as nearly identical equivalents on account of a close underlying image and the identical meaning in all the three languages.

Table 2

Typological classification of Bulgarian, Russian and English idioms

The same image and meaning (in two or three languages)	The same image, different meanings (in two or three languages, false friends)	Different images, the same meaning (in two or three languages)	Comparable (similar) images and meanings (in two or three languages)
като изтискан лимон как выжатый лимон	One swallow does not make a summer vs Една лястовица пролет не прави	Крушата не пада подалеч от дървето Яблоко от яблони vs a chip off the old block	ни риба, ни рак, ни рыба, ни месо, neither fish nor fowl
дишам във врата на някого to breathe down smb.’s neck.	дишам във врата на някого to breathe down smb.’s neck. vs дышать в спину	върви по мед и масло vs to run like clockwork	върви по мед и масло идет как по маслу
Яблоко от яблони The apple does not fall far from the tree	точа си зъбите vs точить зуб vs to cut one’s teeth on smth.		всяко чудо за три дни a nine days’ wonder.
обоюдоострый меч a double-edged sword	излизам из кожата си vs лезть из кожи вон		
хвърлям прах в очите to throw dust in smb.’s eyes.			

4. Hypothesis, methods, materials and data collection

4.1. Research hypothesis

Bulgarian is so closely related to Russian that seeing Bulgarian words on a printed page, one is bound to immediately notice a lot of crossover between letters, morphemes, syntactic structures and set expressions. Unlike Bulgarian, English is much further removed from Russian etymologically, although all the three languages belong to the Indo-European family. Given this, the working hypothesis of the present research is that nearly-proficient Russian students of English are exposed to centripetal and centrifugal linguistic forces that may cause them to produce a (slightly) bigger number of either Bulgarian or English idioms, with the postulated statistical variation lying within the medium range.

4.2. Participants

The participants that took part in the research are 50 Russian speakers of English of comparable age, socio-economic status and educational level: third-year-students from Moscow Pedagogical State University, aged 20–22, with advanced level of English. All the students completed the course in English lexicology, of which English phraseology forms a substantial part, totaling around 40 academic hours. All the participants also completed a course of general linguistics during their 1st academic year, in which, among other aspects of general linguistics, they studied the genealogical classification of languages. This module accounts for around 35 academic hours and comprises rather detailed information about the Slavonic, Germanic, Romance and other groups of Indo-European languages. Special attention was paid to the Slavonic and Germanic languages because most of the students are Russian and their major is English. Given this, the participants are familiar with the general typology and genealogy of Bulgarian, although none of them knows Bulgarian to any degree of proficiency.

4.3. Materials

The material for the research consists of two parts: the total sample includes 5000 idioms – 2500 from English and 2500 from Bulgarian. The equal numbers of idioms were chosen for reasons of quantitative objectivity and validity. The final subsample, which was used in the experimental part of the research, comprises 60 idioms (30 Bulgarian and 30 English ones) selected from ‘The Oxford Dictionary of Idioms’ (2004) and ‘Nov fraseologichen rechnik na bylgarskiya jezik’ (‘Нов фразеологичен речник на българския език’ 1999) compiled by means of stratified systematic sampling: selecting every tenth example on a page with a new alphabet letter. This method ensures the reliability and impartiality of the final sample. The number of idioms was determined by the assumption that 30 is the minimum required number for a t-test to be considered statistically relevant and representative. Choosing more idioms would have put undue stress on students who were given only 90 minutes to complete the task. Since the assignment (‘Supply the

meaning of each English and Bulgarian idiom without consulting a dictionary’) is open-ended, it required a considerable amount of time. Asking the students to interpret more idioms would have compromised the accuracy of the experiment.

4.4. Procedure and data analysis

All the students were presented with two lists of 30 idioms and given 90 minutes to complete the two tasks. Each idiomatic expression was thus given slightly more than a minute, which is enough time to produce the target item if the learner is aware of its existence or can guess its meaning from its constituent parts. In addition to the explanation of the task, an example of its possible completion was provided. An unstructured, post-hoc interview was conducted with the participants to find out what difficulties they had experienced when completing the task. **Table 3** is a faithful reproduction of the task presented to the participants. As can be seen from Table 3, the task was given in English, since all the participants are advanced or proficient speakers of English.

Table 3

The experimental task given to the participants

In the table below, there are 30 idioms from English and 30 idioms from Bulgarian, which are unrelated in their meaning or structure. Please, supply the meaning of each English and Bulgarian idiom without consulting a dictionary. Make a guess if you are unsure of an idiom’s meaning. Answers can be given either in English or in Russian. You are given 90 minutes to accomplish the task.

Example: *to have green fingers:* to enjoy working in the garden.

хвърлям прах на някого: пускать пыль в глаза, to throw dust in smb.’s eyes

In Abraham’s bosom:	хващат ме дяволите:
a bad quarter of an hour:	ихзвърлям и бебето с мръсната вода:
to carry the can:	морете ми е до колене:
a damp squib:	приличат си като две капки вода:
to have someone eating out of your hand:	гръм от ясно небе:
a false dawn:	падам от небето:
garbage in, garbage out:	правя кал:
all hands:	отварям си очите на четири:
to be in for smth.:	огън ми гори на главата:
in jig time:	гладен съм като волк:
to make a killing:	да си оближеш пръстите:
a blot on the landscape:	като куче и котка:
to meet one’s maker:	мечешка услуга:

call of nature:	повтарям като папагал:
good offices:	с един куршум два заека:
another pair of shoes:	ходя като муха без глава:
quick and dirty:	на краставичар краставици продавам:
at the end of the rainbow:	сгазвам лука:
in the last chance saloon:	завъртам главата на някого:
herein lies a tale:	не мога да си вдигна глават от работа:
it is all up with:	слагам си главата в торбата:
to take a dim view of:	затънал съм до гуша в дългове:
between you and me and the wall:	стъпвам на врата на някого:
give it large:	изплзвам език:
plain Jane:	имам зъб на някого:
the icing on the cake:	като опре ножа до кокала:
in one ear and out the other:	кракът ми няма да стъпи тук:
as game as Ned Kelly:	протягам си краката според чергата:
you can't keep a good man down:	не вижда по-далече от носа си:
to drop names:	затварям си очите:

The interpretation of results was conducted with the help of the **paired t-test**. This statistical tool is appropriate for the purposes of the present study, because participants, who are native-speakers of Russian, interpreted idioms from two other languages, which allowed to adjust for the varying level of students' knowledge of English in general and awareness of idioms in particular. The advantage of the paired t-test is that it also makes it possible to calculate the result both including and excluding the outliers. The results proved to be significant in both cases.

5. Results

The paired t-test statistical tool revealed a slight imbalance in favour of the Bulgarian idioms, which is statistically significant at p-value equaling 0.0157952. The observed standardized effect size is medium (0.35) and there are 15 outliers, i.e. participants who came up with an equal or a slightly higher number of English idioms. **Table 4** indicates the number of correctly interpreted English and Bulgarian idioms by each of the 50 participants. **Table 5** sums up the results of the paired t-test analysis. **Fig. 1** is a graphic illustration of the T-Distribution.

Table 4

The number of correctly interpreted English and Bulgarian idioms by each of the 50 participants

Number of students	Number of correctly interpreted English idioms	Number of correctly interpreted Bulgarian idioms
1	5	10
2	5	13
3	9	9
4	5	10
5	16	10
6	6	7
7	11	11
8	6	6
9	17	17
10	14	16
11	6	9
12	13	2
13	3	7
14	4	7
15	8	10
16	11	10
17	5	10
18	3	10
19	4	9
20	4	11
21	5	10
22	24	14
23	25	14
24	4	7
25	11	13
26	9	12
27	7	7
28	4	11
29	8	9
30	11	16
31	6	12
32	7	12
33	12	15
34	16	13
35	15	13
36	8	15
37	8	14
38	13	13
39	10	10
40	7	10
41	7	9
42	7	11
43	7	9
44	6	8
45	7	10
46	5	9

Number of students	Number of correctly interpreted English idioms	Number of correctly interpreted Bulgarian idioms
47	9	10
48	13	5
49	6	7
50	11	10

Table 5

Results of the paired t-test analysis as applied to the interpretation of Bulgarian and English Idioms

Null hypothesis (H_0)	P-value	The statistics	Effect size
Since $p\text{-value} < \alpha$, H_0 is rejected. The average of After minus Before's population is considered to be not equal to the μ_0 . The difference between the average of the After minus Before and μ_0 is big enough to be statistically significant.	p-value equals 0.0157952, ($p(x \leq t) = 0.992102$). This means that the chance of type1 error (rejecting a correct H_0) is small: 0.01580 (1.58%). The smaller the p-value the more it supports H_1 .	The test statistic t equals 2.500523, is not in the 95% critical value accepted range: [-2.0096 : 2.0096]. $x=1.58$, is not in the 95% accepted range: [-1.2700 : 1.2700].	The observed standardized effect size is medium (0.35). That indicates that the magnitude of the difference between the average and μ_0 is medium.

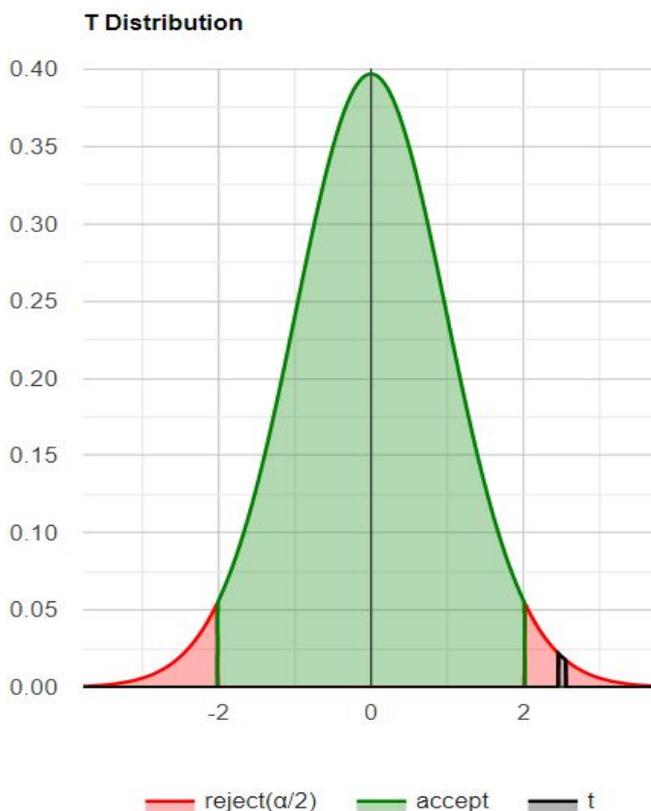

Fig. 1. T-Distribution

6. Discussion

Most of the difficulties in interpretation were caused by idioms containing cultural allusions, such as the proper name *Nedd Kelly*. Correct interpretation of this idiom and the idiom in *Abraham's bosom* requires a higher degree of thesaurus activation – background knowledge of the relevant realia, including knowledge of the Bible and the history of English. Although the idiom *plain Jane* also contains a proper name, its interpretation did not cause much difficulty due to the presence of the first ‘give-away’ adjective used in its direct, rather than transferred meaning: ‘not attractive or pretty enough’. Other idioms that caused interpretative difficulty were *damp squib*, *in jig time* and *all hands*. The first one contains an unusual element as it is rarely used outside this idiom. The expression *in jig time* contains a noun used as an adjective and is probably falsely associated with the dance type ‘jig’, which, coupled with the word ‘time’, results in an opaque expression. Although this attributive use of a noun is quite typical of English, a comparable use is not found in Russian, hence the difficulty which may have been caused by negative interference – extrapolation of internalized syntactic patterns of one’s mother-tongue into a foreign language. Finally, the meaning of the idiom *all hands* is too specific – it refers to the members of a ship’s crew due to which this technical meaning is rarely known as refers to a nautical term.

As predicted, the correct interpretation was given to Bulgarian idioms which contain words and structures shared with the Russian language. This pertains to the idioms *гръм от ясно небе* lit. ‘thunder from the clear sky’, *имам зъб на някого* lit. ‘to have a tooth on smb.’, *не вижда по-далече от носа си* lit. ‘not to see farther than one’s nose’, which are structurally and semantically isomorphic to Russian idioms. The most interpretative difficulty was caused by those Bulgarian idioms that contain opaque words (typically, borrowings) or the so-called false friends: cf. *на краставичар краставици продавам* lit. ‘to sell cucumbers to a cucumber-seller’, *стъпвам на врата на някого* lit. ‘to put one’s foot on smb.’s neck’.

Idioms seem to be stored in the long-term memory not only thematically or in topically related clusters, but also according to their source of origin and structure. Given this, cross-cultural code-switching is facilitated when speakers aim to produce idioms which are structurally isomorphic, have common origin or are part of the shared cultural heritage, such as the Latin language, the Bible or calques. This pertains to the English idiom *to sell like hot cakes* adopted through loan-translation into Bulgarian and Russian, and to the proverb *All roads lead to Rome* adopted by a number of European languages, including Russian (cp. *Все дороги ведут в Рим* lit. ‘All roads lead to Rome’) and Bulgarian (cp. *Всички пътища водят към Рим* lit. ‘All roads lead to Rome’).

7. Conclusion

The results of the research proved the working hypothesis and revealed that it is the degree of etymological proximity and affinity between languages that is a better predictor of correct interpretation of two sets of idioms by native speakers of

the language closely related to one of the languages involved in the experiment. Although the Russian participants are all fluent speakers of English, their largely implicit cultural cognition makes them potentially more cross-culturally competent when decontextualized set expressions from Bulgarian, rather than English, are given for interpretation. This can partly be explained by a comparable linguistic and axiological prioritization, i.e. a set of values encoded by Russian-Bulgarian idiomatic counterparts rather than Russian-English idioms. This also means that cultural allusions embedded in Russian-Bulgarian idioms are interpreted more efficiently than those encoded by English idioms which in many cases are opaque.

The experiment also partly proves that common cultural conceptualisations of Russians and Bulgarians seem to arise without the participants' prior linguistic or cultural contact, since none of them know Bulgarian or have ever been to Bulgaria. On the other hand, linguistic competence is not in itself a sure predictor of correct interpretation of stable multi-word units. This seems to suggest that a lack of intercultural competence is a factor to reckon with. Putting it differently, a comparable set of intercultural values reflected in language significantly facilitates interpretation of stable multi-word items. Whether the same holds true for single words or, possibly, sentences is a matter of further investigation.

The implications of the research are manifold. The background knowledge of linguistic and cultural information connected with set expressions is likely to facilitate code-switching and to raise communicants' awareness of the extensive international stock of idioms. From the typological and genealogical point of view, the main paradigmatic relations that exist between Bulgarian, Russian and English idioms should be taken into account during cross-cultural communication: interlocutors should be alerted to a rather numerous group of false friends in order to avoid communicative breakdowns and to speed up and facilitate the process of cross-cultural communication.

One of the fascinating areas and desiderata for further research is the systemic investigation of the relations between Russian, Bulgarian and English paremiological units, i.e. proverbs and sayings. Preliminary findings suggest that approximately 15% of cases idioms and proverbs which descended from one and the same source, such as the Bible or fables, have acquired slightly different connotations in Russian, Bulgarian and English. This definitely proves that language does not remain static or develops in isolation: the people, the nation and the culture, i.e. the proprietors and the bearers of a language, are prone, either willingly or unwittingly, to slightly modify the meanings of linguistic items to suit their communicative needs.

Some of the avenues for further research comprise the following aspects: (1) theoretical and empirical research into the quantifiable correlation between the degree of genealogical proximity of languages and the number of correct interpretations of idioms, (2) study of conditions that stimulate loan-translation and the semantic fields which are more likely to be loan-translated, (3) cross-linguistic typological comparison of the symbolic meaning of numbers in Russian, Bulgarian

and English idioms. While preliminary findings have shown that number 3 plays an important symbolic role both in Russian and Bulgarian due to the Orthodox Christianity, in Russian other numbers, such as 7, 40, 100 and 1 000 seem to play a more prominent role, which could probably be explained by a more pronounced proclivity for exaggeration, a cultural feature of Russian speakers that has been much commented on by Wierzbicka (Wierzbicka 2014).

ACKNOWLEDGEMENT

The authors wish to express their deepest and immeasurable gratitude to Editor-in-Chief, Prof. Tatiana Larina for her kind attitude, invaluable critical comments and genuine interest in our research. She opened new vistas, alerted us to new research in the field and inspired us to further investigate the fascinating area of comparative and cultural linguistics. For this, we thank her again and again. We also thank the anonymous reviewers for a generous review and the Chief secretary Alexander Ignatenko for proof-reading and editing the manuscript.

Участие авторов: Лаврова Н.А. – концепция, дизайн исследования и написание текста. Никулина Е.А. – анализ полученных данных, выводы, перспективы исследования, написание текста.

© Nataliya Lavrova and Elena Nikulina, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Antipova, Mariya A. & Yana A. Matveeva. 2014. The international conference “Russian linguistics: A history and the present”. *Slověne* 3 (1). 221–223. DOI: 10.31168/2305-6754. 2014.3.1.9
- Baranov, Anatoli N. & Dmitry Dobrovolskij. 2014. *Osnovi Frazеологii*. Moscow, Russia: Flinta. [The basics of phraseology].
- Bilá, Magdaléna & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.
- Chrissou, Marios. 2018. Interlinguale Faktoren für die Erfassung des Lernschwierigkeitsgrads von Phrasemen des Deutschen unter besonderer Berücksichtigung von DaF-Lernenden mit Griechisch als Muttersprache. *Yearbook of Phraseology* 9 (1). 111–136. DOI: 10.1515/phras-2018-0007. [Interlinguistic factors in the assessment of difficulty of learning German idioms by students of German as a foreign language with emphasis on native speakers of Greek].
- Columbus, Georgie. 2013. In support of multiword unit classifications: Corpus and human rating data validate phraseological classifications of three different multiword unit types. *Yearbook of Phraseology* 4 (1). 23–44. DOI: <https://doi.org/10.1515/phras-2013-0003>.
- Cranmer, Robin. 2017. Intercultural communicative competence – a further challenge. *Russian Journal of Linguistics* 21 (4). 870–884. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-870-884.

- Deignan, Alice. 2005. *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam-Philadelphia, The Netherlands, US: John Benjamins.
- Dobrikova, Mária. 2008. On phraseological conception in the Slovak and Bulgarian languages. *Slavica Slovaca* 43 (1). 52–63.
- Fiedler, Sabine. 2007. *English Phraseology*. Leipzig: Gunter Narr Verlag Tübingen.
- Floria, Boris N. 2017. The Slavic world and its destiny in the earliest epoch of its history according to the first redaction of the Chronicle by Marcin Kromer. *Slověne* 6 (1). 381–392.
- Holandi, Rayna. 2009. Semantic relations in the comparative phraseological units in English and Bulgarian. *Eğitim Fakültesi Dergisi XXII*. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/153388>. (Accessed on 15 June, 2020).
- Ivanova, Elena Yu. 2019. Contrastive analysis of Bulgarian and Russian syntax peculiarities. *Slověne* 8 (1). 554–563. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.22.
- Keipert, Helmut. 2017. Conceptions of Church Slavonic. *Slověne* 6 (1). 8–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.1.1>.
- Kuiper, Koenraad. 2013. Psycholinguistics, neurolinguistics and phraseology. *Yearbook of Phraseology* 4 (1). 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1515/phras-2013-0001>.
- Mitkovska Liljana, Eleni Bužarovska & Elena Ju. Ivanova. 2017. Apprehensive-epistemic da-constructions in Balkan Slavic. *Slověne* 6 (2). 57–83.
- Mokienko, Valerij M. 2017. Psycholinguistic aspects of Slavic phraseology: “Slavofraz-2016”. *Slověne* 6 (1). 576–587.
- Nelyubova, Natalia, Victoria Hiltbrunner & Victor Ershov. 2019. The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics* 23(1). 223–243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-I-223-243.
- Podtergera, Irina A. 2015. What is language history? *Slověne* 4 (1). 394–455. DOI: <http://dx.doi.org/10.31168/2305-6754.2015.4.1.26>.
- Polyvyanny, Dmitry I. 2016. Bulgarian polemical literature in the confessional strife between Rome and Constantinople. *Slověne* 5 (2). 370–376. DOI: <http://dx.doi.org/10.31168/2305-6754.2016.5.2.10>.
- Saenko, Mikhail N. 2017. History of the semantics of the Proto-Slavic lexemes *edinŭ and *samŭ. *Slověne* 6 (1). 76–94.
- Sharifian, Farzad. 2017. *Cultural Linguistics*. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 2017.
- Solano, Ramón M. & Mária Kolářová. 2015. Phraseological loan translations in Bulgarian and in French: A cross-linguistic and cross-cultural study. *Contrastive Linguistics* 3. 9–31. DOI: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01646142>.
- Sosnowski, Wojciech P., Diana Blagoeva & Roman Tymoshuk. 2018. New Bulgarian, Polish, and Ukrainian phraseology and language corpora. *Cognitive Studies. Études Cognitives* 18. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.11649/cs>.
- Szerszunowicz, Joanna. 2015. Periodic growth of phrasemes from a cross-linguistic perspective: Polish phraseology after the political transformation of 1989. *Yearbook of Phraseology* 6 (1). 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1515/phras-2015-0007>.
- Todorova, Bilyana B. 2019. Bulgarian-English code-switching in Internet forum communication: The BG-mamma case. *Open Linguistics* 5 (1). 121–135. DOI: <https://doi.org/10.1515/opli-2019-0008>.
- Todorova, Maria. 2015. On the automatic recognition of Bulgarian verb idioms. *Paisievi Cheteniya*. Plovdiv, Bulgaria. URL: https://www.researchgate.net/publication/305328336_ON_THE_AUTOMATIC_RECOGNITION_OF_BULGARIAN_VERB_ID_IOMS (Accessed on 15 June, 2020).

- Urmanchieva, Anna Yu. & Vladimir A. Plungian. 2017. The perfect in Old Church Slavonic: Was it resultative? *Slověne* 6 (2). 13–56. DOI: 10.31168/2305-6754.2017.6.2.1.
- Vashcheva, Irina Yu. & Dmitry A. Koryakov. 2018. Medieval Bulgaria in the context of political imagology. *Slověne* 7 (2). 527–537. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.21.
- Vinogradov, Andrey Yu. & Anastasia S. Dobychnina. 2018. “Erinyes and Maenads”. Who stood at the cradle of the new Bulgarian community in 1185–1186? *Slověne* 7 (1). 41–54. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.1.3.
- Waugh, Daniel C. 2019. The Great Turkes defiance revisited. *Slověne* 8 (1). 162–187. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.6.
- Wierzbicka, Anna. 2014. *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Zholobov, Oleg F. 2016. Notes on the word form je ‘is’ in Old Russian and Old Church Slavonic literature. *Slověne* 5 (1). 114–125.

Dictionaries and other sources

- Ankova-Nicheva, Keti. 1993. *Nov Fraseologichen Rechnik na Bylgarskija Ezik*. Sophia, Bulgaria: Izdatel’stvo universiteta Sv. Kliment Ochridskij. [New phraseological dictionary of Bulgarian].
- Brown, Keith & Sarah Ogilvie. 2009. *Concise Encyclopedia of Languages of the World*. Oxford, UK: Elsevier Ltd.
- Gurevich, Valery V. & Jeanna A. Dozorets. 1988. *Kratkij Russko-anglijskij Fraseologičeskij Slovar’* Moscow, Russia: Russkij Jazik. [A short Russian-English phraseological dictionary].
- Kotova, Nandezhda & Miroslav Janakijev. 2001. *Grammatica Bolgarskogo Jazika dl’a Vladejusschich Russkim Jazikom* Moscow, Russia: Izdatel’stvo Moskovskogo Universiteta. [Grammar of Bulgarian for those who know Russian].
- Leafgren, John. 2011. *A Concise Bulgarian Grammar*. URL: http://www.seelrc.org:8080/grammar/pdf/stand_alone_bulgarian.pdf. (Accessed on 15 June, 2020.)
- Maslov, Yuri S. 1981. *Grammatica Bolgarskogo Jazika*. Moscow, Russia: Visschaja shkola. [Grammar of Bulgarian].
- The Oxford Dictionary of Idioms*. 2004. Oxford: Oxford University Press.
- Pashova, Marinella. 2005. *Bulgarian 4 Brits*. Southampton, UK: Probmags Publishing.
- Sabeva, Radost & Zhana Zagorova. 2015. *Speak Bulgarian Like a Native. Bulgarian Idioms in Context*. Sophia: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Stepanov, Yuri S. 2016. *Osnovi Obschego Yazikoznanija*. Moscow, Russia: Lenand. [Introduction to general linguistics].

Article history:

Received: 26 July 2020

Revised: 15 October 2020

Accepted: 17 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 июля 2020

Дата принятия к печати: 17 октября 2020

Bionotes:

Nataliya LAVROVA, PhD (Advanced Doctorate), Associate Professor, Department of English Phonetics and Lexicology, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. Research interests include neologisms, cognitive metaphor, linguistic contactology, areal typology.

Contact information:

e-mail: na.lavrova@mpgu.su

ORCID ID: 0000-0002-6403-781X

Elena NIKULINA, PhD (Advanced Doctorate), Professor, Head of Department of English Phonetics and Lexicology, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. Research interests include English terminology and terminography, phraseology, discourse and cognitive linguistics.

Contact information:

e-mail: ea.nikulina@mpgu.su

ORCID ID: 0000-0002-1269-8720

Сведения об авторах:

Наталья Александровна ЛАВРОВА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия. Научные интересы: неологизмы, когнитивная метафора, лингвистическая контактология, ареальная типология.

Контактная информация:

e-mail: na.lavrova@mpgu.su

ORCID ID: 0000-0002-6403-781X

Елена Александровна НИКУЛИНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фонетики и лексики английского языка, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Научные интересы: лексикология и лексикография английского языка, терминология английского языка, терминография, фразеология и фразеография, проблемы дискурса, когнитивная лингвистика.

Контактная информация:

e-mail: ea.nikulina@mpgu.su

ORCID ID: 0000-0002-1269-8720

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Research article

Four lessons from Zaliznyak

Igor G. MILOSLAVSKY

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract

The article refers to four most important features of Academician Andrei Zaliznyak's (1935–2017) scholarly heritage, which include: 1) a clear statement of the activity goal and the understanding of its place in the scientific cognition of the world; 2) a logical sequence of work stages and their clear understanding; 3) comprehension of all the other obvious consequences arising from the work done. Within the framework of those requirements, the author of the article is trying, in particular, to evaluate such public initiatives relating to the Russian language as “the total dictation” and “the word of the year”. The paper discusses the degree to which modern research of the Russian language is compliant with those requirements, and emphasizes the inconsistency of the prevailing aspectological concepts, as well as the variety of rules dealing with the composition of semantic components in a wordform, sentence, or uttering. The author is skeptical about the prospects of the research of modern Russian word formation prioritising the inventory of word-formation types which cannot act as basic units for any kind of speech activity. The critical reflection on the notion of “postfix” allows the author to conclude that units regarded in terms of their semantic characteristics and not their position in a word form are clearly distributed among suffixes and endings (according to A.A. Zaliznyak). He also emphasises the complete incoherence of tasks set during the morphological analysis at school. In conclusion, the author writes about the reduction of moral standards within the professional community and recalls the fourth lesson of A.A. Zaliznyak – not to hope that colleagues will quickly recognise the research results.

Keywords: *Zaliznyak, research goal, logical sequence, interrelation of statements, academic community*

For citation:

Miloslavsky, Igor G. 2020. Four lessons from Zaliznyak. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 858–875. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Научная статья

Четыре урока Зализняка

И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

В статье говорится о 4 важнейших чертах научного наследия академика Андрея Анатольевича Зализняка (1935–2017). Это: 1) внятная постановка цели деятельности и осмысление места этой цели в научном познании мира; 2) логическая последовательность этапов работы

и четкое представление о каждом из этих этапов; 3) осмысление всех других очевидных следствий, возникающих в результате проведенной работы. В рамках этих требований автор статьи пытается, в частности, оценить такие общественные инициативы, касающиеся русского языка, как «тотальный диктант» и «слово года». В статье рассматриваются на соответствие этим требованиям также исследования, актуальные для современной науки о русском языке. Отмечается противоречивость господствующих аспектологических представлений, а также разнообразие правил сложения семантических компонентов в словоформе, предложении, высказывании. В статье скептически оцениваются перспективы тех штудий по современному русскому словообразованию, в которых на первом месте стоит инвентаризация словообразовательных типов, причем в таком виде, в котором они не могут выступать в качестве базовых единиц ни для каких видов речевой деятельности. Критически осмысливается понятие «постфикс», прилагаемое к единицам, которые, будучи осмысленными по своим семантическим характеристикам, а не в соответствии с позицией в словоформе, четко распределяются среди суффиксов и окончаний (по А.А. Зализняку). Отмечается также полная рассогласованность задач, решаемых в процессе школьного морфологического разбора. В заключение автор пишет о снижении нравственных критериев внутри профессионального сообщества и напоминает о четвертом уроке А.А. Зализняка – не надеяться на быстрое признание полученных результатов со стороны коллег.

Ключевые слова: *Зализняк, цель исследования, логическая последовательность, взаимосвязь утверждений, научное сообщество*

Для цитирования:

Милославский И.Г. Четыре урока Зализняка. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 858–875. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Уход из жизни нашего великого коллеги-современника Андрея Анатольевича Зализняка вызвал множество скорбных и поучительных откликов, в которых, что естественно, главное место занимала личность Зализняка-человека (Бурас 2019). Чем дальше уходим мы от 24 декабря 2017 года, тем яснее становится необходимость осмыслить те принципиальные для всей парадигмы нашей области знания моменты, которые выступают как важные характеристики научной деятельности А.А. Зализняка.

1. Почему и зачем это нужно знать?

На мой взгляд, главной чертой исследований А.А. Зализняка была внятная **цель**, которой автор хотел достигнуть в каждой из своих работ. Внятной всегда была не просто тема исследования (о чем пишет автор?), но именно задача, которую он ставит и решает (Доброхотов, Борзенков). В откликах на кончину Андрея Анатольевича среди многочисленных областей, в которых проявился его огромный талант, отмечается создание им жанра лингвистических задач (Зализняк 2018).

Лингвистические задачи как жанр научного исследования существовали и ранее. Вспомним хотя бы дешифровку различных древних памятников письменности, описания экзотических языков или установление «фонетических законов». Дело в том, что А.А. Зализняк **всегда** явным образом формулировал тот вопрос, на который отвечает его исследование. При этом важно было именно поставить вопрос. Напомню, как Андрей Анатольевич поставил

вопрос о «Слове о полку Игореве»: «Характеристики языка какого времени отражены в памятнике?» Не «подлинник или подделка?», но определение временной датировки памятника. Именно неспособность науки об истории русского языка ясно ответить на вопрос о датировке, по словам ученого, и побудила его заняться вопросом, который уже десятилетиями выступал как вопрос о «подлинности» Слова (Зализняк 2008).

«Грамматический словарь русского языка» (Зализняк 1977), и до появления которого, как справедливо говорил Т.П. Ломтев, мы знали, что в русском языке имена склоняются, имел своей целью получение таких алгоритмов, которые позволяют от словарной формы **каждого** слова образовать всю его парадигму (не установить приблизительное число типов парадигм, склонений, в обычной терминологии). Оказалось, что представления ученых-лингвистов, отраженные, в частности, в грамматиках, весьма и весьма приблизительно описывают те ответы на внятно поставленный вопрос, которые дает даже интуиция носителя языка. Замечу при этом строгое и последовательное решение вопросов о соотношении звуков и букв, о числе родов и падежей, типах оформления количественного противопоставления «предметов». А главное – точное установление числа «типов склонения», значительно превышающее три школьных. При этом задача установления конечного числа типов флексийных наборов серьезно уточнена автором еще и за счет учета 1) чередований (есть – нет, а если есть, то какие именно) и 2) типов перемещения места ударения в парадигме (хотя речь идет о письменной форме языка, где ударение обычно не ставится) (Зализняк 1967). Замечу, что так называемая школьная грамматика русского языка тоже имеет свою цель – обеспечить соблюдение правил правописания. Не декларируемая явно, эта цель упрощает описание словоизменения почти только до тех случаев, которые могут спровоцировать орфографические ошибки (*от яблон^и, на яблон^е* и т.п.), никак не сообщая прямо о такой заданной неадекватности описания реальному положению дел и самому определению того, что такое «тип склонения».

Цель в работах А.А. Зализняка может быть не только конкретной, но и отдаленной. Выдающиеся достижения в описании и новгородского диалекта, и при прочтении новгородских берестяных грамот в конце концов имеют не только самодовлеющее значение для истории русского языка и его исторической диалектологии. Эти работы дают нам знание о древнем Новгороде, который избежал татаро-монгольского ига и где культивировались демократические традиции, а также поддерживались экономические связи с Западной и Северной Европой. Без знаний о жизни и судьбе средневекового Новгорода невозможно сколько-нибудь полное представление ни о русской истории, ни о русском этносе (Исаченко 1998, Рыбина 2009).

Цель исследователя, наконец, может состоять и в достижении обычной человеческой радости – просто узнать что-то новое или в результате собственных усилий понять устройство чего-либо. Последнее – всегда большая радость, даже в том случае, когда есть другие люди, которые это устройство

уже давно поняли. Наверное, поэтому многие люди так любят отгадывать загадки, решать взятые из реальной жизни вычислительные и логические задачи, заполнять клеточки кроссвордов. Видимо, в природе человека и обычное желание узнать что-то для себя новое, прежде неизвестное. Отсюда любовь к чтению и к перемышлению косточек ближним, потребность смотреть телевизор и тяга к простому человеческому общению (Cloninger and others 1999). И даже если цели интеллектуальных усилий могут варьироваться от счастья человечества до самой мелкой и низкой корысти, **цель** непременно должна присутствовать. И это первый и, по-моему, важнейший урок, который дает жизнь и творчество Зализняка.

Представление о цели как о важнейшем предварительном условии для научных исследований еще совсем недавно растворялось в требовании новизны, т.е. «преодоления неизвестности, открытия чего-либо нового». Еще в первой половине прошлого века многие исследователи писали в своих работах «и этот вопрос совершенно не изучен», рассматривая это утверждение как тождественное «этот вопрос непременно следует подробно изучить». В.В. Виноградов, например, всегда говорил о необходимости тщательно изучать историю рассмотрения какого-либо вопроса в науке, после чего «можно и свою заплату поставить». Иными словами, научный поиск виделся как создание более или менее непротиворечивой и многоаспектной картины некоторого участка действительности, наподобие, например, физической географической карты. Но если цель создания исчерпывающей физической географической карты лежит на поверхности, поскольку достижение этой цели позволяет, в первую очередь, целенаправленно перемещаться из точки А в точку Б, то подобная очевидность цели научного поиска существует далеко не всегда. Столь привлекательная для ученого полная свобода выбора точки для приложения своих усилий оказалась скомпрометированной с развитием научных знаний о мире и с глубоким осознанием их чрезвычайной малости по сравнению со всеми явлениями и характеристиками этого мира. Умение выбрать относительно узкую область, а главное, уметь ясно поставить конкретный вопрос, что именно требуется узнать, и при этом предположить, хотя бы в общих чертах, масштаб и характер последствий, которые повлечет это новое знание для науки и общественной практики – именно эти характеристики стали необходимым условием плодотворности работы ученого, основанием для общественного признания ценности его усилий.

К сожалению, далеко не все лингвистические научные направления и общественные инициативы внятно что-то сообщают о целях их собственных интеллектуальных и иных усилий (Милославский 2017). Набравшая определенный размах в нашей стране акция под названием «Тотальный диктант» радуется уже тем, что привлекает внимание к русскому языку. Однако пока к одному-единственному аспекту из множества, требующих внимания, а именно к правилам правописания. А между тем очевидно, что главная опасность, угрожающая сегодня русскому языку, – это безграмотность

не формальная, а семантическая. Неумение и нежелание носителей русского языка точно и полно понимать значение слов, предложений, текстов, неспособность адекватно своему замыслу и условиям общения находить соответствующие языковые средства. Какую же речевую ситуацию моделирует процедура диктанта, даже если он и тотальный? Ту, когда человек должен точно и полно записать произносимый кем-то другим текст. Но в этих случаях наш современник обращается к возможностям собственного гаджета, который в точности сохранит произнесенное. Возможности того же гаджета помогают пользователю и избежать ошибок, например, в орфографии, подчеркивая слова, содержащие ошибочное написание. А вот помочь в выборе из синонимичных и квазисинонимичных средств с тем, чтобы точно/размыто обозначить «положение дел», установить близкие/дистанционные отношения с адресатом, выразить положительное/отрицательное отношение к сообщаемому, уважительно/хамское отношение к адресату, – ничего этого современный гаджет сделать пока не может. А «тотальный диктант» такой задачи вовсе не ставит. Он ориентирован лишь на сложные (и редко встречающиеся) вопросы правописания, т.е. именно на тот аспект изучения языка, который, отнюдь не являясь важнейшим в жизни общества, более или менее явно представлен именно таким в процессе школьного обучения.

Другое популярное мероприятие, посвященное русскому языку, – это «слово года (недели, месяца)» и т.п. Нельзя не радоваться тому, что наши журналисты заражают общество вниманием к тому, как конкретные слова и выражения ярко показывают, какими же именно событиями жила страна в тот или иной момент, период, эпоху. Та же идея лежит в основе далекого от языка определения «человека года», той личности, которая либо наиболее существенно влияла на происходящее, либо привлекала всеобщее внимание. Нельзя не порадоваться замечательному чувству юмора, которое демонстрируют в связи со «словами года» в русском языке пользователи соцсетей.

Возникает, однако, вопрос, какое отношение имеют все эти разнообразные акции, веселые и остроумные, текстуально выверенные и статистически обоснованные, собственно к русскому языку (Санников 1999). Ведь у языка, смысл существования которого и в отражении действительности, и в успешной передаче собственных представлений о ней другому, есть еще и свои собственные характеристики и проблемы, которые либо помогают ему справиться с этими задачами, либо мешают успешно это сделать. Я говорю о собственных проблемах русского языка, отражающих его знаковую сущность и коммуникативную направленность. А это совсем не то же самое, что выступает как ответ на вопрос, каким образом отразились в русском языке те или иные особенности момента, кто и как сумел сострить в связи с этими моментами так, чтобы было и смешно, и связь с событием не потерялась. И это вместо того, чтобы обнаружить в языке те области и конкретные точки, в которых есть лакуны (Эпштейн 2017), отсутствуют возможности для кратких обозначений, нет оценочных или иных коммуникативных дериватов, где есть

неоправданные запреты на сочетаемость слов и форм или никак не мотивированные ни логикой, ни действительностью собственно «языковые правила», наконец, иными словами, нет и намека на попытку как-то разумно и целенаправленно оценить по этим параметрам состояние языка и воздействовать на его развитие, сочетая профессионализм и живое языковое творчество.

Замечу, что А.А. Зализняк никогда не участвовал в подобных мероприятиях, хотя не жалел ни времени, ни сил для работы с молодыми людьми, для которых язык как таковой сам по себе объект профессионального внимания, настоящего или будущего. Я имею в виду и участие Андрея Анатольевича в проведении олимпиад по языковедению и математике, и его многочисленные выступления на «лингвистических школах», ежегодные отчеты о новых находках в Новгороде, его разнообразную педагогическую деятельность наконец.

Продолжу о целях деятельности на поле лингвистики и русского языка в *частности*.

Разнообразные книги и пособия, в частности и по РКИ, пестрят заголовками типа «Употребление (функционирование, что это такое? И.М.) видов (падежей, предлогов и т.п.) в русском языке» (например, Кузьмич, Лариохина 2007). Но ведь цель читающего/слушающего не в том, чтобы определить ту или иную грамматическую характеристику составляющих текст единиц, но увидеть стоящую за ними действительность. А цель пишущего (говорящего) в том, чтобы обозначить некоторую «действительность», а не употребить ту или иную грамматическую характеристику (часто многозначную вплоть до нулевой). Человек говорит/пишет не для того, чтобы продемонстрировать своему адресату знание собственно языковых норм, но для того, чтобы сообщить о «положении дел». Разумеется, соблюдая при этом языковые нормы, но уже с иной целью – с тем, чтобы не усложнять задачу адресата и не представлять самому в качестве вахлака и неуча.

Зачем, например, определять род существительного в процессе рецептивных речевых действий? Ведь эта характеристика существительного почти никогда не имеет никакой семантической ценности, обретая ее лишь в поэзии, сказках или загадках, и то далеко не всегда (Виноградов 1947). Другое дело – продуктивные речевые действия, причем только в том случае, если у существительного имеются определяющие слова и/или некоторые связанные глагольные формы. Определение родовой характеристики исключительно важно для письма, где именно характеристика по роду регулирует правописание *-ь* после *ж-*, *ш-*, *ч-* в конце слова. Зачем при рецепции определять видовую принадлежность глагола? Какую ценную информацию получает реципиент, узнавая, что перед ним глагол совершенного или несовершенного вида? Не лучше ли прямо говорить, что перед нами никак не охарактеризованное действие, действие, охарактеризованное по 1 параметру (*толкнул* – «однократность», *вылечил* – «результативность», *запел* – «начинательность») или по 2 (и более) параметрам (*запел* – «начало» + «однократность»),

перекрасил – «по-другому» + «результат», *расцеловались* – «интенсивность» + «взаимность» + «однократность»). А про двувидовые глаголы полезнее сказать, что в них существует семантическая неопределенность. Например, реплику героини из «Евгения Онегина»: «*Меня в сочельник навестил, недавно сына он женил*» можно понимать и как недавнее «заявление посетителя», и как «новый статус, который он создал для своего сына».

К сожалению, учебная и научная литература по русскому языку часто оформляется по принципу «А вот еще интересно», стремясь не решить конкретную задачу, имеющую какую-либо самодовлеющую или подчиненную другой ясной задаче цель, но просто сообщает любую информацию каким-то образом, вплоть до ассоциаций, связанную с той задачей, которую следует решить.

2. Сходятся ли концы с концами?

Близкий друг Андрея Анатольевича Владимир Андреевич Успенский отмечал незаурядные способности Зализняка к математике. Напомню, что сам Владимир Андреевич заведовал в МГУ кафедрой математической логики и оснований математики. Обращу особое внимание на два последних слова.

Основания и логика чрезвычайно важны в каждой науке, не только в математике, но в лингвистике. Излюбленный математиками метод рассуждения «допустим, что... и рассмотрим неизбежные следствия из этого допущения при данных условиях» эффективно работает и в других областях. Именно об этом, на мой взгляд, и говорил Андрей Анатольевич, когда утверждал: «...чужая область мне представлялась исследованной гораздо лучше, чем потом оказывалось... У меня стопроцентное доверие к тому, что если люди это пишут – это так. А потом, когда жизнь подводила меня к тому, чтобы заниматься этим основательно, я вдруг начинал убеждаться, что вовсе не все верно, что про это написано. Причем обычно бывали не соблюдены вещи не высокого уровня, а низкого. Самого низкого. Вот это вот меня не уставало поражать» (цитирую по Бурас 2019: 239). Именно о ложности посылок, на которых строятся заключения, говорил Андрей Анатольевич, опровергая утверждения «любительской лингвистики» и «теорий Фоменко» (Зализняк 2010).

Мне кажется, что у этой мысли есть и еще один важный аспект. Он касается, в частности, тех представлений о русском языке, которые культивируются в словарных и грамматических описаниях, а также в вузовских учебниках. Написанные зачастую несколькими разными авторами, эти источники совмещают в себе взаимоисключающие представления о предмете, тиражируемые затем менее именитыми авторами диссертаций и пособий при небескорыстном содействии издателей и активистов СМИ, закономерно ориентированных не на истину, но на публику.

В первой четверти XXI века наши коллеги справедливо призывают к написанию новой грамматики русского языка (например, Русская грамматика

2019). (Видимо, с появлением петербургского Большого толкового словаря русского языка, по мнению большинства коллег, вопрос о подобном «обновлении» применительно к лексикографии перестал быть актуальным). А между тем далеко не все общепринятые после 1970 года представления о русской грамматике выдерживают проверку при соприкосновении с действительностью.

Приведу примеры. Принято представлять грамматику русского глагола как базирующуюся на категориях вида и времени. При этом игнорируется то обстоятельство, что эти глагольные грамматические характеристики покоятся на принципиально разных основаниях: время – на семантическом, хотя и изменчивым под влиянием контекста, а вид – на синтагматическом (последовательный запрет на сочетаемость с определенными группами слов у глаголов совершенного вида) и парадигматическом (два времени у глаголов совершенного вида и три – у несовершенного) (Милославский 2015).

Добавлю, что и семантические, и синтагматические, и парадигматические свойства слов в русском языке **относительно** независимы друг от друга. Достаточно напомнить, что ни существительные разных родов (синтагматические различия), ни существительные с «дефектами» парадигмы, несклоняемые или имеющие формы лишь одного числа, не образуют четких семантических групп, а поставленный в обратном направлении вопрос о зависимости рода и/или устройства парадигмы существительного от его семантики обычно представляется вообще абсурдным. Почему же такое смещение проявлений семантики (время) с синтагматикой и парадигматикой (вид) выступает почти повсеместно как фундамент в грамматике глагола?

Очевидно, что само видовое противопоставление последовательно покоится на двух весьма различных семантических характеристиках, результативности и однократности (*строил – построил* и *целовал – поцеловал*, *писал – написал* и *говорил – сказал*, *звонил – позвонил – дозвонился* и т.п.). Иногда эти характеристики могут без контекста и не различаться (*узнавал – узнал*, *решил – решил*), часто сопровождаться еще и другими модификационными характеристиками, например, начинательностью (*запеть – запевать*), повторностью (*перестроить – перестраивать*), интенсивностью (*перепугаться – пугаться*), различными пространственными характеристиками (*вбежать – выбежать – сбежать – отбежать – перебежать*). Однако предпринимавшиеся в середине прошлого века попытки найти инвариант для обобщения «результативности» и «кратности» представляют собой попытку просто перейти на другой уровень обобщения: не *волк* и *лиса*, но *животные*, не *хлеб* и *масло*, но *продукты*, не *благородство* и *невежество*, но *качества* и т.п.

Подобную операцию, но уже со значениями падежных форм, проводил Р.О. Якобсон (Якобсон 1971), однако развитие науки отвергло эти построения. А вот в области глагольного вида концепция семантического инварианта до сих пор безраздельно господствует, расплодив бесконечные диссертации

и никак не обеспечивая движения вперед теоретических представлений и не удовлетворяя потребности общественной практики.

Дело не только в том, что теоретически сомнительна и практически неэффективна сама идея семантического инварианта. Проблема в другом – в неудовлетворительном состоянии вопроса о существующих правилах сложения семантических компонентов в слове, предложении, высказывании (Гак 1977). Эти правила обычно представляются как простое сложение, где $1 + 1 = 2$, хотя в действительности это далеко не всегда так. Например, внутри так наз. имперфектированных глаголов суффикс «зачеркивает» тот компонент значения приставки, который обозначает «результативность», оставляя в неприкосновенности другую сему, содержащуюся в этой приставке. Например, *перестраивать* = *пере-* («по-другому», «результат») *-стра -ива* («по-другому» сохраняет, а «результат» зачеркивает) *-ть*. То же самое происходит и тогда, когда одной из сем приставки является «однократность». Например, *пересаливать* = *пере-* («больше нормы», «однократность») *-сал -ива* («больше нормы» сохраняет, а «однократность» зачеркивает) *-ть*. Короче говоря, на уровне формы имеем сложение «приставка» + «суффикс», на содержательном же уровне имеем «вычитание», т.е. из двух сем приставки под влиянием суффикса остается лишь одна. Это же явление хорошо известно в связи с обозначением времени грамматическими средствами при наличии лексических показателей (*Иду я вчера, Два дня назад встречаю знакомого*) и/или при установлении точки отсчета (*Дело было год назад, Прихожу я...*). Здесь также на уровне формы имеет место сложение, на содержательном же уровне также зачеркивание той из сем флексии личной формы глагола, которая обозначает «действие в момент речи».

Вопрос о взаимодействии семантических компонентов осложняется еще и тем, что существуют семантические компоненты, которые подобно поручику Кижю, «фигуры не имеют» (Кубрякова 2009, Земская 1992). Это хорошо известно не только по отношению к многоморфным словам, более или менее существенная часть значения которых не получает воплощения в составляющих его морфах: *рыж|ик* – «гриб», *писа-тель* («художественные произведения»), *лей-ка* («предназначенный для...») и мн. др. Именно включение той части информации, которая будучи формально никак не выражена, характеризует еще и ситуацию употребления, и общие знания о жизни, отличает предложение от высказывания (Арутюнова 2003). Только с учетом всех этих факторов – отказ от инварианта значения в пользу внятных сем, признание возможности разнонаправленных отношений между семами, учет и тех значений, которые не имеют формального выражения – может позволить создать алгоритмы понимания значений, содержащихся в многообразных текстах русского языка, и осмыслить ту роль, которую играют в создании этих значений соответствующие глагольные формы и их характеристики. Подчеркну, что это касается только обеспечения рецептивных речевых действий на русском языке. Для продукции – говорения и письма – эти принципы будут

выглядеть иначе. В частности, существенное влияние на такие алгоритмы окажет просто принятый в речи узус («теоретически возможно, но реально так не говорят»).

В похожем положении оказывается и такая бурно развивавшаяся в науке о русском языке с середины прошлого века область, как словообразование. Именно этот раздел занял очень большое место в грамматиках -70 и -80, прочно утвердился в вузовском преподавании. А между тем в классификационно-рецептивной грамматике соответствующая часть сведений о русском языке неизбежно должна предстать как **морфный** анализ, отвечая на два вопроса, как можно разложить данное значение слова на значения составляющих его частей (без остатка, с предсказуемым и непредсказуемым остатком, более или менее существенным) и когда можно (и нельзя) получить значение слова, если известны значения составляющих его частей. Решение первой из этих задач позволяет углубить представления о значении слов, в том числе и об ассоциативном. Второе – позволяет, более или менее удачно, «догадываться» о значении слов тогда, когда это значение неясно.

Установление разнообразных типов словообразовательных отношений не только наталкивается на возможность не единственного правильного ответа (в первую очередь, из-за необходимости различать формальную и содержательную производность, нередко по-разному направленную), но и оказывается оторванным от всякой речевой деятельности. Преодолеть последнее было бы возможно при движении не от производного к производящему (бессознательная дань этимологической традиции и всему сравнительно-историческому языкознанию?), но в обратном направлении, от производящего к его возможным производным. Такая задача приобретала бы ценность для обеспечения продуктивной речевой деятельности. Но это возможно лишь на семантическом основании и при допущении, что в принципе заданные производные могут и вовсе отсутствовать, а могут быть получены в форме единиц, формально никак не связанных с производящим. Иными словами, представление о разделе «словообразование» оказалось бы принадлежащим в силу принципиальной нерегулярности рассматриваемых им отношений скорее к словарю, чем к грамматике.

Более того. По мере увеличения наших знаний о словообразовательных типах, обнаруживаемых в русском языке, выяснилось, что установление деривационных отношений от более сложного к более простому – не лучшая помощь при совершении рецептивных речевых действий. Здесь возможен лишь подход со стороны морфного состава, хотя он и сопряжен с часто непреодолимыми трудностями, обусловленными наличием формально не выраженных компонентов значения слова (см. выше) и ограниченностью контекстов, необходимых для успешного преодоления многозначностей и/или омонимии морфов.

Инвентаризация типов словообразовательных отношений, рассмотренных от более сложного к более простому, никак не коррелирует и с обеспечением продуктивных речевых действий ни на РКИ, ни на русском как

на родном. И дело здесь в том, что в основе продуктивной речевой деятельности лежит идея заранее заданного семантического усложнения, четкого понимания характера семантического преобразования, которому должно подвергнуться исходное. Это условие является совершенно обязательным. Ведь задача говорящего/пишущего вовсе не в том, чтобы продуцировать все возможные производные от имеющегося производящего. Но только то (те), которое(ые) отличаются от заданного производящего именно на заданную семантическую характеристику. И здесь существенны два момента: 1) выбор из множества потенциально годных для данной цели формантов (проблема сочетаемости) и 2) принципиальная возможность выражения заданной комбинации исходных и заданных семантических компонентов разными знаковыми единицами, в том числе и никак не связанными с производящими (слова с иным корнем, свободные и фразеологические словосочетания). Последнее – принципиально, поскольку цель говорящего/пишущего не словообразовательные упражнения, но возможность наилучшим образом выразить свой замысел языковыми средствами (Грайс 1985).

Описываемая постановка задачи – от простого через четко обозначенное семантическое изменение к содержательно усложненному обозначению (независимо от его формальной природы) – не только обеспечивает продуктивные речевые действия, но также позволяет определить «болевы́е точки» языковой системы: лакуны, немотивированные запреты, бедность/перегруженность тех или иных участков для номинации (Ларина и др. 2013). В связи с этим также приобретает особую ценность противопоставление синтаксической и модификационной деривации, с одной стороны, деривации мутационной, с другой (Докулил, 1962).

Добавлю, однако, что описанная процедура едва ли соответствует той, которая происходит в мозгу носителя языка и, конечно же, не соответствует речевой деятельности изучающего РКИ. Как кажется, такая процедура может быть полезна для автоматического синтеза текстов на русском языке. Однако в любом случае собственно словообразование не выступает как самодовлеющая ценность, но находится в ряду других источников, обеспечивающих семантическое развертывание текста.

Увы, подобных печальных «нестыковок» и заезженных дорог в тупиковых направлениях в академических (и вузовских) представлениях о современном русском языке и его истории немало. Некоторые из них преодолены, в частности, благодаря усилиям А.А. Зализняка, другие – продолжают процветать благодаря научно-педагогической и популяризаторской деятельности наших коллег.

3. «Увидеть Северный полюс нетрудно. Трудно дойти до него». Но если смог увидеть, надо рассмотреть всё...

Вынесенные в заголовок этого раздела слова в кавычках принадлежат математику, академику, ректору МГУ в 1951–1973 гг. Ивану Георгиевичу

Петровскому. А.А. Зализняк в своих исследованиях часто достигал такой точки, откуда «видно во все стороны света», и щедро делился всем, что ему из этой точки открывалось.

И вновь обращаюсь к «Грамматическому словарю». Это именно А.А. Зализняк доказал, что сочетаемостный принцип, по которому принято выделять в русском языке три рода существительных, при последовательном его применении открывает не три рода, а семь согласовательных классов. Ведь на сочетаемость существительных последовательно влияет еще и одушевленность/неодушевленность, и стандартность/нестандартность парадигмы. Это именно А.А. Зализняк объяснил, что среди так наз. слов *pluralia tantum* есть слова двух семантических групп, обозначающие и считаемые предметы (*сани, ножницы, ворота* и т.п.) и «предметы», чуждые идее счета (*сливки, прягалки, щи* и т.п.; ср. *сметана, преферанс, уха*). Это именно А.А. Зализняк довел до логического конца выдвинутое А.Н. Колмогоровым и В.А. Успенским представление о падеже, базирующееся на идее матрицы, столбцами которой являются «определенные состояния», строками – заданные контексты, а точками пересечения – все существующие в русском языке словоформы, образующие в этих точках синтагматически правильные (хотя часто и семантически бессмысленные) словосочетания (Зализняк 1973). При этом одинаковые строки такой матрицы и образуют то, что принято называть определенным падежом, каковых на самом деле больше шести. Мы и раньше знали, что *думаю о шкафе, носе, лесе и живу в шкафу, носу, лесу* – это не один (так наз. предложный) падеж, что *глядеть в наполеоны, выбиться в начальники, выдвинуть в депутаты* и т.п. не укладываются в привычную шестичленную систему, но как-то не удавалось дать всему этому общее объяснение. Впрочем, и через полвека после выхода «Русского именного словоизменения» я ни разу ни в одной аудитории не получал внятного и правильного ответа на вопрос, что же обозначает слово *падеж*, хотя это слово активно употребляется с последних классов начальной школы до окончания средней.

Вообще при изучении большинства разделов школьных (и даже вузовских) учебников русского языка трудно отделаться от впечатления, что они специально созданы для того, чтобы отключать логическое мышление учащихся, апеллируя исключительно к их способности к запоминанию. Приведу примеры.

В многократно переиздаваемом школьном учебнике русского языка для 10–11 классов (один из его соавторов был чиновником в Министерстве образования), на обложке обещающем «научить стилям», на фронтисписе помещены образцы грамматического разбора. В этих образцах никак не различаются характеристики лексические и грамматические («разряд по значению» соседствует с «типом склонения» и представлен у существительных, а у глаголов выступает лишь «тип спряжения»), объединены характеристики асемантические (род существительных, переходность глаголов) и способные иметь семантическую ценность (число, падеж существительных, время

глагола), нигде не определяется, какое же именно семантическое содержание стоит за грамматической характеристикой в данном контексте (если стоит). Получается более или менее сумбурный набор самых разнообразных сведений о словоформе, где каждый из элементов этого набора представляет ценность лишь для определенных, но никак не обозначенных аспектов речевой деятельности (рецепция – понимание, продукция – выражение, соблюдение ортологических норм, место в реальной действительности и в «грамматической системе координат»).

Другой пример. Очевидно, что среди типов склонения прилагательных в русском языке существует такой, по которому склоняются такие прилагательные, как *волчий, собачий, курицын, мамин*. Их главное отличие от склонения большинства прилагательных – в оформлении флексии именительного (и совпадающего с ним винительного) падежа обоих чисел (*добрый – добрая – доброе – добрые* и *мамин – мамина – мамино – мамины*, как у кратких форм «обычных» прилагательных *добр – добра – добро – добры*). Этот тип склонения принято называть притяжательным. Однако название типа склонения часто переносится на семантику всех склоняющихся по этому типу прилагательных, хотя от прилагательных, обозначающих «признак, принадлежащий...», нельзя требовать парадигмы, называемой «притяжательной» (ср. *змеиный, пчелиный, львиный, отцовский* и т.п.).

Подобная же невнятица представлена во многих источниках по русской грамматике в связи с глагольным элементом *-ся*, называемым в последние десятилетия постфиксом. В действительности же, пользуясь данным А.А. Зализняком определением словоформы одного и того же слова, противопоставляющим ее уже другому слову, легко увидеть, что в русском языке есть окончание *-ся*, представленное в формах страдательного залога, а следовательно, позволяющее изменить только сочетаемость соответствующего глагола, связанную с обозначением субъекта и объекта действия (*Фонари освещают улицу – Улица освещается фонарями*), при этом оставляя в неприкосновенности семантическую характеристику глагола. Кроме этого, в русском языке есть и омонимичный этому окончанию суффикс *-ся*, имеющий в качестве инварианта значения «замкнутость действия в самом его субъекте» и, как это «положено» суффиксу, реализующий одновременно разнообразные, хотя и ограниченные, другие модификационные значения (*мыться – «направленность на субъекта», целоваться – «взаимность», кусаться – «обычное свойство»* и т.п.) (Панов 2004).

Дело в том, что лежащее на поверхности противопоставление суффиксов окончаниям по параметру «положение в словоформе» не совпадает по параметру «содержательная ценность». Параметру, гораздо более существенному для функций, которые любой язык выполняет. Точно таким же образом приставки противопоставлены суффиксам не только по параметру «положение до/после корня», но и содержательно. Суффиксы обозначают либо только принадлежность к части речи (с поправками на омонимию), либо

одновременно с этим еще и некоторые модификационные характеристики, обладая, таким образом, одной (частеречной) или двумя (частеречной и модификационной) семами. Приставки же не обладают частеречной семой, но имеют лишь модификационные семы (одну или более).

Интуиция лексикографов обычно шла таким же путем: страдательные формы не выделялись в качестве особой словарной статьи, как это и положено формам слова, а глаголы с суффиксом *-ся*, как и следует словам, рассматривались в качестве самостоятельных словарных единиц. Справедливости ради замечу, что не во всех контекстах обсуждаемая омонимия преодолевается (ср. *Слухи быстро распространяются – Слухи распространяются газетами – Автор подробно распространяется на эту тему*). Короче говоря, весьма комфортно расположившееся в наших представлениях о русском языке понятие «постфикс» представляет собою лишь умножение сущностей, внятно отражаемых и без него с помощью представлений об окончании (флексии) и суффиксе.

Добавлю лишь, что *-ся* со значением «склонность к действию / состоянию» (*работается, спится* и т.п.) также является суффиксом, содержащим отмеченное модификационное значение и указание на принадлежность к глаголу. При этом соответствующее модификационное значение отнюдь не является регулярным, а следовательно, (по Зализняку) не воплощается во флексиях. Что же касается так наз. плеонастического *-ся* (*бороться, смеяться* и т.п.), то это также суффикс с единственной семой, указывающей на принадлежность к глаголу.

Оставляю вероятному читателю вопрос, почему же многочисленные явные несообразности в представлениях о суффиксах и флексиях в русском языке, несмотря на их доказательное определение и разграничение, в частности, в работах А.А. Зализняка, продолжают тиражироваться в течение десятилетий в поколениях школьников и студентов и в справочных источниках.

4. «Тратить свою жизнь на то, чтобы их убеждать, я не буду»

Размышляя об истории нашей области знания, многие, на мой взгляд, недооценивают важность для нее появившихся в 1950 году «гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания». Забвение этого события не позволяет понять причины столь активной и плодотворной работы советских лингвистов в 50 – 70 гг. прошлого века. Пусть и на короткое время, именно лингвистика заняла привилегированное положение, по крайней мере, в советских гуманитарных науках и в общественном сознании, в котором она превратилась из практического владения языками (прежде всего так наз. иностранными, т.е. не теми, которые являются родными, какие у разных людей часто могут быть разными) в важнейшую гуманитарную дисциплину. Это обстоятельство привлекло к занятиям лингвистикой большое число одаренных юношей и девушек.

И родившийся в 1935 году Андрей Зализняк, школьная золотая медаль которого открывала ему дорогу в любой советский вуз, был среди них.

С годами инерция движения, заданная лингвистике мощным толчком вождя и учителя, стала ослабевать, но не исчезла совсем, поддержанная разрушением «железного занавеса», организованными усилиями по превращению русского языка в язык межнационального и международного общения, а также развитием самой науки, сменившей свою парадигму со сравнительно-исторической, и в основном формальной, на синхронную современную, и в основном семантико-коммуникативную. К концу века широкий интерес к лингвистике, как и к наукам вообще, по многим причинам стал в целом спадать, а сами соответствующие научные сообщества – хиреть количественно и особенно качественно. После обсуждения Грамматики-70, вместившего участников только в огромном зале Института философии АН СССР, я не припомню столь масштабного профессионального обсуждения научных лингвистических вопросов. Можно даже утверждать, что с тех пор отечественная теоретическая лингвистика, несмотря на свою вовлеченность в общие процессы цифровизации, пришла к некоторому единству под знаменем, на котором, по словам А.А. Зализняка, написано «Долой строгость, долой точность, долой ясность!» (Бурас 2019: 154).

Наиболее популярными в нашей науке стали обращения к культуре, отражаемой в языке. Магистральные пути развития науки о русском языке сместились с изучения собственно языковых механизмов, их связи с мыслительной деятельностью человека, с возможностей возложения различных речевых действий на соответствующие автоматические устройства в направлении к традиционному (в худшем смысле) литературоведению, философии, этнологии, а особенно педагогике... Оказалось, что получить ученые степени и звания по этим традиционным направлениям значительно легче, чем по так наз. «точным» областям знания, к которым всегда тяготела лингвистика. Плачевное материальное положение людей, занимающихся наукой, падение престижа ученых, приостановило естественный приток молодежи, создав разрыв научных поколений. Свою негативную роль сыграли разъедающие наше общество коррупция, беспринципность, желание угодить начальству, а особенно nepотизм и другие проявления «группового эгоизма». Ведь ученые – это лишь часть общества, и они болеют теми же болезнями, что и общество в целом.

Огромные, до отказа заполненные аудитории, которые уже в XXI веке собирал А.А. Зализняк, рассказывая о прочтении текстов только что найденных берестяных грамот, представляли собой событие исключительное. Однако, как кажется, разнообразные открытия, сделанные А.А. Зализняком, не очень сильно влияли на содержание работы многих его коллег. Лишь некоторые из них спешили скорректировать свои собственные исследования, статьи и монографии, общие и специальные вузовские курсы в связи с последними открытиями... Я могу лишь догадываться, как может реагировать на такое положение дел человек, открывший абсолютно ясную для него истину, внятно изложивший ее для других и столкнувшийся с воинственным желанием многих коллег и дальше существовать в том мире, который они

представили себе еще до того момента, когда эти открытия были сделаны и обнародованы...

Заключение

Как бы ни оценивать будущее нашей науки, оно может состояться, если работающие (и учащиеся) на этом поле усвоят не декларативные, но реальные принципы работы А.А. Зализняка: 1) необходимость всегда иметь ясную цель; 2) следовать точности и логике на протяжении всего пути к этой цели; 3) обращать внимание на любые частные моменты, которые открываются на этом пути к цели и после ее достижения; 4) не ожидать полного и немедленного признания ясных автору выводов со стороны научного сообщества. Впрочем, реализация всех этих постулатов достигается уже не только благодаря таланту и трудолюбию членов научного сообщества, сколько нравственными нормами, существующими в самом этом сообществе, и человеческими качествами каждого из его членов.

P.S. Никак не могу отделаться от крамольной мысли, что стань Андрей Анатольевич онкологом, он изобрел бы лекарство от рака.

© Igor Miloslavsky, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 2003. [Arutyunova, Nina D. 2003. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy*. Moscow].
- Бурас М. Истина существует. М., 2019. [Buras, Mariya. 2019. *Istina sushchestvuet*. Moscow].
- Доброхотов В.Л., Борзенков В.Г. Цель / Гуманитарная энциклопедия: концепты [Электронный ресурс]. Центр гуманитарных технологий 2002–2020. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7360> (дата обращения: 18.02.2020). [Dobrokhотов, V.L. & Vladimir G. Borzenkov 2020. Tsel' / Gumanitarnaya ehntsiklopediya: kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii 2002–2020. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/concepts/7360>. Accessed on 18 February, 2020].
- Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947. [Vinogradov, Viktor V. 1947. *Russkii yazyk*. Moscow].
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология на материале французского и русского языков. М., 1977. [Gak, Vladimir G. 1977. *Sopostavitel'naya leksikologiya na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov*. Moscow].
- Грайс Г.П. Логика и речевое поведение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. [Grais, Herbert Paul. Logika i rechevoe povedenie. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* 16].

- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. [Zaliznyak, Andrei A. 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow].
- Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. [Zaliznyak, Andrei A. 1973. *O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyakh*. Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. Moscow].
- Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008. [Zaliznyak, Andrei A. 2008. “*Slovo o polku Igoreve*”: *vzglyad lingvista*. Moscow].
- Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. [Zaliznyak, Andrei A. 2010. *Iz zametok o lyubitel'skoi lingvistike*. Moscow].
- Зализняк А.А. Лингвистические задачи. М., 2018. [Zaliznyak, Andrei A. 2018. *Lingvisticheskie zadachi*. Moscow].
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. [Zemskaya, Elena A. 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'*. Moscow].
- Исаченко А.В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 11. [Isachenko, Aleksandr V. 1998. *Esli by v kontse XV veka Novgorod oderzhal pobedu nad Moskvoi*. *Vestnik RAN* 68 (11)].
- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М., 2009. [Kubryakova, Elena S. 2009. *Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie*. Moscow].
- Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Падежи! Ах, падежи! М., 2007. [Kuz'mich, Irina P. & N.M. Lariokhina. 2007. *Padezhi! Akh, padezhi!* Moscow].
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Лакуны и безэквивалентная лексика как факторы языка и культуры. Вестник РУДН. 2013. № 4. С. 93–100. [Larina, Tatiana & Vladimir I. Ozyumenko. 2013. *Lakuny i bezekvivalentnaya leksika kak faktory yazyka i kultury*. *Vestnik RUDN* 4. 93–100].
- Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования. Вестник МГУ. Серия 19. 2017. № 1. С. 9–23. [Miloslavsky, Igor' G. 2017. «Tsel'» kak *kharakteristika lingvisticheskogo issledovaniya*. *Vestnik MGU. Seriya 19* 1. 9–23].
- Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности. Изв. РАН СЛЯ. Т. 74. 2015. № 1. С. 11–18. [Miloslavsky, Igor' G. 2015. *Vidovaya prinadlezhnost' russkogo glagola v obespechenii retseptivnoi i produktivnoi rechevoi deyatel'nosti*. *Izv. RAN SLYA* 74 (1). 9–23].
- Панов М.В. О слове как о единице языка // Труды по общему и русскому языкознанию. М.: ЯСК, 2004. [Panov, Mikhail V. 2004. *O slove kak o edinitse yazyka*. *Trudy po obshchemu i russkomu yazykoznaniiyu*. Moscow: YASK].
- Русская грамматика. Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. М., 2019. [2019. *Russkaya grammatika. Strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya*. Moscow].
- Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. [Rybina, Elena A. 2009. *Novgorod i Ganza*. Moscow].
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. [Sannikov, Vladimir Z. 1999. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry*. Moscow].
- Cloninger, Robert, Dragan Svrakic & Thomas Przybeck. 1993. A psychological model of temperament and character. *Arch Gen Psychiatry* 50 (12). 975–990.
- Dokulil, M. 1962. *Tvořeni slov v čeřtině* [Teorie odvozovani slov]. Praha.
- Jakobson, Roman. 1971. *Selected writings*. 2.

Словари / Dictionaries

- Большой толковый словарь русского языка. М., 1998, 2008, 2010. [*Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. 1998, 2008, 2010. Moscow].
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977 и др. издания. [Zaliznyak, Andrei. 1977 i dr. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie*. Moscow].
- Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017. [Ehpshtein, Mikhail N. 2017. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk*. Moscow].

Article history:

Received: 02 March 2020

Revised: 06 June 2020

Accepted: 10 June 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02 марта 2020

Дата принятия к печати: 10 июня 2020

Bionote:

Igor G. MILOSLAVSKY is Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Comparative Analysis of Languages. Research interests: studies of active grammar of the Russian language; creation of special sections of ideographic grammar of the Russian language; identification of combinatory abilities of units on different levels conveying definite nominative content.

Contact information:

Lomonosov Moscow State University
31 Bldg.a Lomonosov Str., 119192, Russia
e-mail: igormil@hotmail.com

Сведения об авторе:

Игорь Григорьевич МИЛОСЛАВСКИЙ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Международной академии. Сфера научных интересов: изучение вопросов активной грамматики русского языка, создание специальных разделов идеографической грамматики русского языка, выявление комбинаторных возможностей единиц различного уровня, выражающих определенное номинативное содержание.

Контактная информация:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13-14, Москва, 119991, Россия
e-mail: igormil@hotmail.com

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-876-898

Research article

System of deictic coordinates and intertextual deixis in academic discourse

Irina V. KOROVINA

Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

Abstract

Until recently the deictic procedure in most research papers by Russian and foreign linguists has been discussed on the material of fiction texts and oral communication, where we deal with situational deixis, functioning within the framework of spatial-temporal coordinates. The system of these coordinates is not applicable to contextual deixis, whereas the system of deictic coordinates for contextual deixis has not been designed yet. Such a well-designed system of deictic coordinates for contextual deixis would allow scholars to analyze the functions of lexical units in speech in order to find out if they perform a deictic function. In other words, this system would enable researchers to define the scope of deictic elements, which at the moment is rather vague for the time being. In order to develop the system of deictic coordinates functioning within contextual deixis we have selected academic texts, where contextual deixis is especially vivid there, whereas situational deixis is not presented at all. The research is aimed at defining the main elements of the system of deictic coordinates functioning in academic texts. The material under analysis includes 1450 pages of linguistic research papers in English. The main methods of the research are contextual analysis and the constructive method, applied for designing the system of deictic coordinates and describing intertextual deixis. The research is yielded a system of deictic coordinates for contextual deixis which, designed throughout the research, consists of three elements: the deictic centre, the deictic vector, and the antecedent / subsequent element(s). The fact that the research is conducted on the English language material does not mean that this developed system of deictic coordinates can be applied only to texts written in English: this part of the research results is applicable to contextual deixis functioning in any text, regardless of its style, genre and the language it is written in. The proposed system of deictic coordinates is used to describe the new type of contextual deixis – the intertextual one, which is a peculiar feature of academic texts and not described in other researchers' papers. Moreover, it provides the opportunity to define new deictic elements of intertextual deixis: intertextual references in brackets, and lexical units which, being full-fledged units of a local context, point at elements of vertical presupposition. Thus, the results of the research are relevant for defining the dimensions of the deictic procedure applied to contextual deixis.

Keywords: *contextual deixis, intertextual deixis, deictic element, system of deictic coordinates*

For citation:

Korovina, Irina V. 2020. System of deictic coordinates and intertextual deixis in academic discourse. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 876–898. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-876-898

Система дейктических координат и интертекстуальный дейксис в научной коммуникации

И.В. КОРОВИНА

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

Аннотация

До настоящего времени дейктическая процедура рассматривалась в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов на материале художественных текстов и устной коммуникации, где имеет место ситуативный дейксис, функционирующий в рамках своих пространственно-темпоральных координат. В случае контекстуального дейксиса данная система координат оказывается неактуальной, а система дейктических координат, актуальная для контекстуального дейксиса, до сих пор не была разработана. Наличие четкой структуры дейктических координат при контекстуальном дейксисе позволит анализировать функционирование лексических единиц в речи с целью определения, выполняет ли та или иная лексическая единица дейктическую функцию. Другими словами, данная система позволит более четко определять круг дейктических элементов, который на данный момент является достаточно размытым. Для разработки системы дейктических координат в рамках контекстуального дейксиса нами были выбраны тексты научного регистра речи по причине того, что в них контекстуальный дейксис проявляется наиболее ярко, тогда как ситуативный отсутствует полностью. Целью исследования явилось определение основных элементов системы дейктических координат в текстах научного регистра речи и применение данной системы дейктических координат для описания нового вида контекстуального дейксиса – интертекстуального. Материалом исследования послужили англоязычные научные статьи и монографии лингвистической тематики (общим объемом 1450 страниц). Основными методами исследования являются метод сплошной выборки и индуктивный метод при отборе текстового материала, а также метод контекстного анализа и конструктивный метод при разработке системы дейктических координат и описании интертекстуального дейксиса. В результате проведенного исследования разработана система дейктических координат при контекстуальном дейксисе, состоящая из трех элементов: дейктического центра, вектора дейктического указания и антецедента / субсеквента. Тот факт, что исследование проводилось на основе англоязычного материала, не означает, что разработанная система дейктических координат справедлива лишь для англоязычных текстов: эта часть результатов исследования актуальна для контекстуального дейксиса в принципе, вне зависимости от языка или жанровой и стилистической принадлежности текста. Разработанная система дейктических координат была использована для описания нового вида контекстуального дейксиса – интертекстуального, который до этого не был упомянут в работах других авторов, и наличие которого является отличительной чертой именно текстов научного дискурса. Кроме того, разработанная система дейктических координат позволила выявить ряд новых дейктических элементов, реализующих интертекстуальный дейксис: интертекстуальные ссылки в скобках и лексические единицы, являющиеся полноценными элементами локального контекста, но осуществляющие указание на элементы вертикальной пресуппозиции. Таким образом, результаты исследования вносят определенный вклад в определение параметров дейктической процедуры в случае контекстуального дейксиса.

Ключевые слова: *контекстуальный дейксис, интертекстуальный дейксис, дейктический элемент, система дейктических координат*

Для цитирования:

Коровина И.В. Система дейктических координат и интертекстуальный дейксис в научной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 876–898. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-876-898

1. Введение

Несмотря на то, что понятие дейксиса появилось еще в античные времена, как лингвистическое понятие оно стало активно исследоваться в трудах ученых XX века (Пешковский 2001, Падучева 1985, Сребрянская 2005, Селиверстова 1988, Breht 1874, Bühler 1982, Benveniste 1966, Grenoble 1998, Hanks 2009, Jespersen 1992, Peirce 2014 и др.). В течение первой половины XX века больше внимания уделялось рассмотрению теоретических вопросов, связанных с лингво-философской основой самого понятия «дейксис». Со второй половины XX века лингвисты, занимающиеся вопросом дейксиса, перешли к детальному анализу особенностей различных групп дейктических элементов, а также стали уделять большое внимание вопросу категоризации дейксиса.

При этом необходимо отметить, что большинство исследований, касающихся особенностей реализации дейктической процедуры в тексте, проводилось на материале художественных текстов и устной коммуникации, где всегда референция языкового знака зависит либо от говорящего, либо от пространственно-темпоральных координат коммуникативного акта, либо одновременно от обеих составляющих. Данный факт говорит о так называемой ситуативности данного текстового материала. В отличие от художественных текстов и устной коммуникации, тексты научного регистра речи «вне-ситуативны», и, соответственно, им присущ не ситуативный дейксис, а контекстуальный, который функционирует в своей особой системе дейктических координат. Малая изученность данного аспекта теории дейксиса и обусловила актуальность проведенного исследования, результаты которого представлены в данной статье.

2. Интертекстуальность и дейксис как категории научного текста

Научный текст, как и любая другая стилевая разновидность текстов, обладает рядом характерных для него текстовых категорий, таких как информативность, завершенность, терминологичность, когезия, когерентность, логичность, дейксис, интертекстуальность и некоторые другие. Многие текстовые категории могут взаимодействовать друг с другом, осуществляя общую цель эффективного текстопостроения. Мы предположили, что такие категории научного текста, как дейксис и интертекстуальность, могут также пересекаться в рамках реализации некоторыми языковыми единицами своих речевых функций в научном тексте.

Как известно, в отечественной лингвистике понятие интертекстуальности было введено Ю. Кристеевой на основе ее анализа трудов М.М. Бахтина (Кристеева 2000). М.М. Бахтин в своей концепции диалогичности текста

утверждает, что «два высказывания, удаленные друг от друга во времени и пространстве... при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция» (Бахтин 1979: 303). На протяжении всех последних десятилетий само понятие интертекстуальности не претерпевало значительных изменений, и большинство лингвистов (Чернявская 2004, Михайлова 1999, Кремнева 2019, Должич 2012) под интертекстуальностью понимают «процесс “разгерметизации” текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания и выражения» (Чернявская 2004: 106). Более точное и развернутое определение находим у Н. Пьеге-Гро: «Интертекстуальность, таким образом, – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» (Пьеге-Гро 2008: 48). Другими словами, интертекстуальность проявляется в присутствии гипертекстовых ссылок в рамках одного локального контекста (отдельно взятого текста).

Интертекстуальность является обязательной категорией научного текста по причине того, что любое новое научное знание не существует без элементов пресуппозиции. При этом неважно, отрицает ли новое знание старое или уточняет его и развивает: необходимость привлекать элементы существующего на данный момент знания для презентации на их фоне собственного мнения исследователя является обязательной составляющей научного познания, а следовательно, и любого научного текста. «Иными словами, всякая точка вечной спирали познания схватывает в единое целое две картины мира – предшествующее (прежнее, старое) понимание какого-либо объекта действительности и его настоящее (новое) понимание» (Данилевская 2009: 18).

Достаточно детально категория интертекстуальности описана в работе А.В. Кремневой, которая определила следующие характеристики интертекстуальности как процесса: «двойная референтная соотнесенность» (к явлению, описанному в тексте, и к элементу пресуппозиции), «вторичная языковая интерпретация» и «принцип когнитивной экономии», заключающийся в том, что элемент пресуппозиции выступает своеобразным «смысловым триггером», вызывающим в памяти реципиента элементы пресуппозиционного знания (Кремнева 2019). Также необходимо сказать, что большинство исследователей, занимающихся вопросом интертекстуальности, различают вертикальную и горизонтальную интертекстуальность (Должич 2012, Михайлова 1999). Горизонтальная интертекстуальность заключается в связях различных текстов одного дискурса, написанных на одном языке, тогда как вертикальные интертекстуальные связи проявляются в иноязычных элементах пресуппозиции: например, цитаты на иностранном для автора текста языке. В рамках нашего исследования различие между горизонтальными и

вертикальными интертекстуальными связями оказывается нерелевантным, поскольку процедура дейктического указания и в том, и в другом случае одинакова.

Говоря о феномене интертекстуальности, нельзя обойти стороной вопрос о различии понятий интертекстуальности и интердискурсивности, которые, несмотря на кажущуюся синонимичность, синонимами не являются. Несмотря на то, что приставка «интер-» говорит о том, что в обоих случаях мы имеем дело с взаимодействием неких единиц, единицы эти различны. В случае интертекстуальности во взаимодействие вступают лексические единицы разных текстов, принадлежащих одному дискурсу, тогда как при интердискурсивности взаимодействуют лексические единицы различных дискурсов (Кремнева 2019). «Интер-дискурсивность предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента» (Чернявская 2004: 110). В случае научного текста интердискурсивность проявляется во взаимодействии научного дискурса с другими видами дискурса (рекламный, публицистический и др.) Исходя из данного определения, мы можем заключить, что так как материалом нашего исследования являются тексты исключительно научного дискурса, понятие интердискурсивности оказывается для нас неактуальным, в отличие от интертекстуальности, которая, как было сказано выше, является обязательной категорией именно научного текста.

В отличие от интертекстуальности дейксис, в свою очередь, является обязательной категорией практически любого текста, а не только научного. Представим достаточно расширенное определение дейксиса, данное Н.А. Сребрянской: «Дейксис – эксплицитная или имплицитная ссылка в семантике языковой единицы на лицо, место и время события с позиции наблюдателя, имеющего субъективно далекую или близкую локализацию в пространстве и времени по отношению к оцениваемому событию» (Сребрянская 2005: 17–18). Другими словами, в случае с дейксисом мы имеем дело не с наименованием событий, объектов и явлений, а с указанием на них, чаще всего с позиции говорящего.

В трудах зарубежных исследователей первое довольно широкое освещение понятие дейксиса получило в трудах К. Бюлера (Bühler 1982), который дал детальную характеристику дейктических элементов – элементов языка, способных осуществлять дейктическое указание. Ч. Пирс называл дейктические элементы индексальными знаками, устанавливающими прямую связь между означаемым и означающим (Peirce 2014). В свою очередь, О. Есперсен описал более широкую категорию языковых элементов – шифтеров, – среди которых особое место занимают дейктические элементы (Jespersen 1992).

Дейктические элементы во многих языках представлены одними и теми же группами лексем. Самыми распространенными дейктиками являются личные и указательные местоимения (he, they, this, those), а также ряд наречий времени и места (today, here). Надо отметить, что группа дейктических

элементов в любом языке не является финитной и постоянно пополняется новыми лексемами, которые в ходе исследований причисляют к дейктикам на основе особенностей функционирования данных лексем в речи. Одной из основных особенностей дейктиков, которые отличают их от полнозначных слов, является либо полное отсутствие у них денотативного значения (в случае, например, личных и указательных местоимений), либо наличие денотативного значения, зависящего от пространственно-темпоральных координат коммуникативного акта (в случае ряда наречий места и времени (*here, tomorrow*)). Зависимость референциальной процедуры, выполняемой дейктическими элементами, от продуцента речи или от системы координат времени и места является второй основной особенностью дейктиков, отличающих их от полнозначных слов.

Как уже было сказано во введении, до настоящего времени в работах лингвистов функционирование дейктических элементов рассматривалось преимущественно на материале художественных текстов, которые содержат большое количество дейктиков не только в диалогах героев, но и в авторской речи. Другими словами, художественные тексты отличаются ситуативностью. Рассмотрим аспект ситуативности в случае дейктической процедуры более подробно.

Так, например, Ю.А. Левицкий и Г.А. Шамова считают ситуативность отличительной чертой в первую очередь художественных текстов и устной речи. Сравнивая художественные тексты и тексты научного регистра речи, они говорят, что художественные тексты воспроизводят ситуацию, тогда как научная речь внеситуативна (Левицкий и Шамова 1985: 28). Упомянутые исследователи рассматривают ситуацию исключительно как устную речевую ситуацию, что мы считаем узким пониманием. В рамках нашего исследования мы определили более широкое понимание ситуации, которое включает как спонтанную ситуацию устной речи, так и письменный контекст. В этой связи мы решили проанализировать ряд особенностей дейктического указания и группы дейктических элементов в текстах научной коммуникации, поскольку параметрам дейктического указания в текстах данного функционального стиля речи до сих пор не уделялось внимания, что определяет актуальность и новизну проведенного исследования. Кроме того, для отнесения того или иного лексического элемента к дейктикам необходимо иметь четкую систему дейктических координат. Те лексемы, которые функционируют в рамках данных координат, могут считаться дейктическими элементами.

Таким образом, целью исследования является определение системы дейктических координат в текстах научного стиля и иллюстрация функционирования данной системы на примере такого вида дейксиса, как интертекстуальный дейксис, который впервые был обнаружен и описан в ходе проведения исследования. Поскольку научный текст, как уже говорилось выше, «внеситуативен», пространственно-темпоральной ситуацией для него будет сам контекст, который исключает вторжение в него пространственно-

темпоральных элементов внешнего по отношению к языку и речи мира. Данный факт позволяет более точно определить элементы системы дейктических координат, которые окажутся универсальными для любого письменного контекста.

В текстах научного регистра речи, представляющих собой ситуацию письменного контекста, основным видом дейксиса является контекстуальный, для функционирования которого наличие письменного контекста является основным условием. В случае устной речевой ситуации для определения системы дейктических координат часто оказывается необходимым обращение к физическим координатам коммуникативного акта. Например, когда коммуниканты указывают на некое место, говоря при этом «here/there». В отличие от устной речевой ситуации письменный контекст, особенно в научном дискурсе, не требует обращения к пространственно-темпоральным координатам речевой ситуации и позволяет детально рассмотреть процедуру дейктического указания, а следовательно, и элементы системы дейктических координат, так как он обладает фиксированными в вербальной форме информационными координатами. Контекстуальный дейксис в лингвистической литературе именуется также дискурсивным и дискурсным. При этом все три термина семантически синонимичны. *Контекстуальный / дискурсивный / дискурсивный дейксис* определяется многими исследователями как указание на различные элементы контекста (Сребрянская 2005, Bühler 1982, Cruse 2000, Fillmore 1982, Lakoff 1987, Lyons 1977, Marmaridou 2000 и др.). В рамках нашей статьи мы считаем данные три лексемы абсолютно синонимичными вследствие того, что мнения большинства лингвистов на отличительные черты данного вида дейксиса совпадают. При этом мы в своей работе будем оперировать термином «контекстуальный», который, как мы считаем, лучше отражает суть данного вида дейксиса, функционирующего исключительно в рамках письменного контекста.

Суммируя все сказанное выше об интертекстуальности и дейксисе как текстовых категориях, мы бы хотели отметить, что в рамках нашего исследования, описывая систему дейктических координат в случае контекстуального дейксиса в целом и интертекстуального дейксиса в частности, нас будет интересовать не столько план содержания, сколько план выражения. Это обусловлено тем, что дейктические элементы, в отличие от однозначных слов, не осуществляют номинации в тексте, а выступают своеобразными указателями на пути изложения мысли, которые способствуют движению смысла, но сами в рамках своей семантики его не осуществляют.

3. Материал и методология исследования

Для анализа особенностей дейктической процедуры в научной коммуникации на английском языке нами было проанализировано 42 научных текста лингвистической направленности различных авторов в объеме около 2000 страниц. В данных текстах методом сплошной выборки были выделены

все случаи дейктического указания, реализованные традиционными дейктиками – дейктическими элементами, которые давно описаны в лингвистической литературе и являются общепризнанными (личные, притяжательные и указательные местоимения, некоторые наречия места и времени и др.). Далее на базе первичного анализа текстовых отрывков, содержащих традиционные дейктики, были определены основные элементы системы дейктических координат в случае контекстуального дейксиса, каждый из которых был подробно описан. Далее сформированная система дейктических координат была применена нами для выявления новых дейктических элементов, ранее не описанных в лингвистической литературе. Данные дейктики позволили также выявить новый подвид контекстуального дейксиса, а именно интертекстуального дейксиса – особого вида дейксиса, который присутствует преимущественно в научном дискурсе.

4. Анализ материала

4.1. Система дейктических координат при контекстуальном дейксисе

Для понимания механизма функционирования интертекстуального дейксиса необходимо определить основные функциональные элементы системы дейктических координат в случае контекстуального дейксиса. Начнем с самого дейктического элемента и особенностей референциальной процедуры, которую он осуществляет.

Как известно, язык – это система знаков, которая служит для того, чтобы для общения людей в буквенной форме фиксировать элементы окружающего нас мира. Референция представляет собой процесс соотнесения языкового знака с элементами внешнего по отношению к языку мира. В случае полнозначного слова референциальная процедура осуществляется посредством связи денотативного значения слова с элементом действительности (референтом) через концепт или образ данного элемента, хранящийся в сознании человека. В случае с дейктиками референциальная процедура не может осуществляться по такой же схеме по причине того, что дейктические элементы либо не обладают денотативным значением, либо их денотативное значение зависит от их позиции в тексте.

При контекстуальном дейксисе дейктический элемент осуществляет указание исключительно на элемент предшествующего или последующего контекста, а не на какой-то материальный/нематериальный объект действительности, как в случае с устной речевой ситуацией. Следовательно, референциальная процедура, осуществляемая дейктическими элементами в случае контекстуального дейксиса, обязательно включает в себя еще один элемент – лексику предшествующего или последующего контекста, которая уже, в свою очередь, является полнозначным словом или выражением. В этой связи становится понятным, что элемент предыдущего или последующего контекста, на который указывает дейктик, является обязательным элементом системы дейктических координат при контекстуальном дейксисе.

Элемент предшествующего контекста, на который осуществляется дейктическое указание, традиционно именуется дейктическим антецедентом (Падучева 1985). Для того, чтобы понять суть дейктического антецедента, рассмотрим следующие примеры:

- (1) ...it does not matter which way Mrs Jones is facing, nor does it matter where **we**, *the speaking observers*, happen to be at the time. (Fillmore 1982)
 (2) For *Saussure*, ‘language, the most complex and universal of all systems of expression, is also the most characteristic; in this sense *linguistics* can become the master-pattern for all branches of semiology’ (CG 68) (cf. 6.53; 13.18, 21f). Though **he** didn't elaborate on **this**¹ future science in detail, **he** predicted **it** would establish ‘laws’, ‘rules’, and ‘constant principles’ (Beaugrande 2014)
 (3) The sentence ‘John writes a sequence’ is thus translated in **this**² way:
[S John write a sequence] ⇒ λe | write'(e) ∧ Ag (e, John') ∧ Pat (e, z) ∧ sequence'(z)| (Zucchi & White 2001)

В примерах (1), (2) и (3) обратим внимание на следующие дейктические элементы: *we*, *he*, *this*¹, *this*² и *it*. Для того чтобы определить референты, связь с которыми в примере (2) осуществляют личные местоимения *he* и *it* и указательное местоимение *this*¹, реципиенту необходимо обратиться к элементам предшествующего контекста, без доступа к которым референция данными дейктическими элементами осуществляться не будет. Для *he* таким элементом будет являться имя собственное *Saussure*, а для *this*¹ и *it* – существительное *linguistics*. Данные элементы контекста и являются дейктическими антецедентами для вышеуказанных дейктических элементов. В случае с дейктиками в примерах (1) и (3) – личным местоимением *we* и указательным местоимением *this*² – дейктические антецеденты (*the speaking observers* (1) и подчеркнутое предложение (3)) располагаются в отрезках текста, следующих за дейктическими элементами.

Традиционно элементы контекста, на которые осуществляется указание дейктиками в процессе осуществления ими референции, носят название дейктических антецедентов, вне зависимости от месторасположения этих элементов. Однако исходя из того, что в латинском языке “antecedens” означает «предшествующее» (Философский словарь), использование термина «антецедент» обосновано в случае, когда элемент контекста, на который указывает дейктик, находится в предшествующем отрезке текста (случай с *he*, *it* и *this*¹ (2)). В случае, когда данный элемент располагается в последующем отрезке текста (случай с *we* (1) и *this*²), более подходящим термином, на наш взгляд, является «субсеквент» (от англ. “subsequent” – «следующий, последующий»). Итак, не меняя традиционного понимания данного явления, предлагаем терминологически уточнить понятие дейктического антецедента, добавив к нему дейктический субсеквент. В результате приходим к следующему определению: **дейктический антецедент / субсеквент** представляет собой «элемент предшествующего или последующего контекста, посредством

которого дейктические элементы осуществляют референцию к объектам и явлениям» (Коровина 2010: 143).

Так как для осуществления референциальной процедуры дейктический элемент осуществляет связь с дейктическим антецедентом или субсеквентом, данную связь можно изобразить схематично следующим образом:

Рис. 1. Связь дейктика с антецедентом/субсеквентом /
Pic. 1. Link between a deictic and its antecedent/subsequent

На рисунке 1 можно увидеть, что принцип векторности дейктического указания, который и составляет процессуальную суть дейктической процедуры в случае контекстуального дейксиса, является важным элементом системы дейктических координат. Таким образом, вектор дейктического указания оказывается вторым элементом системы дейктических координат. **Дейктическим вектором** мы считаем «текстуальную связь дейктика с его антецедентом» или субсеквентом (Коровина 2010: 144). Возможно всего лишь два направления текстуальной связи, которую осуществляет дейктический вектор. Рассмотрим следующие примеры:

(4) He accordingly finds **it** ‘obvious that *the diachronic facts are not related to the static facts they produced*’ (Beaugrande 2014)

(5) *Grant proposals* are a genre that *all academics* will have to come to terms with at some point of **their**¹ career, usually the sooner the better. Yet, there has been very little research on **their**² characteristic features and **they**² are not included in most courses of academic writing. (Connor 1999)

В данных примерах мы видим четыре дейктика, три из которых (*they*², *their*¹ и *their*²) осуществляют указание на антецеденты (*grant proposals* и *all academics*), а *it* указывает на субсеквент (*the diachronic facts are not related to the static facts they produced*). В первом случае присутствует так называемое анафорическое указание (анафора), во втором – катафорическое (катафора). Таким образом, катафора и анафора представляют собой два противоположно направленных вектора дейктического указания в случае контекстуального дейксиса. Большинство дейктических элементов в случае контекстуального дейксиса могут осуществлять как катафорическое, так и анафорическое указание. Исключение составляют несколько лексических единиц, осуществляющих только анафорическое или только катафорическое указание: *the following* – катафора; *before* – анафора; *after* – катафора и др. При этом множественные дейктические векторы внутри текста образуют своеобразную сетку наподобие карты авиарейсов поверх линейно развивающегося текста, обладая при этом способностью осуществлять указание в сколь угодно далекие отрезки текста или даже дискурса.

Если мы вспомним алгебраическую систему координат, то увидим, что в ней присутствует еще один необходимый элемент – точка, из которой выходят оба вектора. Как можно заметить на Рисунке 1, в случае системы дейктических координат такой точкой, из которой выходит вектор дейктического указания, является сам дейктический элемент, а точнее его позиция в тексте. Рассмотрим пример:

(6) Because of **their** communicative purpose, *grant proposals* have a great deal in common with the two promotional genres Bhatia (1993) describes, *sales letters and job applications*. In **all three**, the purpose is to ‘sell’ a product: a service or product in sales letters, a person’s abilities in letters of applications, and an idea in grant proposals. (Connor 1999)

(7) Several accounts of aspectual composition, like Dowty’s (1979), Hinrichs’s (1985), Krifka’s (1986, 1989, 1992), and Moltmann’s (1991), converge on the idea that the contrast in acceptability between (1) and (2)

(1) John drank wine for an hour

(2) ??John drank a bottle of wine for an hour

is somehow to be related to *properties of the predicates ‘drink wine’ and ‘drink a bottle of wine’ which, in event talk, may be stated as follows: an event of drinking wine may have a proper part which is also an event of drinking wine, but an event of drinking a bottle of wine cannot have a proper part which is an event of drinking a bottle of wine*. In Krifka’s account, **these** properties are described by saying that the predicate ‘drink a bottle of wine’, unlike the predicate ‘drink wine’, is quantized. (Zucchi & White 2001)

Использование в (6) и (7) притяжательного местоимения *their*, относительного местоимения с числительным *all three* и указательного местоимения *these* вызвана объективной необходимостью избежать повторения номинативных словосочетаний (*grant proposals, sales letters* и *job applications*) или целых фраз (*properties of the predicates ‘drink wine’ and ‘drink a bottle of wine’ which, in event talk, may be stated as follows: an event of drinking wine may have a proper part which is also an event of drinking wine, but an event of drinking a bottle of wine cannot have a proper part which is an event of drinking a bottle of wine*). Данная необходимость возникает под воздействием внутренних законов текстопостроения: точка текстуального пространства, в которой используется дейктик, обусловлена лингворечевыми или смысловыми параметрами речи. В научном тексте все лексические элементы функционируют в пространственно-темпоральных координатах текста, которые обуславливают необходимость использования того или иного дейктика в определенной точке локального контекста. Именно данная текстуальная точка и выполняет функцию дейктического центра. Таким образом, в случае контекстуального дейксиса **дейктическим центром** оказывается точка текста, содержащая дейктик. При этом стоит отметить, что в данном случае дейктический центр и сам дейктик представляют собой элементы разных систем: дейктический центр представляет собой точку текстуального пространства, тогда как дейктик является единицей лингво-речевой системы, а именно лексемой.

Итак, в случае контекстуального дейксиса дейктическое указание осуществляется всегда в рамках системы дейктических координат, состоящей из дейктического центра, вектора дейктического указания и дейктического антецедента/субсеквента. В отличие от номинации в случае дейктического указания референция осуществляется по другому сценарию. В случае номинации связь лексической единицы с референтом происходит посредством текстовой реализации денотативного значения этой единицы, тогда как при дейктическом указании референциальная процедура осуществляется по следующему сценарию: дейктический элемент (формирующий дейктический центр) посредством вектора дейктического указания указывает на антецедент/субсеквент (полнозначное слово), который в свою очередь уже осуществляет номинацию через свое денотативное значение.

Исследование показало, что разработанная система дейктических координат является универсальной для любых случаев дейктического указания при контекстуальном дейксисе. Ее универсальность отчасти обусловлена тем, что, во-первых, она не зависит ни от каких особенностей авторского стиля, а, во-вторых, она не накладывает на вектор дейктического указания никаких ограничений, касающихся его «длины»: антецедент/субсеквент может располагаться в отрезке текста, сколь угодно далеко от дейктического центра.

Вышеуказанные фрагменты научных текстов (1) – (7) содержат примеры случаев применения дейктиков, которые обеспечивают связность текста на уровне сверхфразового единства. Другими словами, они обеспечивают когезию текста. Когезия представляет собой лексико-грамматическую связность текста, которая реализуется в рамках соседних предложений. Случаи, когда дейктические элементы служат для обеспечения когезии текста, можно выделить в отдельный подвид контекстуального дейксиса, который можно именовать когезийным. Однако вектор дейктического указания в научном тексте может выходить не только за рамки сверхфразового единства, но и за рамки самого текста. В этом случае мы имеем дело с другим подвидом контекстуального дейксиса – интертекстуальным.

4.2 Интертекстуальный дейксис

Вернемся к рассмотрению дейктического антецедента/субсеквента, а точнее к его позиции в тексте. Чаще всего при контекстуальном дейксисе дейктический антецедент/субсеквент находится в отрезках текстах, располагающихся близко от дейктика, а, соответственно, и от дейктического центра: в соседнем предложении или в соседней синтагме. Однако иногда антецедент/субсеквент может находиться на достаточно большом контекстуальном расстоянии от дейктического элемента (в другой главе или даже в другом тексте), что в данных случаях влечет за собой определенные структурные особенности дейктического указания. В этом случае необходимо различать горизонтальный, локальный и вертикальный контексты.

Горизонтальный контекст имеет место в тех отрезках текста, которые представляют собой цельные связные высказывания (сверхфразовые

единства) и характеризуются линейными связями составляющих их лексических единиц. Именно в горизонтальном контексте реализуется когезийный дейксис. Локальный контекст, в свою очередь, представляет собой совокупность всех горизонтальных контекстов, составляющих весь текст определенного автора в его целостности. Связность текста на уровне локального контекста называется когерентностью текста. В случае локального контекста вектор дейктического указания может осуществлять связь дейктического элемента с антецедентом/субсеквентом, находящимся в любой точке текста, содержащего данный дейктический элемент.

Как показало исследование, координаты дейктических систем в случае контекстуального дейксиса могут расширять свои границы до достаточно больших отрезков текста (целая глава, например), до всего текста в целом (статья и т.д.) или даже до предельно большой составляющей – всего вертикального контекста корпуса текстов по данной тематике. В отличие от локального контекста в случае вертикального контекста антецедент/субсеквент обязан находиться вне локального контекста, и в таком случае, несмотря на кажущуюся фантастичность данного факта, вектор дейктического указания выйдет за рамки локального контекста. Дейктическое указание, функционирующее в рамках вертикального контекста, представляет собой особый подвид контекстуального дейксиса, именуемый нами интертекстуальным дейксисом.

Интертекстуальным мы называем подвид контекстуального дейксиса, при котором антецедент, на который осуществляется дейктическое указание, располагается в элементе не локального, а вертикального контекста – другом тексте, являющемся внешним по отношению к тексту, содержащему дейктик. Необходимо отметить, что наличие данного вида дейксиса в текстах научного регистра речи обусловлено системной интертекстуальностью научной речи. Интертекстуальный дейксис является специфичным для текстов научного регистра речи и практически не встречается в текстах других функциональных стилей.

В случае с интертекстуальным дейксисом дейктический центр, располагающийся в горизонтальном контексте, осуществляет дейктическое указание на антецедент/субсеквент, находящийся в другом элементе вертикального корпуса текстов (в другом тексте). Приведем пример реализации интертекстуального дейксиса в англоязычной научной коммуникации и обоснуем приписывание данным элементам текста дейктических характеристик.

(8) **Myers (1990)** chose to examine grant proposals because they are overtly rhetorical working documents and incorporate insiders' knowledge of their discipline. In grant proposals, "one must persuade without seeming to persuade" (p. 42). **Myers (1990)** studied the drafts and final products of two biologists' research proposals as well as examining writing processes through interviews and observations at a university in Texas in the 1980s. (Connor 1999)

(9) **Krifka (1986, 1989, 1992)** has proposed an explicit model-theoretic account of the influence of the reference types of NPs (mass nouns, count nouns, plurals, etc.) on the temporal constitution of verbal predicates (activities, accomplishments and achievements). (Zucchi & White 2001)

(10) The different behavior of predicates like write a letter, drink milk, write letters and push a cart with respect to durational adverbs is expected once we assume that the predicates of the translation language meet the following properties (we differ from **Krifka (1992)** in stating mapping to objects only for non-iterative predicates). (Zucchi & White 2001)

В примерах (8) – (10) мы наблюдаем наличие фамилии исследователя как полноценного члена предложения и указанный в скобках год публикации его работы. При этом осуществляется референциальная отсылка к данной публикации, которая является элементами вертикального контекста. Несмотря на то, что имена собственные являются полнозначными словами, в текстах научной коммуникации они часто выполняют функцию дейктиков, т. к. они не осуществляют номинации (в отличие от художественных текстов, в которых имена собственные обычно указывают на героев произведения), а лишь указывают на элементы вертикального контекста. В данном случае элементами вертикального контекста, антецедентами/субсеквентами, являются работы других авторов, содержащие информацию релевантную в рамках того смыслового отрезка горизонтального контекста, в котором упоминаются фамилии этих авторов. При этом данная информация либо вообще не упоминается в тексте, содержащем дейктик (10), либо упоминается очень поверхностно (8, 9). Таким образом, имя автора и ссылка в скобках, содержащая год издания его работы, представляют собой дейктический центр, из которого вектор дейктического указания осуществляет указание на элемент вертикального контекста, являющийся антецедентом/субсеквентом. Другими словами, фамилии авторов, указанные в скобках, не реализуют номинацию, а используются лишь как слова-указатели, что позволяет нам приписывать ссылкам, используемым в научной коммуникации, свойства дейктических элементов. Посредством ссылок в текстах научного регистра речи реализуется интертекстуальный дейксис.

Стоит отметить, что интертекстуальный дейксис в англоязычных научных текстах реализуется несколькими способами. Один из них был нами уже рассмотрен в примерах (8) – (10). Приведем еще несколько примеров.

(11) As a result, ESP writers have often drawn heavily on coursebooks for example texts (**Arnaudet & Barrett 1984, Currie & Cray 1987, Jordan 1990, McEverdy & Wyatt 1990**) and they have received attention in the linguists' literature (eg **Love 1993, Hewings 1990, Tadros 1985**). (Hyland 1999)

(12) However, in addition to gaining an understanding of subject knowledge, students entering university must also acquire a specialised literacy that consists of the discipline-specific rhetorical and linguistic practices of a

particular community (Ballard & Clanchy 1991, Berkenkotter et al. 1991). (Hyland 1999)

(13) Moves can vary in size, but normally contain at least one proposition. In addition, they typically exhibit some internal coherence (cf. Mauranen 1993: 225). (Connor 1999)

Примеры (11) – (13) иллюстрируют самую распространенную форму существования интертекстуального дейксиса – ссылки в скобках. Наличие интертекстуальных ссылок является обязательной системной составляющей письменной научной речи, поскольку научный текст обязан иметь связи с внешним вертикальным контекстом. Подобные связи реализуются различными интертекстуальными средствами: прямыми и косвенными цитатами, ссылками или сносками в скобках и т.д. С одной стороны, иногда информация в скобках (фамилия автора, номер страницы и т.д.) может быть удалена из текста без нарушения его синтаксической и семантической целостности. С другой стороны, научный текст не может эффективно реализовывать свои функции в отрыве от фонового знания, накопленного предыдущими поколениями исследователей в определенной области. В этой связи наличие интертекстуальных ссылок является обязательным элементом научного регистра речи.

Вместо фамилий авторов в ссылках в научных текстах может быть использован любой другой лексический элемент (название статьи, веб-ссылка и др.), указывающий на элементы вертикального контекста, и при этом референциальная процедура будет осуществляться по тому же сценарию: дейктик – антецедент – референт. Интертекстуальные ссылки чаще всего содержат следующие элементы в различной комбинации: имя автора, номера страниц, к которым осуществляется гиперссылка, и год публикации работы. При этом содержащиеся в ссылках лексические единицы не реализуют своего денотативного значения, являясь своеобразными маркерами. Например, имена авторов могут быть заменены на порядковый номер, под которым данный автор стоит в библиографическом списке. В этом случае ссылка будет состоять исключительно из числительных, которые также не реализуют своего потенциального «денотативного» значения количества (например, [2, с. 63]). Интертекстуальные ссылки осуществляют референцию к информационным элементам вертикального контекста (например, в (12) – (13) работы Ballard & Clanchy, Berkenkotter и Mauranen), которые имеют дисциплинарную смысловую связь с высказыванием, содержащим ссылку.

Что касается референциальной процедуры, осуществляемой ссылками, необходимо отметить, что их успешная референция напрямую зависит от их позиции в тексте: автору требуется ссылка в точке контекста, содержащей информацию, связанную с другой информацией из вертикального контекста. Данная точка текста представляет собой дейктический центр. Далее отметим, что без обращения реципиента к элементам вертикального контекста или presuppositional knowledge, на которые осуществляется указание,

интертекстуальная ссылка будет для реципиента только набором знаков, не будет иметь для него никакого смысла, а следовательно, не будет осуществляться референция. Таким образом, можно констатировать зависимость успешной референции ссылки от вербально выраженного дейктического antecedента – элемента вертикального контекста. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что зависимость референции интертекстуальных ссылок от двух параметров системы дейктических координат – дейктического центра и дейктического antecedента – говорит об осуществлении референции в данных случаях путем дейктического указания.

Ссылки в скобках являются не единственными дейктическими элементами при интертекстуальном дейксисе. В ходе исследования нами были выявлены и другие способы реализации интертекстуального дейксиса в англоязычном научном тексте. Обратимся к следующим примерам:

(14) (в начале монографии) My treatment is only roughly in chronological order, because the works and their spans of influence sometimes overlapped in time, and because some influences emerge more clearly through direct follow-ups, e.g. **Bloomfield to Pike, Hjelmslev to Chomsky, and Firth to Halliday**. (Beaugrande 2014)

(15) (в начале монографии) Against **Dwight Whitney**, he [Saussure] demurs that ‘language is not similar in all respects to other social institutions’. (Beaugrande 2014)

В данных примерах мы наблюдаем случай интертекстуального дейксиса, при котором осуществляется ссылка на мнения других исследователей без указания на их работы. Автор упоминает имена этих исследователей, предполагая, что элементы пресуппозиции, содержащиеся в их работах, уже известны читателю, имеющему фоновые знания в данной области знаний. В примерах (14) и (15) таковыми элементами являются работы Блумфилда, Пайка, Ельмслева, Чомского, Фёрта, Халлидая и Уитни. Без знания содержания этих элементов вертикального контекста реципиент не в состоянии полноценно осуществить информационно-содержательную референцию высказываний, содержащих элементы подобные *against Dwight Whitney*. В данном случае работы данных исследователей, являющиеся элементами вертикального контекста, выступают в роли своеобразных дейктических antecedентов. Без знания этих antecedентов словосочетания, подобные *against Dwight Whitney*, являются для реципиента набором языковых знаков, не осуществляющих референцию. В этом случае даже если мы заменим фамилию *Whitney* на любую другую, смысловая составляющая предложения для реципиента, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями, не изменится. Таким образом, фамилии авторов других работ, являющиеся полноценными элементами синтаксической структуры предложения, также могут выступать в роли дейктиков, если мнения и идеи этих авторов оказываются вне локального контекста.

Продолжая рассмотрение дейктических элементов, способных реализовывать интертекстуальный дейксис, отметим, что, как показало

исследование, интертекстуальный дейксис реализуется в англоязычных научных текстах в том числе и традиционным дейктиками. Как уже говорилось выше, под традиционными дейктиками мы понимаем лексические единицы, которые в большинстве языков считаются дейктическими (местоимения, наречия места и времени и др.) и реализуют дейктическую функцию в любом тексте вне зависимости от его жанровой и стилистической принадлежности. Приведем примеры традиционных дейктиков, реализующих интертекстуальный дейксис:

(16) Many theoretical steps involve tradeoffs, where some advantage is gained by accepting a disadvantage **elsewhere** in the theory. (Beaugrande 2014)

(17) Many are brittle neologisms scarcely found **elsewhere** in linguistics, such as ‘ambifundamental exponent’ or ‘heterosubtagmatic sum’ (Beaugrande 2014)

(18) This schema is discussed in detail **elsewhere** (Hyland 1997c, in press) but is summarised in Table 1. (Hyland 1999)

(19) The move consists of reporting or referring to **earlier** research in the field, either by the proposers themselves or by **others**. (Connor 1999)

(20) This move is specific to the EU, although it is possible that similar phenomena will be found in **other** research grant contexts. (Connor 1999)

(21) What he does, as I have pointed out **elsewhere**, is to supply analogies which in fact complicate the issue because they are not mutually consistent... (Hyland 1999)

Примеры (16) – (21) иллюстрируют еще один способ реализации интертекстуального дейксиса: ссылка на ранее опубликованные работы самого автора (21) или на весь корпус текстов по заданной тематике (16) – (20). При этом, автор не указывает конкретный источник (как в случае со ссылкой в скобках (8) – (11)), а делает отсылку ко всему корпусу ранее опубликованных научных работ с помощью лексических единиц *elsewhere*, *earlier*, *others* и *other*. *Elsewhere* и *earlier* считаются традиционными дейктиками, так как они являются наречиями места и времени, значение которых всегда зависит от их позиции в тексте и вектора дейктического указания: *elsewhere* = «в тексте, отличном от данного»; *earlier* = «в работах, написанных до данной». То же самое можно сказать и о прилагательном/местоимении *other(s)*, которое не имеет денотативного значения как такового, и чья референция напрямую зависит от дейктического центра и вектора дейктического указания: *other* = «не тот, который находится в дейктическом центре». Таким образом, принадлежность данных единиц к дейктическим средствам подтверждается тем, что они представляют собой неопределенные маркеры места, которым для осуществления референции в речи необходимо наличие всех трех элементов системы дейктических координат – дейктического центра, дейктического antecedента/субсеквента и вектора дейктического указания. Лексемы *elsewhere*, *earlier* и *other(s)* реализуют интертекстуальный дейксис в англоязычных научных текстах, так как они направляют вектор дейктического указания из дейктического центра (точки, содержащей дейктик)

за пределы локального контекста на весь корпус текстов, имеющих смысловую связь с высказыванием, содержащим дейктик (анафорическое указание). Весь этот корпус текстов является в данном случае сложным и обширным дейктическим антецедентом. Говоря о реализации интертекстуального дейксиса традиционными дейктиками, необходимо сказать, что, скорее всего, обнаруженные традиционные дейктики являются не единственными, способными осуществлять интертекстуальный дейксис, что представляет интерес для дальнейших исследований.

Что касается смысловых параметров дейктического указания в случае интертекстуального дейксиса, то полагаем, что в процессе интертекстуального дейктического указания происходит реализация уникальной текстопостроительной функции, которая не встречается при других видах дейксиса. Обычно дейктический вектор связывает дейктический элемент с его антецедентом/субсеквентом, находящимся в одном с дейктиком локальном контексте. Таким образом, дейксис способствует созданию когезии и когерентности текста. В случае интертекстуального дейксиса вектор дейктического указания осуществляет связь элементов локального контекста с элементами вертикального контекста. Данную функцию вектора дейктического указания предлагаем назвать *функцией дейктической гиперссылки*.

Может возникнуть вопрос, почему данную функцию мы называем текстопостроительной функцией, тогда как дейктический антецедент/субсеквент располагается вне локального контекста и вроде бы формально не имеет к тексту, содержащему интертекстуальный дейктик, отношения. Однако это не так, поскольку дейктический центр, содержащий дейктик, является точкой локального контекста и, соответственно, неотъемлемой его частью, участвующей в текстопостроении. Мы не можем изъять дейктические элементы, реализующие интертекстуальный дейксис, из локального контекста. Следовательно, несмотря на то, что вектор дейктического указания в данном случае выходит за рамки локального контекста, интертекстуальные дейктики выполняют текстопостроительную функцию наряду с другими дейктическими элементами и полнозначными словами.

Таким образом, функция дейктической гиперссылки не только служит задачам текстопостроения, но также связывает локальный контекст с элементами вертикального контекста или, другими словами, с элементами научного дискурса. Следовательно, интертекстуальный дейксис и функция дейктической гиперссылки формируют своеобразные дискурсивные «нити», помогающие формировать научный дискурс.

5. Полученные результаты

Проведенное исследование имеет ряд важных результатов. Во-первых, была разработана и детально описана система дейктических координат, имеющая место при контекстуальном дейксисе. Контекстуальный дейксис, противопоставляющийся ситуационному, имеет широкое распространение

в текстах различных жанров и функциональных стилей. Выбор научных текстов в качестве материала исследования обусловлен тем, что особенности дейктической процедуры в научной коммуникации практически не исследовались ни отечественными, ни зарубежными лингвистами.

Основными элементами системы дейктических координат при контекстуальном дейксисе являются дейктический центр, вектор дейктического указания и дейктический антецедент/субсеквент. Схематично система дейктических координат представлена на рисунке 2.

**Рис. 2. Система дейктических координат /
Pic. 2. System of Deictic Coordinates**

Разработанная система дейктических координат является универсальной для контекстуального дейксиса и может быть применена для любых случаев дейктического указания в рамках данного вида дейксиса. Именно объективность и универсальность системы дейктических координат позволяет выявить новые подвиды контекстуального дейксиса, одним из которых является интертекстуальный дейксис, специфичный именно для текстов научного регистра речи. Интертекстуальный дейксис представляет собой вид дейксиса, при котором вектор дейктического указания указывает на антецедент, находящийся в вертикальном, а не локальном контексте. Важно отметить, что в случае интертекстуального дейксиса вектор дейктического указания не может выполнять катафорическое указание (указание на субсеквент), поскольку интертекстуальные дейктики указывают на элементы вертикальной пресуппозиции – научные работы, которые темпорально предшествуют работе, содержащей интертекстуальный дейктик.

Анализ дейктических элементов, реализующих интертекстуальный дейксис в англоязычных научных текстах, позволил определить четыре основные группы таких дейктиков:

– интертекстуальные ссылки в скобках: (*Ballard & Clanchy 1991, Berkenkotter et al. 1991*);

– лексические единицы, являющиеся полноценными элементами локального контекста и осуществляющие указание на элементы вертикальной пресуппозиции с указанием года публикации в скобках: *Krifka (1986, 1989, 1992) has proposed...*;

– лексические единицы, являющиеся полноценными элементами локального контекста и осуществляющие указание на элементы вертикальной пресуппозиции без ссылки в скобках: *against Dwight Whitney*;

– ряд традиционных дейктиков (наречия места и времени; местоимения): *elsewhere, earlier, other(s)*.

6. Заключение

Итак, в данной статье была поставлена цель разработать систему дейктических координат, функционирующую в рамках контекстуального дейксиса. В результате проведенного исследования были определены следующие элементы данной системы дейктических координат: дейктический центр, вектор дейктического указания и дейктический антецедент/субсеквент. Все три элемента являются обязательными для любого случая дейктического указания в рамках контекстуального дейксиса. Таким образом, разработанная система дейктических координат представляет собой механизм, с помощью которого лингвисты могут дифференцировать дейктические элементы в ряду остальных лексических единиц в случае контекстуального дейксиса.

Именно разработанная система дейктических координат была использована нами для выделения и описания нового вида контекстуального дейксиса – интертекстуального. Интертекстуальный дейксис – это подвид контекстуального дейксиса, при котором антецедент, на который осуществляется дейктическое указание, располагается в элементе не локального, а вертикального контекста – другом тексте, являющемся внешним по отношению к тексту, содержащему дейктик. Применяв систему дейктических координат к интертекстуальным ссылкам и другим элементам вертикальной presupposition, мы доказали, что подобные элементы текста реализуют в тексте именно функцию дейктического указания, а не номинации.

Что касается элементов, реализующих интертекстуальный дейксис, мы обнаружили, что данный вид контекстуального дейксиса реализуется особыми дейктическими элементами, которые могут представлять собой сложные конструкторы, состоящие из имен собственных, имен нарицательных, числительных и т.д. Кроме того, для интертекстуального дейксиса характерны специфичные дейктические антецеденты, выраженные элементами вертикального контекста различной протяженности и состава. Также вектор дейктического указания при интертекстуальном дейксисе выполняет особую текстопостроительную функцию – функцию дейктической гиперссылки, которая обеспечивает связь научных текстов, объединенных общей тематикой.

Описанная в работе система дейктических координат может быть использована в дальнейших исследованиях для подтверждения дейктичности ряда лексических элементов, чья дейктичность до сих пор была под вопросом, а также для определения новых групп дейктических элементов, ранее не описанных лингвистами. Кроме того, результаты проведенного исследования служат отправной точкой для дальнейшего исследования интертекстуального дейксиса – нового подвида контекстуального дейксиса, описанного в данной работе.

© Irina Korovina, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 300–307. [Bakhtin, Mikhail. 1979. Text issues in linguistics, philosophy and other branches of the Humanities. Philosophical analysis. In Bakhtin, Mikhail. *Esthetics of verbal art*, 300–307. Moscow].
- Данилевская Н.В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 18–22. [Danilevskaya, Natalia. 2009. Academic text within interdiscourse approach. *Perm University Herald* 3. 18–22].
- Должич Е.А., Попова Т.Г. Интертекстуальные связи в испанском научном дискурсе: монография. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. 169 с. [Dolzhich, Elena & Taisia Popova. 2012. *Intertextual links in academic discourse in Spanish: monography*. Moscow: RUDN. 169].
- Коровина И.В. Композиционная типология контекстуального дейксиса (на материале англоязычных лингвистических текстов) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 8 (88). Тамбов. С. 142–147. [Korovina, Irina. 2010. The compositional typology of contextual deixis (based on English linguistic texts). *Tambov University Review. Series: Humanities* 8 (88). 142–147].
- Кремнева А.В. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста // Филология и человек. 2019. № 1. С. 46–60. [Kremneva, Anna. 2019. Intertextual insertions as a barrier for text interpretation. *The Philology and a Person* 1. 46–60].
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457. [Yu. Kristeeva. 2000. Bakhtin, slovo, dialog i roman. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. 427–457. Moscow].
- Левицкий Ю.А., Шамова Г.А. Указатели ситуации. Местоимения: Учебное пособие по спецкурсу: Учебное пособие по спец. Пермь: ПГУ, 1985. 72 с. [Levitskii, Yury & Galina Shamova. 1985. *Situational indicators. Pronouns*. 72. Perm].
- Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с. [Mikhailova, Elena. 1999. *Intertextuality in academic discourse (based on academic articles)*. Volgograd. 22].
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с. [Paducheva, Elena. 1985. *Speech unit and its correlation with reality*. 272. Moscow: Nauka].
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 451 с. [Peshkovskii, Alexandr. 2001. *Russian syntax in academic interpretation* 8. 451. Moscow].
- Пье-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с. [Natali, P'e-Gro. 2008. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti: Per. s fr. / obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova*. 240. Moscow: Izdatel'stvo LKI].
- Селиверстова О.Н. Местоимения в английском языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с. [Seliverstova, Olga. 1988. *Pronouns in the English language and speech*. 151. Moscow: Nauka].
- Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: монография. Воронеж: ВГПУ, 2005. 270 с. [Srebryanskaya, Natalia. 2005. *Deixis and its implementation in fiction texts: monography*. 270. Voronezh].
- Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 106–111. [Chernyavskaya, Valeria. 2004. Intertext

- and interdiscourse as the actualization of textual openness. *Issues of Cognitive Linguistics* 1. 106–111].
- Beaugrande, Robert de. 2014. *Linguistic theory: The discourse of fundamental works*. Routledge.
- Benveniste, Émile. 1966. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Editions Gallimard.
- Breht, Richard D. 1974. Deixis in embedded structures. *Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy* 4 (11). 489–518.
- Bühler, Karl. 1982. The deictic field of language and deictic words. In Robert J. Jarvella & Wolfgang Klein (eds.), *Speech, place, and action. Studies in deixis and related topics*, 9–30. John Wiley & Sons LTD.
- Connor, Ulla & Anna Mauranen. 1999. Linguistic analysis of grant proposals: European Union research grants. *English for Specific Purposes* 1 (18). 47–62.
- Cruse, Alan D. 2000. *Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics*. N.Y.: Oxford University Press.
- Fillmore, Charles J. 1982. Towards a descriptive framework for spatial deixis. In Robert J. Jarvella & Wolfgang Klein (eds.), *Speech, place and action*, 31–60. John Wiley & Sons LTD.
- Grenoble, Lenore A. 1998. *Deixis and information packaging in Russian discourse*. Amsterdam: John Benjamins Press.
- Hanks, William F. 2009. Fieldwork on deixis. *Journal of Pragmatics* 41 (1). 10–24.
- Hyland, Ken. 1999. Talking to students: Metadiscourse in introductory coursebooks. *English for Specific Purposes* 1 (18). 3–26.
- Jespersen, Otto. 1924, 1992. *The Philosophy of Grammar*. University of Chicago.
- Lakoff, George. 1987. Cognitive models and prototype theory. In U. Neisser (eds.), *Emory symposia in cognition*, 63–100. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lyons, John. 1977. Deixis, space and time. *Semantics* 2. 636–724.
- Marmaridou, Sophia S.A. 2000. *Pragmatic meaning and cognition*. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins Publishing.
- Peirce, Charles S. 2014. Logic as semiotic: The theory of signs. *Photographic theory* 100–104. Blackwell Publishing.
- Zucchi, Sandro & Michael White. 2001. Twigs, sequences and temporal constitution of Predicates. *Linguistics and Philosophy* 24. 223–270.

Словари / Dictionaries

Философский словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philospedia.com/26/206/1654821.html> (дата обращения: 01.05.2019) [Philosophy Dictionary. URL: <http://www.philospedia.com/26/206/1654821.html> (Accessed 01 May, 2019)].

Article history:

Received: 4 July 2020

Revised: 15 October 2020

Accepted: 17 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 4 июля 2020

Дата принятия к печати: 17 октября 2020

Сведения об авторе:

Ирина Валерьевна КОРОВИНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, заместитель декана факультета иностранных языков по научной работе, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский

государственный университет им. Н.П. Огарёва». Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, лингводидактика, дейксис.

Контактная информация:

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

e-mail: korirfox@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4715-8377

Bionote:

Irina V. KOROVINA is Dr of Linguistics, Associate Professor of the English Philology Department, Deputy Dean for Research of the School of Foreign Languages at Ogarev Mordovia State University. Her research interests include cross-cultural communication, language teaching methodology and deixis.

Contact information:

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

e-mail: korirfox@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4715-8377

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925

Research article

Metaphor as the reflection of culture determined cognition

Lyubov A. KOZLOVA

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article belongs to the cognitive dimension of contemporary cognitive linguistics based on the idea that the processes of the world conceptualization take place in the context of a certain culture and language imparting culturally determined character to our cognition. The ethnocultural specificity of cognition has various forms of manifestation in language, the most explicit of which is metaphor because the very nature of our thinking is metaphorical and reflects the correspondence with experience which is also culture-specific. The study aims to investigate how culturally determined cognition finds its manifestation in metaphor. The main goal of the article is to point out and characterize the forms of manifestation of ethnocultural specificity of metaphor in the text. The analysis is based on a corpus of 860 metaphorical expressions obtained from 34 English-language fiction texts. The main methods of analysis are conceptual, comparative-culturological and contextual analyses. The introduction contains a short survey of theoretical works related to the interaction of language, cognition and culture and describes the way methods are applied. In the second part the author analyses the interrelations between three branches of linguistics: ethnolinguistics, linguoculturology, and cultural linguistics united on the basis of their interest in the study of language in the cultural aspect. The main body of the article presents the analysis of metaphor in the aspect of culture specific cognition which results in the identification of three forms of representing the culturally determined cognition in metaphor: 1) the degree of metaphorical density of the text and the manner of metaphorical representation from the perspective of explicitness/implicitness; 2) the specificity of conceptual spheres which serve as the source of metaphors; 3) the choice of objects of metaphorical description determined by the sociocultural conventions of a linguocultural society. By way of conclusion, the author outlines the prospects of metaphor studies in the aspect of culture specific cognition.

Keywords: *ethnolinguistics, cultural linguistics, cognitive-cultural approach, metaphor, culture determined cognition*

For citation:

Kozlova, Lyubov A. 2020. Metaphor as the reflection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925

Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции

Л.А. КОЗЛОВА

Алтайский государственный педагогический университет
Россия, Барнаул

Аннотация

Статья относится к исследованиям в области когнитивно-культурологического направления, в основе которого лежит тезис о том, что познание мира осуществляется в контексте определенной культуры и языка, придающим когниции культурно-детерминированный характер. Этнокультурная детерминированность когниции находит множественные формы манифестации в языке, но наиболее полное отражение она находит в метафоре, поскольку процесс нашего мышления метафоричен в своей основе и базируется на соответствиях в опыте, который является культурно-специфичным. Объектом исследования является метафора, а предметом – отражение в ней культурной детерминированности когниции. Цель статьи – выделить и описать формы манифестации культурно-обусловленной специфики метафоры в тексте. Материалом исследования послужил корпус из 860 примеров, отобранных из 34 англоязычных художественных текстов. Основными методами исследования являются концептуальный, сопоставительный лингвокультурологический и контекстологический анализ. Во введении дается краткий экскурс в историю изучения вопросов взаимодействия языка, сознания и культуры, представлена информация о материале и методах исследования. Во втором разделе рассматривается соотношение между тремя направлениями лингвистики: этнолингвистикой, лингвокультурологией и культурологической лингвистикой, отмечается общность реализуемого в них подхода к анализу языка и излагаются теоретические основания изучения метафоры в когнитивно-культурологическом ракурсе. В основной части работы проводится анализ корпуса фактического материала, в результате которого выделяются три формы манифестации этнокультурной детерминированности когниции в метафоре: 1) степень метафорической насыщенности текста и характер представления метафоры по признаку эксплицитности/имплицитности; 2) специфика концептуальных областей, служащих сферой-источником метафор; 3) выбор объектов метафорического описания в соответствии с конвенциями определенной культуры. В заключительной части статьи обозначены направления, по которым может быть продолжено изучение метафоры в когнитивно-культурологическом ракурсе.

Ключевые слова: этнолингвистика, культурологическая лингвистика, когнитивно-культурологический подход, метафора, этнокультурная детерминированность когниции

Для цитирования:

Козлова Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925

1. Введение: постановка проблемы.

Материал и методы исследования

Вопрос о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии языка, сознания и культуры существует столько, сколько существует наука о языке, но в разные периоды развития лингвистики ему отводилось разное место, что определялось теми главными задачами, которые ставились перед лингвистикой в контексте

доминирующих парадигм научного знания. В контексте т.н. традиционной лингвистики, охватывающей несколько веков и объединявшей различные направления, в силу ее антропоцентрической направленности этим вопросам уделялось значительное внимание. Наиболее последовательно мысль о сущности языка как отражения мировидения нации развивалась в трудах В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что «каждый язык вбирает в себя нечто от конкретного своеобразия своей нации и в свою очередь действует на нее в этом же направлении» (Гумбольдт 2000: 166).

Э. Сепир, указывая на роль языка в сохранении всех «мыслимых разновидностей нашего опыта», подчеркивал, что язык может служить «символическим руководством к пониманию культуры» (Сепир 1993: 261–262). В.В. Виноградов, развивая идеи отечественных лингвистов И.И. Давыдова, А.А. Потебни и др., считал, что описание словарного состава языка не может быть полным без обращения к знаниям о культуре его носителей. Изучение языка А.С. Пушкина позволило ему высказать мысль о том, что широкое распространение французского языка оказало большое влияние не только на русский язык, но и на русское мышление и культуру (Виноградов 2000).

В рамках структурной, системоцентрической в своей основе научной парадигмы, занимавшей доминирующее положение в лингвистике на протяжении почти всего XX века и ставившей своей основной задачей описание внутреннего устройства языка, вопросы взаимодействия языка и культуры находились на периферии предметного поля лингвистики. Но вместе с тем Ф. де Соссюр не отрицал важности изучения языка в широком социо- и этнокультурном контексте, считая это основной задачей т.н. внешней лингвистики, которая, по его мнению, должна была стать дальнейшей ступенью развития лингвистической науки (Соссюр 1977: 53–55).

Развитие когнитивной лингвистики, антропоцентрической в своей основе, закономерно привело к ее активному сотрудничеству с другими науками, объектом которых является человек и его история, его психология, географическая, социальная и культурная среда его проживания – все те факторы, совокупность знаний о которых образует когнитивный контекст, оказывающий влияние на наше сознание и находящий репрезентацию в языке. Как отмечал В.А. Виноградов, когниция человека всегда культурно-обусловлена, и когнитивной основой классификации является этнокультурная категоризация мира (Виноградов 2000: 420).

Отмечая тесную взаимосвязь и взаимообусловленность языка, сознания и культуры, Д.Г. Эверетт представляет ее в виде формулы: “*The formula that summarizes my own concept of language is: Cognition + Culture + Communication = Language. This means that each normal human being has a brain, belongs to a community with values, and needs to communicate, and the confluence of these states results in a language*” (Everett 2012: 35). Смысл этой формулы можно интерпретировать следующим образом: каждый человек наделен интеллектом, является членом общества с определенными культурными ценностями и

испытывает потребность в коммуникации, и совокупность этих составляющих лежит в основе языка.

Этнокультурная детерминированность когниции находит множественные формы манифестации в языке: в его словарном составе, фразеологическом фонде, в грамматическом строе, в особенностях построения текста и дискурса, в этностиле коммуникации, а также в метафоре. Объектом изучения нашей статьи является метафора, а предметом – отражение в ней культурной детерминированности когниции. Целью статьи является выделение и описание форм манифестации культурно-обусловленной специфики метафоры в тексте.

Базовым методологическим положением, лежащим в основе когнитивно-культурологического подхода, реализуемого в статье, является тезис о том, что процессы концептуализации и интерпретации мира осуществляются в контексте определенной культуры и языка, что придает когниции культурно-детерминированный характер. Основу проведенного исследования составляет следующая гипотеза: этнокультурная обусловленность когниции находит свое наиболее полное отражение в метафоре, поскольку процесс нашего мышления метафоричен в своей основе и основан на соответствиях в опыте, который также является культурно-специфичным. При этом этнокультурная специфика метафоры может иметь различные формы своей манифестации в тексте.

Материалом исследования является корпус примеров общим количеством 860, отобранных из 34 англоязычных художественных текстов объемом около 10 тысяч страниц. Корпус англоязычных художественных текстов включает произведения британских, американских, канадских и австралийских авторов, представляющих т.н. *Anglo culture*, а также произведения писателей-билингвов, в текстах которых находят отражение культурные ценности и образы сознания таких культур, как ближневосточная, японская, китайская, южноафриканская и русская. Методология исследования складывается из комплекса методов, включающих концептуальный анализ, используемый при выявлении и описании концептуальных областей источника и цели, участвующих в процессах метафоризации; сопоставительный лингвокультурологический анализ, направленный на выявление факторов культурологического характера, обуславливающих выбор концептов, служащих источником и целью, а также контекстологический анализ, используемый при интерпретации смысла метафорических высказываний.

2. Сущность метафоры в когнитивно-культурологическом ракурсе

2.1. Этнолингвистика, лингвокультурология и культурологическая лингвистика как направления, реализующие когнитивно-культурологический подход к исследованию языка

В настоящее время сложилось несколько направлений, занимающихся исследованием языка в аспекте его тесной взаимосвязи с культурой. К числу

таких направлений относится этнолингвистика, лингвокультурология и культурологическая лингвистика. Несмотря на различия в их названии, между этими направлениями, на наш взгляд, существует гораздо больше общности, чем различий. Остановимся кратко на характеристике этих направлений, выделяя преимущественно не столько различия между этими направлениями, сколько то общее, что их объединяет. Безусловный приоритет в исследовании вопросов взаимодействия языка и культуры принадлежит, на наш взгляд, Анне Вежбицкой, в работах которой получили разработку этносинтаксис, этнопрагматика и этносемантика (Wierzbicka 1992, Wierzbicka 2003 (1991), Wierzbicka (2006), Wierzbicka 2010).

Этнолингвистические исследования Анны Вежбицкой и ее последователей (Enfield 2013, Goddard 2004, Goddard 2006) нашли широкий отклик в европейской и особенно в российской лингвистической науке. Как отмечает Е.В. Падучева, влияние работ Вежбицкой на лингвистику в России было намного значительнее, чем в других странах, причиной чего является не только славянская близость, но и созвучность лингвистических идей, развиваемых в российской науке, тем вопросам, которые ставит А. Вежбицкая в своих трудах (Падучева 1996: 23–26). Идеи Вежбицкой нашли свое дальнейшее развитие в исследованиях российских лингвистов, выполненных на материале различных языков и посвященных этнокультурной обусловленности словарного состава языка (Беляевская 2007, Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012 и др.), фразеологического фонда (Добровольский 1997, Телия 1996, Зыкова 2015 и др.), грамматического строя (Богданова 2018, Гак 2000, Козлова 2012, 2018 и др.), текста и дискурса (Бочегова 2003, Иванова, Чанышева 2018, Ларина, Озюменко 2017 и др.), речевых актов и этностиля коммуникации (Беляева-Станден 2004, Ларина 2007, 2009, Larina 2015 и др.), проблем межкультурной коммуникации (Ларина 2017, Тер-Минасова 2000 и др.).

Вопросы взаимодействия языка, сознания и культуры в европейской лингвистической науке, во многом под влиянием работ А. Вежбицкой и ее школы, рассматриваются в направлении, именуемом *этнолингвистика*, которая сегодня включает такие разделы, как этносинтаксис, этнопрагматика, этнофразеология (Bartmiński 2017 и др.). При этом следует отметить, что использование термина *этнолингвистика* и его смысловое содержание во многом определяются традицией и направлением исследований, сложившихся в той или иной научной школе (Кабакова 1993: 112). Так, в отечественной традиции термин *этнолингвистика* изначально использовался преимущественно в отношении работ, посвященных изучению языковых явлений в историческом ракурсе, а материалом нередко служили фольклорные и мифологические тексты, религиозные обряды, суеверия, приметы и т.д. Такое направление этнолингвистических исследований было характерно для работ многих российских ученых (Толстой 1995 и др.), чьи исследования были направлены на реконструкцию фрагментов архаической картины мира,

нашедших отражение в русском языке. Очевидно, именно первоначальная диахроническая ориентация этнолингвистических исследований в отечественной лингвистике послужила стимулом для формирования и стремительного развития направления, получившего название *лингвокультурология*, которое было ориентировано на изучение процессов взаимодействия *современного* языка и культуры. Как отмечала С.В. Иванова, лингвокультурология – это не что иное, как «современное развитие идей этнолингвистики, дополнившее этнолингвистику с ее сосредоточенностью на диахронических фактах данными из области исследования синхронических процессов» (Иванова 2004: 40). В то же время она признает «диссипативный» характер самого термина. Этнолингвистические исследования в других странах не ограничены только перечисленными аспектами, а имеют более широкий диапазон, и их материалом являются не только древние и фольклорные, но также и современные тексты. Сегодня попытка разграничения этнолингвистики и лингвокультурологии по принципу диахронической или синхронической направленности представляется не вполне оправданной, так как этот принцип не находит отражения в названиях наук и не имеет параллелей в исследованиях, проводимых в других странах. Заметим, что сам термин *лингвокультурология* не имеет широкого распространения в метаязыке зарубежных лингвистов, занимающихся вопросами изучения взаимодействия языка и культуры, что, на наш взгляд, затрудняет научную коммуникацию «поверх границ культур».

Сложившаяся практика изучения вопросов взаимодействия языка и культуры в лингвокультурологии такова, что одни работы больше тяготеют к лингвистике, другие – к культурологии, третьи – представляют собой своеобразный синтез того и другого. А поскольку к лингвокультурологии относят исследования как лингвистического, так и культурологического плана, она представляет собой более широкую область исследования,

Как отмечает Н.Н. Болдырев, культурологический подход к исследованию языка может включать несколько направлений:

- 1) изучение языка как элемента культуры;
- 2) изучение культурно- и национально-специфических концептов на основе анализа языковых данных;
- 3) изучение национальной специфики языковых значений и механизмов формирования смыслов в рамках определенной культуры;
- 4) изучение языка как средства межкультурной коммуникации, в том числе перевода как одного из средств коммуникации (Болдырев 2018: 423).

По мнению Н.Н. Болдырева, первые два направления ориентированы в большей степени на области философии, социологии, общей семиотики, собственно культурологии, и их рассмотрение требует разработки специальных методов культурологического анализа и, соответственно, целью таких исследований должно быть изучение культуры, традиций, культурных ценностей и т.д., в той или иной мере связанных с языком. Третье и четвертое

направление связаны с анализом специфики формирования языковых значений и смыслов в контексте определенной культуры и относятся к сфере лингвистики (Болдырев 2018: 423–424).

В американской лингвистической науке направление, занимающееся изучением языка в культурологическом ракурсе, получило название *cultural linguistics*. Основателем данного направления является американский исследователь Г. Палмер, который обозначил этим термином область исследований, сформировавшуюся на основе синтеза лингвистической антропологии, этносемантики и этнографии коммуникации. В основе концепции, представленной в работе Г. Палмера, лежит тезис о том, что язык представляет собой «игру вербальных символов, основанных на образности» (*“language is the play of verbal symbols that are based in imagery”*) (Palmer 1996: 4). Образность при этом понимается Г. Палмером в самом широком смысле как результат восприятия действительности с помощью всех сенсорных каналов и его последующая ментальная обработка, т.е. концептуализация, в результате которой в нашем сознании формируется и хранится в различных формах широкий инвентарь культурно детерминированных ментальных образов, включающих когнитивные модели, схемы, сценарии, фреймы и другие форматы знания (Palmer 1996: 290).

По мере развития данного направления и под влиянием идей когнитивизма культурологическая лингвистика вошла в более широкое предметное поле когнитивно-ориентированных исследований, что нашло отражение в замене некоторых терминов, используемых Г. Палмером. Так, в работах недавно ушедшего от нас австралийского исследователя Ф. Шарифиана, активно занимавшегося проблемами культурологической лингвистики и их прикладным потенциалом, вместо термина *образность (imagery)* используется термин *cultural conceptualization* (Sharifian 2011, 2012). Как он отмечал в одной из своих программных работ, культурологическая лингвистика занимается исследованием процессов концептуализации, которые являются культурно-обусловленными, кодируются и находят свое проявление в естественном языке (Sharifian 2017: 33), а предложенный им подход широко используется при изучении таких явлений, как варианты английского языка, процессы метафоризации, дискурсивный анализ, межкультурная коммуникация (Sharifian 2017: 42–53, Sharifian, Palmer 2007). В этой связи хотелось бы отметить неточность в переводе на русский язык отдельных англоязычных терминов, используемых в метаязыке культурологической лингвистики. Так, термин *cultural conceptualization* нередко переводится как *культурная концептуализация* (Дехнич 2018: 121), что, в силу многозначности русского прилагательного *культурный* неизменно вызывает в сознании антонимическое сочетание *некультурная концептуализация*. Очевидно, более точным русским эквивалентом термина *cultural conceptualization* является *культурно-обусловленная концептуализация*.

Вместе с тем, как показывает анализ работ в области этнолингвистики, лингвокультурологии и культурологической лингвистики, несмотря на

различия в терминологии и объеме изучаемых явлений, исследователи, работающие в перечисленных направлениях, едины во мнении о том, что наша когниция культурно детерминирована, а язык, сознание и культура тесно взаимосвязаны и должны изучаться с учетом этой взаимосвязи. Представляется возможным говорить о том, что основанием для объединения этнолингвистики, лингвокультурологии (в той ее части, объектом которой является язык) и культурологической лингвистики может служить общность их подхода к анализу языковых фактов, который является когнитивно-культурологическим в своей основе. При этом, как подчеркивает Н.Н. Болдырев, в пользу такого мнения говорит тот факт, что большинство культурологических работ опираются на терминологию и методологию когнитивной лингвистики, что и дает основание считать когнитивно-культурологическое направление одним из направлений когнитивной лингвистики (Болдырев 2018: 425).

2.2. Этнокультурная обусловленность когниции и ее манифестация в метафоре

Как мы уже отмечали выше, этнокультурная обусловленность процессов концептуализации и интерпретации мира находит свою манифестацию в широком круге языковых явлений и процессов: в фонетическом строе, лексиконе, фразеологии, грамматическом строе, построении текста и дискурса, в этностиле коммуникации. Но наиболее полное отражение этнокультурная обусловленность когниции находит в метафоре, поскольку процесс нашего мышления, как показала работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоричен в своей сущности, будучи основанным на телесном опыте взаимодействия с миром, получаемом через все каналы восприятия. Суть концептуальной метафоры, как ее представили Дж. Лакофф и М. Джонсон, заключается в способности думать об одной сфере в терминах другой, что полностью соответствует основному закону когнитивного развития: познавать новое, опираясь при этом на уже известное, познание в процессе взаимодействия с действительностью на основе полимодальности восприятия и служащее базой-источником в процессах метафоризации (Lakoff, Johnson 1980). Такая трактовка сущности метафоры убедительно продемонстрировала мнение о том, что использование метафор не является исключительно уделом поэтов, политиков и других категорий людей, стремящихся к образному выражению своих мыслей, а носит повсеместный характер, являясь строительным материалом мысли, сознания и коммуникации.

Основное положение когнитивного подхода к сущности метафоры, гласящее, что наше мышление метафорично в своей основе, расширило границы изучения данного явления, привлекая внимание не только к словесным, но и иным средствам репрезентации концептуальной метафоры: музыкальным, художественным, паравербальным и артефактным метафорам, что позволяет составить представление о том, как работают другие, невербальные формы мышления. Будучи универсальным когнитивным механизмом,

метафора находит воплощение не только в слове, но и в других семиотических системах: в жестах, ритуалах, поступках, артефактах, архитектуре, живописи, музыке и моде. Отметим при этом, что изучение метафорических отношений в других семиотических системах не означает потерю интереса к словесной метафоре и ее экспрессивному потенциалу. Так, исследование стилистических приемов метафоры и сравнения в когнитивном ракурсе убедительно показывает, что в их глубинной основе лежит единый механизм, а различие заключается только в том, что признак сходства, лежащий в их основе, в сравнении находит эксплицитное выражение, а в метафоре он лишь имплицитруется, что подтверждает аристотелевское определение метафоры как скрытого сравнения.

Дальнейшим развитием теории концептуальной метафоры явилась теория концептуальной интеграции, которая показала креативный, динамический характер процесса смыслопорождения вообще и метафоризации в частности (Turner, Fauconnier 1995, Sweetser, Fauconnier 1996, Fauconnier, Turner 1998), что имеет большое значение для исследования оригинальных, авторских метафор, позволяющих раскрыть креативный потенциал языковой личности и проникнуть в специфику художественного мышления.

Накопление опыта познания мира и формирование на этой основе концептуальной системы всегда проходит в определенных географических, климатических, социальных, экономических, психологических и иных условиях, на основе которых проходит формирование культуры лингвокультурного сообщества, включающей традиции, ценности, стереотипы поведения, ритуалы и т.д. Совокупность всех этих условий формирует концептуальную систему, привнося в картину мира этническую окраску, сквозь призму которой идет дальнейшее познание мира, что неминуемо придает своеобразие метафорическому мышлению. Этот тезис лежит в основании следующего этапа в развитии когнитивного подхода к изучению метафоры, который является когнитивно-культурологическим по своей сути. Еще в 1997 году, обсуждая возможные перспективы в исследовании процессов метафоризации, ученые высказывали мнение о том, что будущее метафорологии лежит в области изучения процессов взаимосвязи языка и культуры (Steen & Gibbs 1997: 6). Как показывают многочисленные работы последних десятилетий в области метафорологии (Будаев 2007, Будаев 2011, Стоянова 2013, Будаев, Чудинов 2020, Deignan 2003, Kövecses 2005, Kövecses 2010, Musolff 2007, Musolff 2019, Yu 2018 и др.), вопросы взаимодействия языка и культуры, сочетания универсального и культурно-специфического в метафоре действительно находятся в фокусе внимания многих исследователей. Остановимся кратко на некоторых из этих исследований, представляющих для нас особый теоретический интерес. Так, в своем исследовании, посвященном изучению метафоры в культурологическом ракурсе, З. Ковечес представляет результаты сопоставительного анализа анкет американских и венгерских студентов, которым было предложено ответить на вопрос: что такое жизнь? Ведущей метафорой

в ответах американских студентов была метафора путешествия (*Life is a journey*), в своих анкетах студенты что акцентируют такие аспекты жизни, как постоянное движение, стремление к достижению конечной цели, а в большинстве ответов венгерских студентов жизнь описывается как битва, в которой надо побеждать, преодолевать трудности. Проведенный им сопоставительный анализ показывает, как исторический опыт страны, политические и экономические условия жизни влияют на выбор области-источника для метафорического описания области-цели (Kövecses 2005: 84–85).

В работах А. Музолфа (Musolff 2004, 2019 и др.) убедительно показано взаимодействие универсального и культурно-специфического в процессах метафоризации. На примере анализа использования концепта СЕРДЦЕ в качестве области-источника в немецком и британском политическом дискурсе ученый показывает, что метафора, основанная на общей области-источнике, выражает при этом принципиально разные смыслы, в которых содержится оценка роли этих стран в деятельности Евросоюза. Отводя своим странам ведущую роль в деятельности Евросоюза и называя их сердцем Европы, немецкие и британские авторы используют при этом разные ассоциативные признаки концепта СЕРДЦЕ. В немецком дискурсе в основе данной метафоры лежит ориентационный признак – географическое положение Германии в центре Европы, что и служит основой для метафорического использования слова *сердце*. В основе употребления этой же метафоры в британском политическом дискурсе лежит не ориентационный, а функциональный признак: подобно тому, какую важную функцию выполняет сердце в нашем организме, Британия, по мнению англичан, выполняла такую же важную функцию в Европейском Союзе (Musolff 2004: 61–68).

Продолжая свои исследования в области метафорологии на основе анализа корпусных данных и результатов анкетирования респондентов, представляющих разные культуры (Musolff 2019), А. Музолф делает два вывода, представляющие, на наш взгляд, значительный теоретический интерес для дальнейшего изучения метафоры в когнитивно-культурологическом ракурсе. На основе анализа корпусных данных автор демонстрирует способность так называемых мертвых, или спящих метафор (*dead, or sleeping metaphors*) к активации, приобретению новых семантико-прагматических коннотаций, приводящих к модификации первоначальных смыслов, что показывает непрерывность процессов метафоризации. Анализ анкет респондентов, представляющих разные лингвокультурные сообщества, убедительно показывает роль социального опыта, культурных ценностей и идеалов в интерпретации смысла метафорических выражений. Результаты анкетирования позволили автору затронуть еще один важный аспект в изучении креативного потенциала метафоры. Как подчеркивает автор, процесс интерпретации метафор может быть не менее креативным, чем процесс их порождения, что, можно полагать, обусловлено диалогическим характером нашего мышления, о чем писал М.М. Бахтин.

В работе профессора Пенсильванского университета Нин Ю (Ning 2018) на примере анализа метафоры LIFE IS AN OPERA, характерной для китайской культуры, получил убедительное подтверждение тезис о культурной обусловленности когниции. Автор показывает, что метафора LIFE IS A PLAY, ставшая конвенциональной для всей европейской культуры и нашедшая словесное воплощение в знаменитой шекспировской фразе “*All the world is a stage*”, во многом обусловлена тем фактом, что основной формой представления в европейской культуре была пьеса. В китайской культуре данная метафора получила модификацию и формулируется как LIFE IS AN OPERA, что во многом обусловлено тем, что прототипом сценического представления в китайской культуре служит пекинская опера. Автор представляет подробный анализ концепта OPERA, имеющего сложную структуру и включающего целый комплекс компонентов, отражающих специфику традиционной пекинской оперы: либретто, постановка, музыка, исполнительское мастерство, телодвижения, оркестр, сцена, закулисы, реакция зрителей и т.д., каждый из которых может стать источником для метафорического представления различных событий и феноменов современной жизни в Китае, что и определяет ключевой статус данной метафоры в китайской культуре.

Анализ этих и других работ, посвященных этнокультурной специфике метафоры, позволяет заключить, что когнитивной основой процессов метафоризации является соответствие в опыте, обуславливающее способность нашего сознания концептуализировать одну сущность на основе ее аналогии с другой, освоенной в результате опыта взаимодействия с миром. А поскольку накопление этого опыта всегда осуществляется в рамках определенной культуры, процесс метафоризации всегда оказывается в той или иной мере культурно-обусловленным.

Следует признать, что в большинстве исследований, посвященных национально-культурной специфике метафоры, в фокусе внимания чаще всего оказываются концептуальные области источника метафоры, что находит отражение в терминологии: антропоморфная, зооморфная, метафора родства и т.д. Мы полагаем, что культурно-специфичный компонент оказывает влияние не только на выбор области-источника метафоры, но и на выбор области-цели, а также на метафорическую насыщенность текста и характер представления метафоры по признаку эксплицитности/имплицитности, что мы попытаемся показать в ходе анализа эмпирического материала.

3. Формы манифестации культурно-специфического в метафоре.

Результаты анализа эмпирического материала

Как показал анализ фактического материала, формы манифестации национально-культурной специфики метафоры могут быть различными. Прежде всего, обладая большим эмоциональным и экспрессивным потенциалом, метафора вносит значительный вклад в формирование этностиля коммуникации. Так, например, коммуникативный стиль народов Ближнего Востока

отличается повышенной степенью экспрессивности и эмоциональности, что кардинально отличает его от английского и американского коммуникативного стиля. Именно высокая степень эмоциональности и экспрессивности обуславливают высокую метафоричность коммуникативного стиля языков Ближнего Востока, на что указывают многие исследователи. А. Рибани, этнический сириец, эмигрировавший в США в молодом возрасте, сопоставляя англоязычный и сирийский коммуникативные стили, отмечал, что арабы считают английскую речь слишком педантичной и прозаичной, а представители англоязычной культуры находят речь арабов излишне высокопарной и эмоциональной, что нередко приводит к взаимному неудовольствию при общении. По мнению арабов, основной характеристикой речи должна быть поэзия, а не прозаическая точность (*Poetry, and not prosaic accuracy, must be the dominant feature of speech*). Давая характеристику ближневосточной речи, Рибани пишет:

“Just as the Oriental loves to flavour his food strongly and to dress in bright colours, so is he fond of metaphor, exaggeration and positiveness in speech” (Подобно тому, как представитель Востока любит обильно приправлять свою пищу пряностями, одеваться в яркие цвета, свою речь он также любит приправлять метафорой, преувеличением и позитивностью¹) (цитируется по: (Wierzbicka 2006: 27). Поэтому естественно ожидать, что тексты представителей этих культур отличаются высокой степенью метафоричности, что соответствует нормам ближневосточного этностиля. Для подтверждения сказанного обратимся к примерам из романов современного афганского писателя Халеда Хоссейни, ныне живущего в США и пишущего на английском языке

- (1) *When Mariam thought of this baby, her heart swelled inside of her. It swelled and swelled until all the loss, all the grief, all the loneliness and self-abasement of her life washed away* (Kh. Hosseini. *A Thousand Splendid Suns*).
- (2) *I loved him in that moment, loved him more than I'd ever loved anyone, and I wanted to tell them all that I was the snake in the grass, the monster of the lake* (Kh. Hosseini. *The Kite Runner*).
- (3) *Mariam lay on the couch, hands tucked between her knees, watched the whirlpool of snow twisting and spinning outside the window. She remembered Nana saying once that each snowflake was a sigh heaved by an aggrieved woman somewhere in the world. That all the sighs drifted up the sky, gathered into clouds, then broke into tiny pieces that fell silently on the people below. As a reminder of how women like us suffer, she'd said. How quietly we endure all that falls upon us* (Kh. Hosseini. *A Thousand Splendid Suns*).
- (4) *He's a boy, you see, and, as such, what does he care about reputation? But you? The reputation of a girl, especially one as pretty as you, is a delicate thing, Laila. Like a mynah bird in your hands. Slacken your grip and away it flies* (Kh. Hosseini. *A Thousand Splendid Suns*).

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л.К.

(5) *The wells ran even lower and the river dried, unlike Baba Ayub's anguish, a river that swelled and swelled with each passing day* (Kh. Hosseini. *And the Mountains Echoed*).

И хотя романы написаны на английском языке, автор стремится сохранить стиль ближневосточной культуры, уделяя особое внимание передаче эмоционального состояния своих героев и используя в качестве образности те образы сознания, которые были сформированы на базе родной культуры (*like a mynah bird* – пример № 4).

Полной противоположностью ближневосточной культурной традиции являются культурные нормы британского общества, предписывающие сдержанность в проявлении эмоций. Как известно, одним из ключевых слов британской культуры является *cool reason* (*здравый смысл*), отражающий основной принцип поведения в обществе – опора на здравый смысл и умеренность в проявлении эмоций. По словам К. Фокс, сдержанность (*moderation*) является одним из компонентов концепта *ENGLISHNESS* и означает стремление избегать экстремальности, излишеств и интенсивности в поведении, суждениях и проявлении эмоций (Fox 2014: 551). Проявление сдержанности в выражении эмоций связано с уважением к личному пространству и продиктовано принципом вежливости, которая воспитывается у англичан с раннего детства. Подтверждением сказанному может служить следующий отрывок из романа Яна Макьюэна «*Atonement*», в котором описывается поведение мальчиков-близнецов, испытывающих сильное эмоциональное потрясение и пытающихся скрыть свои чувства, следуя правилам вежливости, принятым в их обществе.

(6) *They stood about and Jackson said, 'I don't like it here'. The simplicity of the remark unhinged his brother who went by a wall and found something of interest in the skirting board which he worried with the tip of his shoe. Lola put her arm across his shoulder and said: 'We' ll be going home soon'. Her arm was much thinner than his mother's and Pierrot began to sob, but quietly, still mindful of being in a strange house where politeness was all* (I. McEwan. *Atonement*).

Нормы британской культуры предписывают сдержанность в проявлении эмоций даже в минуты скорби. Так, в следующем отрывке героиня рассказывает о том, что во время траурной церемонии она с ужасом осознает, что в глазах у нее наворачиваются слезы, и она отворачивается, чтобы скрыть это от окружающих. Тот факт, что это было замечено, вызывает у нее недовольство собой, поскольку это противоречит принятым в ее культуре нормам поведения.

(7) *'What a lovely guy, eh?' Raymond said, somewhat redundantly. I found, to my extreme consternation, that nascent tears were forming in my eyes, and I turned away to rub them before they could spill over. Annoyingly, Raymond, usually the least observant of men, had noticed* (G. Honeyman. *Eleanor Oliphant is Completely Fine*).

Характерным для понимания отношения англичан к проявлению эмоций является следующий короткий отрывок из романа А. Мердок. Описывая состояние своего героя в момент чрезвычайного эмоционального напряжения, автор пишет:

(8) *Huge emotions were working inside me and I was concentrated on keeping calm, staring at a motionless misty willow, at a seagull on a post* (I. Murdoch. *A Word Child*).

Вместо подробного описания переполняющих его эмоций персонаж сообщает о том, как он пытался их сдержать. Данная культурная норма не могла не повлиять на частотность использования метафор в передаче эмоций, которая, как показывают наблюдения, значительно ниже, чем, например, в русской лингвокультуре. Англичане скорее расскажут об эмоциональном состоянии другого человека, чем о своем собственном, что находит свое отражение в художественном тексте: метафоры эмоций гораздо чаще встречаются в авторском повествовании, чем в прямой или внутренней речи героев. Для русской культуры, в которой горячее сердце имеет гораздо большую ценность, чем здравый смысл (именно на этой черте русского характера основан призыв «*Голосуй сердцем*»), более характерно метафорическое представление эмоций, даже воспевание эмоций, особенно эмоций грусти, печали и горя, например: «*Горе ты горе, — соленое море! Ты и накормишь, ты и напоишь, ты и закружишь, ты и обслужишь!*» (М. Цветаева). *Зулейха не могла удержать боль внутри, и боль выплеснулась, затопила все вокруг — блестящую ангарскую воду, малахит берегов и холмов, утес, на котором стоит Зулейха, небосвод в белой пене облаков* (Г. Яхина. *Зулейха открывает глаза*).

Этнокультурная обусловленность метафоры находит свое отражение и в способах ее представления в тексте в плане ее эксплицитности/имплицитности. Если для ближневосточного этноста более характерно эксплицитное выражение метафорических смыслов, как было показано в приведенных выше примерах, то для японской лингвокультуры, отличающейся высокой степенью контекстной зависимости, более характерны имплицитные метафоры, для экспликации смысла которых требуется знание японского культурного контекста. Так, в предисловии к своему роману “*An Artist of the Floating World*” Казуо Исигуро пишет, что это — «самый японский из всех его романов». Хотя этот роман, как и все романы Казуо Исигуро, написан на английском языке, автор пишет в предисловии, что он стремился к тому, чтобы роман воспринимался читателями как перевод с японского. Для создания подобного эффекта он иногда буквально переводил японские выражения на английский язык для того, чтобы за английскими предложениями читатель мог почувствовать особенности японского этноста с присущей ему недосказанностью, имплицитностью представления смысла. Роман открывается следующим предложением:

(9) *If on a sunny day you climb the steep path from the little wooden bridge still referred to as 'The Bridge of Hesitation', you will not have to walk far before the roof of my house becomes visible between the tops of two **gingko trees*** (K. Ishiguro. *An Artist of the Floating World*).

Если читатель не знает о том, что гинкго билоба – дерево, существующее на земле на протяжении 300 миллионов лет и считающееся в Японии символом стойкости и долголетия, было первым растением, которое вернулось к жизни после взрыва атомной бомбы в Хиросиме, он не заметит имплицитного смысла данной артефактной в своей основе метафоры, которая является ключевой для всего романа, поскольку именно она передает доминантный смысл романа, повествующего о стойкости японской нации и трудном процессе ее восстановления после Второй мировой войны. Для японского читателя, знающего историю и культуру своей страны, данная метафора является достаточно понятной, а для представителя другой культуры, незнакомого с этим национальным символом, скрытый смысл данной метафоры может так и остаться незамеченным.

Следует признать, что наши наблюдения о степени метафорической насыщенности текста как показателе культурной специфики метафоры носят лишь предварительный характер, поскольку, во-первых, для повышения валидности таких выводов необходим сопоставительный количественный анализ метафор из текстов, написанных на *разных* языках, а, во-вторых, тем фактом, что метафорическая насыщенность текста обусловлена не только принадлежностью автора к той или иной культуре, но и особенностями его идиостиля.

Вторым способом манифестации этнокультурной детерминированности когниции являются те образы сознания, которые служат областью-источником метафоры. Такие факторы, как географические и климатические условия проживания, реалии высокой и бытовой культуры, принадлежность к той или иной религии, запечатленные в памяти и образах сознания, служат областью-источником метафор, окрашивая их в национально-специфические цвета. Так, особенности английского климата находят свое отражение в частотности использования образа дождя и ассоциативно связанных с ним образов в метафорике языка: Ср. ср. русское *Нет худа без добра* и английское *Ever cloud has a silver lining*; русское *Будь что будет* и английское *Rain or shine*. Примечательно, что в русской поговорке *Будь что будет* находит свое отражение специфика мировосприятия русских, вера в неизбежность судьбы, случая. Представитель русской культуры откладывает сбережения на *черный день*, а англичанин – на *дождливый (a rainy day)*. Метафора дождя нашла свое косвенное отражение (в результате принципа метафорической аттракции, в соответствии с которым центральный образ метафоры втягивает в свою сферу связанные с ним образы) и в таком лингвистическом термине, как *umbrella term (зонтиковый термин)*, которым определяется междисциплинарный характер когнитивной лингвистики. И в русском, и в английском языках

преодоление трудностей в жизни, сопротивление обстоятельствам ассоциируется с образом человека, преодолевающего водную стихию, но тот факт, что в русском сознании водное пространство ассоциируется прежде всего с рекой, а в английском – с морем, находит свое отражение в варьировании исходной метафоры: в русском языке – *плыть против течения (реки)*, в английском – *to swim against the tide (против морского прилива)*.

Как показывает анализ фактического материала, наибольшей частотностью в англоязычной культуре обладает морская метафора, включающая широкий спектр образов сознания, связанных с океаном, морем, его обитателями, водными средствами передвижения, артефактами и видами деятельности, связанными с морем, и т.д.

(10) *It was also that he'd dined at her home the previous night and if they wanted to keep matters on an even keel, then it was his turn to provide a meal for her* (E. George. Careless in Red).

(11) *But this admiral was a rare bird: always wanting to know what was going on at the docks, mediating in disputes, testing the political waters, questioning everything, missing nothing* (J. Moyes. The Ship of Brides).

(12) *Canada, being a cultural backwater, had not been swept away by the wave of Freudianism that washed over the United States in the fifties* (M. Atwood. Great Unexpectations).

При этом образы водной стихии и морские суда часто персонифицируются:

(13) *Oh blessed Northern Sea, a real sea with clean merciful tides...* (I. Murdoch. The Sea, the Sea).

(14) *The sea ran up the beach, indifferent and careless* (Elizabeth Buchan. Revenge of the Middle-Aged Woman)

(15) *Captain George Highfield was much given to fanciful thinking, but as he walked along the dry dock, staring up through the sea mist at the hulls of Victoria and her neighbours, he often allowed himself to think about the vessels as his fellows. Hard not to see them as suffering some kind of hurt, as having some kind of personality when they had allied themselves to you, given you their all, braved high seas and fierce fire* (J. Moyes. The Ship of Brides).

Морская метафора используется для описания различных объектов авторского описания в тексте:

(16) *I tell her about all the little sounds and smells and colours and lights and advertising and people and fashions and newspaper headlines that make up the noisy ocean of Tokyo* (R. Ozeki. A Tale for the Time Being).

(17) *He was an anomaly, a sport, a deviation from the mean. 'Fries his fish in a different pan' was the way people sometimes described him on the island* (R. Ozeki. A Tale for the Time Being).

Примеры (16), (17) взяты из романа американской писательницы японского происхождения Рут Озеки “*A Tale for the Time Being*”, действие

которого происходит в Британской Колумбии и Японии. Как показал анализ текста, в образах сознания, служащих сферой-источником большинства метафор, нашли свое отражение островное положение места действия, океан и его обитатели. Автор использует метафоры, созданные на основе этих образов, для описания атмосферы Токио (пример 16), для передачи характера нестандартной личности (пример 17).

При описании судьбы японской девочки в качестве ключевой метафоры романа автор использует образ рыбы, который многократно повторяется в тексте романа, реализуя при этом разные метафорические значения: ускользания смысла (пример 17), страха (пример 18), отваги, смелости (пример 19).

(17) *In Japan some words have kotodama which are spirits that live inside a word and give it a special power. The kotodama of NOW felt like a slippery fish, a slick fat tuna* (R. Ozeki. *A Tale for the Time Being*).

(18) *There was this weight in my stomach like a big cold fish dying just below my heart...* (R. Ozeki. *A Tale for the Time Being*)

(19) *So I walked into school that first day back, my heart was pounding, but the fish in my stomach felt strong and powerful* (R. Ozeki. *A Tale for the Time Being*).

Образ рыбы в животе является традиционным в японской культуре: в японском языке существует большая группа метафор гнева, сферой-источником которых служит концепт HARA (живот), имеющий важное значение для японской культуры (Matsuki 1995). Можно полагать, что значимость данного образа для японской культуры и его роль в передаче смысловой доминанты романа послужили основанием для использования данного образа в качестве заглавия при переводе романа на русский язык, хотя, несомненно, этот выбор продиктован и чрезвычайной трудностью перевода оригинального заглавия “*A Tale for the Time Being*”, в котором реализуются два значения сочетания *the time being*: *временное существо и for the time being – пока, на время*.

Национально-культурная специфика образов сознания наиболее четко выявляется при сопоставлении разных способов выражения одного и того же смысла, например, при сравнении способов выражения множества в разных культурах. Так, в англоязычной культуре наиболее частотным метафорическим средством выражения значения множества служит образ моря или океана.

(20) *I saw what he meant as we left the orchard behind us and entered an ocean of olive trees* (Peter Mayle. *A Good Year*).

(21) *...the American gangster would still have a vast ocean of dollars to launder* (F. Forsyth. *Avenger*).

(22) *I gave up on the “light sandwich lunch” almost straightaway. At least, I briefly tried sawing away at two loaves of bread – and ended up with huge, wonky slices, each one more misshapen than the last, lying in a sea of crumbs* (S. Kinsella. *The Undomestic Goddess*).

В русскоязычном сознании образ множества ассоциируется не только с морем или океаном (*океан эмоций, море улыбок, море цветов*), но также и с такими реалиями, как лес (*лес рук*), куча (*куча забот*), тьма (*тьма проблем*), менее характерными для англоязычного сознания. Примечательно, что использование образа леса в качестве источника метафоры в английском языке акцентирует не столько значение множества, сколько значение плотности объектов в пространстве:

(23) *I sat high on the seat in an empty carriage, and in fading daylight watched as the train slid past office blocks and out into **the forests of council flats** and snaking terrace houses of Vauxhall and Clapham* (B. Bryson. Notes from a Small Island).

Иные географические, климатические и другие условия проживания того или иного лингвокультурного сообщества формируют иную базу-источник метафорических образов.

(24) *Without the Thursday interludes the week is **as featureless as a desert*** (J.M. Coetzee. Disgrace).

Так описывает состояние своего персонажа южноафриканский писатель Дж. М. Кутзее (ныне гражданин Австралии) в своем романе “*Disgrace*”, используя при этом образ пустыни, что представляется вполне естественным, поскольку доминирующее положение в картине мира жителей африканского континента занимает именно этот образ.

В качестве сферы-источника для передачи значения множества могут служить и другие реалии культуры, как в следующем примере, в котором основой для передачи множественности послужил американский топоним *Manhattan*.

(25) *Gary turned on the light and surveyed the **Manhattan of books** before him* (S. Fry. The Liar).

Особый интерес для исследования этнокультурной специфики метафоры представляют собой тексты писателей-билингвов, в языковой картине мира которых сосуществуют как образы, сформированные на основе родной культуры, так и новые образы, формирующиеся в процессе усвоения новой культуры. Синкретизм языкового сознания билингва, совмещение в нем образов сознания взаимодействующих языков может находить отражение в тех метафорах, которые создаются в процессе речемыслительной деятельности билингва на новом языке. Описывая область-цель, билингв может использовать в качестве источника образы, сформированные на основе родного языка. В качестве примера приведем отрывок из романа американской писательницы китайского происхождения Эми Тэн.

(26) *When I saw the hills, I laughed and shuddered at the same time. **The peaks looked like giant fried fish heads trying to jump out of a vat of oil.** Behind each hill, I could see shadows of another fish, and then another and another* (Amy Tan. The Joy Luck Club).

В данном примере источником для сравнения, в основе которого, как мы отмечали, лежит тот же когнитивный механизм, что и у метафоры, служит традиционное блюдо китайской кухни.

При этом вполне естественен тот факт, что образы сознания, базирующиеся на основе чувственного, эмоционального опыта родной культуры, оказываются достаточно прочными и могут оживляться при освоении нового опыта. Так, И. Бродский в своем венецианском эссе, написанном на английском языке, использует для передачи значения множества образ Кремля:

(27) *On the red plush divans, around a small marble table with a kremlin of drinks and teapots on it, sat Wystan Auden* (I. Brodsky. Watermark).

В. Набоков, который признавался в одном из интервью, что «его английский – всего лишь эхо его русского», при описании внешности женщины использует в качестве источника метафоры традиционный для русского фольклора образ русалки:

(28) *Pnin, then a rising scholar and she, a more limpid mermaid than now but practically the same person, had met around 1925, in Paris* (V. Nabokov. Pnin).

Третий способ манифестации культурно-специфического в метафоре находит свое выражение в том, что, подобно области-источнику, объект метафорического описания (область-цель) также имеет значительную национально-культурную специфику. Как показывает сопоставительный анализ, в разных культурах прослеживаются четкие различия в выборе объектов метафорического описания. Хорошо известная всему миру любовь французов к хорошему вину и хорошей пище находит отражение в языке, что позволяет характеризовать французский язык как *the language of gastronomy*. Английский писатель Питер Мейл, который, как пишут в аннотациях к его книгам, “*eats, drinks, writes and lives in Provence*”, отмечал, что французы говорят о еде с такой же страстью, с какой представители других культур говорят о политике или спорте, и выразил это в афористической форме:

(29) *The religion of the French is food. And wine, of course* (P. Mayle. A Year in Provence).

Рассмотрим примеры метафорического описания гастрономических объектов, представленных в произведениях П. Мэйла. Так, рассказывая о своем посещении обеда в семье француза, автор торжественно описывает сцену появления тележки с нагруженными на нее блюдами праздничного обеда, используя для этого фразу «праздник, который всегда с тобой» (*a movable feast*), которая отсылает нас к известному роману Э. Хемингуэя с таким же названием, но в данном случае речь идет о празднике не столько для души, сколько для желудка:

(30) *And then, with a rumble of wheels, the Roussels' daughter, a more delicate version of her mother, emerged from the house with a movable feast –*

a trolley laden with slices of fat-dappled sausage, wedges of pizza, tapenade of squares of toasted bread, slivers of raw vegetables with an anchoiade dip, olives both green and black, radishes with white butter, and a thick earthenware terrine of thrush pâté, with the unfortunate bird's beak protruding from the dark meat (P. Mayle. A Good Year).

Ритуал принятия пищи, открывания бутылки вина нередко метафорически описывается как некое театральное представление:

(31) *The sommelier returned, and Charlie paused to watch him perform the opening ceremony* (P. Mayle. A Good Year).

Особое отношение французов к пище находит свое выражение и в том, что, подобно тому, как англичане персонифицируют водную стихию, французы так же часто персонифицируют пищу. Например:

(33) *Many of the wines are old and tired* (P. Mayle. A Good Year).

(34) *His face became serious as he stared into the dark red heart of his wine* (P. Mayle. A Good Year).

Хорошо известен и тот факт, что романтические отношения имеют не менее важное значение во французской культуре, чем еда, что позволяет характеризовать французский язык не только как *the language of gastronomy*, но и как *the language of romance* (Deutscher 2010: 2). Такая тесная взаимосвязь концептуальных областей ЕДА и ЛЮБОВЬ находит свое языковое воплощение в том, что гастрономические изыски нередко метафорически описываются языком романтических отношений в таких терминах, как *passionate, love at first sight, lasting love affair*, а романтические – в гастрономических терминах, т.е. область-источник и область-цель метафоры могут меняться местами.

Культурные нормы и традиции лингвокультурного сообщества во многом определяют выбор тех областей цели, которые становятся или, напротив, исключаются из объектов метафорического осмысления в той или иной культуре. Весьма характерной в этом плане является область интимных отношений. Проблемы секса и связанных с ним эмоций достаточно широко обсуждаются в рамках американской и некоторых западных культур (например, датской). В традиционной русской культуре, а также в большинстве восточных культур интимные отношения, как правило, не являются объектом подробного описания в тексте. Этот факт обуславливает широкое распространение метафор для описания данной области-цели в американской культуре и, напротив, их ограниченное употребление в русской культуре. Таким образом, особенности культуры оказывают влияние не только на выбор области-источника метафоры, но и на выбор области-цели метафорического описания.

4. Заключение

В основу проведенного исследования, выполненного с позиции когнитивно-культурологического подхода, положен тезис об этнокультурной

детерминированности когниции и множестве способов ее манифестации в языке. Выдвинув гипотезу о том, что этнокультурная обусловленность когниции находит свое наиболее полное отражение в метафоре, используя при этом различные формы своей манифестации в тексте, мы ставили своей задачей выявление и описание этих форм. Анализ значительного корпуса фактического материала, проведенного с использованием комплекса методов исследования, включающих концептуальный, сопоставительный лингвокультурологический и контекстологический виды анализа, позволил выявить и охарактеризовать три основные формы манифестации культурно-специфического в метафоре: степень метафорической насыщенности текста и способ репрезентации метафоры в аспекте эксплицитности/имплицитности; этнокультурная специфика образов сознания, служащих областью-источником метафор, а также выбор концептуальной сферы-цели метафоры, обусловленный традиционными культурными ценностями, характерными для того или иного лингвокультурного сообщества.

Заключая, отметим, что в статье лишь частично освещен такой важный аспект этнокультурной специфики метафоры, как специфика метафорического мышления билингвальной языковой личности, не рассмотрен вопрос о судьбе национально-специфических метафор при переводе. Эти и другие вопросы, связанные с изучением метафоры в когнитивно-культурологическом ракурсе, заслуживают подробного рассмотрения и тем самым очерчивают перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

© Lyubov Kozlova, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляева-Станден Е.И. Межкультурная прагматика совета – русско-американский диалог: Почему ты меня все время критикуешь? *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты*. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 305–319. [Belyava-Standen, Elena. 2004. Mezhhkul'turnaya pragmatika soveta – russko-amerikanskij dialog: 'Pochemu ty menya vsyo vremya kritikuesh'? (Intercultural pragmatics of giving advice – Russian-American Dialogue: “Why are you always critical of me?”) In Natalia Ufimtseva et al. (eds.), *Yazykovoe soznanie: Teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 305–319. Moscow; Barnaul: Altai State University Publishing.].
- Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике языковых единиц *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4. С. 44–50. [Belyaevskaya, Elena. 2007. Kul'turologicheskaya informaciya v semantike yazykovyh edinic (Cultural information in natural language semantics). *Issues of Cognitive Linguistics* 4. 44–50].
- Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Russian Journal of*

- Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 844–873. [Bogdanova, Ludmila. 2018. Evaluative senses in Russian grammar (on the basis of verbs of emotional attitude). *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 844–873.] DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873.
- Болдырев Н.Н. *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Boldirev, Nikolay. 2018. *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow: LRC Publishing house].
- Бочегова Н.Н. Национально-культурная специфика художественного текста и способы ее выражения *Studia Linguistica. Перспективные направления современной лингвистики*. Вып. XII. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 242–252. [Bochegova, Natalia. 2003. Nacional'no-kul'turnaya specifika hudozhestvennogo teksta i sposoby ee vyrazheniya (Ethnic cultural features in fiction texts and means of its rendering). *Studia Linguistica. Perspektivnye napravleniya sovremennoj lingvistiki* Vol. XII. 242–252. St. Petersburg, Herzen Russian State Pedagogical University].
- Будаев Э.В. 2007. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte> (дата обращения: 06.05.2020). [Budaev, Eduard. 2007. Politicheskaya metafora v lingvokulturologicheskom aspekte (Political metaphor in linguocultural aspect). URL: retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte> (accessed 06 May 2020)].
- Будаев Э.В. *Сопоставительная политическая метафорология*. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. [Budaev Eduard 2010. *Sopostavitel'naya Politicheskaya Metaforologiya (Comparative Studies of Political Metaphor)*. Avtoref. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg].
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) *Филологический класс*. 2020. 25 (2). С. 103–113. [Budaev, Eduard & Anatoly Chudinov. 2020. Contemporary Russian Political Metaphorology (2011–2020). *Philological Class* 25 (2). 103–113.] DOI: 10.26170/FK20-02-09.
- Виноградов В.А. Классификационные типы в движении *Res Linguistica: сборник статей к 60-летию профессора В.П. Нерознака*. Москва: Academia, 1999. С. 420–423. [Vinogradov, Viktor. 1999. Klassifikacionnye tipy v dvizhenii (Classification types in movement). *Res Linguistica: sbornik statej k 60-letiyu professora V.P. Neroznaka*, 420–423. Moscow: Academia].
- Виноградов В.В. *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*. Москва: Наука, 2000. [Vinogradov, Viktor. 2000. *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka (The Language of Alexander Pushkin: Pushkin and the History of the Russian Literary Language)*. Moscow: Nauka].
- Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа *Язык как средство трансляции культуры*. Москва: Наука, 2000. С. 54–68. [Gak, Vladimir. 2000. Yazyk kak forma samovyrazheniya naroda (Language as means of a nation's self-expressing). In M.V. Eschich et al. (eds.), *Yazyk kak sredstvo translyacii kul'tury*, 54–68. Moscow: Nauka].
- Гумбольдт фон В. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. под ред. и с предисл. д-ра филол. н., проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. Москва: Прогресс, 2000. [Humboldt, Wilhelm, von. 2000. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu (Selected Papers in Linguistics)*. In G.V. Ramishvili (eds.), Moscow: Progress].
- Дехнич О.В. Культурная когниция и метафора: теоретические наброски западной теории *Когнитивные исследования языка*. Вып. XXXIV. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова: Неолит, 2018. С. 120–122. [Dekhnic, Olga. 2018. Cultural Cognition and Metaphor: Theoretical Sketches of Western Theory. *Cognitive Studies of Language* Vol. XXXIV. 120–122. Moscow Lomonosov State University].

- Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии *Вопросы языкознания*. 1997. № 6. С. 37–48. [Dobrovol'skij, Dmitry. 1997. Nacional'no-kul'turnaya specifika vo frazeologii (Ethnic cultural peculiarities in phraseology). *Voprosy yazykoznanija* 6. 37–48].
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005. [Zalizniak, Anna, Levontina, Irina & Alexey Šmelev. 2005. *Ključevye idei russkoj jazikovoy kartiny mira (Key Ideas of the Russian Language Picture of the World)*. Moscow: Jaziki slavyanskoj kul'tury Publ.].
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира: монография*. Москва: Языки славянской культуры, 2012. [Zalizniak, Anna, Levontina, Irina & Alexey Šmelev. 2012. *Konstanty i peremennye russkoj jazikovoy kartiny mira (Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World)*. Moscow: Jaziki slavyanskoj kul'tury Publ.].
- Зыкова И.В. *Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения*. Москва: Ленанд, 2015. [Zyкова, Irina. 2015. *Konceptosfera kul'tury i frazeologija: Teoriya i metody lingvokul'turologičeskogo izučeniya (Conceptual Framework of Culture and Phraseology: Theory and Methodology of Theoretical Studies)*. Moscow: Lenand].
- Иванова С.В. *Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм*. Уфа: РИО БашГУ, 2004. [Ivanova, Svetlana. 2004. *Lingvokul'turologija i lingvokognitologija: sopryazhenie paradigm (Cultural and Cognitive Linguistics: Blending of the Two Paradigms)*. Ufa: Bashkir State University Publ.].
- Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 821–843. [Ivanova, Svetlana, & Zulfira Chanysheva. 2018. Slovo v kontekste kulturno-istoričeskogo universuma: na primere političeskogo diskursa SSHA (A Word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse). *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 821–843]. DOI: 22363/2312-9182-22-4-821–843.
- Кабакова Г.И. Французская этнолингвистика: проблематика и методология *Вопросы языкознания*. 1993. № 6. С. 100–113. [Kabakova, Galina. 1993. Frantsuzskaya etnolingvistika: problematika i metodologija (French ethnolinguistics: problems and methodology). *Voprosy yazykoznanija* 6. 100–113].
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография. Изд 2-е, испр. и доп. Барнаул: АлтГПА, 2012. [Kozlova, Lyubov. 2012. *Etnokul'turnyj potencial grammatičeskogo stroja yazyka i ego realizacija v grammatike govoryashčego (Ethnic cultural potential of the grammar of a language and its actualization in the speaker's grammar)*. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Publ.].
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 4. С. 874–894. [Kozlova, Lyubov. 2018. The ethnocultural potential of voice forms and its discourse actualization. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 874–894] DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.
- Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2007. Т. 66. № 3. С. 3–17. [Larina, Tatiana. 2007. Etnostilistika v ee kommunikativnom aspekte (Ethnostylistics in communicative perspective). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language* 66 (3). 3–17].

- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Языки славянских культур, 2009. [Larina, Tatiana. 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij (Politeness and Communicative Styles: Comparison of English and Russian Culture Traditions)*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ.].
- Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации: учебник для студ. учреждений высш. образования*. Москва: Издательский центр «Академия», 2017. [Larina, Tatiana. 2017. *Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii (Intercultural Communication)*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija»].
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Свобода личности как конституирующий компонент английского дискурса. *Известия Южного Федерального университета. Филологические науки*. 2017. № 2. С. 160–172. [Larina, Tatiana & Vladimir Ozyumenko. 2017. Personal freedom as a constitutive element of English discourse. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* 2. 160–172].
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. Москва: Русские словари, 1996. С. 5–32. [Paducheva, Elena. 1996. Fenomen Anny Vezhbickoj. In Maksim Krongauz (eds.), A. Wierzbicka. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkie slovari].
- Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Пер. с англ. Москва: Прогресс–Универс, 1993. [Sapir, Edward. 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii (Selected Papers in Linguistics and Culture Studies)*. Moscow: Progress–Univers].
- Соссюр де Ф. *Труды по языкознанию*. Перевод с французского под редакцией А.А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977. [Saussure, Ferdinand, de. 1977. *Trudy po yazykoznaniju (Papers in Linguistics)*. Moscow: Progress Publ.].
- Стоянова Е. *Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации*. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. [Stoyanova, Elena. 2013. *Metafora skvoz' prizmu lingvokul'turnoj situacii (Metaphor in the Light of Linguocultural Context)*. Shumen: Universitetsko izd-vo «Episkop Konstantin Preslavski»].
- Телия В.Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и культурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры, 1996. [Teliya, Veronika. 1996. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i kul'turologicheskij aspekty (Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Cultural Aspects)*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury].
- Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana. 2000. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya (Language and Intercultural Communication)*. Moscow: Slovo Publ.].
- Толстой Н.И. *Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: Индрик, 1995. [Tolstoj, Nikita. 1995. *Yazyk i narodnaya kul'tura: Oчерки po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike (Language and Folk Culture: Essays in Slavic Mythology and Ethnolinguistics)*. Moscow: Indrik Publ.].
- Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001 [Chudinov, Anatoly. 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000) (Russia in the Mirror of Metaphor: Cognitive Study of Political Metaphor)*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical Institute].
- Bartmiński, Jerzy. 2017. Ethnolinguistics in the year of 2016. *Etnolingwistyka* 28. 9–31. DOI: 10.17951/et.2016.28.7.

- Deignan, Alice. 2003. Metaphorical expressions and culture: An indirect link. *Metaphor and Symbol* 18 (4). 255–271.
- Deutscher, Guy. 2010. *Through the Language Glass, Why the World Looks Different in Other Languages*. New York: Metropolitan books, Henry Holt and Company.
- Enfield, Nick, F. 2004. Ethnosyntax: Introduction. In Enfield, Nick, F (eds.), *Ethnosyntax: explorations in grammar and culture*, 1–30. Oxford: Oxford University Press.
- Everett, Daniel L. 2013. *Language – the Cultural Tool*. London: Profile Books.
- Fauconnier, Gilles & Mark Turner. 1998. Conceptual integration networks. *Cognitive Science* 22. 133–187.
- Fox, Kate. 2014. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. Londod.: Hodder & Stoughton.
- Goddard, Cliff. 2004. Ethnosyntax, ethnopragmatics, sign-functions, and culture. In Nick L. Enfield (eds.), *Ethnosyntax. explorations in grammar and culture* 52–73. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff. 2006. Ethnopragmatics: a new paradigm: Ethnopragmatics. In Cliff Goddard (eds.), *Understanding discourse in cultural context* 1–20. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kövecses, Zoltán. 2005. *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2010. A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics. *Cognitive Linguistics* 21(4). 663–697.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, Chicago University Press.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics. Special issue: Communicative styles and genres* 7 (5). 195–215.
- Matsuki, Keiko. 1995. Metaphors of anger in Japanese. In J. Taylor & R.E. Maclauray (eds.), *Language and the Cognitive Construal of the World*, 137–151. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Musolff, Andreas. 2004. Metaphor and conceptual evolution. *Metaphoric de* 7. 55–75.
- Musolff, Andreas. 2019. Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 23–39. DOI:10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.
- Palmer, Gary B. 1996. *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin: University of Texas Press.
- Sharifian, Farzad. 2011. *Cultural Conceptualizations and Language. Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Sharifian, Farzad. 2012. Linguistic theory and cultural conceptualizations. *Journal of Language, Culture, and Translation* 1 (3). 93–110.
- Sharifian, Farzad. 2017. Cultural linguistics *Ethnolinguistic* 28. 33–61. DOI: 10.17951/et.2016.28.31.
- Sharifian, Farzad F., & Palmer, Gary B. (eds.). 2007. *Applied Cultural Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Steen, Gerald J. & Gibbs, Raymond W. 1997. Introduction. In Gerald D. Steen & Raymond W. Gibbs (eds.), *Metaphor in cognitive linguistics. Selected papers from the fifth international cognitive linguistics conference*, 1–8. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Sweetser, Eve & Gilles Fauconnier. 1996. Cognitive links and domains: basic aspects of mental space theory. In Eve Sweetser & Gilles Fauconnier (eds.), *Spaces, worlds, and grammar*, 1–28. Chicago: The University of Chicago Press.
- Turner, Mark & Gilles Fauconnier. 1995. Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and Symbolic Activity* 10 (3). 183–203.
- Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantics, Culture and Cognition*. Oxford: Oxford University Press

- Wierzbicka, Anna. 2003/1991. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. 2006. *English. Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2010. Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords. *Intercultural Pragmatics* 7 (1). 1–23.
- Yu, Ning. 2018. LIFE as OPERA. A Cultural Metaphor in Chinese. In Sharifian, Farzad (eds.), *Advances in cultural linguistics*, 65–87. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-10-4056-6_4.

Словари и электронные ресурсы / Dictionaries and Internet Resources

Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. Москва: Русский язык, 1993.

Список источников эмпирического материала/ Empirical Material Resources

- Atwood, Margaret. 1981. *Bodily Harm*. Toronto: Seal Books.
- Atwood, Margaret. 1982. *Lady Oracle*. London: Virago Press.
- Atwood, Margaret. 1988. *Great Unexpectations* In Van Spanckeren and Castro (ed.) *Margaret Atwood. Vision and Form*. Carbondale and Edwardville: Southern Illinois University Press, xii – xvi.
- Brodsky, Joseph. 2005. *Watermark*. St. Petersburg: Azbooka Publishing House.
- Bryson, Bill. 1998. *Notes from a Small Island*. London: Black Swan.
- Buchan, Elizabeth. 2002. *Revenge of the Middle-Aged Woman*. London: Penguin Books.
- Buchan, Elizabeth. 2010. *Wives Behaving Badly*. London: Penguin Books.
- Coetzee, John Michael. 1980. *Waiting for the Barbarians*. London: Penguin Books.
- Coetzee, John Michael. 2000. *Disgrace*. London: Penguin Books.
- Coetzee, John Michael. 2010. *Summertime: Scenes from Provincial Life*. London: Vintage Books.
- Forsyth, Frederick. 2003. *Avenger*. London: Gorgi Books.
- Fry, Stephen. 1997. *The Liar*. London: Arrow Books.
- George, Elizabeth. 2009. *Careless in Red*. London: Hodder & Stoughton.
- Gail, Honeyman. 2017. *Eleanor Oliphant is Completely Fine*. London: Harper Cillins Publishers
- Hosseini, Khaled. 2003. *The Kite Runner*. New York: Riverhead Books.
- Hosseini, Khaled. 2008. *A Thousand Splendid Suns*. New York: Riverhead Books.
- Hosseini, Khaled. 2013. *And the Mountains Echoed*. New York: Riverhead Books.
- Ishiguro, Kazuo. 1982. *A Pale View of Hills*. London: Faber & Faber Limited.
- Ishiguro, Kazuo. 1986. *An Artist of the Floating World*. London: Faber & Faber Limited.
- Ishiguro, Kazuo. 2000. *When We were Orphans*. London: Faber & Faber Limited.
- Kinsella, Sophie. 2006. *The Undomestic Goddess*. London: Black Swan.
- Lindberg, Anne Morrow. 1955. *A Gift from the Sea*. New York: Pantheon Books.
- Mayle, Peter. 1991. *A Year in Provence*. New York: Vintage Books.
- Mayle, Peter. 2000. *Encore Provence*. London: Penguin Books.
- Mayle, Peter. 2004. *A Good Year*. New York: Alfred A.Knopf.
- McEwan, Ian. 2007. *Atonement*. London, Vintage Books.
- Moyes, Jojo. 2005. *The Ship of Brides*. London: Hodder & Stoughton.
- Murdoch, Iris. 1975. *A Word Child*. London: Chato & Windus.
- Murdoch, Iris. 1978. *The Sea, The Sea*. London: Penguin Books.

- Nabokov, Vladimir. 1990. *Prin In Vladimir Nabokov. Selected Prose and Verse*. Moscow: Raduga Publishers.
- Ozeki, Ruth. 2013. *A Tale for the Time Being*. Edinburgh – London: Canongate.
- Roberts, Gregory David. 2004. *Shantaram*. London: Abacus.
- Tan, Amy. 1989. *The Joy Luck Club*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Tan, Amy. 2006. *The Kitchen God's Wife*. London: Penguin Books.

Article history:

Received: 30 June 2020

Revised: 15 October 2020

Accepted: 17 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июня 2020

Дата принятия к печати: 17 октября 2020

Bionote:

Lyubov KOZLOVA is Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor at Altai State Pedagogical University. Her research interests embrace cognitive semantics, ethnolinguistics, intercultural communication, and comparative typology.

Contact information:

Altai State Pedagogical University.

55 Molodyezhnaya street, Barnaul, Russia, 656031

e-mail: lyubovkozlova@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-0247-3843

Сведения об авторе:

Любовь Александровна КОЗЛОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: когнитивная семантика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, сравнительная типология.

Контактная информация:

Алтайский государственный педагогический университет

656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

e-mail: lyubovkozlova@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-0247-3843

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-926-944

Research article

Cross-cultural communication – lost in translation: A corpus study

Irina KONONENKO

University of Warsaw
Warsaw, Poland

Abstract

The article is devoted to cross-cultural communication and its implementation in Polish translations of Russian fiction. Nowadays, both the study of national specifics relating to the worldviews of speakers of different languages, and the analysis of the way those worldviews are reflected in translation, are becoming more relevant. This article aims to study the properties of cross-cultural dialogue, which is mirrored in parallel fictional texts. The research material came from the Russian-Polish corpus. The analysis indicates that nationally specific features can manifest themselves on different levels of the language system – in vocabulary, phraseology, word formation, morphology, and syntax. The translation of sentences which include units representative of the Russian linguistic worldview demonstrates both cross-cultural successes and failures (omission of elements symbolic of Russian culture, their inaccurate interpretation or replacement with items typical of the Polish worldview). The existing printed and electronic dictionaries, as well as online translators, do not fully meet current requirements, including those related to conveying Russian cultural and linguistic senses by means of the Polish language. The practice of translating literary works from Russian into Polish demonstrates the need for further investigation of the worldviews of both nations.

Keywords: *cross-cultural communication, worldview, Russian, Polish, translation, corpus*

For citation:

Kononenko, Irina. 2020. Cross-cultural communication – lost in translation: A corpus study. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 926–944. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-926-944

Научная статья

Кросскультурная коммуникация и трудности перевода: корпусное исследование

И.В. КОНОНЕНКО

Варшавский университет
Варшава, Польша

Аннотация

Статья посвящена вопросам кросскультурной коммуникации и ее реализации в переводах произведений русской художественной литературы на польский язык. Актуальным представляется как исследование специфики, проявляемой в картинах мира носителей разных языков,

так и анализ отражения национального мировосприятия при переводе. Целью статьи является изучение особенностей межкультурного диалога, отображенного в параллельных художественных текстах. Материалом исследования послужил русско-польский корпус. Исследование показало, что национально ориентированная специфика может проявлять себя на разных уровнях языковой системы – в лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии, синтаксисе. Перевод предложений, включающих репрезентативные для русской языковой картины мира единицы, демонстрирует как кросскультурные успехи, так и неудачи, заключающиеся в опущении при переводе знаковых для русской культуры элементов, неадекватной их передаче, замене на единицы, типичные для польского мировосприятия. Существующие печатные и электронные словари, а также онлайн-переводчики не в полной мере отвечают современным требованиям, в том числе связанным с передачей средствами польского языка русских культурно-языковых явлений. Практика перевода литературных произведений с русского языка на польский демонстрирует необходимость дальнейшего изучения картин мира обоих народов.

Ключевые слова: *кросскультурная коммуникация, картина мира, русский, польский, перевод, корпус*

Для цитирования:

Кононенко И.В. Кросскультурная коммуникация и трудности перевода: корпусное исследование. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 926–944. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-926-944

1. Введение. Постановка проблемы

Проблемы кросскультурной коммуникации находятся сегодня в центре исследований в области лингвистики, психологии, культурологии, философии, социологии. Закономерным представляется междисциплинарный характер изучения данного явления, тесно связанного с национально-культурной принадлежностью участников процесса коммуникации (Грушевицкая, Попков, Садохин 2010, Куликова 2011, Татарко, Лебедева 2011, Тер-Минасова 2000, Фрик 2011, Blum-Kulka, House & Gabriel 1989, Gladkova & Larina 2018, Gudykunst 2003, Kusio 2011, Magała 2011). При этом часть лингвистов отождествляет термины «кросс-культурная коммуникация» и «межкультурная коммуникация» (Бацевич, Богданович 2011: 110–111, Недосека 2011, Юрьева 2015), часть языковедов различает данные понятия (Larina 2015, Персикова 2007, Tannen 1990). В представленной статье упомянутые термины употребляются как синонимы. Кросскультурная (межкультурная) коммуникация предполагает устный или письменный диалог представителей разных культур (Guirdham 1999, Guławska-Gawkowska & Zeldowicz 2013, Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017, Szopski 2005, Wierzbicka 2003).

Теория межкультурного контакта взаимосвязана с исследованиями в области языковой картины мира. Истоки учения о картине мира восходят к идеям В. фон Гумбольдта, считавшего, что культура народа через посредство языка влияет на формирование мировосприятия индивида (Гумбольдт 1985: 372). В современной лингвистике языковая картина мира рассматривается как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений данного языка» (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9). Национальная

картина мира реализуется в явлениях языка и речи, в том числе художественной (Кононенко 2006, Корнилов 2003, Снитко, Кулинич 2005, Bartmiński 2012, Wierzbicka 2006). Изучение способов передачи культурно-языковых феноменов при переводе предполагает научно обоснованный отбор исходных единиц – показательных для картины мира (в данном случае – русской) ключевых слов, возникших на национальной почве фразеологических оборотов, единиц со своеобразными морфемными и грамматическими характеристиками, контекстуально обусловленных употреблений.

Представляется актуальным как исследование специфики, проявляемой в картинах мира носителей разных языков, так и анализ отражения национального мировосприятия при переводе. Предлагаемая статья посвящена вопросам кросскультурной коммуникации в переводах произведений русской художественной литературы на польский язык на материале Параллельного русско-польского корпуса (PRRPKR). Такое исследование проведено впервые. При передаче текстов как феноменов культуры переводчик с русского язык на польский сталкивается с двумя противоречащими задачами. С одной стороны, перевод должен отображать специфику русской картины мира, с другой стороны, необходимо адаптировать текст с учетом мировосприятия польского читателя. Таким образом, переводчик выступает в роли посредника в межкультурном диалоге между автором произведения русской литературы и польским адресатом.

Переводы литературных текстов являются важным звеном в налаживании межкультурного диалога (Гарбовский 2004, Емельянова 2010, Оболенская 2016, Сдобников 2019, Munday 2008, Рум 2008, Urbanek 2004). В современной Польше русский язык изучают в средней и высшей школе. В списке произведений в школьной программе литературы – «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, рассказы А. Чехова. Неоднократно были изданы переводы на польский язык русской классической литературы. Из современных авторов в Польше переводят произведения Б. Акунина, А. Марининой, Л. Петрушевской и др. Вместе с тем переводы многих значимых произведений до сих пор не осуществлены, часть переводов нуждается в обновлении, в том числе с учетом повышения эффективности кросскультурной коммуникации.

Несмотря на многолетнюю традицию создания русско-польских и польско-русских словарей разного типа, лексикографические издания не в полной мере отвечают современным требованиям, в частности, связанным с передачей средствами другого языка культурно-языковых феноменов. Не «справляются» с данными задачами и двуязычные онлайн-переводчики. В представленной статье будет, в частности, рассмотрено, насколько существующие словари разного типа и электронные переводчики помогают или не помогают переводчику литературных произведений в установлении межкультурного контакта.

Предметом данного исследования являются соответствия между русскими языковыми единицами (словами, фразеологизмами, словосочетаниями) и их польскими аналогами в текстах переводов, представленных в русско-польском корпусе. Целью статьи является осуществление сопоставительного анализа русского языкового материала и его отображения в переводах на польский язык с позиций реализации кросскультурной коммуникации.

Изучение перевода предложений из русских художественных произведений на польский язык базируется на материале Параллельного русско-польского корпуса. Данный корпус является электронным собранием текстов русской литературы (классической и современной) и их переводов на польский язык, а также текстов польской литературы и их переводов на русский язык. В системе поиска корпуса можно вписать интересующее слово или словоформу и «получить» предложения с данной единицей на языке оригинала и перевод этих предложений (Łaziński & Kuratczyk 2016). Таким образом, параллельный корпус двух языков может служить источником информации об адекватности или неадекватности в кросскультурной коммуникации. Дополнительным материалом послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Национального корпуса польского языка (НКJP), русско-польского онлайн-переводчика (РПОП), электронных и печатных словарей и др. Применяются сопоставительный, описательный, статистический методы исследования, а также метод компонентного анализа.

Национально ориентированная специфика проявляет себя на разных уровнях языковой системы, приоритетными из которых являются лексика и фразеология. Рассмотрим особенности перевода русских единиц, представляющих соответствующие уровни языковой системы, на польский язык в аспекте адекватности межкультурного диалога.

2. Лексический уровень

Как известно, русский и польский языки генетически восходят к одному источнику – праславянскому языку. Особенности славянского языкового мира во многом связаны с длительным этапом одного цивилизационного направления. На уровне лексики ментальные образы проявляются, в частности, в развитии тематических и лексико-семантических групп слов. Одной из наиболее древней в разных языках, в том числе в русском и польском, выступает лексико-семантическая группа «семья». Наименования ближайших родственников в русском и польском языках сближены по звучанию и по основному значению, ср.: *мать* // *matka*, *отец* // *ojciec*, *брат* // *brat*, *сестра* // *siostra*, *сын* // *syn*, *внук* // *wnuk*, *внучка* // *wnuczka*, ср.: *дочь* // *córka* (Antoniuk, Kononenko, Mytnik, Mela-Cullen, Roguska, Szafernarko-Świrko & Wasiak 2019: 54–61). При этом ментальные наслоения, связанные с данной группой, у русских и поляков во многом различаются. Так, распространенной чертой русского психотипа, в отличие от польского, является подсознательное

восприятие представителей окружающего социума (земляков, односельчан, соседей и под.) как членов одной семьи, в связи с чем в разговорной речи возможно использование номинаций ближайших родственников для обращения к знакомым или даже к незнакомым людям (Бурас, Кронгауз 2013: 122–123, Левонтина 2005: 239–240), напр.:

(1) *Отец*, выходишь на следующей остановке?

В польской среде наблюдается дистанцирование отношений между людьми, что находит отражение в языке и речи. Скажем, употребление составного наименования *siostra medyczna* ‘медицинская сестра’ вызвало несколько лет тому назад общественную дискуссию. Представительницы этой специальности возражали, чтобы их хотя бы ассоциативно отождествляли с родственницами. В 2011 году была проведена Общепольская акция «Только мой брат обращается ко мне – сестра» («Tylko mój brat mówi do mnie siostrze») (Rożko & Pruszyński 2012). В результате наименование *siostra medyczna* было исключено из списка специальностей и вышло из употребления. Вместо ставшего, таким образом, устаревшим составного сочетания *siostra medyczna* стало употребляться слово *pielęgniarka*, хотя *pielęgniarka* – это не только ‘медицинская сестра’, но и ‘санитарка’, ‘сиделка’, ‘няня’, что создает определенные неудобства в процессе коммуникации.

В польском языке в любой ситуации употребляются официальные обращения *pan* и *pani*. Например, принято, чтобы подобным образом преподаватель обращался к ученику старших классов или к студенту:

(2) *Panie Janie*, proszę odpowiadać.

При этом обращения типа *synku*, *bracie*, хотя и ограниченно, употреблялись в польской литературе XIX – первой половины XX вв., ср.:

(3) – Jedź, *bracie*, bo nic innego nie dostaniesz – zachęcał go Felek, ale bezskutecznie (J. Korczak).

Это дало возможность включения подобных обращений в тексты переводов классических произведений с русского на польский язык, напр.:

(4) Видали, *брат!* (Л. Толстой) // Nie powinna, *bracie!*

Однако при переводе, особенно более современных, произведений русское обращение *брат* в польском эквивалентном тексте нередко меняется на сочетание *mój drogi* или вообще опускается (т. наз. нулевой перевод), ср.:

(5) – А я, *брат*, продолжаю не постигать, – задумчиво заметил генерал... (Ф. Достоевский) // – А ja, *mój drogi*, wciąż nie mogę tego pojąć – odezwał się zamyślony generał...

(6) Такой кабак и бедлант развели, что чертям, *брат*, тошно, не разбери-бери что! (Б. Пастернак) // Zrobiliśmy taki bajzel i bałagan, że sam diabeł się nie połąpie – a jakże!

Появление тех или иных номинаций в каждом национальном языке зависит от того, какие явления важны для данного социума. Продолжая тему перевода наименований родственников, важно заметить, что в польском языке акцентируется особое внимание на линиях кровного родства; в частности, последовательно разграничиваются члены семьи по линии матери и отца, брата и сестры, напр.: *siostrzeniec* ‘племянник – сын сестры’, *brat cioteczny* ‘двоюродный брат со стороны тети’ и др. При этом русским словам *теща*, *свекровь* соответствует в польском языке только одно слово – *teściowa* (слово *świekra* существовало, но сегодня оно воспринимается как устаревшее) (Кононенко 2015: 436), что необходимо учитывать при переводе. Возникают проблемы перевода и такого, казалось бы, простого русского слова *дядя* (в том числе во вторичных значениях). В польском языке употребляются слова *stryj* – ‘брат отца’ и *wujek (wuj)* – ‘брат матери, реже – отца, муж сестры матери или отца’, временами – это ‘любой далекий родственник’; существуют также уменьшительные формы *wujcio*, *wujaszek*. Таким образом, переводчик должен четко ориентироваться в семейных линиях образов художественного произведения, ср.:

(7) Дядя Каренин, важный чиновник и когда-то любимец покойного императора, воспитал их (Л. Толстой) // *Stryj, wysoki urzędnik, niegdyś faworyt nieboszczyka cesarza, wychował obu bratanków.*

(8) Давеча утром дядя твой застрелился! (Ф. Достоевский) // *Dziś rano twój wujaszek popełnił samobójstwo!*

Показательно, что традиционным для Польши переводом названия пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» является «*Wujaszek Wania*». Удачным примером эквивалента слова *дядя* с обобщающим значением является лексема *krewniak* ‘родственник’:

(9) – Пойдем, – говорили некоторые, – право-слово пойдем: что он нам, дядя, что ли (И. Гончаров) // *Chodźmy – mówili niektórzy – dalibóg, chodźmy, co on nam, krewniak czy co?*

Проблематичным для переводчика русского произведения на польский язык является подбор идентичного слова к лексеме *дядя* в значениях ‘знакомый мужчина’ или ‘незнакомый мужчина’. В нейтральном слове *pan* теряется просторечный характер русского употребления, ср.:

(10) – Работы много, – объяснил дядя Коля (В. Ерофеев) // – *Mam dużo pracy – wyjaśnił pan Kola.*

Слово *wujek* в значении ‘знакомый’ эпизодически встречается в современном польском просторечии. И хотя данная лексема редко употребляется при обращении, именно она представляется наиболее адекватной при переводе:

(11) А к вам, дядя Харитоныч, видать, влево, прочь от реки? (Б. Пастернак) // *A do was, wujku Charitonyczu, chyba na lewo od rzeki?*

Вместе с тем русский и польский языки имеют длинный ряд слов одного происхождения с подобными ментальными ассоциациями (культурные универсалии). Скажем, одинаковые переносные значения имеют такие слова, как *баран* // *baran*, *свинья* // *świnia*, *орел* // *orzeł*, *кукушка* // *kukulka* и др. При этом во многом существенно различается, например, использование уменьшительных анималистических номинаций для обращений к детям, любимым, членам семьи. В русском и польском языках, как и в других славянских, с этой целью могут употребляться слова *котик* // *kotek*, *рыбка* // *rybka*. Но сходства на этом заканчиваются. Как показывают данные Национального корпуса русского языка, интернет-данные, сегодня в русском языке высоко-частотной формой обращения такого типа являются производные от слова *заяц*: *зайчик*, *зайка*, *зайчишка*, *зайнька*, *зайчонок*, ср. просторечный неологизм *зая*, причем указанные языковые единицы могут обозначать лиц и мужского, и женского пола, ср., напр., слова песни:

(12) *Зайка* моя, я твой *зайчик* (С. Касторский).

Однако в словарях русского языка переносные значения данной группы однокоренных лексем не представлены. Исключение составляет дефиниция слова *зайнька* в словаре Т.Ф. Ефремовой: *разг.* ‘употр. как ласковое обращение к кому-л. (обычно к ребенку или возлюбленной)’ (НТССРЯЕ). Общей проблемой является то, что в двуязычных словарях недостаточно отражены переносные значения слов. Естественно, эта проблема усугубляется, если такие значения не зафиксированы в толковом словаре. В русско-польских словарях и онлайн-переводчике как исходные представлены из описанной группы слова *зайчик*, *зайка* и *зайчонок* без указания на возможность переносного употребления. Эквивалентом к данным лексемам в польском языке дается слово *zajaczek*. Но в польской языковой картине мира сложилась своя система обращения к близким людям. В переносных значениях употребляются лексемы *żabka* ‘лягушечка’, *myszka* ‘мышка’, *robaczek* ‘червячок’, реже – *króliczek* ‘крольчонок’, еще реже, как уже несколько устаревшее, – *zajaczek* ‘зайчик’. При переводе предложения

(13) Поняла, *зайнька*, почему не Маяковский? (В. Ерофеев)

переводчик выбирает как эквивалент к слову *зайнька* *króliczek*:

(14) *Łapiesz, króliczku, czemu Majakowski?*

Очевидно, по набору семантических признаков и внутренней форме эта лексема ближе всего к *зайньке*, однако образ русского мировосприятия при этом теряется; возможно, следовало бы употребить словоформу *zajaczkę*, хотя она, как было отмечено, в подобном значении несколько потеряла в польском языке в последние годы свою актуальность.

В составе русского языка выделяются слова, не имеющие в польском одно-словного аналога. К безэквивалентной лексике относят обычно слова этнографической семантики, обозначающие национальные культурологические

реалии. Лексемы такого типа не только выполняют номинативную функцию, но и являются источником лингвокультурных ассоциаций. Трудности передачи подобных единиц средствами другого языка можно продемонстрировать на примере перевода предложения:

(15) Солдат принес чай в подстаканнике, черный хлеб и тарелку пельменной (В. Ерофеев) // *Żołnierz przyniósł herbatę, razowiec i talerz pierogów.*

При переводе на польский язык слово *подстаканник* было опущено, составное наименование *черный хлеб* получило эквивалент *razowiec*, т.е. ‘ржаной хлеб грубого помола’, *пельмени* было переведено как *pierogi* ‘вареники’. Таким образом, национальный колорит русского текста при переводе был утерян.

Номинации еды являются одной из наиболее сложных для передачи средствами другого языка групп лексики. Например, популярным блюдом русской кухни являются щи, а польской – капустняк (*kapuśniak*), и хотя рецепты приготовления этих блюд не совсем идентичны, в двуязычных словарях и в конкретных переводах данные номинации считаются эквивалентами, ср.:

(16) Мне лучше всего *щи* и каша; но ведь здесь этого нет (Л. Толстой) // *Wolałbym kapuśniak i kaszę. Ale oni tego tu nie mają.*

Следует отметить, что в польской Википедии существует довольно развернутая статья *Szchi*, где подчеркивается, что русское блюдо *щи* лишь напоминает польский *kapuśniak* (*Szchi*, <https://pl.wikipedia.org>). Однако слово *szchi* в зафиксированных русско-польских литературных переводах пока что не встречается.

Если в тексте иной культуры встречаются единицы, нуждающиеся в интерпретации, это служит сигналом национальной специфики текста (Сорокин, Марковина 1983: 37). Таким образом, отдельного рассмотрения требуют русские лексемы, которым в польском языке отвечают описательные конструкции, часто не передающие в полной мере нюансы семантики исходного слова. Нередко к таким лакунам принадлежат т. наз. сигнификативные слова русского языка – глаголы, прилагательные, наречия, существительные с абстрактным значением и др. Скажем, лишь описательно в двуязычных словарях и в переводах с русского языка на польский передаются такие лексемы, как *посмеиваться* // *trochę śmiać się*, *нанутствие* // *pożegnalne słowo, pouczenie na drogę*, *благовест* // *bicie dzwonów*, *крючкомтворство* // *drobiazgową formalistyką* и др. В подобных случаях описание представляется единственным эквивалентом русского слова, хотя культурные наслоения при этом теряются.

Сложными для передачи средствами перевода являются многие русские качественные прилагательные. В двуязычных лексикографических источниках нередко встречается несколько аналогов одного русского адекватива, что приводит к «размыванию» семантики русского слова. Например, в „Большом

русско-польском словаре” прилагательные *прелестный* и *обаятельный* получают практически одинаковые эквиваленты, ср.: *обаятельный* // *uroczy, czarujący* (БПРС 2001: 741), *прелестный* // *uroczy, czarujący, prześliczny, cudowny* (БПРС 2001: 199), ср. в переводах:

(17) ...Он отрабатывает свой *угрюмо-обаятельный* имидж в бесчисленных интервью... (В. Ерофеев) // ... Wypracowuje swój posępnie *czarujący* image w niezliczonych wywiadach...

(18) Она была в глазах его только *прелестный*, подающий большие надежды, ребенок (И. Гончаров) // W jego oczach była tylko *czarującym* dzieckiem, rokującym wielkie nadzieje.

При этом переводчики чувствуют, что семантический объем, скажем, русского слова *прелестный* шире, чем предложенные лексикографами эквиваленты, и в зависимости от контекста подбирают собственные аналоги, в том числе в форме сравнительной степени или с уточняющим однородным определением, напр.:

(19) – И пойдемте, вечер *прелестный*! (Ф. Достоевский) // – I pójdziemy, wieczór jest *przepiękny*!

(20) Ему вообразился *прелестный* пейзаж... (Ф. Достоевский) // Przed oczyma stanął mu *prześliczny, ukwiecony* krajobraz...

3. Фразеологический уровень

Особенности национальных традиций, оценочных представлений, психоповеденческих архетипов ярко отображаются во фразеологических оборотах (Chlebda 2007), ср., напр.: *нешком под стол ходить* // *nosić koszulę w zębach, saraфанное радио* // *poczta pantoflowa, профессор кислых щей* // *autor od siedmiu boleści*. Несмотря на наличие нескольких русско-польских фразеологических словарей, авторы переводов нередко испытывают значительные трудности при передаче русских фразеологических образов на польский язык. Скажем, в «Учебном русско-польском фразеологическом словаре» эквивалентом русского оборота *медвежий угол* является *dziura zabita deskami* (дословно: *дыра, забитая досками*) (Молотков, Цеслинська 2001: 166), но переводчики стараются хотя бы частично передать образность русского фразеологизма и используют слова *kąt* ‘угол’, *zakątek* ‘уголок’, ср.:

(21) Из Москвы и вдруг в такой *медвежий угол* (Б. Пастернак) // Z Moskwy nagle do takiego *zapadłego kąta*.

(22) Потому-то я и приехал сюда, в несказанно *прелестный медвежий угол*... (В. Ерофеев) // Po to przecież przyjechałem tutaj, do tego *ślicznego zakątka*...

Встречаются и такие переводы фразеологизмов, в которых прослеживается максимальное, дословное приближение к оригиналу, особенно если в контексте производится своеобразный комментарий оборота, напр.:

(23) Тут нельзя даже скаламбурить «за семь верст киселя хлебать», потому что верст этих, к сожалению, три или четыре тысячи (Б. Пастернак) // Tu nie pasuje nawet porzekadło: „jechać siedem wiorst, żeby siorbnąć kisielu”, bo tych wiorst jest niestety trzy czy cztery tysiące;

ср. эквивалент в словаре: *за семь верст киселя хлебать* // *za siódmą górę po ziarenko maku* (дословно: *за седьмую гору за зернышком мака*) (Молотков, Цеслиньска 2001: 250).

В то же время нередки случаи неадекватного перевода русских фразеологизмов на польский язык. Например, эквивалентом фраземы *гусь лапчатый* переводчик считает *lisek farbowany*:

(24) – Нету тут никакого символа! – возопил сын ваш, *гусь лапчатый*, Ермолай Спиридонович, – нет! (В. Ерофеев) // – Nie ma symbolu! – wrzasnął wasz synek, *lisek farbowany*, Jermołaj Spiridonowicz. – Nie ma!

Однако, во-первых, данные фразеологизмы не совпадают по своей семантике, в том числе стилистической: *гусь лапчатый* означает *прост.* ‘пройдоха, плут; хитрый, пронырливый человек’ (ФСРЛЯ 2008), а *farbowany lis (lisek)* (дословно: *крашеный лис*) – ‘фальшивый, неискренний человек; обманщик’ (WSF 2007: 214). Во-вторых, при таком переводе теряется образ русской картины мира.

В последнее время наблюдается своеобразный ренессанс русской фразеологии. Часть фразеологических неологизмов является заимствованиями, причем происходит создание нового европейского и внеевропейского фразеологического конгломерата, ср. интернационализмы *два в одном* // *dwa w jednym*, *бабочки в животе* // *motyle w brzuchu*, *вишенка на торте* // *wisienka na torcie* и др. Вместе с тем значительная часть фразеологизмов создается на русской национальной основе. Некоторые идиомы приходят из ставших культовыми фильмов и мультфильмов, напр.: *картина маслом* («Ликвидация»), *не смейся мои подковы* («Алеша Попович и Тугарин Змей»), *шестой подползающий* («Влюблен по собственному желанию») и др. Часть новых фразеологических единиц образного характера входит в обращение в процессе активного взаимодействия информацией, в частности, благодаря Интернету, и они быстро становятся популярными. Например, сравнительно недавно в русский язык пришли такие обороты, как *настучать по чайнику*, *началось в колхозе (в деревне) утро*, *провернуть фарш назад* и под. Лексикографическая практика не успевает фиксировать новые единицы. Часть неологических фразеологизмов пока что не вошла не только в русско-польские, но и в одноязычные русские словари. Скажем, популярное выражение *египетская сила*, пришедшее из сериала «Воронины», широко употребляется и комментируется в интернет-пространстве, однако пока что оно не включено в лексикографические источники. Безусловно, это усложняет процесс перевода и кросскультурную коммуникацию.

4. Морфемно-словообразовательный уровень

Национальная специфика отображается в явлениях морфемики и словообразования. Показательно в этом плане не только наличие в языке тех или иных слов, но и степень продуктивности единиц, развитие словообразовательных гнезд и др. Характерной для каждого языка выступает система создания слов с суффиксами качественной или количественной оценки. Подобные лексемы редко попадают в двуязычные, в том числе в русско-польские словари. При этом часть слов с оценочными суффиксами имеет эквивалент в другом языке, напр.: *скворушка* // *szpaczek*, *умишко* // *rozumek*, *труселя* // *majtasy*. Часть русских слов, особенно просторечных с коннотацией иронии, не имеет однословных аналогов в польском языке, ср.: *танцульки*, *книженция*, *утречко*, *кафешка* и др. В любом случае переводчик не получает лексикографической поддержки и руководствуется только собственными знаниями и интуицией. Так, например, в словарях разного типа и в онлайн-переводчике отсутствует польский аналог русского слова *воришка*, однако при переводе было подобрано соответствующее слово – *złodziejaszek*, ср.:

(25) Но хуже всего, так это то, что я знал про него, что он мерзавец, негодяй и *воришка*, и все-таки сел с ним играть... (Ф. Достоевский) // Najgorsze z tego wszystkiego, że wiedziałem, iż to szubrawiec, nikczemnik i *złodziejaszek*, a jednak siadłem z nim do gry...

Среди слов с аксиологическими суффиксами в русском и польском языках выделяются наименования еды. В основном это деминутивы, которые практически не встречаются в двуязычных словарях. Наиболее давние образования такого типа в русском и польском языках взаимозаменяемы, напр.: *молочко* // *mleczko*, *маслице* // *maselko*, *пряничек* // *pierniczek*, ср. неологизмы *вкусняшка* // *rychotka*. Однако в основном наименования еды с оценочными суффиксами редко пересекаются в двух языках по образованию и частоте употребления, ср.: *биточек*, *пельмешек*; *karkóweczka* ← *karkówka* ‘ошеек’, *soczek* ← *sok* ‘сок’, ср. также обобщающее слово *jedzonko* ← *jedzenie* ‘еда’.

Создание подобных деминутивов обычно связано с традициями употребления того или иного продукта (блюда). Скажем, насчитывающий не одно столетие культ кофе в Польше привел к появлению целого ряда уменьшительных форм: *kawka*, *kawcia*, *kawunia*, *kawusia* ← *kawa*, ср. *кофеёк* ← *кофе*. Однако популярность того или иного продукта в современном мире может быть обусловлена не только устоявшимися традициями. Например, утратила свою актуальность старая польская шутка о том, что славяне делятся на три группы – на тех, кто пьет водку, пиво или вино. В последние годы количество аксиологических производных от слова *пиво* в русском языке значительно возросло и превысило польские производные от слова *piwo*, ср.: *пивко*, *пивушко*, *пивцо*, *пивас*, *пивасик*; *piwko*, *piweczko*, *piweńko*, *piwsko*. Наличие нескольких синонимичных деминутивов в двух языках должно облегчать процесс перевода, однако часть из приведенных лексем не зафиксирована

словарями, что не способствует эффективной работе переводчика. Переводы с данными словами не вошли в русско-польский корпус.

Русский и польский языки нередко существенно расходятся в мотивации создания слова, в так называемой внутренней форме, положенной в основу номинации. Особенно сложны для перевода на польский язык русские слова, имеющие глубинную внутреннюю форму, которая базируется на национальных ассоциациях, напр.: *проворонить, устаканиться, раскочегарить, опростоволоситься, отсебятина* и др. В подобных случаях полностью сохранить при переводе фоновые знания носителей исходного языка обычно не удается, напр.:

(26) Мне рассказывали в Инсбруке, что русские дают огромные *чаевые* тем, кто учит их кататься на горных лыжах (В. Ерофеев) // *Opowiadano mi w Innsbrucku, że Rosjanie dają ogromne napiwki instruktorom narciarskim;*

ср. *чаевые* ← *чай*, *napiwek (napiwki)* ← *piwo* ‘пиво’, т.е. в польском переводе русские дают инструкторам не на чай, а на пиво, как это принято у поляков.

5. Морфологический уровень

Лингвокультурологические архетипы опосредованно отражаются и в грамматических явлениях, в частности, в определенной мере влияют на формирование морфологических категорий. Например, в русском языке существуют параллельные формы *гость/гостья*. В польском языке слово женского рода *gościa* перестало употребляться, словом мужского рода *gość* называют и мужчину, и женщину. Однако авторы переводов русских литературных произведений на польский язык избегают эквивалента *gość* по отношению к *гостья*, предпочитая слова *dama, pani* и описательные конструкции. Таким образом, с одной стороны, переводчикам удается уйти от употребления устаревшего слова *gościa*, с другой – они не используют современную, гендерно не обозначенную, лексему *gość* по отношению к дамам – персонажам русской классической литературы. Так осуществляется кросскультурный коммуникативный компромисс, ср.:

(27) *Гостья* махнула рукой (Л. Толстой) // *Przybyła dama machnęła ręką.*

(28) – Это совершенные разбойники, особенно Долохов, – говорила *гостья* (Л. Толстой) // *To prawdziwi zbroje, osobliwie Dołochow – mówiła pani Karagin.*

(29) Графиня Соцкая, из Петербурга, губернаторши *гостья*, и Софья Беспалова, как известно стало, приедут наверно с букетами, с белыми (Ф. Достоевский) // *Hrabina Socka z Petersburga, przebywająca w gościnie u gubernatorowej, oraz Zofia Bezpałowa miały się zjawić na balu, jak fama głosiła, z bukietami białych kamelii.*

Глубинную мотивированность проявляют также формы числа (Мельчук 1997: 253–270). Например, в русском и польском языках категорией числа

различаются такие имена существительные, как *картофель* (ед. ч.) // *ziemniaki* (мн. ч.); *скрипка* (ед. ч.) // *skrzypce* (мн. ч.) и др. При этом разные формы числа могут передавать грамматические значения разного типа. Скажем, в польском языке форма единственного числа *makaron* передает дополнительную семантику собирательности, отсутствующую в соответствующем русском слове множественного числа *макароны*, напр.:

(30) У обоих глаза вылезли на лоб, когда в подставленные чехлы от дамских подушечек, называемые думками, и более крупные наволочки им стали сыпать муку, крупу, *макароны* и сахар... (Б. Пастернак) // *Oczy wprost wyszły im na wierzch, gdy magazynier w nastawione poszewki od jaśków i poduszek zaczął im sypać mąkę, kaszę, makaron i cukier...*

6. Синтаксический уровень

Специфика языковой картины мира может проявляться и на синтаксическом уровне, в частности, в особенностях сочетаемости компонентов словосочетания и предложения. Скажем, в русском языке прилагательное *красивый* может входить в сочетания с существительными и *женщина*, и *мужчина*. В современном польском языке номинации признака привлекательной внешности женщин и мужчин обычно гендерно обозначены: наименование *dziewczyna* ‘девушка’, *kobieta* ‘женщина’ сочетается с адъективом *ładna*, а *młodzieniec* ‘юноша’, *mężczyzna* ‘мужчина’ и под. — с прилагательным *przystojny*, что отражено в переводах:

(31) Она была молодая, румяная, высокая и, кажется, *красивая* (Ф. Сологуб) // *Była młoda, rumiana, wysoka i chyba ładna.*

(32) Между ними находился один молодой и очень *красивый* собой офицер... (Ф. Достоевский) // *Wśród nich znajdował się pewien młody i bardzo przystojny oficer...*

Освоение польским языком ряда ключевых для русской картины мира слов (*samowar*, *walonki* и др.) способствует включению лексем такого типа в определенное синтаксическое окружение. При этом заимствование лексем не означает дословного заимствования контекстного наполнения, что находит свою реализацию в русско-польском корпусе, напр.:

(33) Мне отворила наконец одна баба, которая в крошечной кухне *вздывала самовар*... (Ф. Достоевский) // *Nareszcie otworzyła mi jakaś baba, która w malutkiej kuchence rozdmuchiwała ogień w samowarze...*

(34) – *Самовар* чтобы *созреть*! (Л. Толстой) // – *Samowar nastawić!*

(35) Он важничал в дворне, не давал себе труда *ни поставить самовар*, ни подмести полов (И. Гончаров) // *Puszył się wobec czeladzi, nie zadać sobie trudu, żeby nastawić samowar lub zamieść podłogę.*

(36) Хозяйка *села за самовар* и сняла перчатки (Л. Толстой) // *Pani domu usiadła przy samowarze i zdjęła rękawiczki.*

Контекстуальные условия употребления слова или выражения могут стать определяющими при выборе нужного эквивалента в процессе перевода. Переводчик должен учитывать, скажем, что в русском языке сочетание *на улице* может указывать как на место совершения действия, так и на погодные условия. Если в первом случае в польском языке существует эквивалентное сочетание *na ulicy*, то во втором случае нужен аналог *na dworze* ‘во дворе’. Данные Параллельного русско-польского корпуса демонстрируют, что описанные особенности сочетаемости обычно отображены в переводах, однако встречаются и ошибочные употребления, ср.:

(37) *На улице* ни души, сообщение по тротуару прервано (Б. Пастернак)
// *Na ulicy* nie ma żywego ducha, chodniki opustoszały.

(38) Пока митинговали, *на улице* повалил снег (Б. Пастернак) // *W czasie* wiecu *na dworze* zaczął padać śnieg.

(39) Они были так уверены в этом, что когда они заперли дверь, след этой уверенности остался за углом дома *на улице*... (Б. Пастернак) // *Byli* tak tego pewni, że kiedy zamknęli drzwi, ślad owej postaci pozostała węglem domu *na dworze*...

(в последнем примере аналогом сочетания *на улице* должно быть *na ulicy*, а не *na dworze*).

7. Заключение

Проведенное исследование особенностей кросскультурной коммуникации в тексте перевода литературных произведений на материале русско-польского корпуса, а также национальных корпусов русского и польского языков, лексикографических источников разного типа позволило сделать следующие выводы:

– в русском языке, как и в других языках, на лексическом, фразеологическом, морфемно-словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях существуют единицы, показательные в плане отражения в них национальной картины мира;

– перевод обозначенных элементов в составе русских художественных произведений на польский язык представляет значительные трудности;

– перевод предложений, включающих репрезентативные для русской языковой картины мира единицы, демонстрирует как кросскультурные удаchi, так и неудачи, заключающиеся в опущении при переводе знаковых для русской культуры элементов, неадекватной их передаче, замене на единицы, типичные для польского мировосприятия;

– существующие одноязычные и двуязычные словари разного типа, онлайн-переводчики не всегда отображают полноту семантики русских слов и фразеологических оборотов, тем более в данных источниках часто не отражены культурные наслоения;

– представляется необходимым дальнейшее выявление единиц национально-культурного кода русского языка в сопоставлении с другими языками,

изучение путей кросскультурной коммуникации, в частности, между русскими и поляками, а также создание словарей нового типа, усовершенствование онлайн-переводчиков, пополнение базы больших данных, прежде всего параллельных корпусов двух языков.

Таким образом, в статье были продемонстрированы возможности двуязычного корпуса как материала анализа межкультурного диалога. Показано, что неверный перевод может привести к проблемам в кросскультурной коммуникации. При этом переводчики испытывают значительные трудности из-за отсутствия полной теоретической и лексикографической поддержки. Практика перевода литературных произведений с русского языка на польский демонстрирует необходимость дальнейшего изучения картин мира обоих народов. Становится очевидным, что нужны новые подходы в сопоставительном анализе мировосприятия русских и поляков, в исследовании специфики перевода с русского языка на польский, а также в подготовке новых, во многом принципиально иных по сравнению с существующими, двуязычных словарей разного типа, в которых бы учитывались особенности национального взгляда на мир, что должно способствовать поиску взаимопонимания между представителями разных народов.

© Irina Kononenko, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бацевич Ф.С., Богданович Г.Ю. Українсько-російський словник термінів міжкультурної комунікації. Сімферополь: Фенікс, 2011. [Bacevych, Floriy S. & Galyna J. Bogdanoych. 2011. *Ukrayinsko-rosyyskyy slovnyk terminiv mizhkulturnoyu komunikacii* (Ukrainian-Russian dictionary of terms of intercultural communication). Simferepol: Feniks].
- Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика. *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 122–123. [Buras, Mariya M. & Maksim A. Krongauz. 2013. *Obrashcheniya v russkom semejnom etikete: semantyka i pragmatyka* (Expressions in Russian family etiquette: semantics and pragmatics. Questions of linguistics). *Voprosy yazykoznaninya* № 2. 122–123].
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. [Garbovskiy, Nikolay K. 2004. *Teorija perevoda* (The theory of translation). Moscow: MGU].
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. [Grushevitskaya, Tatyana G., Vladimir D. Popkov & Aleksandr P. Sadokhin. 2010. *Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii* (The essentials of intercultural communication.). Moscow: YNITI-DANA].
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. [Humboldt, Wilhelm, von. 1985. *Jazyk i filosofiya kultury* (Language and philosophy of the culture). Moscow: Progress].

- Емельянова Я.Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика. Нижний Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2010. [Emelyanova, Yana B. 2010. *Lingvostranovedcheskaya kompetenciya perevodchika: teoriya i praktika* (Linguistics competence of a translator: theory and practice). Nizhniy Novgorod: ООО „Stimul-ST”].
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки русской культуры, 2005. [Zaliznyak, Anna A., Irina B. Levontina & Aleksey D. Shmel'ov. 2005. *Kluchevyje idei russkoy yazykovoy kartiny mira* (Key ideas of the Russian language picture of the world). Moscow: Yazyki russkoy kultury].
- Кононенко І. Взаємовпливи в мовних картинах світу українців і поляків // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. 2006. Т. 21–22. С. 151–165. [Kononenko, Iryna. 2006. Wzajemovplyvy v movnykh kartynakh svitu ukrayinciv i polakiv (Mutual influences in the language pictures of the world of Ukrainians and Poles) // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze* 21–22. 151–165].
- Кононенко І. Система семейных ценностей в языковой картине мира славян // *Konstrukcje i destrukcje tożsamości*. Т. IV. *Wartości w świecie słowiańskim* / pod red. E. Gołachowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa: Instytut Slavistyki Polskiej Akademii Nauk, 2015. С. 429–442. [Kononenko, Irina. 2015. Sistema semeynykh tsennostey v yazykovoy kartin'e mira slaw'an (The system of family values in the language picture of the world of the Slavs) // *Konstrukcje i destrukcje tożsamości*. Т. IV. *Wartości w świecie słowiańskim* / pod red. E. Gołachowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa: Instytut Slavistyki Polskiej Akademii Nauk, 429–442].
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо. 2003. [Kornilov, Oleg A. 2003. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnyye natsionalnykh mentalitetov* (Language pictures of the world as derivatives of national mentalities.). Moscow: CheRo].
- Куликова Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению. Красноярск: СФУ, 2011 [Kulikova, Lydmila V. 2011. *Kommunikaciya. Stil'. Interkultura: pragmalinguivicheskie i kulturno-antropologicheskie podkhody k mezhkulturnomu obshcheniu* (Communication. Style. Interculture: Pragmalinguistic and cultural-anthropological approaches to intercultural communication). Krasnoyarsk: SFU].
- Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки русской культуры, 2005. С. 238–246. [Levontina, Irina B. Milyu, gorogoy, lubimy... // Zaliznyak, Anna A., Irina B. Levontina & Aleksey D. Shmel'ov. 2005. *Kluchevyje idei russkoy yazykovoy kartiny mira* (Main ideas of the Russian language picture of the world). Moscow: Yazyki russkoy kultury. 238–246].
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М. – Вена: Языки русской культуры, 1997. [Melchuk, Igor A. 1997. *Kurs obshchey morfologii* (Course of General morphology). Т. 1. Moscow-Vienna: Yazyki russkoy kultury].
- Недосека О.Н. Понятие «кросс-культурная коммуникация» в современном гуманитарном образовании // *Вектор науки ТГУ*. 2011, 4 (7). С. 201–203. [Nedoseka, Olga N. 2011. Ponyatie „kross-kulturnaya kommunikatsiya” v sovremennom obrazovanii (The concept of "cross-cultural communication" in modern Humanities education). *Vektor nauki TGU* 4 (7). 201–203].
- Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2016. [Obolenskaya, Yuliya L. 2016. *Khudozhestvennyy perevod i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Artistic translation and intercultural communication). Moscow: Vysshaya sokola].

- Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2007. [Persikova, Tamara N. 2007. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i korporativnaya kultura* (Cross-cultural communication and corporate culture). Moscow: Logos].
- Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 2019. 295–327. [Sdobnikov, Vadim V. 2019. *Perevodovedenie segodnya: vechnye problemy i novye vyzovy* (Translation studies today: eternal problems and new challenges). *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 295–327].
- Снитко Е.С., Кулинич И.А. Русский язык в этнолингвистическом освещении. Киев: Киевский университет, 2005. [Snitko, Elena S. & Irina A. Kulinich. 2005. *Russkii yazyk w etnolingwisticheskom osweshchenii* (Russian language in the ethnolinguistic lighting). Kiev: Kievskii universitet].
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт семантизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты // *Лексические единицы и организация структуры литературного текста*. Калинин 1983. С. 35–52. [Sorokin, Yuriy A. & Irina J. Markovina. 1983. *Opyt semantizacii lingvisticheskikh i kulturologicheskikh lakun. Metodologicheskie i metodicheskie aspekty* (Experience semantics of the linguistic and cultural gaps: Methodological and methodical aspects)// *Leksicheskie edinicy i organizaciya struktury literaturnogo teksta* 35–52. Kalinin].
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. [Tatarko, Aleksandr N. & Nadezhda M. Lebedeva. 2011. *Metody etnicheskoy i krosskulturnoy kommunikatsii* (Methods of ethnic and cross-cultural communication). Moscow: Izdatelskiy dom Wysshej shkoly ekonomiki].
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. 2000. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and intercultural communication). Moscow: Slovo].
- Фрик Т.Б. Основы межкультурной коммуникации. Томск: Томский политехнический университет, 2013. [Frik, Tatyana B. 2013. *Osnovy teorii mezhkulturnoy kommunikatsii* (Basics of intercultural communication). Tomsk: Tomskij politekhnicheskij universitet].
- Юрьева Т.В. Проблема кросс-культурных коммуникаций в аспекте практико-ориентированных педагогических технологий // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. 5, С. 104–107. [Yureva, Tatiana V. 2015. *Problema kross-kulturnykh kommunikatsiy v aspekte praktyko-orientirovannykh pedagogicheskikh tekhnologiy* (The problem of cross-cultural communication in the aspect of practice-oriented pedagogical technologies). *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* 5. 104–107].
- Bartmiński, Jerzy. 2012. *Aspects of Conitive Ethnolinguistics*. London: Equinox.
- Blum-Kulka, Shoshana, Juliane House & Kasper Gabriel (eds.). 1989. *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood NJ Albex.
- Chlebda, Wojciech (eds.). 2007. *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Gladkova, Anna & Larina Tatiana. 2018. Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. DOI: 22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.
- Gudykunst, William B. (eds.). 2003. *Cross-cultural and intercultural communication*. Fullerton: California State University.
- Guirdham, Maureen. 1999. *Communicating Across Cultures*. London: MacmiPlan Press.
- Guławska-Gawkowska, Małgorzata & Gennadij Zeldowicz (eds.). 2013. *Znaki czy nie znaki?* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Kusio, Urszula. 2011. *Dialog w komunikacji międzykulturowej. Ideały a rzeczywistość*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej.

- Larina, Tatiana. 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres. 195–215.
- Larina, Tatiana V., Vladimir I. Ozymenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 195–215.
- Łaziński, Marek & Magdalena Kuratczyk. 2016. Korpus Polsko-Rosyjski Uniwersytetu Warszawskiego (*Polskojęzyczne korpusy równoległe. Polish-language Parallel Corpora*). In E. Gruszczyńska & A. Leńko-Szymańska (eds.). Warszawa: Sowa. 83–97.
- Magala, Sławomir. 2011. Kompetencje międzykulturowe. Warszawa: Oficyna a Wolters Kluwer business.
- Munday, Jeremy. 2008. *Introducing Translation Studies. Theories and Applications*. London, New York: Routledge.
- Pym, Anthony. 2008. *Exploring Translation Theories*. London, New York: Routledge.
- Rożko, Katarzyna & Paweł Pruszyński. 2012. “Siostró”, „pani magister”, a może „pani pielęgniarka”? Nie wiesz – po prostu spytaj, rynek zdrowia.pl [accessed 20 January, 2019].
- Szopski, Marek. 2005. *Komunikowanie międzykulturowe*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne s.a.
- Szyczy, <https://pl.wikipedia.org> [accessed 25.01.2019]
- Tannen, Deborah. 1990. *You Just Don't Understand*. New York: Morrow.
- Urbanek, Dorota. 2004. *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*. Warszawa: Trio.
- Wierzbicka, Anna. 2003. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. 2006. *English Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.

Электронные ресурсы / Links

- НКРЯ: Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru [дата обращения: 12.12.2018]. [*Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (National corpus of the Russian language), www.ruskorpora.ru] [accessed 12 December, 2018]
- РПОП: Русско-польский онлайн-переводчик, russian-polish.translate.ua/ru [дата обращения: 2.01.2019]. [*Rusko-polskiy onlayn-perevodchik* (Russian-Polish online translator), russian-polish.translate.ua/ru] [accessed 2 January, 2019]
- НКJP: Narodowy korpus języka polskiego, nkjp.pl [accessed 14 October, 2018]
- PRRPKR: Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy, pol-ros.polon.uw.edu.pl [accessed 12 December, 2018]

Словари / Dictionaries

- БПРС: Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И. *Большой русско-польский словарь*. Т. 1, 2. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. [Mirovich, Anatol, Irena Dulevich, Iryda Grek-Pabis, & Irena Marynyak. 2001. *Bolshoy russko-polskiy slovar'* (The big Russian-Polish dictionary). Т. 1, 2. Warszawa: Wiedza Powszechna].
- Молотков А.И. Цеслинська В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. М.: АСТ, 2001. [Molotkov, Aleksandr I. & Wiesława Tselin'ska. 2001. *Uchebnyy rusko-polskiy frazeologicheskiy slovar'* (Educational Russian-Polish phraseological dictionary). Moscow: AST].
- НТССРЯЕ: Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2002, <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo> [дата обращения:

12.12.2018]. [*Novyy tolkovo-slovoobrazovatelnyy slovar' russkogo yazyka T.F. Efremovoy*. 2002. Moscow: Russkiy yazyk, <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo>] [accessed 12 December, 2018].

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. М.: Астрель 2008, <https://phraseology.academic.ru> [дата обращения: 07.11.2018]. [*Frazeologicheskiy slovar' russkogo literatur nogo yazyka*. 2008. (Phraseological dictionary of the Russian literary language) / pod red. A.I. Fedorova. Moscow: Astrel, <https://phraseology.academic.ru>] [accessed 07 July, 2018].

Antoniuk, Anna, Iryna Kononenko, Irena Mytnik, Wioletta Mela-Cullen, Julia Roguska, Anna Szafernakier-Swirko & Elżbieta Wasiak. 2019. *Słownik tematyczny polsko-rosyjski* / pod red. I. Kononenko. Warszawa: Sowa.

WSF: *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami* / oprac. Kłosińska, Anna, Elżbieta Sobol & Anna Stankiewicz. Warszawa: PWN, 2007.

Article history:

Received: 18 May 2020

Revised: 16 October 2020

Accepted: 19 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 мая 2020

Дата принятия к печати: 19 октября 2020

Bionote:

Irina KONONENKO is Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Contrastive Linguistics at the Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw. She is the author of more than 100 research and methodological works, including monographs, textbooks, bilingual dictionaries of various types, etc. Her research interests range from comparative lexicology, to phraseology, word formation and grammar in Slavonic languages, ethnolinguistics, the theory and practice of translation, and lexicography.

Contact information:

University of Warsaw, Krakowskie Przedmieście 26/28, Warsaw 00-92, Poland

e-mail: ikononenko@uw.edu.pl

ORCID ID: 0000-0002-7637-3271

Сведения об авторе:

Ирина Витальевна КОНОНЕНКО – доктор филологических наук, заведующая лабораторией контрастивного языкознания факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Автор более 100 научных и научно-методических работ – монографий, учебных пособий, двуязычных словарей разного типа и др. Сфера научных интересов – сопоставительная лексикология, фразеология, словообразование и грамматика славянских языков, этнолингвистика, теория и практика перевода, лексикография.

Контактная информация:

University of Warsaw, Krakowskie Przedmieście 26/28, Варшава, 00-927, Польша

e-mail: ikononenko@uw.edu.pl

ORCID ID: 0000-0002-7637-3271

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968

Research article

Difficulties in translating Russian classics: Pushkin's novel "Eugene Onegin" in English and French

Elena N. REMCHUKOVA and Ekaterina M. NEDOPEKINA

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

Abstract

A translator of classical literature is faced with the task of identifying the goal and methods of conveying the national originality of a generally recognized literary masterpiece. The article considers this problem in the context of translations of the novel in verse *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin into English and French. At the same time, it raises the questions of the translators' attitude to their own work, the depth of interpretation of the original, the degree of adaptation of the original text for a foreign reader. In addition, a matter of great importance is the translators' assessment of the result of their own work, which is reflected in their comments and preface to the translated text. The goal of this research is to substantiate the importance of the linguistic and cultural function of comments and prefaces, which also made it possible to identify the features of the translations themselves and emphasize their continuity. When translating works of classical literature, translators do not limit their task to the translation itself. In this regard, the "preface-commentary" complex is viewed in the article as an important part of the translator's work. The research material includes about 40 English and over 10 French translations made in the 19th, 20th and 21st centuries and presented in chronological order. Mainly those that are accompanied by prefaces and comments were selected for the analysis. The research helps to present the translations of the novel not only in terms of continuity, but also in terms of their authors' critical attitude to each other, thus bringing these components of translation into the focus of a professional discussion. As a result of comparing various translations, it is possible to identify the difficulties of literary translation of the novel *Eugene Onegin*, which include the preservation of its poetic form, the panoramic nature of its composition, including scenes of life of the 19th century Russian nobility, and the national spirit associated with the translation of national and cultural vocabulary. The research confirms that the very fact of numerous translations of this novel, which is paradigmatic for the Russian culture, can be viewed as a form of its worldwide recognition, regardless of the professional and reader's assessment of these translations. This enables us to speak of the existence of a strong tradition that has developed in European translation studies around this particular work.

Keywords: *Eugene Onegin*, literary translation, translation activity, prefaces and comments, intercultural communication, translation studies

For citation:

Remchukova, Elena N. & Nedopekina, Ekaterina M. 2020. Difficulties in translating Russian classics: Pushkin's novel "Eugene Onegin" in English and French. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 945–968. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968

Трудности перевода русской классики: роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английском и французском языках

Е.Н. РЕМЧУКОВА, Е.М. НЕДОПЁКИНА

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация

При переводе текста классической литературы перед переводчиком встает задача определения цели и способов передачи национального своеобразия общепризнанного литературного шедевра. Эта проблема рассматривается в статье в контексте переводов на английский и французский языки романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Вместе с тем поднимается вопрос об отношении переводчика к собственной работе, о глубине интерпретации произведения, о степени адаптации оригинального текста для иностранного читателя. Кроме того, важное значение имеет оценка автором перевода результата своего труда, которая находит выражение в сделанных им комментариях и предисловии к переводному тексту. Целью данного исследования стало обоснование важности лингвокультурной функции комментариев и предисловий, что позволило также выявить особенности самих переводов и подчеркнуть их преемственность. При переводе национально значимых произведений классической литературы задача переводчика может не исчерпываться собственно переводом. В связи с этим комплекс «предисловие–комментарий» рассматривается в статье как важная часть переводческой деятельности. Материалом исследования послужили переводы XIX, XX и XXI веков (около 40 английских и более 10 французских), представленные в хронологической последовательности. Для анализа в основном были выбраны те из них, которые сопровождаются предисловиями и комментариями. Проведенное исследование позволяет представить переводы романа не только в аспекте преемственности, но и в аспекте критического отношения их авторов друг к другу, что придает этим составляющим переводческой деятельности характер профессиональной дискуссии. В результате сопоставления разных переводов удалось выявить трудности художественного перевода романа «Евгений Онегин», к которым относятся сохранение его стихотворной формы, панорамности его композиции, включающей картины жизни русского дворянства XIX века, и национального колорита, связанного с переводом национально-культурной лексики. Исследование подтвердило, что сам факт многочисленных переводов хрестоматийного для русской культуры романа (независимо от их профессиональной и читательской оценки) можно рассматривать как форму его мирового признания, что позволяет говорить о существовании прочной традиции, сложившейся в европейском переводе именно вокруг этого произведения.

Ключевые слова: *«Евгений Онегин», художественный перевод, переводческая деятельность, предисловия и комментарии, межкультурная коммуникация, переводоведение.*

Для цитирования:

Ремчуква Е.Н. Недопёкина Е.М. Трудности перевода русской классики: роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английском и французском языках. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 945–968. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968

1. Введение

Проблема перевода на иностранные языки национальных шедевров литературы той или иной страны является, с одной стороны, проблемой

классической, традиционной, с другой, безусловно, актуальной. Сохраняя константу национального достояния, литературный шедевр продолжает жить и как актуальное литературное произведение. В связи с этим возникают важные вопросы. Главный из них – вопрос о самой необходимости новых переводов, противопоставленных более ранним, или, напротив, «созвучных» им. Но и те, и другие отражают очередную попытку «улучшения» перевода не только в рамках заданной стилистики времени, но и с позиций пietetа переводчика перед национальным шедевром. Кроме этой общей проблемы, касающейся перевода практически любого признанного художественного творения, существует комплекс проблем, связанных с трансляцией на другие языки такого уникального произведения русской литературы первой трети XIX века (1823–1830), каким является роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Попытка проанализировать в данной статье французские и английские переводы этого романа в комплексе с предисловиями и комментариями к ним позволяет выявить:

1) общие закономерности, характерные для всех переводов этого романа на протяжении более чем двух веков, обусловленные его национальным колоритом и художественным своеобразием;

2) индивидуальные особенности отдельных переводов, отражающие личные пристрастия переводчиков, так как художественный перевод всегда выходит из «творческой лаборатории» конкретного человека;

3) основные трудности межъязыкового перевода, обусловленные своеобразием содержания, формы и жанра данного произведения.

Своеобразие «Евгения Онегина» обусловлено его принадлежностью символу русской культуры – А.С. Пушкину. Написанный в соответствии с западноевропейской литературной традиции начала XIX века, роман мог восприниматься европейским читателем того времени как «вторичный», однако он обладает ярким национальным своеобразием и по праву считается «энциклопедией русской жизни» (В.Г. Белинский). Кроме того, жанр романа в стихах делает его перевод еще более сложным. На этих особенностях мы остановимся подробнее ниже (см. 2.1).

Цель анализа, предложенного в статье, обусловлена необходимостью подчеркнуть (на фоне социально-исторических трансформаций сегодняшнего дня), что творчество А.С. Пушкина, безусловно, является фактом не только русской, но и европейской культуры, о чем свидетельствует устойчивый интерес к новым переводам его произведений уже в XXI веке. Этому способствуют традиционные культурные связи между Россией и Европой, которые, к счастью, остаются за скобками современных политических реалий. В развитии этих связей на новом историческом витке интерес к русской литературе – как современной, так и классической – играет важнейшую роль.

Поставленной целью обусловлен круг задач, требующих решения в рамках данной статьи: представить переводы романа на английский и французский языки в аспекте хронологической последовательности; описать

их языковую динамику с точки зрения как формы (стихотворной или прозаической), так и содержания; обосновать важность лингвокультурной функции комментариев переводчика и актуальность самого обращения к классическому произведению с точки зрения решения задач межкультурной коммуникации и переводоведения. Одной из таких задач является изучение лингвистических особенностей переводов XXI века с точки зрения культурной адаптации на основе их сопоставления с переводами предшествующих веков. Отметим, что за пределами данной статьи остается важное для нас направление – лингвистический анализ конкретных переводов романа разных периодов. Такие исследования проводятся на материале английских (Нестерова 2014, 2017, Панченко 2011) и французских переводов (Богинская 2016).

Материалом исследования послужили переводы романа А.С. Пушкина на английский и французский языки, сделанные в течение более 150 лет, однако для сопоставительного анализа были выбраны в основном те из них, которые в соответствии с поставленными в статье задачами сопровождаются предисловиями, комментариями или комплексом «предисловие–комментарий». Анализируются переводы, принадлежащие иноязычным авторам: среди них английские – Г. Сполдинга, Ч. Джонстона и С. Митчелла и французские – Л. Виардо (совместно с И.С. Тургеневым), П. Безо, А. Марковича. Исключением является перевод выдающегося русского писателя В.В. Набокова, который широко известен и как англоязычный автор (этот перевод сопровождается самыми объемными и детальными комментариями к роману).

Наряду с общими методами синтеза и анализа, применяемыми в процессе изучения любого художественного текста, в данном исследовании используется ряд специальных методов. Среди них сопоставительный метод, который позволяет сравнить оригинальный текст и упоминаемые в этой работе его переводы на английский и французский языки. Интерпретационный метод используется для трактовки предисловий и комментариев, сделанных авторами переводов; с помощью количественного анализа стало возможным определить количество переводов «Евгения Онегина» на английский и французский языки; диахронический подход к исследованию переводов романа позволил проследить их историю. Наконец, лингвокультурологический метод позволил выявить некоторые национальные особенности оригинального текста в аспекте перевода, обнаружить глубокие непреодолимые противоречия между оригиналом и переводным текстом, в которых опосредованно проявляется связь между языком и мышлением и связь между индивидуальным подходом переводчика и масштабом этого уникального произведения.

Теоретическую базу исследования составили статьи о художественных переводах (Behr & Sha 2018, Dam-Jensen 2020, Loupaki 2017), работы по переводоведению (Сдобников 2019) и о переводах русской классики (например, Чеснокова, Талавера-Ибарра 2015), классические статьи о языке А.С. Пушкина (Виноградов 1999 и др.), статьи о влиянии французского языка на язык А.С. Пушкина (Гак 2002), статьи о переводах романа А.С. Пушкина

«Евгений Онегин» (Danilova 2020, Нестерова 2014, 2017, Razymnaya 2020, Razumovskaya 2011, Эткинд 1999), в частности, отдельные работы по переводу и комментариям В.В. Набокова (Kobrina-Coolidge 2015), комментарии к роману «Евгений Онегин» (Набоков 1999, Лотман 1983), а также некоторые исследования, связанные с лингвистическим анализом параллельных текстов (Богинская 2016, Панченко 2011).

Данное исследование находится в русле переводоведения, которое решает задачи «как традиционных видов перевода (художественный перевод, религиозный перевод, устный перевод), так и относительно новых видов переводческой деятельности (аудиовизуальный перевод, локализация)» (Сдобников 2019: 296). Размышляя о задачах переводоведения, В.В. Сдобников разделяет собственно перевод как главный элемент деятельности переводчика и переводческую деятельность. Последняя «предполагает культурную адаптацию текста к восприятию получателей перевода» (там же). Одной из форм этой «культурной адаптации» и являются авторские предисловия и комментарии, которые сопровождают перевод. В тех случаях, когда речь идет о таких произведениях классической литературы, как роман «Евгений Онегин», эта адаптация принимает разные формы – от кратких замечаний по поводу специфики национального быта и единиц русского языка до глубокого лингвистического погружения не только в реалии русской жизни, но и в язык (как оригинала, так и перевода), которое мы обнаруживаем в комментариях В. Набокова.

2. Результаты исследования

2.1. Своеобразие романа в аспекте формы и содержания и трудности его перевода

Роман «Евгений Онегин» занимает совершенно особое место в истории русской литературы и культуры в целом, однако степень этой значимости не вполне очевидна европейскому читателю и, возможно, даже переводчику. Остановимся на тех особенностях, которые определяют его уникальность, а также выявим возможные противоречия в восприятии романа европейскими переводчиками.

1. Роман принадлежит перу русского гения: А.С. Пушкин является символом не только русской литературы, но и всей русской культуры, фигурой, равной в этом смысле фигурам Данте, Шекспира, Гёте, Байрона и других европейских гениев, символизирующих собой вершины национальных достижений.

2. Классическое пушкиноведение считает роман главным пушкинским творением. Он входит в обязательную программу по литературе для общеобразовательных школ, отдельные фрагменты этого текста школьники заучивают наизусть, что обеспечивает его закрепление в русском языковом сознании.

3. Роман является широко цитируемым текстом, он востребован, в том числе и в современном рекламном дискурсе, как прецедентный текст, и это не единичные случаи, а устойчивая традиция. Название романа используется, например, в номинации одной из разновидностей популярного чая «Майский», который так и называется «*Чай Майский Пушкин. Евгений Онегин (Чай Майский в популярном подарочном формате “Книга”*)»¹. Строки из текста романа звучат в телерекламе чая этой же торговой марки². Дискуссия по поводу того, насколько уместно подобное использование символов национальной культуры, остается за рамками данной статьи, но сам этот факт свидетельствует о том, что «Евгений Онегин» занял прочное место в массовой культуре и коммуникации.

4. Роман соединяет гениальность формы и содержания, что всегда отмечалось русской критикой начиная с XIX века (в первую очередь В.Г. Белинским), преимущественно восторженной на протяжении двух веков. Роман критиковали за те или иные недостатки современники (И.В. Киреевский, И.И. Надеждин, впоследствии – Д.И. Писарев); в советском литературоведении пушкиноведение как наука достигло высочайшего уровня, но отчасти носило мифологизированный характер.

5. Являясь первым русским реалистическим романом, «Евгений Онегин» имеет новаторский характер. Однако эта его черта, как и другие – историзм, народность (как отражение истинно русских характеров, реалий русской жизни и образа мыслей русского дворянства) – мало что говорят европейскому читателю, которым прежде всего является переводчик-интерпретатор: сюжет романа может показаться вторичным по отношению к английской и французской литературе конца XIII – начала XIX веков. Это касается не только основной линии сюжета, но и отсылки характеров главных героев к романтическим персонажам Дж. Байрона, а также близости женских характеров к героиням французских (например, Ж-Ж. Руссо) и английских (например, Д. Остин) сентиментальных романов. К этим произведениям в тексте романа отсылает нас и сам автор: Татьяна читает Руссо, Онегин сравнивается с Чайльд-Гарольдом. Примеры эти неоднократно описаны в классической филологической литературе (см., например, Виноградов 1999, Лотман 1983 и др.).

6. Связь романа с французской литературой и французским языком сложнее и прочнее в силу диглоссии, характерной для русского дворянского общества той эпохи. В частности, в литературе упоминаются те реминисценции из французских литературных текстов, которые встречаются в письме Татьяны. Об этом пишет, например, Ю.М. Лотман с отсылкой к Л.С. Сержану, который «высказал предположение, что основным источником письма Татьяны является элегия Марселины Деборд-Вальмор (1786–1859) – второй степенной французской поэтессы, сборник стихотворений которой вышел в

¹ <https://priceguard.ru/offer/ozon-138191531>

² <https://www.youtube.com/watch?v=6mdLIUhMXTI>

1819 г. и потом несколько раз переиздавался. Причину обращения *П* к элегии французской поэтессы исследователь видит в том, что «в этих стихах наш поэт нашел, очевидно, то, что он так ценил в творчестве А. Шенье <...> изумительную, неподдельную искренность» (Сержан 1975: 545). Текст элегии Деборд-Вальмор, действительно, имеет ряд точек соприкосновения с письмом Татьяны, позволяющих утверждать, что он был известен *П* и был у него на памяти во время работы над письмом» (Лотман 1983: 228). Определенную сложность в аспекте перевода романа представляет присутствие в нем значительного количества французских заимствований (реалий, слов, имен собственных), контекст употребления которых, как нам представляется, далеко не всегда понятен как русскому, так и европейскому читателю – особенно современному.

7. Роман А.С. Пушкина написан привычным для русскоязычного читателя классическим стихотворным размером – четырехстопным ямбом, типичным для русской поэзии XIX века. Этот размер и уникальная, созданная Пушкиным специально для романа «онегинская строфа» (три четверостишья с определенной, строго выдержанной рифмовкой и две заключительные строфы, часто обобщающего содержания) придают уникальность и соразмерность всей конструкции, при этом, чтобы она предстала во всей гармонии, ее нужно было коснуться волшебным пером поэта. «Однако на Западе он [Пушкин] ценится менее других потому, что он наименее знаком читателям по сравнению с другими русскими авторами. Причину его невысокой известности далеко искать не надо. Главной средой его обитания является поэзия, но такая поэзия, которая в наименьшей мере поддается переводу потому, что ей недостает выражения и она наивна по мышлению, а ее магическая сила зиждется на точности, ясности и вербальном красноречии, которое настолько ощутимо, насколько и недоступно для передачи на другой язык» (Челышев 2015: 4).

Этим списком не исчерпываются все трудности при переводе произведений такого жанра, как «роман в стихах». Однако основной вопрос, который стоит перед переводчиком, можно сформулировать так: переводить роман прозой, акцентируя внимание на широте представленной в нем картины русской жизни первой трети XIX века, или попытаться передать «магию» его поэтической формы, сохранив широту повествования? И приступая к работе, переводчик должен решить, что важнее, сделав нелегкий выбор.

При этом интересно отметить, что в истории переводов «Евгения Онегина» есть случаи возвращения переводчика к оригинальному тексту в стремлении создать новую версию перевода, более точную и совершенную. Так, У. Арндт, В.В. Набоков, В. Либерсон, Ч. Джонстон, С.Н. Козлов, Р. Кларк, Е. Бонвер и М. Хобсон в разное время сделали по две редакции своих переводов. Трижды редактировала свой перевод романа А.С. Пушкина – в 1936, 1943 и 1964 годах – Бабетт Дойч (что все-таки не позволило ей избежать критики со стороны В.В. Набокова). Все три версии представляют собой

поэтические тексты, однако сравнение переводов позволяет увидеть, что автор продолжала работать как над содержанием, так и над формой. Об этом позволяют судить уже первые 4 строки текстов:

*My uncle's shown his good intentions
By falling desperately ill;
His worth is proved; of all intentions
Where will you find one better still?*

(Pushkin. *Eugene Onegin*. Tr. Deutsch 1936)

Впоследствии строфа звучит уже иначе:

*My uncle always was respected;
But his grave illness, I confess,
Is more than I could have expected:
A stroke of genius, nothing less.*

(Pushkin. *Eugene Onegin*. Tr. Deutsch 1943; 1964)

Очевидно, что в более позднем варианте переводчику в большей степени удается передать легкость и ироничность пушкинского стиха. Неудовлетворенность переводчика результатами своего труда связана в первую очередь с тем сложным выбором, о котором мы говорили выше и который предопределен поэтической тканью «энциклопедического» романа.

2.2. Переводы романа на английский язык

Обратимся к предисловиям и комментариям, сделанным ко многим переводам романа «Евгений Онегин» на английский язык, что объясняется потребностью их авторов уточнить цели перевода, перечислить трудности работы, познакомить читателя с творчеством А.С. Пушкина, дать краткий обзор его биографии, рассказать о своих мотивах обращения к роману. Важной частью предисловий является критика коллег, чьи переводы были опубликованы ранее. Это связано с тем, что авторы «предвидят» свои возможные ошибки, которые неизбежны в условиях сложности поставленной задачи. Кроме того, к некоторым переводам «Евгения Онегина» сделаны комментарии, касающиеся особенностей русской культуры и быта, формы изложения, личности поэта и даже особенностей русского языка.

Познакомить англоговорящего читателя с романом в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в разное время пробовали более 40 переводчиков: Г. Сполдинг (H. Spalding) (1881), К. Филипс-Уолли (C. Phillipps-Wolley) (1883), Б. Дойч (B. Deutsch) (первый перевод вышел в свет в 1936, а исправленные варианты были опубликованы в 1943, 1963), О. Элтон (O. Elton) (1937), Д. Радин (D.P. Radin) и Дж. Патрик (G.Z. Patrick) (1937), Б. Симмонс (B. Simmons) (1950), У. Арндт (W. Arndt) (1964 и исправленный вариант текста в 1992), Е. Кайдэн (E. Kayden) (1964), В.В. Набоков (1964 и повторная публикация в 1975), Дж. Хардинг (J. Harding) (1967), В. Либерсон (W. Liberson) (1975 и исправленный вариант в 1987), Ч. Джонстон

(Ch. Johnston) (1977 и вторая публикация в 2003), С.Д.П. Кло (S.D.P. Clough) (1988), С.Н. Козлов (1994 и еще один вариант в 1998), Дж. Фален (J.E. Falen) (1995), М. Шерер (M. Sharer) (1996), К. Кайл (C. Cahill) (1999), Р. Кларк (R. Clarke) (1999 и переизданный перевод 2011), Э. Корр (A. Corre) (1999), Д. Хофштадтер (D.R. Hofstadter) (1999), О. Эммет (O. Emmet) и С. Макуренкова (1999), Дж. Леджер (G.R. Ledger) (2001), Д. Литошик (D. Litoshick) (2001), Т. Бек (T. Beck) (2004), Е. Бонвер (E.Y. Bonver) (2004 и переизданный перевод 2005), М. Стоун (M.K. Stone) (2005), Г. Хойт (H. Hoyt) (2008), С. Митчелл (S. Mitchell) (2008), Э. Клайн (A. Kline) (2009), Дж. Лоуэффельд (J.H. Lowenfeld) (2010), Д. Томас (J.D. Thomas) (2011), М. Хобсон (M. Hobson) (публикации 2011 и 2016), Э. Бриггс (A. Briggs) (2016), Н. Потной (N. Portnoi) (2016). Важно обратить внимание на хронологию переводов: первый перевод романа на английский язык сделан в XIX веке, спустя 44 года после смерти А.С. Пушкина, в 1881 году, Генри Сполдингом (Henry Spalding). Отметим также, что это одна из первых попыток перевода пушкинского текста с сохранением уникальной онегинской строфы.

В предисловии к переводу Г. Сполдинг пишет: «Tastes are various in matters of poetry, but the present work possesses a more solid claim to attention in the series of faithful pictures it offers of Russian life and manners» [Что касается поэзии, вкусы различны, но данная работа заслуживает значительного внимания в том, что касается правдивых картин, изображающих русскую жизнь и привычки³] (Pushkin. *Eugene Onegin*. Tr. Spalding 1881). Таким образом, переводчик, оценивая свои усилия, считает, что ему в целом удалось описание русского быта, даже если он не вполне справился со сложной стихотворной формой. Отмечая, что в романе ощущается влияние творчества великого английского поэта Дж. Байрона, Г. Сполдинг признает, что сохранение оригинальной строфики романа представляет собой значительную сложность не только для переводчика, но и для читателя: «I must plead in excuse the difficult form of the stanza» [Я прошу прощения за сложность формы стиха] (ibid).

Кроме того, он отмечает, что переводить оригинальный текст особенно трудно тогда, когда он содержит элементы диалога, живой речи и описание местных обычаев: «In the “notes” I have endeavored to elucidate a somewhat obscure subject. Some of the poet's allusions remain enigmatical to the present day» [В «примечаниях» я постарался пояснить некоторые непонятные явления. Однако некоторые из указаний поэта остаются загадкой и сегодня] (ibid). Это замечание Г. Сполдинга, сделанное в 1881 году, особенно актуально и теперь в условиях интенсивного развития межкультурной коммуникации как науки, так как перевод литературного произведения – это всегда интерпретация национального содержания для иностранного читателя.

С этой целью Г. Сполдинг делает 86 исторических, культурных и литературных комментариев к роману. Например, в комментарии 70 он отмечает слово *matushka* (глава VII строфа XXVI) в разговоре провинциальных соседней

³ Здесь и далее представленный в квадратных скобках перевод сделан авторами статьи.

с матерью Татьяны, которые советуют ей отвезти дочь в Москву на ярмарку невест, обращаясь к ней «матушка» (*Я думала: пойдет авось; /Куда! и снова дело врозь. / «Что ж, матушка? за чем же стало? / В Москву, на ярманку невест! / Там, слышно, много праздных мест». / – Ох, мой отец! доходу мало. / – «Довольно для одной зимы...»*) (Пушкин 1978: 130). Г. Сполдинг пишет: «“*matushka*” or “*little mother,*” a term of endearment in constant use amongst Russian females» [“Матушка” – ласковое слово, постоянно употребляемое среди русских женщин] (*ibid*). Комментарий Г. Сполдинга минимален, он не говорит о стилистической окраске слова и не поясняет, что, являясь простонародным, в дворянской среде оно использовалось в качестве обращения с оттенком фамильярности (предполагало обращение на «ты») и мужчинами, на что указывает контекст (*Ох, мой отец! доходу мало...*).

Однако также приемлемым решением представляется сохранение образа русского слова, не поддающегося переводу, в транслитерации, но с английским окончанием множественного числа (см. у Г. Сполдинга *kibitkas* глава VII строфа ХХIX); так же данная лексема представлена в переводе В.В. Набокова. Отметим, что таким образом вводится в текст перевода национально-культурная лексика у многих переводчиков романа (*matushka, Samovar, troika, aboze, isba, vosok* и др.).

Однако это не означает, что данная практика не знает исключений. Так, например, у Ч. Джонстона слово *кибитки* («кибитка» – крытый экипаж, повозка⁴) переведено как *carats* («телега, подвода, повозка»), а во французском переводе романа, сделанном П. Безо, – как *charrettes* («телега, воз»), что вполне соответствует общему контексту данной строфы (глава VII, строфа ХХХI), в которой средства передвижения (*кибитка, обоз, возок*) играют важную роль как реалии русского быта (*Отъезда день давно просрочен, / Проходит и последний срок. / Осмотрен, вновь обит, упрочен / Забвенью брошенный возок. / Обоз обычный, три кибитки / Везут домашние пожитки, / Кастрюльки, стулья, сундуки ...*) (Пушкин 1978: 132).

В конце предисловия Г. Сполдинг оценивает свой труд так: «I think I may say that I have adhered closely to the text of the original» [Думаю, я могу сказать, что сумел близко передать оригинальный текст] (*ibid*). Переводчик признается, что опустил те лирические отступления, которые относятся к воспоминаниям поэта, потому что «*memoirs do not usually excite much interest till the subjects of them are pretty well known*» [мемуары обычно не вызывают интереса, пока свежа память об их предмете] (*ibid*). Очевидно, что Г. Сполдинг стремился адаптировать роман для восприятия современного ему читателю.

За сохранение онегинской строфы переводчик «Евгения Онегина» на английский язык Уолтер Арндт (Walter Arndt) в 1964 году был удостоен престижной Боллингенской премии, присуждаемой за особые достижения именно в области поэзии.

⁴ Здесь и далее значения слов даны по словарю С.И. Ожегова (Ожегов 1997).

Онегинскую строфу сохраняет и перевод Чарлза Джонстона (Charles H. Johnston), сделанный в 1977 году. В предисловии переводчик оценивает недостатки более ранних переводов: «Few foreign masterpieces can have suffered more than «Eugene Onegin» from the English translator's failure to convey anything more than – at best – the literal meaning» [Немногие зарубежные шедевры могли пострадать больше «Евгения Онегина» от неспособности английского переводчика передать что-то большее, чем в лучшем случае буквальное значение] (Pushkin. *Eugene Onegin*. Tr. Johnston 1977). В свою очередь сам Ч. Джонстон ставит форму выше содержания и видит именно в ней ценность произведения, а также говорит о сложности ее передачи на английский язык: «It is as if a sound-proof wall separated Pushkin's poetic novel from the English-reading world» [Как будто звукоизоляционная стена отделяла пушкинский поэтический роман от англоязычного мира] (ibid). С этой точки зрения Ч. Джонстон критикует перевод В.В. Набокова, который сделал акцент на передаче содержания романа: «Vladimir Nabokov's rendering into unrhymed iambics reproduces the exact meaning, but explicitly disclaims any further ambition...It can however certainly strive for something else» [Перевод Владимира Набокова в безритмовую ямбу воспроизводит точный смысл, но явно отвергает любые дальнейшие амбиции... Однако, безусловно, следует стремиться к чему-то еще] (ibid).

Многие исследователи, в частности Е.П. Чельшев и А.А. Липгарт, среди лучших переводов романа на английский язык особо выделяют перевод Дж.Э. Фалена: «В Англии и США предпринималось десять попыток перевести «Евгения Онегина»; далеко не все они оказались удачными. Лишь «применительно к нескольким текстам – в частности, к включенному в настоящий сборник переводу Дж.Э. Фалена (1996), – можно сказать, что эти попытки увенчались успехом» (Липгарт 1999: 17, цит. по Чельшев 2015). Однако рядом с этим именем можно поставить фамилии других переводчиков, чьи работы специалисты по переводоведению считают успешными. Н.М. Нестерова пишет: «Именно этот перевод [Фалена] побудил Хофштадтера учить русский язык, прочитать и выучить наизусть пушкинский текст и, наконец, сделать свой перевод, который, на наш взгляд, можно поставить в один ряд с переводами Ч. Джонстона и Дж. Фалена» (Нестерова 2014). Таким образом, перевод романа Ч. Джонстоном признается специалистами одним из самых удачных.

Но нельзя сказать, что перевод В.В. Набокова является в строгом понимании этого термина прозаическим, так как он представляет собой ритмическую прозу с сохранением стихотворного размера. Однако для писателя было важно передать русский национальный колорит, поэтому он в некоторых случаях пренебрегает даже правилами английской грамматики, что отмечали многие критики и переводчики. Кроме того, В.В. Набоков сохраняет сложные для англоязычного читателя отсылки к иностранным произведениям и обилие французских слов. Поэтому этот текст отчасти может восприниматься

английским и американским читателем как чужеродный. И в переводе, и в комментариях к роману В. Набоков стремится пояснить его сложное содержание: «...полностью манера нашего художника раскрывается в распределении сюжетного материала, равновесии частей, смене тем и отступлениях в повествовании, введении героев, отходах от основной темы, переходах и тому подобном» (Набоков 1999: 33).

Высокая степень лингвистической точности комментариев В.В. Набокова, обусловлена, как нам представляется, его безупречным владением русским (родным для него) языком. Более того, будучи выдающимся русским писателем-стилистом, он достиг таких же высот в своем творчестве на английском языке. Это становится очевидным при сопоставлении его комментариев с комментариями других переводчиков: например, Г. Сполдинг уловил оскорбительный оттенок в употреблении А.С. Пушкиным английского слова *spleen* по отношению к тому впечатлению, которые производят светские дамы (строфа XLII):

*Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает сплин.*

(Пушкин 1978: 22–23)

Эта ирония вполне соответствует общей тональности многих лирических отступлений в романе. Однако переводчик сопровождает ее пространным комментарием: «The poet in all probability wrote the offending stanza in a fit of Byronic “spleen,” as he would most likely himself have called it. Indeed, since Byron, poets of his school seem to assume this virtue if they have it not, and we take their utterances under its influence for what they are worth» [Однако поэт, по всей вероятности, написал оскорбительную строфу в припадке байронического «сплина», как, скорее всего, он сам бы это назвал. Действительно, со времен Байрона поэты его школы, кажется, считают добродетелью, если они не испытывают этого чувства, и мы принимаем их высказывания, понимая, чего они стоят] (Pushkin. *Eugene Onegin*. Tr. Spalding 1881). В то же время в предыдущей строфе он по каким-то причинам избегает перевода лексемы *хандра*, столь важной для характеристики русской души: «...Was nothing but the British spleen transported to our Russian clime» [...Было все лишь британским сплином, перенесенным в наш русский климат] (ibid). Сравним: у А.С. Пушкина в строфе XXXVIII: «Подобный аглицкому сплину, / Короче: русская хандра им овладела понемногу» (Пушкин 1978: 22).

Отличие от В.В. Набокова, строго следовавшего за текстом А.С. Пушкина, некоторые переводчики допускали сокращения оригинального текста, что можно проследить по несоответствию количества строф. Так, например, строфа XXXVIII у А.С. Пушкина соотносится со строфой XXXV у Г. Сполдинга, и далее этот разрыв только увеличивается.

Созданию комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» В.В. Набоков посвятил девять лет. Этот комментарий уникален, потому что речь идет не просто о пояснениях к содержанию романа и разъяснениях его художественных и лингвистических особенностей. В нем представлены суждения писателя о лингвистической сущности слова – его грамматических характеристиках, лексических значениях и даже о той стилистической окраске, которая сопровождала слово, но была утрачена в процессе развития языка. Уникальность лингвистического подхода В.В. Набокова состоит в том, что он, помимо русского, в совершенстве владел английским и французским языками. Благодаря этому комментарии В.В. Набокова включают не только ономастические, лингвокультурологические и литературоведческие пометы, но и пространные лингвистические размышления, представляющие отдельную научную ценность.

По поводу некоторых слов он создает целые лингвистические сюжеты: например, для пояснения слов *сплин*, *хандра*, *скука* и *тоска* (Набоков 1999), В.В. Набоков дает соответствующие переводы не только на английский, но и на французский язык (*maladie imaginaire*, *hypochondrie*). Привлекая данные трех языков (английского, французского и русского), В.В. Набоков делает сопоставительный анализ значений лексем *хандра*, *сплин*, *гипохондрия*, *меланхолия*, *скука*. В результате этого сопоставительного анализа он приходит к выводу, что французское *ennui* из *La Grande Encyclopédie* 1885 года «...верно для гипохондрических настроений всех вымышленных персонажей онегинского духа» (ibid), и далее отмечает, что «...вокабуляр, обслуживающий *ennui*, включает также *тоску* и *скуку*, которые А.С. Пушкин из просодических соображений часто использует как синонимы к *хандре*» (ibid).

Живой интерес к уникальному русскому роману сохраняется и в наше время. Свою версию романа в прозе предложил в 2005 году Р. Кларк, который стремился к тому, чтобы прежде всего передать его увлекательный сюжет, что потребовало адаптации текста для широкого круга читателей. Кроме того, известны переводческие работы Мэрилин Стоун (Marilyn K. Stone) 2005 года и Стенли Митчелла (Stanley Mitchell) 2008 года. Конечно, этими фамилиями история перевода романа «Евгений Онегин» на английский язык в XXI веке не исчерпывается: мы можем предположить, что кроме полностью законченных и опубликованных переводов романа существуют фрагменты текста на английском языке, которые размещены в Интернете их иностранными или российскими авторами, возможно, даже не профессиональными переводчиками.

Имея в виду энтузиазм англоязычных переводчиков романа в XX веке, а также реагирующих на него критиков, К.И. Чуковский, который сам был блистательным переводчиком, а потому и строгим критиком чужих переводов, писал: «Как ни отнестись к качеству этих переводов, нужно сказать, что каждый из них – результат многолетнего, большого труда. В два–три месяца “Онегина” стихами не переведешь: в нем 5540 рифмованных

строк. Юджин Кейден сообщает в своем предисловии, что он работал над “Онегиным” двадцать лет. ...И замечательно, что англо-американская критика встречает каждого нового “Онегина” несметным количеством статей и рецензий, обсуждая азартно и шумно его верность великому подлиннику... Мне, русскому, радостно видеть, как близко принимают к сердцу заморские и заокеанские люди творение гениального моего соотечественника» (Чуковский 1988: 334).

2.3. Переводы романа на французский язык

Текстов романа на французском языке существует меньше, чем на английском; наиболее заметными переводчиками «Евгения Онегина» на французский язык были следующие: И.С. Тургенев и Л. Виардо (L. Viardot) (1863), П. Бесо (Paul Béesau) (1868), Г. Перо (G. Pérot) (1902), Ж. Ширак (J. Chirac) (1951), М. Колен (M. Colin) (1980), Н. Минор (N. Minor) (1990), Р. Легра (R. Legras) (1994), Ж.-Л. Бакес (J.-L. Bакès) (1996), А. Маркович (A. Markowicz) (2005), Ф. Вутев (F. Voutev) (2012), Т. Попова-Бонналь (T. Popova-Bonnal) (2018).

Первой попыткой перевода «Евгений Онегина» на французский язык была совместная работа русского писателя И.С. Тургенева и французского писателя и публициста Л. Виардо. Этот труд представляет собой переложение сюжета романа в прозе (хотя авторы высоко ценили уникальную онегинскую строфу) и был опубликован в 12-м и 13-м томах журнала «La Revue nationale et étrangère» («Национальный и иностранный журнал») в 1863 году. Кроме этого, авторы снабдили перевод краткими комментариями к тексту и составили небольшое предисловие, в котором, по их собственным словам, не могли решить «Pouchkine imitant Byron est supérieur à Pouchkine imitant Shakspeare» [превосходит ли Пушкин, подражающий Байрону, Пушкина, подражающего Шекспиру] (Pouchkine. *Eugène Onéguine*. Tr. Turgueniev et Viardot 1863); они также указали на его близость к творчеству широко известных немецких и английских поэтов и писателей (И. Гёте, Ф. Шиллера, У. Шекспира, В. Скотта).

У переводчиков не вызывал сомнения тот факт, что роман «passe généralement pour le chef-d'œuvre de son auteur» [в целом считается шедевром своего автора] (ibid), потому что «Le poème d'Onéguine se ressent de la diversité des lieux, des époques et des situations où furent composées les différentes parties de l'œuvre» [В поэме Онегина ощущается разнообразие мест, эпох и ситуаций, из которых составлены различные части произведения] (ibid). Из этой цитаты следует, что авторы перевода подчеркивают сложность его сюжета и панорамность композиции: это неудивительно, ведь перевод был выполнен в 1863 году, когда события первой половины XIX века были еще живыми и актуальными для читателя второй половины XIX века.

Интересно, что в некоторых переводах отдельные строфы романа вовсе отсутствуют, о чем в 1881 году писал Г. Сполдинг, который не обнаружил ряда строф в немецких и французских переводах, возможно, в силу

сложности для переводчика оригинального текста. Таким образом, «версия» романа И.С. Тургенева и Л. Виардо, несмотря на присущие ей недостатки, стала первой попыткой познакомить французского читателя с романом А.С. Пушкина, однако не смогла передать национальной уникальности и очарования оригинала.

Следующую попытку перевода «Евгения Онегина» на французский язык в 1868 году предпринял Поль Безо (Paul Béésau). Эта версия пушкинского текста также была сделана в прозе, и основной целью автора было знакомство французской публики с русским писателем: «“Eugène Onéguine”, regardé comme le chef-d’œuvre de Pouchkine, n’avait pas encore été traduit en notre langue» [“Евгений Онегин”, считающийся шедевром творчества Пушкина, еще не переводился на наш язык] (Pouchkine. *Eugène Onéguine*. Tr. Béésau 1868). Мы не нашли подтверждения того, что П. Безо был знаком с переводом И. Тургенева и Л. Виардо.

Оценивая роман с точки зрения стиля и содержания, П. Безо отмечает, что в нем нет недостатка «ne manque ni d’originalité, ni de verve satirique, ni de douce poésie, sans parler des faits et gestes d’Onéguine» [ни в оригинальности, ни в блестящей сатире, ни в нежности поэзии, не говоря уже о поступках Онегина] (ibid). Главной же ценностью произведения он считает «une galerie de tableaux pris çà et là dans l’existence russe et servant de fond à une action très-simple» [галерею картин, взятых из русской жизни и выполняющих функцию фона для развития очень простого действия] (ibid). Эта «простота» и очаровывает П. Безо, который призывает французского читателя XIX века прочесть роман: «Je n’ajoute plus un mot, et je confie à ceux qui savent encore goûter les choses simples et vraies le soin de statuer sur le sort d’Onéguine» [Я не добавлю более ни слова и доверяю тем, кто еще умеет получать удовольствие от простых и правдивых вещей, самим судить о судьбе Онегина] (ibid).

Это небольшое по объему предисловие особенно интересно с точки зрения открытого выражения позиции переводчика, который, оценив «нежную поэзию», призывает французского читателя получить удовольствие от разнообразия характеров, простоты сюжета и галереи картин русской жизни. Внимание П. Безо к тому, чтобы точно передать черты национального быта, обнаруживается в деталях. Используя, как и другие переводчики, транслитерацию национально-культурной лексики, он пишет слово *Samovar* с большой буквы («Шунел вечерний **самовар**» Глава III, строфа XXXVII) и сохраняет в транслитерации слово *возок* (*vosok*). В то же время И.С. Тургенев переводит его как *voiture à patins* («средство передвижения на полозьях»), а Ч. Джонстон – как *sledded coach* («сани»), что конкретизирует семантику слова, позволяя читателю наглядно представить способ передвижения в условиях русской зимы («возок» – зимний крытый экипаж на полозьях).

Отметим, что сопоставительный характер переводов еще раз подчеркивает не теряющую своей актуальности проблему передачи на другой язык национально-культурной лексики: выбор между транслитерацией

и собственно переводом всегда является личным выбором переводчика, что и показывает анализ выделенных «русизмов» (см. стр. 9). Перевод П. Безо, опубликованный спустя всего 30 лет после гибели поэта, занял свое место в хронологии франкоязычных версий «Евгения Онегина», потому что он был вторым и, возможно, последним в рамках XIX века французским переводом романа.

Среди переводов романа на французский язык XX века многих авторов (Г. Перо (1902), Ж. Ширак (1951), М. Колен (1980), Н. Минор (1990), Р. Легра (1994), Ж.-Л. Бакес (1996)) известный филолог, историк литературы и переводчик Е.Г. Эткинд выделяет переводы Гастона Перо и Мориса Колена: «Особый интерес представляют переводы “Евгения Онегина”; среди нескольких переводов (главным образом прозаических) выделяются два, исполненные строфой оригинала: Гастона Перо (1902) и Мориса Колена (1980)» [Эткинд 1999: 16].

Один из переводов XX века был сделан будущим Президентом Французской Республики Жаком Шираком. Канадский франкоязычный телевизионный канал *TVA nouvelles* 30 июня 2001 года опубликовал на своем интернет-портале заметку под названием «Жак Ширак – переводчик Пушкина» (*Jacques Chirac traducteur de Pouchkine*)⁵. В этой публикации содержался анонс интервью с Жаком Шираком, где он рассказал, что в двадцатилетнем возрасте, находясь «под большим впечатлением от Пушкина», он по заданию своего преподавателя русского языка перевел роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Однако ни одно издательство не согласилось опубликовать перевод: «Probablement n’était-elle pas assez bonne» (Вероятно, он [перевод] был недостаточно хорош), – предположил сам Ж. Ширак. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что нам не удалось обнаружить текст этого перевода.

Обратимся к переводу XXI века (2005 года), предложенному Андре Марковичем, который имел безусловный успех у французского читателя. Это объясняется тем, что перевод был сделан в стихотворной форме: в нем автор предпринимает попытку повторить онегинскую строфу, чтобы передать французскому читателю секрет легкости пушкинского стиха, что облегчило бы восприятие содержания романа. В своей работе А. Маркович уделяет внимание деталям, ироническому тону повествования, придавая этому не меньшее значение, чем точности изложения. Переводу предшествует предисловие, в котором автор изящно и точно характеризует то содержание романа, которое определяется личностью каждого из молодых героев. «À travers ses strophes d’octosyllabes, simples, ironiques et lyriques, Pouchkine raconte l’histoire de ces jeunes coeurs bercés d’ennui et de rêves: le spleen d’Onéguine, le tourment de Tatiana, la flamme de Lenski et la naïveté d’Olga. La mélancolie, le romantisme, l’ironie et le drame se conjuguent jusqu’au duel fratricide et aux amours perdues» [В своих простых, ироничных и лиричных

⁵ URL: <https://www.tvanouvelles.ca/2001/06/30/jacques-chirac-traducteur-de-pouchkine> (дата обращения: 15 сентября 2020)

восьмистопных строфах Пушкин рассказывает историю молодых сердец, взращенных в тоске и мечтах: сплин Онегина, мучения Татьяны, пламенность Ленского и наивность Ольги. Меланхолия, романтизм, ирония и драма сплетаются в братоубийственной дуэли и потерянной любви] (Pouchkine. *Eugène Onéguine*. Tr. Markowicz 2005).

Поэтическая оценка пушкинского текста А. Марковичем свидетельствует о том, что он уловил дух романа, не только почувствовал лиризм сюжета и формы, но и постарался передать иронический подтекст авторских отступлений. Именно поэтому данный перевод до сих пор принято считать одним из лучших и близким к оригинальному тексту. Создается впечатление, что А. Маркович, в отличие от И.С. Тургенева и П. Безо, не считал своей основной задачей адаптацию оригинального текста.

Упомянем также переводы Роже Легра (R. Legras, 1994), Татьяны Поповой-Бонналь (Т. Ророва-Bonnal, 2018) и Флориана Вутева (F. Voutev, 2012). В переводе Р. Легра можно отметить стремление передать авторскую иронию; Т. Попова-Бонналь сопровождает перевод короткими комментариями, которые помогают зарубежному читателю лучше понять текст, познакомиться с жизнью русского человека, больше узнать о «загадочной» русской душе и русской культуре. Так, например, у нее есть замечания о личности самого А.С. Пушкина, иронический тон которых соответствует иронии оригинального текста: «...car Pouchkine ne rate jamais bonnes femmes! Il n'aime que la jeune fille discrète et romantique» [...так как Пушкин никогда не пропускал красивых женщин! Ему нравятся только скромные и романтические девушки] (Pouchkine. *Eugène Onéguine*. Tr. Ророва-Bonnal 2018). Кроме того, переводчик делает грамматические пометы по поводу отдельных слов: «L'hiver est féminin en russe» [Зима в русском языке женского рода] (ibid).

Работа над текстом А.С. Пушкина заняла у Ф. Вутева почти четыре года и стала для него дебютом в области литературного перевода. Он замечает, что ему «было интересно узнать, как звучит он [роман] на языке Расина и Верлена»⁶, «любопытство мое было чисто читательское. Признаюсь, кстати, я ни одного из этих переводов не дочитал до конца. Я даже постарался вполне их забыть, когда неожиданно для себя начал переводить роман. В противном случае получилось бы какое-то подражание или неудачная переработка чужих переводов» (ibid). Стремление испытать свои силы в переводе романа побудило его перевести примечания А.С. Пушкина к роману и попытаться воспроизвести онегинскую строфу.

Завершая обзор французских переводов, отметим, что приведенные выше слова К.И. Чуковского «Мне, русскому, радостно видеть, как близко принимают к сердцу заморские и заокеанские люди творение гениального моего соотечественника» (Чуковский 1988: 334) в полной мере можно отнести и к переводам романа на французский язык. Однако проанализированный

⁶ URL: <http://rusoch.fr/ru/guests/novyj-francuzskij-onegin.html>

материал не показывает такого явного пристрастного отношения французских переводчиков к деятельности своих коллег, как среди англоязычных переводчиков.

3. Заключение

Художественные ценности высокой культуры, которые еще вчера казались неизблемыми, сегодня перестают быть одним из главных объектов научного описания. В современной лингвистике «абстрактно-гуманитарные интересы заменяются утилитарно-профессиональными, а язык распространяется через туризм, экономику и науку, что реально дает возможность функционировать русскому языку как мировому» (Протасова 2013).

С таким мнением, которое сегодня широко высказывается в связи с тенденцией к изучению и описанию любого языка в аспекте коммодификации, то есть в сугубо прагматических целях (медицина, бизнес, туризм, и др.), трудно не согласиться⁷. Этому способствуют и общие процессы глобализации и цифровизации, которые проявляются в частности в изучении новых типов текстов, например, мультимодальных. Эта эволюция самого языка и науки о нем вполне закономерна, однако «абстрактно-гуманитарные интересы», несмотря ни на что, остаются важной частью межкультурной коммуникации, о чем свидетельствует неиссякаемый интерес к национальным литературным шедеврам, который обуславливает появление все новых и новых переводов произведений художественной литературы, в том числе – русской классики XIX века.

Переводы романа «Евгений Онегин», сделанные в конце XX и начале XXI веков, позволяют говорить о том, что сложность самой задачи, скорее, способствует стремлению переводчиков новых поколений покорить эту художественную вершину. Не случайно переводческая деятельность на протяжении почти двух веков сопровождается профессиональными дискуссиями, которые находят отражение в предисловиях и комментариях авторов-переводчиков. В них же часто отражается и общая неудовлетворенность последних результатами своего труда: поставленная задача оказывается не решенной в полной мере – выбор между формой и содержанием или попытка найти компромисс между ними не дает желаемого эффекта.

«Многоголосие» переводчиков романа, которое нам удалось «услышать» благодаря тому, что переводы были рассмотрены в хронологической последовательности, а также проанализированы комментарии к ним, свидетельствует о существовании прочной традиции, сложившейся в европейском переводе именно вокруг этого произведения. Эта традиция не прерывается и в XXI веке – можно выразить уверенность в том, что не прервется и в дальнейшем. Пушкинский гений, до сих пор в полной мере не

⁷ См. об этом подробно: Muth 2017, а также весь спецвыпуск журнала *Russian Journal of Linguistics* 23 (3) 2017, полностью посвященный проблеме коммодификации русского языка.

понятый в Европе, остается притягательным не только для русскоязычных переводчиков (такие переводы также продолжают появляться, однако они остались за рамками нашей статьи), но и для носителей других языков.

Как показал проделанный анализ, трудно преодолимым препятствием для переводчиков является музыкальность пушкинского стиха и особое положение четырехстопного ямба в русской поэзии XIX века в целом, а также «шифр» онегинской строфы, в частности. Видимая простота сюжета оказывается обманчивой, так как восполняется широкой панорамностью лирических отступлений. Кроме того, высокая степень историзма (наличие в тексте архаизмов, старославянизмов, заимствований, народной и разговорной лексики) создает особые трудности при переводе. Общие стилистические регистры речи русского языка, с одной стороны, английского и французского языков – с другой, не совпадают, что затрудняет саму возможность передать национальное своеобразие эпохи первой трети XIX века, нюансы пушкинской иронии.

Все эти уникальные особенности пушкинского текста метафорически соединены в поэтически точном оксюморе А.А. Ахматовой, которая назвала роман «воздушной громадой» (*И было сердцу ничего не надо, / Когда пила я этот жгучий зной... / «Онегина» воздушная громада, / Как облако, стояло надо мной*). Образ облака передает ощущение погружения читателя в этот роман: переводчик, который одновременно является и адресатом текста оригинала, и адресантом переводного текста, «входит в это облако», увлекая за собой иноязычного читателя сегодня так же, как и сто пятьдесят лет назад.

Независимо от результата каждая попытка перевода пушкинского романа на любой иностранный язык вносит существенный вклад в развитие межкультурной коммуникации. Однако отметим, что переводы романа на английский и французский языки особенно актуальны, так как напоминают о том, что «Евгений Онегин» является фактом не только русской, но и европейской культуры а priori, поскольку его автор был русским человеком европейской культуры своего времени.

Таким образом, даже в современных условиях «утилитарно-профессиональной ориентации» истинные ценности высокой культуры продолжают занимать важное место в межкультурной коммуникации – в том числе и как объект научного описания.

© Elena Remchukova and Ekaterina Nedopekina, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богинская А.П. К проблеме анализа параллельных текстов: четыре французских перевода «Евгения Онегина» // Ученые записки Орловского государственного

- университета. 2016. № 3 (72). С. 138–145. [Boginskaya, Anastasiya P. 2010. K probleme analiza parallel'nykh tekstov: chetyre frantsuzskikh perevoda «Evgeniya Onegina» (To the problem of analyzing parallel texts: four French translations of “Eugene Onegin”). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* 3 (72). 138–145].
- Бодров В.А. Постижение Пушкина (Владимир Набоков) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 3. <http://www.science-education.ru/article/view?id=310> (дата обращения: 13.07.2020). [Bodrov, Vladimir A. 2006. Postizhenie Pushkina (Vladimir Nabokov) (Comprehension of Pushkin (Vladimir Nabokov)). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 3, <http://www.science-education.ru/article/view?id=310> (accessed 13 July, 2020)].
- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Наука. 1999. 704 с. [Vinogradov, Victor V. 1999. Stil' Pushkina (Pushkin's style). Moscow: Nauka].
- Гак В.Г. Язык Пушкина и французский язык // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 7–89. [Gak, Vladimir G. 2000. Yazyk Pushkina i frantsuzskii yazyk (Pushkin's language and French language). *Voprosy yazykoznaniiya* 2. 79–89].
- Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с. [Lotman, Yurii M. 1983. Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»: Kommentarii. Posobie dlya uchitelya (Alexander Pushkin's novel “Eugene Onegin”: Commentary. Teacher's manual). Leningrad: Prosveshchenie].
- Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (пер. Н. Жутовской). Санкт-Петербург: Искусство, 1999. 928 с. [Nabokov, Vladimir V. 1999. Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgenii Onegin» (Commentary on the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”). Saint Petersburg: Iskusstvo].
- Нестерова Н.М. «С живой картины список бледный»: об английских переводах «Евгения Онегина» А.С. Пушкина [Электронный ресурс] // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2014. № 4. С. 26–35. <http://journal.permisc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n4p4> (дата обращения: 24.10.2020). [Nesterova, Natal'ya M. 2014. “S zhivoi kartiny spisok blednyi”: ob angliiskikh perevodakh “Evgeniya Onegina” A.S. Pushkina (“From a living picture the list is pale”: about the English translations of *Eugene Onegin* by A.S. Pushkin). *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* 4. 26–35. <http://journal.permisc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n4p4> (accessed 24 October, 2020)].
- Панченко Е.И. О некоторых лингвокультурологических особенностях перевода поэзии романа «Евгений Онегин». Издавництво ДНУ, 2011. [Panchenko, Elena I. 2011. O nekotorykh lingvokul'turologicheskikh osobennostyakh perevoda poezii romana «Evgenii Onegin» (On some linguistic and cultural features of the novel “Eugene Onegin” poetry translation). Vidavnitstvo DNU].
- Плохотников Г.А. Концептуальные сложности художественной интерпретации в переводческой деятельности В. Набокова [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 6. <http://www.eduherald.ru/article/view?id=14272> (дата обращения: 13.07.2020). [Plokhotnikov, Gennadii, A. 2015. Kontseptual'nye slozhnosti khudozhestvennoi interpretatsii v perevodcheskoi deyatel'nosti V. Nabokova (On some linguistic and cultural features of the novel “Eugene Onegin” poetry translation). *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik* 6. <http://www.eduherald.ru/article/view?id=14272> (accessed 13 July, 2020)].
- Протасова Е. Русский язык в туристическом ландшафте зарубежья // Русский язык за рубежом. 2013. № 4. С. 53–61. [Protassova, Ekaterina 2013. Russkii yazyk v turisticheskome landshafte zarubezh'ya (Russian Language in Tourism Landscape Abroad). *Russkii Yazyk za Rubezhom* 5. 53–61].

- Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2019. Т. 23. № 2. С. 295–327. [Sdobnikov, Vadim V. 2019. Translation studies today: Old problems and new challenges. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 295–327]. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327.
- Чеснокова О.С., Талавера-Ибарра П.-Л. «Демон» М.Ю. Лермонтова: обратный перевод как источник интертекстуальности // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 166–179. [Chesnokova, Olga S., Talavera-Ibarra, Pedro L. 2015. [«Demon» M.Yu. Lermontova: obratnyi perevod kak istochnik intertekstual'nosti (“Demon” by M.Yu. Lermontov: Reverse translation as a source of intertextuality). *Russian Journal of Linguistics* 2. 166–179].
- Чельшев Е.П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода [Электронный ресурс] // Электронное научное издание *Альманах Пространство и Время*. 2015. Т. 10, вып. 1: Пространство и время текста. http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.61.php. (дата обращения: 15.10.2020). [Chelyshev, E. 2015. Iz istorii postizheniya smyslov pushkinskogo teksta: problemy yazyka, ponimaniya i kul'tury perevoda. Elektronnoe nauchnoe izdanie *Al'manakh Prostranstvo i Vremya* 10 (1): Prostranstvo i vremya teksta. http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.61.php. (accessed 15 October, 2020)].
- Чуковский К.И. Искусство перевода. М.; Л.: Academia, 1936. 222 с. [Chukovskii, Kornei I. 1936. *Iskusstvo perevoda* (The art of translation). Moskav; Leningrad: Academia.].
- Чуковский К.И. Онегин на чужбине // *Дружба народов*. 1988. № 4. С. 324. [Chukovskii, Kornei I. 1988. Onegin na chuzhbine (Onegin in a foreign land). *Druzhba narodov* 4. 324].
- Эткинд Е.Г. Поэзия А.С. Пушкина во французских переводах // Пушкин, А.С. Избранная поэзия в переводах на французский язык / сост. Е.Г. Эткинд; авт. вступ. ст. Е.Г. Эткинд. Москва: Рудомино: Радуга, 1999. С. 5–22. [Etkind, Efim G. 1999. A.S. Pushkin's Poetry in French Translation». In *A.S. Pushkin. Selected Poetry in French Translation*. 5–22. Moscow: Rudomino Publisher; Raduga Publisher].
- Behr, Dorothee & Mandy Sha. 2018. Translation of questionnaires in cross-national and cross-cultural research. *Translation and Interpreting* 10 (2). 5–20.
- Buden, Boris, Stefan Nowotny, Sherry Simon, Ashok Bery & Michael Cronin. 2009. Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses. *Translation Issues* 2 (2). 196–219. DOI: 10.1080/14781700902937730.
- Dam-Jensen, Helle, Carmen Heine & Iris Schrijver. 2020. The Nature of Text Production – Similarities and Differences between Writing and Translation. *Across Languages and Cultures* 20 (2). 155–172. DOI: 10.1556/084.2019.20.2.1
- Danilova, Vasilisa. 2020. Ways of conveying ethnocultural lexicon in translation of the novel Eugene Onegin by A.S. Pushin into Portuguese (on the materials of Dário Moreira de Castro Alves' translation). *Litera* 7. 100–108. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32880.
- Dmitrieva, Elena. 1999. «Un Bilingue parfait: Pouchkine et la langue française». *Langues étrangères à l'école* 3. 79–84. Moscou.
- Kobrina-Coolidge, Julia. 2015. Vladimir Nabokov as a Translator of Pushkin's Novel in Verse “Eugene Onegin”. https://www.academia.edu/34593086/Vladimir_Nabokov_as_a_Translator_of_Pushkins_Novel_in_Verse_Eugene_Onegin (accessed 20 October, 2020).
- Loupaki, Elpida. 2017. Multilinguisme, multiculturalisme et pratique traduisante au sein de l'Union européenne. *The Journal of Specialised Translation* 28. 52–68.
- Muth, Sebastian. 2017. Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification. *Russian Journal of Linguistics* 23(3), 463–492.

- Nesterova, Natal'ya M. & Yuliya Popova K. 2017. Eugene Onegin in the English-speaking Linguacultural Space. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities* 9 (4). 82–101.
- Perdikaki, Katerina. 2018. Film adaptation as the interface between creative translation and cultural transformation: The case of Baz Luhrmann's *The Great Gatsby*. *The Journal of Specialised Translation* 29. 169–188.
- Razumnaya, Anna. 2012. *Onegin* in English: Against Nabokov. *Literary Imagination* 14 (3). 277–291. <https://doi.org/10.1093/litimag/ims064>.
- Razumovskaya, Veronica A. 2011. Mystical scenes in the novel Eugene Onegin: reconstruction in translations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 10. 1432–1443.

Текст и переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения (Eugene Onegin. Dramatic works). Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1978, 529 с. [Pushkin, Aleksander S. 1978. *Polnoe sobranie sochinenii. V 10 t.* AN SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom), 5. Evgenii Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie].
- Pushkin, Alexander. 1977. *Eugene Onegin*. Translated by Charles H. Johnston, Hannondsworth: Penguin Books Ltd.
- Pouchkine, Alexandre. 2005. (trad. André Markowicz, préf. Michaël Meylac, postface André Markowicz), *Eugène Onéguine* (roman en vers), Arles, Actes Sud, coll. «Babel» (n 924), 2005 (1re éd. 2005), 380 p. [Pushkin, Alexander. 2005. *Eugene Onegin*. Trans. Andrei Markovich, pref. Michael Meylac, postface Andrei Markovich. 380].
- Pouchkine, Alexandre. *Eugène Onéguine* (Roman en vers). Nouvelle traduction de Florian Voutev, LA BRUYERE, 2012, 239 p. [Pushkin, Alexander. 2012. *Eugene Onegin*. Trans. Florian Voutev. 239].
- Pouchkine, Alexandre. *Eugène Onéguine* Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot in *la Revue nationale et étrangere*, t. 12 & 13, 1863. [Pushkin, Alexander. 1863. *Eugene Onegin*. Trans. Louis Viardot. *Revue nationale et Etrangere*].
- Pouchkine, Alexandre. *Eugène Onéguine*. Trad. Roger Legras, Lausanne, Editions l'Âge d'Homme, 1994, 120 p. [Pushkin, Alexander. 1994. *Eugene Onegin*. Trans. Roger Legras. 120].
- Pouchkine, Alexandre. *Eugène Onéguine*. Traduction par Paul Béesau, Librairie A. Franck, 1868. [Pushkin, Alexander. 1868. *Eugene Onegin*. Trans. Paul Beesau, Librairie Franck Launai].
- Pouchkine, Alexandre. *Eugène Onéguine*: Traduction: Tetyana Popova-Bonnal. Kindle Edition, 2018, 225 p. [Pushkin, Alexander. 2018. *Eugene Onegin*. Trans. Tetyana Popova-Bonnal. Kindle Edition. 225].
- Eugene Onegin: A Romance of Russian Life in Verse* by Alexander Pushkin. Translated from the Russian by Lieut.- Col. [Henry] Spalding, London: Macmillan and Co., 1881.
- Eugene Onegin, a novel in verse* by Alexander Pushkin; a new translation by Babette Deutsch [1895–1982]; edited, with a special introduction, by Avrahm Yarmolinsky; illustrated with lithographs by Fritz Eichenberg, New York: Heritage Press 1943. LCCN (Library of Congress Control Number): 43012373.

Article history:

Received: 17 August 2020

Revised: 25 October 2020

Accepted: 27 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 августа 2020

Дата принятия к печати: 27 октября 2020

Bionotes:

Elena N. REMCHUKOVA is Professor at the Department of General and Russian Linguistics, the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). She is a member of the editorial committee of the research journal *Tsennosti i Smy Sly (Values and Senses)* and a reviewer of the research journal *Cuadernos de Rusística Española (WoS)*.

Contact information:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

e-mail: remchukova-en@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-7901-9622

Ekaterina M. NEDOPEKINA holds a PhD in Philology and Slavic Studies (Russia and France). She is an Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Ekaterina is the coordinator of the RUDN University activities at the Russian-French Network University and the coordinator of the Master program *Russia-Europe languages and cultures* (jointly with the University of Bordeaux Montaigne, France).

Contact information:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

e-mail: nedopekina-em@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-5922-3669

Сведения об авторах:

Елена Николаевна РЕМЧУКОВА – профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор филологических наук, член редакционного комитета научного журнала «Ценности и смыслы», рецензент научного журнала *Cuadernos de Rusística Española (WoS)*.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия

e-mail: remchukova-en@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-7901-9622

Екатерина Михайловна НЕДОПЁКИНА – доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, PhD филология и славяноведение (Россия и Франция), координатор деятельности РУДН в Российско-французском сетевом университете, координатор магистерской программы «Россия-Европа: языки и культуры», реализуемой совместно с Университетом Бордо Монтень, Франция.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Макляя, д. 6, Москва, 117198, Россия

e-mail: nedorekina-em@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-5922-3669

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

Research article

Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings

Natalia U. NELYUBOVA¹, Polina S. SYOMINA¹
and Vitalija KAZLAUSKIENE²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
² Vilnius University
Vilnius, Lithuania

Abstract

The paremiological stock of a language is an important source of axiological information that helps to identify the features of a culture, people's mentality, and their worldview. The paper is devoted to the study of gourmandise as a component of the French and Belgian worldviews reflected in the French language paremias. The aim of the research is to determine its place in the hierarchy of values of the native speakers of French and its Belgian variant. The research material includes 202 units obtained from "Dictionnaire de proverbes et dictons" (121 units) and from "Proverbes et dictons de Belgique francophonie" (81 units). The research methods include semantic, axiological, quantitative, and comparative analyses. The results of the study indicate that 5,9% of French and 6,6% of Belgian units of the total number presented in the dictionaries are devoted to food and gourmandize, which proves that they occupy an important place in the hierarchy of values in both cultures. More than half of the gastronomic proverbs and sayings have a positive connotation. Some types of food, such as bread, butter, and eggs, are symbolic for both ethnic groups. The analysis of gastronomic realities has revealed similar French and Belgian values (such as wealth, prosperity, happiness, health, pleasure, life) and antivalues (poverty, hunger, misery, disease, death, etc.). The obtained data contribute to the axiological studies of the worldview of the native speakers of various variants of the French language and can serve as a starting point for conducting similar research of other values, including those based on the material of other languages and cultures.

Keywords: *value, antivalue, correlated value, proverb, saying, gastronomic realities, French, Belgian*

For citation:

Nelyubova, Natalia U., Polina S. Syomina & Vitalija Kazlauskiene. 2020. Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок)

Н.Ю. НЕЛЮБОВА¹, П.С. СЁМИНА¹, В. И. КАЗЛАУСКЕНЕ²

¹ Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

² Вильнюсский университет
Вильнюс, Литва

Аннотация

Паремиологический фонд языка является важным источником аксиологической информации, которая способствует выявлению особенностей культуры и менталитета народа, описанию его языковой картины мира. Статья посвящена изучению гурманства как составляющей языковой картины мира французов и бельгийцев, нашедшей отражение в паремиях французского языка. Цель статьи – на основе аксиологического анализа материала словарей пословиц и поговорок, представленного в рамках тематических рубрик, связанных с едой и гурманством, определить их место в иерархии ценностей носителей французского языка и его бельгийского варианта. Индивидуальная авторская картотека, насчитывающая 202 паремии французского языка, получена путем сплошной выборки из французского словаря пословиц и поговорок (121 единица) и из словаря пословиц и поговорок бельгийской франкофонии (81 единица). Собранный материал был проанализирован с применением семантического, аксиологического, количественного и сопоставительного анализа. Результаты проведенного исследования показали, что еда и гурманство занимают важное место в иерархии ценностей представителей обеих культур: данной теме посвящено 5,9% французских паремий и 6,6% бельгийских паремий, представленных в рассмотренных словарях. Более половины паремий гастрономической тематики содержат положительную оценку. Некоторые продукты питания, в частности хлеб, масло, яйца, являются символическими для обоих этносов. Через гастрономические реалии в паремиях были выявлены в основном сходные сопредельные ценности (богатство, достаток, счастье, здоровье, удовольствие, жизнь) и антиценности (бедность, голод; беда, несчастье; болезнь, смерть) французов и бельгийцев. Полученные данные дополняют аксиологические исследования языковой картины мира носителей различных вариантов французского языка и могут послужить отправной точкой для проведения аналогичных изысканий в области изучения других ценностей, в том числе на материале других лингвокультур.

Ключевые слова: *ценность, антиценность, сопредельная ценность, пословица, поговорка, гастрономические реалии, французский язык*

Для цитирования:

Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок). *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

1. Введение

Современные лингвистические исследования характеризуются междисциплинарным подходом к изучению языка, поскольку имеют антропоцентрическую направленность, в связи с чем все большую актуальность приобретает

изучение связей языка и культуры и разработка таких направлений, как лингвокультурология и культурологическая лингвистика, основные положения которых нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых (например, Карасик 2004, Козлова 2018, Маслова 2011, Bromhead & Zhengdao Ye 2020, Larina & Leontovich 2015, Sharifian 2017, Schnurr & Zayts 2017, Wierzbicka 1992 и др.). Язык является важной составляющей национальной идентичности и может иметь большую символическую ценность в переходные периоды и эпохи конфронтаций (Larina, Mustajoki, Protassova 2017: 9). К ним в некоторой степени можно отнести и современность, когда в условиях глобализации вопросы изучения и сохранения особенностей национальных культур приобретают все большее значение. Как справедливо отмечает М.А. Бредис, «люди всегда ощущают свою принадлежность к определенному этносу, вырабатывающему собственные ценности и принципы отношения к миру посредством родного языка» (Бредис 2019: 9). Ценностные ориентиры находят непосредственное отражение в языковой картине мира, имеющей как универсальные, так и уникальные черты, характеризующие различные нации.

В статье предложены результаты аксиологического анализа гурманства как составляющей языковой картины мира французов и франкоговорящих бельгийцев. Поскольку гурманство характерно в той или иной степени и для французов, и для бельгийцев, представляется интересным сопоставить степень ценности еды и процесса принятия пищи в сознании и языковой картине мира данных этносов, являющихся носителями вариантов одного и того же языка.

Цель данной статьи – на основе аксиологического анализа паремиографического материала, представленного в рамках тематических рубрик, связанных с едой и гурманством, определить их место в иерархии ценностей носителей французского языка и его бельгийского варианта.

2. Паремиологический фонд как источник аксиологической информации

Научные изыскания в области связей языка и культуры представляют многоаспектное поле деятельности для исследователей, в первую очередь позволяя выявить особенности языковой картины мира того или иного этноса. Обращение к языковой картине мира является одной из продуктивных стратегий для получения экстралингвистической информации (Чеснокова, Фернандес Санчес 2017: 50), в частности, информации о культуре, образе жизни и ценностях общества, а также информации об этнической идентичности, которая характеризуется соотносительностью личности с определенным этносом и принятием его доминирующих ценностей и норм (Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017: 112).

Этическое и эстетическое объяснение понятия *ценность* восходит к работам античных философов: Аристотеля, Платона, Сенеки, Цицерона и древней восточной философии Конфуция, Лао-цзы и др. Философы сходились во мнении, что ценность представляет собой некий идеал, являющийся

вершиной среди всех других идей. Впоследствии ценность изучается философами эпохи Возрождения и в конце XIX века выделяется в отдельную область знания – аксиологию. Аксиология устанавливает отношение между сущим и должным, исследует мыслительные операции, связанные с ценностями, прослеживает историю формирования и разрабатывает проблему существования ценностей, их значимости, а также «субъектно-объектной природы оценочного и ценностного отношений» (Ивин 2006: 3). Аксиологические исследования, проведенные на материале различных языков, нашли отражение в многочисленных трудах (например, Арутюнова 1999, Байрамова, Бойчук 2012, Бредис 2019, Карасик 2004, Ларина 2015, 2016, 2020, Ничипорчик 2015, Савенкова 2002, Goddar, Taboada, Tnavaс 2019, Wierzbicka 1992, 1997, 2002, 2006 и др.)

Ценности выполняет «координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни» (Арутюнова 1999: 129). Ценности отражают представления о традициях и нормах поведения, о предпочтениях и особенностях быта, регулируют особенности человеческого поведения и взаимоотношений.

Базовые ценности являются прочной основой культуры, и их надежным хранителем выступает язык (Ларина, Озюменко 2016: 59). Эффективность взаимодействия между людьми не может быть обеспечена, если они не осознают оценочно-ценностного содержания языковых единиц, которые используют в процессе общения. В результате различий в оценочном знаке может возникнуть ценностный конфликт как между представителями разных культур, так и в рамках одной культуры. «Оценки и ценности, с одной стороны, достаточно устойчивы в определенном социокультурном пространстве, с другой стороны, эти значения текучи и изменчивы» (Богданова 2017: 730).

Оценочная лексика и в целом оценочность в языке представляют богатую почву для семантического анализа как в силу присущей им субъективности, так и большого количества различных оттенков значений (Goddar, Taboada, Tnavaс 2019: 1). По мнению А. Вежбицкой, язык отражает действительность не напрямую, а через концептуализацию, интерпретацию мира человеком, в результате чего слова, характеризующие окружающий мир, могут быть в той же мере лингвоспецифичными, что и единицы, имеющие непосредственное отношение к традициям, ритуалам и верованиям (Wierzbicka 1992: 7) и к культуре в целом.

Еда и гастрономические пристрастия являются не только одним из важных культурных пластов, но и представляют собой важную научно-исследовательскую проблему, рассматриваемую в рамках ряда дисциплин. Изучение пищевых пристрастий различных эпох, в том числе античности (Павловская 2018) позволяет проследить эволюцию культуры человека. Сам «процесс принятия пищи – это не только базовая физиологическая потребность, но и важнейший культурно-бытовой ритуал, указывающий на принадлежность

индивидуума к той или иной этнической общности» (Чеснокова 2017: 50–51). Гастрономическим традициям французов и гурманству с точки зрения их отражения в языке посвящен ряд лингвистических исследований (Кургузенкова 2011, Логинова 2016 и др.). Разнообразные виды пищевых продуктов, традиции приготовления блюд, связанные с ними праздники и ритуалы имеют непосредственное отношение к основной системе ценностей народа (Борисова, Эбзеева 2019: 820; Leontovich 2016). О.С. Чеснокова обращает внимание на роль национальной кухни в «постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог» (Чеснокова 2006: 103). Как отмечает Ж.В. Кургузенкова (2011), еда и питье представляют для французов одно из наибольших удовольствий. Из напитков французы предпочитают вино. Большое количество языковых единиц, в частности фразеологических, иллюстрирует любовь французов к этому напитку, который они наделяют особыми свойствами: присваивают вину качественные характеристики человека (Кургузенкова 2011: 55). Трапеза для французов, ценителей высокой кухни, представляет собой «некий неорелигиозный ритуал». Их блюда популярны во всем мире, а одними из лучших вин считаются французские. Для бельгийцев характерны определенное преклонение перед едой и любовь к обильной трапезе, к простой и вкусно приготовленной пище.

Важная роль в контрастивно-семантических исследованиях отводится изучению языковых единиц, в которых максимально ярко и детально представлена концептуализация действительности носителем языка (Goddard, Wierzbicka 2008: 206). Хотя национальные черты находят проявление на всех языковых уровнях, наиболее очевидно они отражены в лексике, фразеологии, паремиологии. Именно паремиологический материал помогает выявить и систематизировать национально-культурные особенности языковой картины мира.

Термин *паремия* неоднозначен и рассматривается в лингвистике по-разному. Паремия – общее, родовое понятие для таких видов малых фольклорных форм, как пословица, поговорка, примета, поверье, загадка, гадание, пожелание, прибаутка, присловье и пр. Особенности паремий являются такие изоморфные черты, как «традиционность, устойчивость, всеобщность и обобщенность, коллективное сознание, образно-символическая основа содержательного плана, аксиологический характер и связь с наивной картиной мира» (Бочина 2010: 71). Именно так он понимается в данной статье.

Исследование ценностей на основе анализа тематических классификаций словарей паремий нашло подробное отражение в трудах Л.Б. Савенковой на материале русского языка (Савенкова 2002) и Е.В. Ничипорчик на материале русского, белорусского, итальянского и немецкого языков (Ничипорчик 2015). Исследование тематических рубрик французских, русских и английского словарей в ракурсе изучения ценностных приоритетов было нами проведено и изложено в предыдущих работах (см., например, Нелюбова,

Ершов, Хильтбруннер 2019, Нелюбова 2019, Бредис, Ломакина 2020: 106–137 и др.).

Паремиологические единицы, представленные в рубриках словарей, связанных с едой, позволяют выявить символические образы, значимые для представителей рассматриваемых лингвокультур. К тому же необходимо отметить отражение в языке в целом и в поговорках в частности ряда аспектов, связанных с удовлетворением потребности человека в еде: физиологических, социально-культурных, личностных, коммуникативных. Указанные выше компоненты находят выражение в том числе во французских и бельгийских поговорках, находящихся в центре нашего внимания. Их представленность и численное соотношение в словарях пословиц и поговорок позволяют судить о степени их ценности в языковом сознании обоих этносов.

3. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужила авторская картотека поговорок, включающая 202 единицы, извлеченные из словаря пословиц и поговорок французского языка (Montreynaud, Pierron, Suzzonni 2006), а также словаря пословиц и поговорок бельгийской франкофонии (Pirart, Maury 1989). В процессе изучения материала, проведенного с использованием описательно-аналитического, лингвокультурологического методов и метода сплошной выборки, был осуществлен количественный и семантический анализ поговорок, который показал, что наиболее значимыми для носителей языка являются те темы, на которые приходится больше всего поговорок в словаре.

Методика, использованная в данной статье при построении иерархии ценностей, была апробирована и детально описана нами ранее в процессе сопоставительного исследования, проведенного на материале русского, французского и английского языков (Бредис, Ломакина 2020: 107). Она включает ряд этапов. На первом этапе производится выбор аутентичных словарей с тематической организацией пословиц. Второй этап включает изучение наименований рубрик, прямо или косвенно отражающих основные этнокультурные ценности. На третьем этапе осуществляется подсчет количества пословиц в рамках каждой выбранной рубрики или рубрик, соответствующих определенной ценности. Четвертый этап предполагает расположение тем в порядке убывания количества пословичных единиц, что позволяет выстроить общую картину иерархии ценностей. На пятом этапе производится выявление и описание базовых ценностных ориентиров изучаемого этноса или этносов в их сопоставлении.

Необходимо уточнить, что в словаре французских поговорок выделены также единицы, относящиеся к различным вариантам французского языка (подробнее см. Нелюбова 2019), которые в данной статье не рассматриваются, а в бельгийском сборнике подавляющее большинство составляют общепольские поговорки, что объясняется, помимо языкового фактора,

непосредственной географической близостью стран, историческими событиями, социальными отношениями и политическими контактами. Для проведения настоящего исследования важно, что выбор данных паремиологических единиц и их тематики осуществлялся бельгийскими лексикографами, как и их отнесенность к бельгийской франкофонии.

Единицы паремиологического фонда обоих вариантов французского языка представлены в рамках тематической классификации, включающей большие рубрики, поделенные, в свою очередь, на подрубрики. Проводя подобное исследование, невозможно отрицать фактор субъективности, имеющий место при формировании рубрик в словарях и их номинации, так как любая классификация всегда зависит от задач, которые ставит перед собой лексикограф (Zouogbo 2009: 140). Действительно, часто классификация пословиц не является универсальной и соответствует лишь точке зрения определенного автора, более того, одна и та же единица может встречаться несколько раз в разных темах (Cadio, Visetti 2006: 317). Однако в процессе изучения ценностного аспекта пословиц данные факторы не препятствуют получению адекватных результатов, т.к. упоминание одной и той же паремии в разных рубриках свидетельствуют о степени важности той или иной ценности. В целом в рамках нашего исследования мы придерживаемся мнения, что названия рубрик, указанные в лексикографических источниках, соответствуют основным концептосферам, а тематический потенциал пословиц соответствует доминантам как традиционной, так и современной жизни (Мокиенко, Никитина 2011: 11). Таким образом, «количественное превосходство паремий, представленных в той или иной рубрике, говорит о месте определенной ценности в системе ценностных констант нации» (Комова, Ломакина 2019: 80).

На основе полученного материала могут быть рассмотрены отдельно взятые ценности путем анализа семантики, в том числе оценочной, пословичных единиц, представленных в выбранной тематической рубрике или рубриках. Среди них в отдельную, достаточно обширную по объему рубрику, выделяются темы, касающиеся гурманства, еды и напитков.

4. Анализ материала

Во французском словаре пословиц и поговорок (Montreynaud, Pierron, Suzzonni 2006), выбранном нами на первом этапе исследования, выделена 21 рубрика, в каждой из которых представлены подрубрики. Результаты 2–4 этапов показали, что иерархия тем, служащих названиями рубрик, представляющих пословицы Франции, в порядке убывания количественного показателя выглядит следующим образом (об иерархии рубрик, охватывающих все варианты французского языка, см. Нелюбова, Ершов, Хильтбруннер 2019, Нелюбова 2019).

Таблица 1

Тематика французских паремий (названия рубрик): количественные показатели

№	Название рубрик в словаре	Перевод на русский язык	Количество единиц
1.	Les animaux domestiques	Домашние животные	208
2.	L'homme: le corps, les actes, la vie	Человек: тело, поступки, жизнь	202
3.	Les échanges et les biens	Обмен и блага	182
4.	Le bestiaire	Животный мир	132
5.	La vie domestique	Домашняя жизнь	108
6.	La religion	Религия	106
7.	Conditions et milieux sociaux	Социальные условия и слои	105
8.	La nature	Природа	104
9.	Logique des actions	Логика поступков	96
10.	Relations humaines	Человеческие взаимоотношения	93
11.	La communication	Общение	91
12.	Le travail de la terre	Земледелие	89
13.	La nourriture, la table	Еда, стол	87
14.	Les objets usuels	Предметы быта	76
15.	Morale et vision du monde	Мораль и миропонимание	66
16.	Le droit et la justice	Право и правосудие	62
17.	Voyages	Путешествия	53
18.	La guerre et les armes	Война и оружие	47
19.	Métiers et monde du travail	Ремесла и труд	47
20.	Le drap et l'habit	Белье и одежда	41
21.	Activités intellectuelles	Умственная деятельность	23

Авторами бельгийского словаря все паремии разделены на 8 рубрик.

Таблица 2

Тематика бельгийских паремий (названия рубрик): количественные показатели

№	Название рубрик в словаре	Перевод на русский язык	Количество единиц
1.	Le temps	Погода / Время	330
2.	L'homme, qualités et défauts	Человек, его достоинства и недостатки	238
3.	L'argent	Деньги	187
4.	La nature	Природа	115
5.	La conversation	Беседа	96
6.	L'amour et l'amitié	Любовь и дружба	90
7.	La morale de cette histoire	Мораль сей истории	90
8.	La nourriture et la boisson	Еда и напитки	81

Как следует из приведенных выше данных, в рамках рубрики «La nourriture, la table» (еда, стол) в словаре французских паремий представлено 87 единиц из 2018. Однако более детальную картину восприятия еды и гурманства двумя этносами позволяет получить изучение подрубрик. В частности, в составе рубрики «Le travail de la terre» (земледелие) французского словаря выделена отдельная подрубрика «La vigne, les vendanges et le vin» (лоза, сбор винограда, вино), представленная 34 паремиями. То есть общее количество французских единиц гастрономической тематики составляет 121 из 2052. В рубрике «La nourriture et la boisson» (еда и напитки) в словаре бельгийских пословиц приведена 81 единица из 1227.

Приведем ниже данные о количественном соотношении подрубрик французского словаря, связанных с темой гурманства, еды и напитков.

Таблица 3

Тематика французских паремий (названия подрубрик): количественные показатели

№	Название тем подрубрик	Перевод	Количество
1.	Le pain	Хлеб	16
2.	Les aliments, la viande et le poisson	Продукты, мясо и рыба	13
3.	La table	Стол	10
4.	Le beurre et le lard	Сливочное масло и сало	10
5.	L'homme et le vin	Человек и вино	10
6.	Le vin et la santé	Вино и здоровье	9
7.	Les qualités du vin	Качества вина	8
8.	La vigne, les vendanges et le vin	Лоза, сбор винограда, вино (общий раздел)	7
9.	La faim	Голод	5
10.	La cuisine	Кухня	5
11.	Le miel	Мёд	5
12.	Les assaisonnements	Приправы	4
13.	Le goût et les goûts	Вкус и вкусы	4
14.	L'appétit	Аппетит	4
15.	La gourmandise	Гурманство, чревоугодие	4
16.	Le fromage	Сыр	4
17.	Autres aliments	Другие продукты	3

Анализ подрубрик французского словаря позволил вывить следующее.

В паремиях подчеркивается, что принятие пищи, в первую очередь – жизненная необходимость (см. ниже: пример 1), переедание оценивается отрицательно, что также зафиксировано в ряде единиц, выделенных в рамках подрубрики «La gourmandise» (гурманство, чревоугодие) (2–5):

- (1) *Il faut manger pour vivre et non vivre pour manger* (Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть);
- (2) *Trop à manger, peu d'appétit* (Чем больше еды, тем хуже аппетит);
- (3) *La gourmandise tue plus de gens que l'épée* (Чревоугодие губит больше людей, чем оружие (шпага));
- (4) *Les gourmands font leur fosse avec leurs dents* (Любители поесть роют себе могилу своими же зубами);
- (5) *Deux gloutons ne s'accordent point en une même assiette* (Два обжоры не поделят одну тарелку).

Неодобрение чревоугодия косвенно свидетельствует о важности *здоровья*, позволяя выделить его в качестве сопредельной ценности.

Исследованный материал позволил также выявить ряд примеров (6–9), отражающих различные жизненные ситуации, связанные с моментом приема пищи, называя их либо напрямую, либо метафорически:

- (6) *Bien jeûne le jour qui le soir a assez à manger* (Хорошо голодать днем, когда вечером есть, что поесть);
- (7) *Mal soupe qui tard dîne* (Плохо ужинает тот, кто поздно обедает);
- (8) *Le manger fait réveiller le boire* (Еда пробуждает жажду);
- (9) *Où nous avons diné, nous souperons* (Где пообедали, там и поужинаем).

Подрубрика «*La table*» (стол) включает 11 единиц, которые описывают отношение к столу и еде в общем. Отдельно представлена подрубрика «*La faim*» (голод) (10–12):

- (10) *À qui a faim, tout est pain* (Для того, кто голоден, все покажется хлебом);
- (11) *Faim fait dîner, passe temps souper* (Обедают от голода, а ужинают от безделья);
- (12) *La faim étouffe l'orgueil* (Голод задушит и гордость) и др.

Паремии о вкусе (подрубрика «*Le goût et les goûts*») касаются не только вкусных блюд, но и тем одежды, внешности, то есть вкуса в целом (13–15):

- (13) *Des goûts et des couleurs on ne discute pas* (О вкусах не спорят);
- (14) *Morceau avalé n'a plus de goût* (Съеденный кусок вкуса больше не имеет);
- (15) *Mange à ton goût et habille-toi au goût des autres* (Ешь по своему вкусу, а одевайся по вкусу других).

Отдельная подрубрика «*L'appétit*» (аппетит) включает 4 единицы:

- (16) *L'appétit vient en mangeant* (Аппетит приходит во время еды);
- (17) *Il n'est sauce que d'appétit* (Лучший соус – это аппетит; Голод – лучший повар);
- (18) *Pain dérobé réveille l'appétit* (Украденный хлеб пробуждает аппетит; Запретный плод сладок).

Наш материал свидетельствует также о важности в языковом сознании французов отдельных продуктов питания, в первую очередь, хлеба (19–23). Одноименная рубрика «*Le pain*» является самой многочисленной и включает 16 единиц. Хлеб – не просто сытное дополнение к блюду, а полноценная пища, способная утолить голод, особенно там, где в определенные исторические периоды продукты питания стоили дорого (19–20):

- (19) *Il vaud mieux pain sans nappe que nappe sans pain* (Лучше хлеб без стола (скатерти), чем стол без хлеба);
- (20) *Les peines sont bonnes avec le pain* (С хлебом и горе не беда).

В сборнике французских паремий выделена целая подрубрика, объединяющая 18 единиц с лексемой «*le pain*» (хлеб). В некоторых паремиях хлеб является символом радости, праздника, достатка. Французы ставят его в один ценностный ряд с вином (21):

- (21) *Le pain et le vin sont le commencement d'un festin* (С хлеба и вина праздник начинается).

Постулируется уважительное, бережное и бережливое отношение к хлебу, который достается с большим трудом, а большой кусок хлеба и особенно белый хлеб ассоциируются с процветанием и успехом (22–23):

- (22) *Nul pain sans peine* (Без труда хлеба не видать);

(23) *Si tu manges ton pain blanc en premier, tu manges ton pain noir plus tard* (Сегодня густо, а завтра пусто; Пироги до того доведут, что и хлеба не дадут).

Кроме того, как показал наш анализ, значимыми и символичными для французов являются и другие продукты, которые вошли в состав паремий (24–28) и стали названиями отдельных подрубрик (см. табл. 3):

(24) *Après la viande vient le fromage* (Сыр подают после мяса);

(25) *Nul miel sans fiel* (Нет меда без горечи);

(26) *Vieille viande fait bonne soupe* (Мясо старое, а суп вкусный);

(27) *La sauce fait passer le poisson* (С соусом и рыба вкуснее).

Лексемы – наименования блюд и продуктов питания использованы в материале словаря как в прямом, так и в переносном значении. Например, паремия о том, что после мяса едят сыр (24), отражает французскую традицию, согласно которой сыр, как правило разных сортов, подается после мяса, поскольку способствует пищеварению, нейтрализует вкус только что съеденного основного блюда. В паремии о мёде и горечи (25) говорится о том, что не бывает успеха без поражения, а паремия о масле (28) описывает жизненную ситуацию, в которой, играя с огнем, невозможно не обжечься:

(28) *Qui approche le beurre du feu ne l'empêche pas de fondre* (Если поднести масло к огню, оно растает).

Мёд, сливочное масло и сало являются символами достатка. Анализ функционирования компонентов – названий продуктов в нашем материале позволяет выявить и некоторые сопредельные ценности, в частности, *достаток (богатство)* и *радость (счастье)*. *Голод и нищета*, как и *горе* и *беды* выступают в паремиях как антиценности. Паремии с компонентом *вкус* позволяют выделить его в широком значении как отдельную сопредельную гастрономии ценность.

Анализ показал, что отдельное внимание во французских паремиях уделяется теме «вино». Метафорический образ вина, как и виноградника, используется для характеристики различных жизненных ситуаций и выражения народной мудрости (29–37). Например, следующая пословица (29) обозначает, что все в природе устроено наилучшим образом или подобное притягивает подобное:

(29) *Il ne pleut que sur la vendange* (Дождь идет только там, где есть виноградник – Где вода была, там и будет, где деньги была, там и накопится),

а паремиологическая единица (30):

(30) *De bois noué courent grandes vendanges* (Узловатое дерево дает хороший урожай)

– что неприметный человек может творить великие дела;

(31) *Toujours le vin sent son terroir* (Вино всегда имеет запах своей земли)

– по человеку всегда видно, откуда он и каков. Французы могут ценить вино больше, чем воду:

(32) *Les méchants sont les buveurs d'eau* (Злые люди предпочитают пить воду).

Как свидетельствует изученный материал, в основном пословицы о вине имеют положительную коннотацию, но иногда могут содержать и отрицательную оценку, связывая чрезмерное употребление вина или употребление плохого вина с проблемами здоровья (33–34):

(33) *Vin aigre nuit aux dents* (Кислое вино вредит зубам);

(34) *Chaque vin a sa lie* (Даже хорошее вино дает осадок).

Интересно, что в ряде паремий для выражения пользы того или иного продукта, например вина, используется в весьма ироничном смысле образ врача (35–36):

(35) *On voit plus de vieux ivrognes que de vieux médecins* (Можно встретить больше старых пьяниц, чем старых врачей; Пьяницы живут дольше врачей);

(36) *Soupe aux choux au médecin ôte cinq sous* (Лучше щи есть, чем доктору платить).

Паремии о пользе определенных продуктов питания также позволяют выявить уже указанную нами сопредельную ценность – *здоровье*, причем роль медицины в его поддержании весьма невелика, а образ доктора связан с человеком, который больше ценит деньги, а не здоровье пациента, не способен вылечить никого и в первую очередь самого себя, поэтому даже человек, страдающий пристрастием к алкоголю, может прожить дольше врача. *Болезнь* выступает как антиценность, а наступить она может от употребления некачественной или неправильно приготовленной пищи (37):

(37) *Veau mal cuit et poulet cru font les cimetières bossus* (От плохо приготовленного мяса можно и на кладбище попасть).

Последняя паремия демонстрирует сопредельную ценность *жизни* и антиценность *смерти*, к которой может привести болезнь от некачественной или неподходящей человеку пищи.

В целом достаточно похожая картина представлена в словаре бельгийских паремий. Различия наблюдаются в названиях некоторых подрубрик и принципе деления. Основная рубрика представлена как «La nourriture et la boisson» (питание и напитки) (81 единица), в рамках которой выделены всего лишь 4 подрубрики, то есть деление внутри рубрики не столь детализировано, как во французском материале.

Таблица 4

Тематика бельгийских паремий (названия подрубрик): количественные показатели

№	Название тем подрубрик	Перевод	Количество
1.	La gourmandise	Гурманство, чревоугодие	27
2.	Le goût	Вкус	25
3.	La boisson	Напитки	20
4.	Manières de table	Правила поведения за столом	9

Как и французы, бельгийцы – любители гастрономических удовольствий. Об этом свидетельствует численное превосходство подрубрики «La gourmandise» (гурманство, чревоугодие), представленной 27 единицами. Любовь к еде оценивается в основном положительно (38):

(38) *Bien boire et bien manger, c'est la moitié de la vie* (Хорошо есть и пить – половину жизни прожить/уже полдела),

даже если речь идет о чревоугодии, тяжелой и обильной пище. Некоторые паремии данной подгруппы (39–42) касаются правил поведения за столом и одновременно содержат практические житейские советы:

(39) *Il ne faut pas laisser la nourriture dans le plat* (Не стоит оставлять пищу в тарелке);

(40) *Il ne faut pas laisser l'avoine dans le bac* (Не нужно оставлять овес в баке);

(41) *Une bonne tartine de beurre n'a jamais étranglé son maître* (Хороший бутерброд со сливочным маслом еще никому не навредил/никого не задушил);

(42) *Toute brebis qui bêle perd une bouchée* (Овца, которая блеет, свой кусок теряет – Кто за обедом много болтает, тот голодным бывает).

Такого рода паремии объединены и в отдельную подрубрику «Manières de table» (правила поведения за столом) (43–45):

(43) *Il faut que tout le monde mange quand il est douze heures* (Нужно, чтобы в полдень все ели);

(44) *Après la pause, c'est la danse* (На полный желудок можно и потанцевать);

(45) *La propreté est une demi-nourriture* (Опрятность – это уже половина обеда).

Паремии, ключевой темой которых является голод, представлены в подрубрике «La gourmandise (гурманство, чревоугодие)» (46–47):

(46) *Il ne faut pas sortir de table mourant de faim* (Не стоит выходить из-за стола, умирая от голода/если не наелся);

(47) *Quand la mangeoire est vide, la vache meugle* (Когда кормушка пуста, корова мычит).

Таким образом, в пословицах отмечается, что пища должна быть вкусной и плотной. Она может не только утолить голод, но и помочь отвлечься от тягостных мыслей. Всему этому способствует хороший аппетит (48):

(48) *L'appétit est la meilleure de toutes les sauces* (Аппетит – лучший соус).

Подрубрика *Le goût* (вкус) также присутствует в картотеке бельгийских паремий и включает 25 единиц, большая часть которых построена на антитезе (49–50):

(49) *On fait une meilleure soupe dans une vieille marmite que dans une neuve*
(В старом котелке суп вкуснее, чем в новом);

(50) *Avec une crêpe ratée, on fait une bonne gaufre* (Из неудачного блина получается отличная вафля).

Материал показывает, что хороший *вкус*, который означает не только умение приготовить, подать и оценить блюдо, но и хорошо выглядеть, и даже разбираться в людях, представляет ценность для бельгийцев, как и для французов.

В бельгийских паремиях, в том числе для передачи различных метафорических смыслов, можно выявить упоминание следующих продуктов питания: *le beurre* (сливочное масло) (41); *le pain* (хлеб) (51); *l'oeuf* (яйцо) (52); *la tarte/le gâteau* (торт/пирог); *la sauce* (соус) (48, 53); *la soupe* (суп) (49) и др.:

(51) *Pain coupé n'a point de maître* (У отрезанного хлеба хозяина нет – Отрезанный ломоть может взять кто угодно);

(52) *Il ne faut pas gâter l'omelette pour un oeuf* (Не стоит портить весь омлет из-за одного испорченного яйца);

(53) *Bouche affamée ne cherche pas la sauce* (Голодному (рту) соус не нужен).

Упоминание хлеба и омлета в паремиях свидетельствует о значимости данных блюд и продуктов в рационе бельгийцев и об их символичности. Употребление данных лексем объяснимо тем, что они являются необходимыми продуктами для жизни человека. Сливочное масло ассоциируется с зажиточностью, богатством (на основе таких его признаков, как мягкость (отсюда легкость достижения успеха) и ценность), а яйцо воспринимается как обозначение очень малого количества чего-либо (как правило, денег). Все продукты питания отождествляются у бельгийцев, так или иначе, со степенью достатка. Таким образом и в бельгийских паремиях с гастрономическим компонентом легко выявляются сопредельные ценности и антиценности *достаток* и *богатство*, противоположные *бедности* и *голоду*.

Паремиографический материал показал, что в Бельгии не только сама еда, но и напитки являются важной составляющей гастрономических пристрастий. В сборнике бельгийских паремий 15 единиц подрубки «*La boisson*» (напитки) содержат положительную оценку (54) и 5 – отрицательную, в частности, саркастическое отношение к чрезмерному употреблению алкоголя и состоянию человека, злоупотребляющего им (55):

(54) *Celui qui boit sans soif pourrait bien ne pas manger quand il aura faim*
(Тот, кто пьет без жажды, может не есть, когда голоден),

(55) *Les ivrognes et les pigeons sont les premiers levés* (Пьяницы и голуби просыпаются первыми).

В бельгийских паремиях гастрономической тематики, в отличие от французских, важен образ воды, которая символизирует жизнь, благо, то, что можно потерять и не всегда суметь обрести (56–58):

(56) *Il ne faut pas attendre qu'on ait soif pour tirer de l'eau du puits* (Не ждите, когда захочется пить, чтобы достать воды из колодца);

(57) *On n'a pas toujours l'eau comme on voudrait la boire* (Не всегда есть вода, когда хочется пить);

(58) *Quand on a bien soif, on boit dans les flaques d'eau* (Жажда заставит пить и из лужи).

Бельгийские паремии отражают в определенной степени культ вина (59–60):

(59) *Un verre de vin dans une vieille panse, c'est un étauçon dans une vieille grange* (Рюмка вина в старом комодке как подпорка у старого амбара);

(60) *Bon vin n'a pas besoin d'enseigne* (Для хорошего вина марка не важна – Хороший товар сам себя хвалит).

Бельгийцы считают себя ценителями изысканных вин и предпочитают всегда иметь дома хотя бы немного этого напитка, однако пьянство подвергается осуждению (61–62):

(61) *On sait tout des enfants et des ivrognes* (Все узнается от детей и пьяниц);

(62) *Les ivrognes et les méchantes femmes meurent dans leur peau* (Пьяницы и злые женщины такими и умрут).

Данные паремии демонстрируют отрицательную оценку пьянства как порока. Сопредельная ценность *здоровья* выделяется как во французских, так и в бельгийских паремиях гастрономической тематики. Анализ бельгийских паремий позволяет выделить как сопредельную ценность *удовольствие*.

5. Результаты и выводы

В данной статье был рассмотрен французский и бельгийский паремикографический материал в аксиологическом аспекте. Результаты 1–4 этапа исследования позволили выявить приблизительную ценностную иерархию носителей французского языка Франции и Бельгии. Пятый (сопоставительный) этап показал, что еда и гурманство занимают важное место в иерархии ценностей двух этносов. В целом, хотя авторы словаря французских пословиц отмечают в комментарии, что паремии отражают скорее устаревшие гастрономические традиции (Montreynaud, Pierron, Suzzoni, 2006: 83), достаточно высокая частотность использования в них гастрономического компонента в качестве метафорического образа свидетельствует о значимости данной тематики и в современном ценностном пространстве французов и бельгийцев.

На тему гурманства, еды и напитков представлено 5,9% всех французских паремий и 6,6% бельгийских. Названия рубрик и подрубрик во французском материале во многом совпадают, однако во французском словаре имеет место более дробное и детальное представление данной проблематики, что подтверждается большим количеством подрубрик. Более половины паремий гастрономической тематики содержат положительную оценку. Французы почитают сам процесс принятия пищи, он является предметом наслаждения, но в то же время, и в первую очередь, он представляет собой жизненную необходимость. И французы, и бельгийцы являются ценителями вкусной еды, которая ассоциируется с жизненными радостями и удовольствиями. Отрицательную оценку содержат французские паремии о пагубном влиянии чрезмерного употребления пищи. В бельгийском материале выявлена только одна паремия, осуждающая переизбыток.

Некоторые продукты питания (хлеб, мясо, масло, яйца) являются символическими для обоих этносов. Во Франции, как и во многих других странах, особое отношение сложилось к хлебу. Образ хлеба символизирует достаток, радость и сытость. Мёд, сливочное масло и сало для французов, масло и яйца для бельгийцев также ассоциируются со степенью достатка. Специфическими продуктами, послужившими названиями подрубрик во французском словаре, стали сыр, мёд и сало, а в бельгийском – яйцо и торт / пирог, что объясняется некоторой разницей в кулинарных традициях и предпочтениях. Французская подрубрика «Приправы» соотносима с бельгийской «Соусы».

Схожее отношение выявлено также к напиткам, в частности, к вину. Наш материал подтвердил высказанные ранее идеи исследователей о том, что для Франции вино и все, что связано с употреблением этого напитка, служит отражением национального характера и культуры, представляет для французов культурную ценность, объект национальной гордости, а вина производятся практически в каждом регионе страны (Логинова 2017: 135). Ценностные предпочтения этносов объединяет проявляющийся в большей степени у французов культ вина, хотя некоторые французские и бельгийские паремии выражают негативное отношение к его чрезмерному употреблению. В бельгийских паремиях значимым является символ воды, где она рассматривается как источник жизненных сил с точки зрения ее способности утолять жажду. Наш материал подтверждает неоднократно высказанную мысль о том, что вода сама по себе – «онтологически сакрально и профанно ценностный объект, ценность которого возрастает особенно там, где ее катастрофически не хватает» (Малинович 2011: 89). Однако большая вода (потоп, наводнение) несет с собой беды. Так, символ воды в паремиях позволяет выявить одновременно сопредельную ценность *жизни* и антиценность *смерти*, подчеркивая единство противоположностей в пределах одной ценностной диады (Байрамова, Бойчук 2012).

В ходе анализа французских и бельгийских паремий гастрономической тематики были выявлены схожие сопредельные ценности и противопоставляемые им антиценности: *богатство, достаток/бедность, голод; счастье/*

беда, несчастье; здоровье, удовольствие, жизнь/болезнь, смерть. Вкус также может быть рассмотрен как ценность и включает в себя широкую трактовку в рамках рассмотренных рубрик: еду, одежду, манеры и другие аспекты жизни.

Таким образом, проведенное исследование показало, что гастрономический компонент имеет важное значение в мировосприятии французов и бельгийцев, органично вписывается в систему ценностей двух этносов, активно взаимодействуя с ее другими частями.

6. Заключение

Результаты анализа, предложенного в данной статье, еще раз подтвердили тот факт, что паремиологический фонд языка является важным и адекватным источником аксиологической информации. Тот или иной способ членения мира, получающий отражение в названиях рубрик и подрубрик паремиографических источников, позволяет выявить ценностные константы этноса, а их количественный состав свидетельствует о степени важности той или иной ценности в языковом сознании и позволяет с определенной степенью относительности выстроить ценностную иерархию. Одной из важнейших жизненных ценностей и своеобразным зеркалом развития культуры народа является гастрономический аспект жизни, связанный с едой, напитками и гурманством. Сопоставительный анализ словарей французских и бельгийских паремий позволил выявить особенности восприятия данной ценности представителями двух этносов, а также сопредельные ценности и антиценности, каждая из которых органично взаимодействует с другими частями ценностной системы.

Не претендуя на абсолютную завершенность проведенного анализа, отметим, что его результаты могут послужить отправной точкой для дальнейшего изучения соотношения знаний о человеке, языке и культуре не только в рамках лингвистики, но и смежных дисциплин. К его перспективам относится возможность исследования различных ценностей на материале ряда языков и их вариантов, а также функционирования паремий в речи.

Благодарности

Авторы выражают благодарность редколлегии журнала *Russian Journal of Linguistics* и анонимным рецензентам за ценные рекомендации, которые стали для нас отправной точкой в процессе доработки статьи.

© Natalia Nelyubova, Polina Syomina & Vitalija Kazlauskienė, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: «Языки русской культуры», 1999. 896 с. [Arutjunova, Nina D. 1999. *Language and human world*. Moscow: Languages of Russian culture. 896].
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729–748. [Bogdanova, Lyudmila I. 2017. The reflection of evaluation in Russian Language dictionaries. *Russian Journal of Linguistics* 21 (4). 729–748] doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.
- Борисова А.А., Эбзеева Ю.Н. Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. 820–836. [Borisova, Anna A. & Juliya N. Ebzeeva. 2019. Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English. *Russian Journal of Linguistics* 23 (3). 820–836] DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836. 2019: 820.
- Бочина Т.Г. Приёмы контраста в русской паремике // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010. Tomo I. Granada, 2010. 69–73. [Bochina, Tat'yana G. 2010. Methods of contrast in the Russian paremics. *II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas»*. Granada, 8-10 de septiembre de 2010. Tomo I. Granada. 69–73].
- Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296. [Bredis, Mikhail A. 2019. *Man and Money: Essays on Russian Proverbs and More*. SPb: Peterburg Oriental Studies. 296].
- Бредис М.А., Ломакина О.В. Паремология без границ: монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимиров, Л.Н. Гишкаева, Е.Е. Иванов, Е.И. Зиновьева, Д.Д. Комова, О.В. Ломакина, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко, Ф.Г. Фаткуллина, Р.Х. Хайруллина, Ц. Цао; под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. Москва: РУДН, 2020. 244. [Bredis, Mikhail A. & Olga V. Lomakina (eds.). 2020. *Paremiologija bez granic: monograph*. Moscow: RUDN Publ. 244].
- Ивин А.А. Аксиология. Москва: Высшая школа, 2006. 390. [Ivin Aleksandr A. 2006. *Axiology*. Moscow: Vysshaja shkola Publ. 390].
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389. [Karasik, Vladimir I. 2004. *Language circle: personality, concepts, discourse*. М.: GNOZIS. 389].
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. 874–894. [Kozlova Lyudmila A. 2018. The Ethnocultural Potential of Voice Forms and its Discourse Actualization. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 874–894] doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.
- Комова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремнологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. 78–86. [Komova Dar'ya D. & Olga V. Lomakina. 2019. Vocabulary and discursive directions in the reconstruction of the paremiological picture of the world: the experience of interpretation (based on the material of the Russian language). *Vestnik of Yakovlev Chuvash State Pedagogical University* 78–86].
- Кургузенкова Ж.В. Идентификация основных черт французского национального характера путем анализа способов когнитивного моделирования во французской

- фразеологии // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2011. № 3. 52–56. [Kurguzenkova, Zhanna V. 2011. Identification of the main features of the French national character by analyzing the methods of cognitive modeling in French phraseology. *Russian Journal of Linguistics* 3. 52–56].
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации. *Cuadernos de Rusística Española*. 12. 2016, 57–68. [Larina, Tatiana V. & Vladimir I. Ozyumenko. 2016. Ethnic identity and its manifestation in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española* 12. 57–68].
- Логинова П.Г. Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 31–45. [Loginova, Polina G. 2016. Linguistic and cultural concept “wine” in the language mentality of the French people. *Russian Journal of Linguistics* 20 (2). 31–45].
- Малинович Ю.М. Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. 352. [Malinovich, Yurii M. 2011. *The hierarchy of values of the external world and the internal world of man. Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meaning*. Moscow: THESAURUS. 352].
- Маслова В.А. Национальный характер сквозь призму языка: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011. 76 с. [Maslova, Valentina A. 2011. *National character through the language: monograph*. Vitebsk: VSU Publ. 76].
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с. [Mokienko, Valerii M. & Tatiana G. Nikitina. 2011. *Folk wisdom*. Moscow: CJSC “OLMA Media Group”. 416].
- Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 223–243. [Neljubova, Natalia Ju., Hil'tbrunner, Viktoriya I. & Viktor I. Ershov. 2019. The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages). *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 223–243] DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
- Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10 (2). 323–335. [Nelyubova, Natalia Yu. 2019. Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 10 (2). 323–335] DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335.
- Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. 358 с. [Nichiporchik, Elena V. 2015. *The Reflection of value orientations in paremias*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. 358].
- Павловская А.В. Искусство еды. Москва: Ломоносовъ. 2018. 352 с. [Pavlovskaya, Anna V. 2018. *Food art*. Moscow: Lomonosov. 352].
- Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд. Рост. ун-та, 2002. 240 с. [Savenkova, Lyudmila B. 2002. *Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects*. Rostov State University. 240].
- Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. Москва: РУДН, 2006. 238 с. [Chesnokova, Olga S. 2006. *Russian Journal of Linguistics*. Moscow: RUDN Publ. 238].
- Чеснокова О.С., Фернандес Санчес Ю.В. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета 425. 2017. 50–58. [Chesnokova, Olga S. & Fernandes Sanches Ju. V. 2017.

- Gastronomic Thesaurus of Spanish and Basque in the light of humorous discourse. *Vestnik of Tomsk State University* 425. 50–58].
- Bromhead, Helen & Zhengdao Ye (eds.). 2020. *Meaning, Life and Culture: In Conversation with Anna Wierzbicka*. Canberra: Australian National University Press.
- Gladkova, Anna. 2015. Grammatical structures in cross-cultural comparisons. *Russian Journal of Linguistics* 4. 52–56.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2008. *Universal human concepts as a basis for contrastive linguistic semantics*. Amsterdam: John Benjamins. 205–226.
- Goddard, Cliff, Maite Taboada & Radoslava Trnavac. 2019. The semantics of evaluational adjectives: Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language* 26(3). 1–39.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 109–128.
- Larina, Tatiana, Arto Mustajoki & Ekaterina Protassova. 2017. Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari & Arto Mustajoki (eds.), *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation. Series: Studies in Contemporary Russia*. London/New-York: Routledge, 7–19.
- Larina, Tatiana & Olga Leontovich. 2015. Too many walls and not enough bridges: the importance of intercultural communication studies. *Russian Journal of Linguistics* 4. 9–16.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). *Special issue: Communicative Styles and Genres*. 195–215.
- Larina, Tatiana. 2020. 'Sense of privacy' and 'sense of elbow': English vs Russian values and communicative styles. In Helen Bromhead & Zhengdao Ye (eds), *Meaning, Life and Culture: In Conversation with Anna Wierzbicka*. Canberra: Australian National University Press. 421–440.
- Leontovich, Olga. 2016. Garlic and love: gastronomic communication in an intercultural family. *International Conference on Communication in Multicultural Society, CMSC 2015, 6–8 December 2015. Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Moscow, Russian Federation. 236. 89–94.
- Schnurr, Stephanie & Olga Zayts. 2017. *Language and culture at work*. Routledge. 166.
- Sharifian, Farzard. 2017. *Cultural linguistics*. John Benjamins Publishing Company. 171.
- Visetti, Yves-Marie & Pierre Cadiot. 2006. *La question d'une classification des proverbes. Motifs et proverbes*. Paris, Presses Universitaires de France, collection 'Formes sémiotiques'. 370.
- Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 1997. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: OUP.
- Wierzbicka, Anna. 2002. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos* 30 (4). 401–432.
- Wierzbicka, Anna. 2006. *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Zouogbo, Jean-Philippe Claver. 2009. *Le proverbe entre langues et cultures*. Berne: Peter Lang.

Словари/Dictionaries

Байрамова Л.К., Бойчук В.А. Аксиологический словарь фразеологизмов-библейзмов на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках: [словарь ценностей и антиценностей]. Казань:

Центр инновационных технологий. 352 с. [Bajramova, Luiza K. & Vasilii A. Bojchuk. 2012. *Axiological Dictionary of phraseology-biblicisms in Russian, Ukrainian, Belarusian, Bulgarian, Polish, Czech, English, German, French: [Dictionary of values and anti-values]*. Kazan: The centre of innovation technology. 352].

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. 2006. *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert. 491.

Pirart F., Maury P. 1989. *Proverbes et dictons de Belgique francophone*. Rivages. 180.

Article history:

Received: 17 July 2020

Revised: 20 October 2020

Accepted: 24 October 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 июля 2020

Дата принятия к печати: 24 октября 2020

Сведения об авторах:

Наталья Юрьевна НЕЛЮБОВА – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов: сравнительное и типологическое языкознание, ценностные ориентиры различных народов и их отражение в языке, паремиология различных языков, исследования в области французского языка (фонетика, морфология, лексика, фразеология).

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

e-mail: neliubova-nyu@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-6538-8267

Полина Сергеевна СЁМИНА – аспирантка 3 курса аспирантуры направления 45.06.01 «Языкознание и литературоведение» РУДН. Сфера научных интересов: изучение языковых особенностей бельгийского варианта французского языка, выявление ведущих концептов французов и бельгийцев на различном языковом материале.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

e-mail: karpovapauline@gmail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4215-7204

Виталия КАЗЛАУСКЕНЕ – кандидат филологических наук, ассистент кафедры французского языка филологического факультета Вильнюсского университета. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, ценностные ориентиры различных народов и их отражение в языке, корпусная лингвистика, социолингвистика, исследования в области изучения французского языка как иностранного.

Контактная информация:

e-mail: vitalija.kazlauskiene@flf.vu.lt

ORCID ID: 0000-0003-0505-7770

Bionotes:

Natalia U. NELYUBOVA, is Doctor, Associate Professor, Foreign Languages Department, RUDN University, Moscow, Russia. *Research interests:* comparative and typological linguistics; cultural values and their reflection at language; proverbs and sayings in different languages; French phonetics, morphology, vocabulary and phraseology.

Contact information:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

e-mail: neliubova-nyu@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-6538-8267

Polina S. SYOMINA, is a post-graduate student in Romance languages at RUDN University, Moscow, Russia. Her research interests are focused on Belgian variety of French and its linguacultural specificities.

Contact information:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

e-mail: karpovapauline@gmail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4215-7204

Vitalija KAZLAUSKIENE, holds PhD in teaching assistant at the Faculty of Philology, Vilnius University, Vilnius, Lithuania. Her research interests include comparative linguistics, cultural values and their reflection in language, corpus linguistics, sociolinguistics, French second language acquisition.

Contact information:

e-mail: vitalija.kazlauskiene@flf.vu.lt

ORCID ID: 0000-0003-0505-7770

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016

Research article

What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks

Larisa A. PIOTROVSKAYA and Pavel N. TRUSHCHELEV

The Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article provides the linguistics approach to the study of text-based interest. The purpose of the article is to identify the means and strategies used in expository texts from Russian school textbooks for the creation of text emotiveness. This characteristic of “an interesting text” has been repeatedly pointed out in the psychological research (Schiefele 2009). The article uses the linguistics methods of communicative and functional analysis and, in particular, the method of semantic modeling of emotive situations (Filimonova 2007). The authors’ intention “to evoke the reader’s interest” is the basis for forming an emotional-evoking type of expository discourse. The implementation of this intention is carried out through special discourse strategies called interest-evoking rhetorical strategies. Some of these strategies are based on the transmission of emotions as a special type of information in verbal interaction. In a text, this type of information is represented by emotiveness, that is, a component of text content through which the emotional states of participants of communication or characters are manifested. The article provides a description of four primary ways to create expository text emotiveness: 1) the usage of emotive insertions – commentaries made by the participant of communication acting as the subject who feels emotions; 2) the verbalization of the emotional scenario of interest for its projection to the reader; 3) the description of the characters’ emotional states; 4) the representation of “abnormal” situations (a disruption of normal and expected relations between components of a situation in the real world described in a text). The first two ways are related to the strategies of the text dialogization aimed at creating the dialogue form of an expository text, and the thematization of interest. The third way enhances the text vividness and the fourth increases its dynamics and unexpectedness for the reader.

Keywords: *emotiveness, evoking emotions, emotive pragmatics, expository text, interest, emotive discourse*

For citation:

Piotrovskaya, Larisa A. & Pavel N. Trushchelev. 2020. What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016

Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов

Л.А. ПИОТРОВСКАЯ, П.Н. ТРУЩЕЛЁВ

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье предлагается лингвистический подход к изучению способов формирования эмоции интереса в тексте (так называемый “text-based interest”). Цель статьи – выявить средства и стратегии, используемые авторами учебных текстов для создания эмотивности текста. Эмоциогенность такой характеристики «интересного текста», как его эмотивность, неоднократно отмечалась в психологических исследованиях (Schiefele 2009). Для достижения поставленной цели используются методы коммуникативно-функционального анализа текста, в частности метод семантического моделирования эмотивных ситуаций (Филимонова 2007). Намерение авторов учебных текстов каузировать интерес у читателя лежит в основе формирования эмоционально-эвокативного типа учебного дискурса. Для реализации данного намерения авторы используют различные дискурсивные стратегии, часть из которых основывается на передаче в речи эмоций как особого типа информации. В тексте данный тип информации представлен эмотивностью текста – компонентом его смысловой структуры, посредством которого манифестируются эмоциональные переживания субъектов речи и персонажей текста. Выделено четыре основных приема создания эмотивности учебного текста: 1) использование эмотивных вкраплений – комментариев чего-либо с эмоциональной точки зрения (носитель эмоционального переживания – адресант и/или адресат); 2) вербализация эмоционального сценария интереса с целью его проецирования на адресата; 3) описание эмоциональных переживаний третьих лиц (персонажей текста); 4) репрезентация «ненормальных» ситуаций (нарушение нормальных и ожидаемых отношений между компонентами фрагмента действительности, отраженного в тексте). Первые два приема связаны со стратегиями диалогизирования, нацеленного на формирование диалогового характера учебного текста, и тематизации эмоции интереса. Третий прием позволяет усилить наглядность и яркость изложения, а четвертый – его динамичность и неожиданность для читателя.

Ключевые слова: эмотивность, эмоциогенность, эмотивная прагматика, учебный текст, интерес, эмотивный дискурс

Для цитирования:

Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016

1. Введение

В психологической литературе эмоция интереса, или любопытство, трактуется как специфическое положительное переживание, «исследовательский импульс», связанный с потребностью и мотивацией узнать что-то новое об объекте интереса, с повышенным вниманием к нему (Рубинштейн 2001: 525–528, Silvia 2006: 23–29). Эта эмоция играет важнейшую роль в процессе обучения, поскольку составляет основу познавательной деятельности (Izard

2007: 271), является первым этапом становления индивидуальных интересов человека (Hidi 2006) и создает «психологически комфортный режим умственного труда» (Холодная, Гельфман 2016: 51). Поэтому в настоящее время меняются требования к школьным учебникам: специалисты полагают, что учебный текст должен быть не просто понятным для читателя, но и интересным, т.е. должен вызывать эмоцию интереса, быть эмоциогенным (Там же: 36–40).

Считается, что интерес вызывает прежде всего что-то новое, неоднозначное и необычное (Silvia 2006: 42). Зарубежными психологами выделены более 20 характеристик текста, способных каузировать интерес у читателей (такой тип интереса называют «text-based interest») (Shraw & Lehman 2001, Silvia 2006: 77–82, Wade, 2001). В настоящее время выделяют шесть основных характеристик: новизна и неожиданность (surprisingness), значимость, когерентность (к ней психологи относят и легкость понимания текста, и особенности его организации), яркость и динамичность изложения (vividness), конкретность, абсолютно интересные темы (смерть, насилие, секс и др.) (Schiefele 2009, Schraw & Lehman 2001). У. Шифель, кратко обобщая исследования «интересного текста», приходит к выводу, что «хорошо организованные и понятные тексты с конкретной, неожиданной и яркой информацией повышают читательский интерес»¹ (Schiefele 2009: 199).

Из сказанного следует, что психологи учитывают в том числе и такие характеристики текста, которые связаны исключительно с фактором интерпретатора (например, новизна или легкость понимания). Кроме того, большинство признаков «интересного текста» являются, по сути, характеристиками его содержания. Это в известной степени отражает речевую деятельность читателя, которую можно представить как процесс построения ментальной модели содержания текста (Залевская 2001: 120–152). В то же время такой подход не позволяет достаточно полно описать реальные авторские стратегии развертывания текста, ориентированные на каузацию интереса. С. Хайди и У. Бэрд еще в 1988 г. обратили внимание на важность изучения таких стратегий, предложив для их обозначения специальный термин – «interest-evoking rhetorical strategies» (Hidi & Baird 1988: 480). Однако до сих пор данный вопрос не получил должного внимания в лингвистических исследованиях.

В настоящей статье предлагается лингвистический подход к изучению таких стратегий, основанный на положениях лингвистики эмоций (в российской науке для обозначения этой научной области В.И. Шаховским был предложен специальный термин – эмотиология) (Шаховский 2008: 21). Согласно предлагаемому подходу сравнительный лингвистический анализ учебных текстов с учетом результатов психологических исследований позволяет выявить и описать конкретные способы формирования эмоции интереса в тексте. Ранее нами были описаны способы диалогизирования и конкретизации содержания учебных текстов (Пiotровская, Трушелёв 2018, Трушелёв

¹ “...well-organized and comprehensible texts with concrete, surprising, and vivid information enhance text-based interest” (Schiefele 2009: 199).

2019), а также экспериментально доказана их релевантность формированию эмоции интереса у читателя-школьника (Пиотровская, Трущелёв 2019).

Настоящая статья посвящена описанию способов создания эмотивности учебного текста, которая, по мнению ряда психологов (Kintsch 1980, Schiefele 2009, Wade 2001), является одной из эмоциогенных характеристик текста. Для лингвистического анализа учебных текстов предлагается использовать методы, разработанные в одном из актуальных направлений современной эмотиологии – текстолингвистики эмоций (см. Шаховский 2008: 180–256).

Материалом исследования послужили учебные тексты объемом более 350 000 словоупотреблений из российских учебников для средней школы (7–9 кл.) по истории, обществознанию, русскому языку, физике и биологии. В настоящее время все эти учебники рекомендованы Министерством образования и науки Российской Федерации к использованию в образовательных учреждениях.

2. Теоретические положения

Ключевое для эмотиологии понятие эмотивности в зарубежных исследованиях долгое время рассматривалось с точки зрения намерений адресанта оказать эмоциональное воздействие на адресата (Stankiewicz 1964, Daneš 1982). Так, чешский ученый Ф. Данеш одним из первых предложил разграничить термины «эмоциональный» и «эмотивный» следующим образом: «эмоциональный» – ‘имеющий отношение к выражению эмоций самого субъекта речи’, а «эмотивный» – ‘имеющий отношение к намерению говорящего оказать воздействие на адресата’ (Daneš 1982: 93–94). Показательно, что даже намеренное выражение эмоций в речи рассматривалось как способ эмоционального воздействия на адресата (Stankiewicz 1964).

Впоследствии термины «эмотивность» и «эмоциональность» зарубежными учеными стали использоваться как синонимы. По всей видимости, это связано с активной разработкой проблемы «язык и эмоции» в рамках направлений, изучающих коммуникативный контекст ситуации речевого взаимодействия, – психолингвистики и дискурс-анализа.

В отечественной эмотиологии с момента ее появления, напротив, принято разграничивать понятия «эмотивность» и «эмоциональность». По мнению Шаховского, эти термины обслуживают различные дисциплины: лингвистику – с одной стороны, психологию и философию – с другой (Шаховский 2009/1987: 24). При этом эмотивность коррелирует прежде всего с намерениями адресата выразить свои эмоции. Так, согласно семантическому подходу, эмотивность – это «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» (Там же: 24).

Бурное развитие эмотиологии в конце XX – начале XXI вв. позволило расширить понимание эмотивности как в зарубежной, так и в отечественной науке. Поэтому в настоящее время можно говорить о «широкой» трактовке

данного понятия, которое связывается с каузацией эмоций, их концептуализацией в языке и манифестацией в речи (Ионова 2015, Alba-Juez, Larina 2018, Alba-Juez & Mackenzie 2019, Macagno 2014). Такая трактовка принята прежде всего в исследованиях, посвященных эмотивному дискурсу – дискурсу², имеющему «некоторое эмоциональное содержание или эффект»³ (Koschut 2017: 277, см. также Edwards 1999). Анализ эмотивного дискурса в основном направлен на изучение того, как адресант использует эмотивный код языка в различных коммуникативных ситуациях и как различные эмоциональные ситуации концептуализируются в эмотивном коде языка (Ионова 2015, Alba-Juez, Larina 2018, Alba-Juez & Mackenzie 2019, Koschut 2017).

Т. Кэтрел выделяет три типа эмотивного дискурса (ученый называет их «emotionally laden discourses»), отражающих три типовые ситуации эмоционального речевого взаимодействия: дискурс об эмоциях (a discourse on emotions), эмоциональный дискурс (an emotional discourse) и эмоционально-эвокативный дискурс (an emotion-evoking discourse) (Katriel 2015: 57–58). Первые два типа связаны с передачей в речевом общении эмоций как особого типа информации. Дискурс об эмоциях, который в отечественной эмотиологии принято обозначать как «описание эмоций в речи» (Пiotровская 2015: 780), содержит описание чьих-либо эмоциональных состояний или рассказ о каких-либо эмоционально насыщенных событиях (например, *Мне было грустно*). Эмоциональный дискурс (точнее – собственно эмотивный дискурс) подразумевает непосредственное выражение эмоций субъекта речи (например, *Тожe мне герой!*), которое может осуществляться тремя способами, выделенными нами ранее: 1) выражение эмоций в речи при доминировании рациональной оценки над эмоциональной, 2) выражение эмоций в речи при доминировании эмоциональной оценки над рациональной, 3) отражение эмоций (неконтролируемое проявление эмоций) (Там же). Особый и наименее изученный тип дискурса – это эмоционально-эвокативный дискурс, который можно рассматривать в двух аспектах: с одной стороны, изучаются способы преднамеренного эмоционального воздействия, с другой – эмоциогенность текста как характеристика, зависящая и от его содержания (с учетом способов эмоционального воздействия), и от личности адресата (Маслова 1992: 185). В процессах речевого взаимодействия перечисленные типы дискурсов чаще всего представлены не изолированно, а в сочетании друг с другом (Katriel 2015: 63). Так, функциональный подход Э. Станкевича, по сути, был нацелен на изучение сочетания собственно эмотивного и эмоционально-эвокативного типов дискурса (Stankiewicz 1964).

Учитывая современное понимание лингвистики текста как одного из направлений дискурс-анализа (Alba-Juez 2016), а также изначальное развитие

² В данном случае речь идет о дискурсе в его традиционном понимании как единстве двух сущностей – «процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста» (Кибрик 2009: 4, см. также Alba-Juez 2016).

³ “...some affective content or effect” (Koschut 2018: 277).

эмотиологии в рамках коммуникативно-функционального подхода (Шаховский 2009/1987), полагаем, что изучение эмотивности текста можно рассматривать как возможное направление исследований эмотивного дискурса, ориентированного на анализ его «эмоционального содержания»⁴. Опираясь на положения отечественной эмотиологии, мы рассматриваем эмотивность текста как компонент его смысловой структуры, имеющий план содержания и план выражения, посредством которого манифестируются (т.е. и описываются, и выражаются) эмоциональные переживания, носителями которых могут быть как субъект речи, так и персонажи текста (Бабенко 1989: 104–105, Шаховский 2008: 185–186). При этом, вслед за С.В. Ионовой, нами учитывается весь диапазон возможных эмоциональных переживаний: настроения, чувства, аффекты, собственно эмоции, страсть⁵. Таким образом, эмотивность текста связана с передачей эмоций как особого типа информации в речевом взаимодействии и, следовательно, может быть соотнесена с дискурсом об эмоциях и с собственно эмотивным дискурсом.

В то же время следует различать понятия «эмотивный текст» и «эмоциогенный текст», которым может быть любой текст, даже абсолютно неэмотивный (Маслова 1991: 185, Шаховский 2008: 181–182). Несмотря на то что можно с высокой долей вероятности прогнозировать реакции адресата, эмоциогенный эффект текста зависит в том числе и от фактора интерпретатора (Шаховский 2008: 181–182). При формировании эмоции интереса эмотивность учебного текста и его эмоциогенность коррелируют с эмотивной прагматикой текста, под которой, вслед за Шаховским, следует понимать «фактор адресата, с точки зрения преднамеренного эмоционального воздействия на него» (Шаховский 2009/1987: 27). Следовательно, понятие эмотивной прагматики текста можно соотнести с выделенным Кэтрел эмоционально-эвокативным дискурсом.

Таким образом, эмотивный учебный дискурс представлен эмоционально-эвокативным дискурсом, направленным на преднамеренную каузацию эмоции интереса у адресата. В свою очередь, эмоционально-эвокативный дискурс образуется в том числе из дискурса об эмоциях и эмотивного дискурса, которые становятся одним из «стратегических инструментов»⁶ (Katriel 2015: 58) эмоционального воздействия.

В учебном тексте как продукте речевой деятельности объективируются в том числе и коммуникативные условия ее протекания (Зимняя 2001: 174): намерение адресанта оказать эмоциональное воздействие, т.е. каузировать эмоцию интереса, лежит в основе эмотивной прагматики текста. Эмотивная прагматика формируется посредством различных способов, одним из

⁴ Об этом свидетельствует сравнение практически идентичных методов анализа, с одной стороны, эмотивности текста, с другой – эмотивности дискурса (напр., ср. Филимонова 2007: 83–88 vs. Koschut 2018: 278–288).

⁵ ИONOBA C.B. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 1998. С. 16–17.

⁶ “strategic tool” (Katriel 2015: 58).

которых является создание эмотивности учебного текста, направленное на увеличение его потенциальной эмотиогенности.

3. Методология

Впервые детальное исследование эмотивности текста было проведено под руководством Шаховского в диссертационной работе Ионовой, которая предложила в составе эмотивности текста выделять его эмотивное содержание (или план содержания эмотивности) и эмотивную окраску (или план выражения эмотивности); при этом эмотивное содержание текста находит отражение в его эмотивной окраске⁷.

Впоследствии для анализа эмотивного содержания текста О.Е. Филимоновой был разработан метод «проникающего изучения категории эмотивности» (Филимонова 2007: 83–88), направленный на семантическое моделирование представленных в тексте эмотивных ситуаций (ЭС) – ситуаций, когда некто испытывает какое-то эмоциональное состояние. По мнению ученого, инвариантная модель ЭС имеет следующий вид:

S(n) feel Emo(n),

где S – субъект, испытывающий эмоциональное состояние; n – возможное число субъектов или состояний, большее, чем единица; feel – указание на наличие у субъекта или субъектов определенного эмоционального состояния (Там же: 71).

Приведем простой пример.

(1) *В душе мальчика [S] рано возникло чувство ненависти [Emo] к боярам.*

Полагаем, что можно уточнить представленную модель ЭС, дополнив ее модификатором, фиксирующим причину появления (каузации) определенной эмоции. Такая модель ЭС будет отражать в тексте типовую эмоциональную ситуацию появления любых эмоций у индивида (Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1995, Шаховский 2008: 129–133). Представим модель в следующем виде:

P caus → S(n) feel Emo(n),

где P – субъект или положение дел, каузирующие (caus) определенную эмоцию у S – субъекта, испытывающего эмоциональное состояние, (S(n) feel Emo(n)).

При этом при реализации этой модели в тексте каузируемая эмоция, а также намерение субъекта-каузатора (если он есть) оказать эмоциональное воздействие могут не эксплицироваться. Приведем пример такой реализации модели.

(2) *Царь приказал не снимать тела повешенных в течение нескольких дней. [→ для устрашения подданных].*

⁷ Ионова С.В. Указ. соч. С. 45–47.

Используя терминологию прагматики, эксплицитно не выраженную часть модели можно рассматривать как импликатуру, которая также является частью содержания текста (van Dijk 2014: 283–285). Эта часть содержания становится известной адресату благодаря его знаниям конкретных категориальных эмоциональных ситуаций, или «эмоциональных сценариев»⁸ – реальных типичных ситуаций (последовательности событий, определенной деятельности и др.), во время которых кто-либо, как правило, испытывает определенные эмоции (Edwards 1999: 278–281, Шаховский 2008: 130, см. также Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1995: 458–459).

Кроме того, детализации требует субъектная составляющая модели ЭС. Л.Г. Бабенко первая предложила выделять в содержании текста модальные и диктальные эмоции в зависимости от их субъекта – адресанта или персонажа текста соответственно (Бабенко 1989: 104). Соглашаясь с данной точкой зрения, предлагаем расширить ее, используя субъектную модель, разрабатываемую Н.К. Онипенко (Онипенко 2013). С этой точки зрения в тексте можно выделить субъектов модуса (субъекты мыслящие, сфера 1-го и 2-го лица; носители модальных эмоций) и субъектов диктума (субъекты мыслимые, сфера 3-го лица; носители диктальных эмоций). Для наглядности представим описание субъектов эмотивного содержания текста в виде таблицы (табл. 1)⁹.

Таблица 1

Субъекты эмотивного содержания учебного текста

Субъекты диктума		Субъекты модуса	
S ₁	S ₂ (P)	S ₃	S ₄
субъект-персонаж, испытывающий эмоциональное состояние	субъект-каузатор (положение дел), который своими действиями или присутствием каузирует определенное эмоциональное состояние	субъект-адресант, испытывающий эмоциональное состояние	субъект-адресат, испытывающий эмоциональное состояние

Table 1

The subjects of emotive content of expository text

Thinkable subjects		Thinking subjects	
S ₁	S ₂ (P)	S ₃	S ₄
a character who feels emotions	causative subject (state of affairs) which is a cause of an emotion	a speaker who feels emotions	a recipient who feels emotions

⁸ “emotional scenarios” (Edwards 1999: 278).

⁹ Отметим, что нами не учитывается один субъект модуса – субъект-авторизатор, появление которого в субъектной перспективе текста чаще всего обусловлено трансформацией субъекта мыслимого в субъекта мыслящего, в восприятии которого представляется определенное положение дел (Онипенко 2013: 96–97). Такая трансформация позволяет автору погрузить читателя в мир переживаний и сознания персонажа текста. Однако, как показывают психологические исследования, эмоциогенность учебного текста не зависит от степени «погружения» читателя во внутренний мир текста (Kaakinen et al. 2018). Поэтому выделение субъекта-авторизатора в субъектной перспективе учебного текста в данной статье считаем нецелесообразным.

Выделенные субъекты эмотивного содержания текста являются субъектами сугубо семантическими, и в этом главное отличие нашего подхода от подхода Н.К. Онипенко, направленного на описание субъектной перспективы текста на основе грамматической структуры образующих его высказываний. Однако субъекты эмотивного содержания текста воплощаются именно в субъектной перспективе текста, поэтому методы коммуникативной грамматики (Золотова и др. 2004: 229–353) позволяют достаточно точно идентифицировать представленных в тексте субъектов эмоциональных переживаний. Так, в примере (1) субъект эмоционального состояния (*мальчик*) выражается посредством осложненной модели субъектной синтаксемы «*v + предложный падеж*» (Там же: 289). В зависимости от типа субъекта эмоционального переживания – субъекта модуса или диктума – предлагаем делить модели ЭС на модальные и диктальные соответственно. Так, в примерах (1) и (2) реализуются диктальные модели ЭС.

Эмотивная окраска текста – это «набор языковых и текстовых средств, используемых автором для кодирования эмоционального содержания»¹⁰. Это содержание может быть воплощено в тексте самыми различными способами (Шаховский 2008: 180–258), однако следует учитывать, что все эти способы должны позволять адресату идентифицировать ЭС в тексте. Поэтому, как правило, кодирование эмотивного содержания осуществляется посредством описания или моделирования эмоциональных сценариев. Для этого авторы часто используют эмотивные лексемы, при характеристике которых важно различать язык описания и язык выражения эмоций.

Язык описания эмоций является результатом концептуализации эмоций и представлен языковыми единицами, называющими эмоции (*интерес, удивление, злость*), и языковыми единицами, предназначенными для описания эмоциональных состояний (внешнего проявления эмоций (*смех, плач*), физиологического и психического состояния (*усталость, стресс*) и др.) (Шаховский 2009/1987: 98, см. также Бабенко 1989). Язык выражения эмоций – это единицы языка, имеющие эмотивный компонент значения, который служит для кодифицированного выражения эмоций субъекта речи (Шаховский 2009: 96–98). Так, в учебном тексте часто используются прилагательные с эмотивным компонентом значения (например, *жалкий, славный*).

Пример анализа эмотивности текста

Рассмотрим фрагмент текста из учебника по истории.

(3) *Василий III приказал постричь бывшую жену в монахини. Соломония воспротивилась. Во время пострижения она [S₁] срывала с себя и топтала монашеское платье. Один из придворных [S₁] ударил ее плеткой: «Неужели ты противишься воле государя? Неужели медлишь исполнить его повеление?»*

¹⁰ Ионова С.В. Указ. соч. С. 47.

В данном фрагменте выражены три диктальные ЭС.

Во-первых, здесь представлена ЭС, субъектом, которым является Соломония: **Р (заточение в монастырь) caus** → **S₁ (Соломония) feel Emo (отчаяние, недовольство)**. Ее эмоциональное состояние, обусловленное решением бывшего мужа заточить ее в монастырь, передается с помощью описания ее поведения, характерного для отраженного в тексте эмоционального сценария отчаяния и недовольства (*срывала с себя и топтала монашеское платье*).

Во-вторых, можно выделить ЭС, субъектом которой является придворный: **Р (поведение Соломонии) caus** → **S₁ (придворный) feel Emo (удивление, возмущение)**. Его эмоциональное состояние, обусловленное поведением Соломонии, передается посредством прямой речи, в которой использован язык выражения эмоций, а именно эмотивные высказывания с частицей *неужели* (доминирование эмоциональной оценки над рациональной), предназначенные для выражения удивления (Пиотровская 1994: 92–93). Кроме того, описание поведения придворного (*ударил ее плеткой*), а также сама специфика удивления как «переходной эмоции» (Вотякова 2015: 120) позволяет уточнить эмоциональное состояние субъекта и обозначить его как «удивление, переходящее в возмущение» (Там же).

Выделенный тип эмотивных высказываний с частицей *неужели* выражает не только эмоциональное состояние говорящего, но и его эмоциональное отношение, которое может быть направлено в том числе и на каузацию эмоций (Пиотровская 1994: 61–62). Это дает нам основание выделить еще одну диктальную ЭС с имплицитным компонентом, направленную на каузацию эмоции стыда у Соломонии: **S₂ (придворный) caus** → [**S₁ (Соломония) feel Emo (стыд)**].

В дальнейшем при рассмотрении конкретных ЭС мы сосредоточимся преимущественно на способах их реализации, т.е. на их эмотивной окраске.

4. Диктальные эмотивные ситуации в учебном тексте

Появление диктальных моделей ЭС в смысловой структуре учебного текста связано с намерениями авторов учебников рассказать об эмоциональных переживаниях третьих лиц. Данные модели требуют идентификации субъекта эмоционального состояния в субъектной перспективе текста, поэтому, как правило, они представлены в текстах из учебников по истории или же в микротекстах, в которых дается какая-либо историческая справка (например, история научного открытия или биография ученого). Модель данного типа ЭС выглядит следующим образом: **S₂ (Р) caus** → **S₁ feel Emo**.

Иногда такая модель может стать темой целого микротекста, особенно в учебниках по истории. Приведем типичный пример такого микротекста.

(4) *Очевидцы отмечали, что в ночь накануне сражения **Наполеон** [S₁] не спал. Он пристально вглядывался в темноту – туда, где горели костры, разведенные русскими солдатами. По-видимому, он опасался, что Кутузов может дать своим войскам приказ к отступлению [Р]. Утром император был бодр и полон надежд на победу своей армии.*

В этом фрагменте носителем эмоционального состояния, обусловленного ожиданием предстоящего сражения, является французский император Наполеон. Эмотивная окраска представлена описанием поведения и внутренних переживаний императора (*не спал, пристально взглядывался, был бодр и полон надежд*), которое осуществляется в том числе и с помощью языка описания эмоций (форма глагола *опасаться*).

В пределах целого микротекста диктальные ЭС также могут стать одним из ведущих мотивов, которые «определяют намерение автора “раскрасить” свой текст» (Шаховский 2008: 237), т.е. сделать его более выразительным, более выразительным и эмоционально насыщенным. Так, диктальные ЭС являются ведущими мотивами в примере (3). Для наглядности рассмотрим еще один фрагмент текста.

(5) *В ночь на 25 ноября 1741 г. 31-летняя Елизавета посетила казармы преображенцев и призвала защитить «дело Петрово». Мятежная «принцесса» [S₁] в окружении солдат явилась в спальню регентши: «Сестрица, пора вставать!» Увидев вооруженных преображенцев во главе с «сестрицей», Анна Леопольдовна [S₁] только и смогла вымолвить: «Ах, мы пропали!»*

В данном фрагменте можно выделить две диктальные модели, субъектами которой выступают Елизавета и Анна Леопольдовна. Эмоциональное состояние обоих субъектов манифестируется посредством прямой речи. В речи Елизаветы используется эмоционально окрашенное высказывание с маркером восклицательности (доминирование рациональной оценки над эмоциональной), где также представлен деминутив-обращение (*сестрица*), который относится к средствам выражения эмоций (Volek 1987: 159). В речи Анны Леопольдовны представлено эмотивное высказывание (доминирование эмоциональной оценки над рациональной) с еще одной языковой единицей, предназначенной для выражения эмоций, – междометием *ах*.

Как видно из приведенных примеров, реализация диктальных ЭС в пределах целого микротекста требует значительной детализации изложения, что не всегда возможно и допустимо в учебных текстах. Поэтому намного чаще диктальная модель реализуется только в пределах одного высказывания, как показано в примерах (6) и (7), где используется язык описания эмоций, и в примере (8), в котором эмоциональное состояние субъекта манифестируется посредством прямой речи с эмоционально окрашенным высказыванием (доминирование рациональной оценки над эмоциональной).

(6) *Люди [S₁], проживающие в этой местности, очень боятся новых катастроф [P].*

(7) *Вид восставших подданных [P] привел царя [S₁] в ужас.*

(8) *Встретившим его придворным на вопрос о том, где же армия, он [S₁] был вынужден ответить: «Армии больше нет!» [P].*

Кроме того, часто в пределах одного высказывания фиксируется только эмоциональное состояние субъекта диктума с помощью референтной

именной группы, построенной по схеме **атрибут (язык описания эмоций) + имя (субъект эмоционального переживания): встревоженные люди, взбешенный хан, озлобленные бояре.**

Диктальные ЭС связаны с такой характеристикой «интересного текста» как яркость его изложения (*vividness*): они придают содержанию текста больше наглядности, каузируя тем самым интерес читателя. Значимость этой характеристики «интересного текста», особенно подчеркивается в исследованиях С. Уэйд, основанных на результатах анализа интервьюирования реципиентов (Wade 2001). При этом следует отметить, что эмотивная прагматика диктальных ЭС в учебном тексте отличается от эмотивной прагматики ЭС в нарративном, художественном тексте. Эмоциогенность учебного текста связана с вовлечением учащегося в учебный процесс, т.е. в процесс приобретения знаний, а эмоциогенность нарративного с текста – с погружением читателя в «мир текста» (Kaakinen et al. 2018). Поэтому в учебном тексте диктальные ЭС прежде всего связаны с активизацией дополнительных когнитивных ресурсов адресата (например, наглядно-образного мышления), а не с моделированием увлекательного фикционального мира художественного произведения.

Важно отметить, что можно выделить две основные функции диктальных ЭС с точки зрения их роли в процессе текстообразования. Во-первых, они могут быть одним из способов организации повествования, указывая на причину определенных событий. Так, в примере (7) носителем эмоционального состояния является царь Алексей Михайлович, который, испугавшись восставших, пошел на переговоры с ними (события Соляного бунта 1648 года). Однако, как показывает сопоставительный анализ учебных текстов, гораздо чаще диктальные ЭС представляют собой седативные детали (примеры (4), (5), (8)) – «интересные, но незначимые детали, не являющиеся необходимыми для достижения учебных целей»¹¹ (Rey 2012: 217). В настоящее время считается, что седативные детали могут препятствовать адекватному пониманию учебного текста (см. специальный выпуск журнала *Applied Cognitive Psychology* 2019).

Ненормальные диктальные эмотивные ситуации

Особый тип ЭС – это ненормальная ситуация. При изучении эмотивности текста данный тип ситуаций впервые был описан В.И. Болотовым (1981). Ненормальная ситуация – это нарушение нормальных и ожидаемых отношений между компонентами действительности (пространственных, временных, причинных, социальных и др.), отраженными в содержании текста (Болотов 1981: 23–38). Сам Болотов, как впоследствии и Ионова (она обозначала ненормальные ситуации термином «категория ненормы»),¹² рассматривали ненормальные ситуации как один из способов эмоционального воздействия на

¹¹ “...interesting but irrelevant details that are not necessary to achieve the instructional objective” (Rey 2012: 217).

¹² Ионова С. В. Указ. соч. С. 40.

адресата текста. На наш взгляд, такие ситуации также являются частью эмотивного содержания текста.

Отнесение данных ситуаций к эмотивным можно объяснить с точки зрения деятельностных теорий эмоций, которые традиционно развивались в отечественной науке. В процессе деятельности индивида ненормальная ситуация является всегда эмоциогенной, поскольку приводит к переоценке прогнозируемого результата деятельности (Юматов и др. 2017: 18–29). Таким образом, ненормальные ситуации в тексте могут рассматриваться как разновидность эмоциональных сценариев.

Диктальную модель ненормальной ЭС можно представить как **P caus** → **S₁ feel Emo**, где P – ненормальное с точки зрения субъекта диктума положение дел. Как и другие диктальные ЭС, данная ситуация представлена преимущественно в учебных текстах с элементами повествования (прежде всего в текстах из учебников по истории).

Простейший способ фиксации ненормальной ЭС в тексте – это описание как самой ситуации ненормы, так и эмоциональной реакции на нее. В этом случае реализация модели ненормальной ЭС ничем не отличается от реализации других диктальных моделей ЭС, рассмотренных выше (см. пример (5)). В связи с этим, на наш взгляд, особое внимание следует уделить таким способам реализации ненормальных ЭС, при которых в тексте не фиксируется эмоциональное состояние субъектов диктума.

Иногда такая ненормальная ситуация может стать одним из главных текстообразующих мотивов. Так, в учебниках по истории России при описании правления императора Павла I (1796–1801 гг.) экспликация ненормальных ситуаций фактически организует все повествование: «ненормальная» жизнь наследника престола → «ненормальные» реформы → «ненормальная» внешняя политика → «ненормальная» смерть императора (убийство дворянами). Проиллюстрируем это на одном из фрагментов текста, посвященного правлению Павла I.

(9) Неуравновешенный и непостоянный в поступках и мыслях, Павел I доводил свои начинания до абсурда. В итоге вместо порядка кругом царил беспорядок, вместо закона – произвол. Венцом подобного управления стало появление в одно утро сразу трех взаимоисключающих законов.

Ненормальность представленной ситуации выражается посредством характеристики Павла I (*ненормальный, неуравновешенный*), тематических лексем *абсурд, беспорядок*, а также с помощью приема контраста (*порядок – беспорядок, закон – произвол*), который позволяет противопоставить ожидаемые результаты и реальные.

Нередко в учебных текстах ненормальные ЭС содержат семантику внезапности, которую можно представить в виде двух аспектуально-таксисных ситуаций: «длительность → внезапное/неожиданное наступление факта» (пример (10)) и «желание, готовность, наличие предпосылок для того, чтобы

совершилось событие или осуществилось действие → наступление факта, препятствующего их осуществлению» (пример (11)) (Аверьянова 2010). При реализации первого типа ситуации может быть представлена «темпоральная рамка внезапности» (Там же), как в примере (10), где в качестве такой рамки выступает наречие *неожиданно*. При реализации второго типа ситуации автор может использовать прием контраста, основанный на противопоставлении ирреальной и реальной модальностей, т.е. потенциального и актуального значений (Бондарко и др. 1990: 72). Так, в примере (11) в первом предложении представлена категориальная модальная ситуация «ситуативно обусловленной возможности» (термин Е.И. Беляевой (Бондарко и др. 1990: 135)), выраженная с помощью вводного слова *казалось*, однако во втором предложении посредством отрицания и противительного союза *но* указывается исход данной потенциальной ситуации – ее нереализованность.

(10) *Анна Иоанновна оставила трон так же **неожиданно**, как и заняла его.*

(11) ***Казалось**, для Шуйского самое худшее закончилось. **Но** это было не так. Пока из Тушина исходила угроза, Шуйского по необходимости терпели; но вот угроза миновала – и непопулярный царь стал никому не нужен.*

Намного чаще семантика внезапности не эксплицирована вовсе и, следовательно, является имплицатурой, которую читатель «восстанавливает», используя фоновые знания. Так, в примере (12) ненормальность ситуации определяется фоновыми знаниями читателя о том, что начать вторжение без объявления войны – это внезапно и «ненормально».

(12) *В ночь на 12 июня 1812 г. **без объявления войны** Наполеон начал вторжение в пределы России.*

В то же время нужно учитывать, что ненормальное положение дел, в конечном счете, должно быть идентифицировано читателем (Болотов 1981: 12–19). По всей видимости, без специальных «маркеров» (например, выражающих семантику внезапности) «ненормальность» многих ситуаций не всегда может быть однозначно определена читателем-школьником.

Исследования Болотнова (1981) и Ионовой¹³ явно свидетельствуют о том, что ненормальные ситуации увеличивают общий эмоциогенный потенциал текста. Каково же их влияние именно на эмоцию интереса? Ненормальные диктальные ЭС, в отличие от «обычных», направлены не столько на усиление наглядности изложения, сколько на формирование «захватывающего сюжета», динамичности текста, что также делает изложение более ярким (*vividness*). Однако данный тип ЭС можно связать и с такой характеристикой «интересного текста», как его неожиданность для читателя (*surprisingness*). Именно этот аспект эмотивности текста подчеркивали У. Кинч (Kintsch: 1980), а также Г. Шпроу и С. Леман (Schraw & Lehman: 2001).

¹³ Ионова С.В. Указ. соч.

5. Модальные эмотивные ситуации в учебном тексте

Эмотивность подавляющего большинства учебных текстов по всем дисциплинам проявляется в виде эмотивных вкраплений, под которыми понимаются комментарии какого-либо события «с эмоциональной точки зрения» (Филимонова 2007: 270). Такие комментарии соответствуют модели **P caus** → **S₃ (автор) feel Eмо**, где P – некое положение дел, фиксируемое в учебном тексте. При этом субъект-адресант может быть не эксплицирован в субъектной перспективе текста, и отнесение к нему эмоциональных переживаний происходит автоматически. Как правило, субъект модели испытывает эпистемические эмоции – удивление, изумление, интерес.

Эмотивная окраска данных ЭС преимущественно представлена словами с эмотивным компонентом значения – прилагательными и словами категории состояния (*страшно представить; чудовищные последствия*) и эмотивно-каузативными прилагательными и причастиями (*изумительные открытия; захватывающие события; печальная судьба*). Кроме того, нередко в учебном тексте используются вербализованные эмотивные модусные рамки (*Жаль, что люди не понимают этого...; Неудивительно, что природа создала здесь...; Стоит ли удивляться, что такие события происходят и сегодня...*), а также эмоционально окрашенные высказывания (доминирование рациональной оценки над эмоциональной) с маркером восклицательности (примеры (13) и (14)).

(13) *А еще через некоторое время вода закипит!*

(14) *Оно примерно в сто тысяч раз меньше атома!*

Наряду с представленной моделью в учебном тексте реализуется модель **P caus** → **S₃ (автор) + S₄ (читатель) feel Eмо**, эмотивная окраска которой не отличаются от окраски модели с субъектом-адресантом. Однако для реализации данной модели необходимо эксплицировать в субъектной перспективе текста субъекта-адресата, например, посредством местоимений и форм глагола, как в примере (15) с эмоционально окрашенным высказыванием (доминирование рациональной оценки над эмоциональной) и в примере (16) с эмотивной модусной рамкой.

(15) *И мы [S₃ + S₄] увидим: монета тоже падает быстрее перышка!*

(16) *К нашему [S₃ + S₄] удивлению, теперь ярче светит та лампа, на которой указана меньшая мощность.*

Отметим, что, как правило, адресат эксплицируется в субъектной перспективе учебного текста посредством так называемых «средств, выражающих движение мысли» (Котюрова и др. 2015: 120), из которых следует выделить средства, выражающие активизацию мысли (*Рассмотрим основные единицы...; Проведем анализ данных...*), и «трафаретный» зачин (*Вы уже знаете, что...; Как вы помните...*). В подобных случаях эмоциональные переживания, воплощенные в других фрагментах завершеного текста, следует

относить в том числе и к субъекту-адресату. Так, примеры (13) и (14) представлены в завершённом учебном тексте, в субъектной перспективе которого адресат не эксплицирован, а значит, носителем эмоционального состояния является только адресант. Если же, например, высказыванию (13) предшествовало бы высказывание типа *Рассмотрим процесс кипения воды*, то речь бы шла о реализации обсуждаемой модели **P caus** → **S₃(автор) + S₄(читатель) feel Emo**.

Иногда в учебных текстах также встречается модель **P caus** → **S₄(читатель) feel Emo**; особенно это характерно для учебников по обществознанию, из которых приведены примеры (17) и (18) с языком описания эмоций.

(17) *Это [P] покажется вам [S₄] очень долгим и скучным.*

(18) *Твой бюджет составляют карманные деньги, выдаваемые родителями на неделю или на месяц. Ты [S₄] можешь истратить их в первый же день, а потом горько сожалеть, что не удалось сходить в кино [P]...*

Модальные ЭС прежде всего связаны со стратегиями диалогизирования текста (Трушелёв 2019), которые, в свою очередь, обуславливают «диалоговый характер» учебного текста (Холодная, Гельфман 2016: 40). Эмоциогенность этой характеристики учебного текста всегда подчеркивалась отечественными специалистами (Там же). Кроме того, модальные ЭС, тематизирующие эпистемические эмоции, могут быть направлены на эмоциональное заражение читателя.

Вербализация эмоционального сценария интереса

Проведенный нами анализ учебных текстов позволяет выделить особый прием создания эмотивности текста – вербализацию эмоционального сценария интереса, проецированного на адресата.

По всей видимости, идея о проецировании эмоциональных сценариев принадлежит Ф. Маканю (Macagno 2014). Опираясь на когнитивные теории эмоций, ученый предположил, что в тексте могут быть представлены готовые оценки тех или иных событий (например, посредством оценочных прилагательных), которые могут стать причиной появления у адресата оценочных суждений, лежащих в основе эмоциональных реакций (Macagno 2014: 115). На наш взгляд, такой подход можно расширить, если учитывать не только оценочные суждения адресата, но и другие составляющие эмоционального сценария интереса (см. об этих составляющих в Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1995), а именно то, как эмоция интереса проявляется в познавательной деятельности ее субъекта.

Считаем такой подход более плодотворным, поскольку в современной психологии многие положения когнитивных теорий эмоций становятся дискуссионными. Все большее признание получает мотивационно-когнитивный

подход к эмоциям, согласно которому эмоции трактуются как результат интеграции убеждений (знаний) индивида и целей текущей деятельности (Miceli & Castelfranchi 2015: 8). Оценочные суждения являются лишь производным от этих составляющих и необязательным компонентом эмоции (Ibid.: 13). Нельзя не отметить, что деятельностный аспект эмоциональных переживаний индивида не только всегда подчеркивался в отечественных психологических исследованиях, но и являлся оправданным при изучении эмоций (Рубинштейн 2001: 551–554, Юматов и др. 2017: 14–29).

Модель ЭС при вербализации эмоционального сценария интереса можно представить следующим образом: **P caus** → **S₄ (читатель) feel Emo (интерес)**, где P – определенное содержание учебного текста, являющееся объектом познавательной деятельности. Однако в данном случае субъект-адресат не всегда эксплицируется в тексте, а его эмоциональное переживание интереса идентифицируется по характерным признакам познавательной деятельности, которые фиксируются в тексте.

Важно также отметить, что рассмотренные выше модальные ЭС с субъектом-адресатом не могут быть в полной мере отнесены к способам вербализации эмоционального сценария интереса. С одной стороны, эти ситуации, являясь приемом диалогизирования учебного текста, способны включить читателя-школьника «в качестве "соучастника" в интеллектуальный поиск» (Холодная, Гельфман 2016: 40). Однако, с другой стороны, сами по себе эти приемы не фиксируют в содержании текста процесс «интеллектуального поиска». Таким образом, они могут рассматриваться как вспомогательные средства вербализации эмоционального сценария интереса.

В проанализированных нами учебных текстах представлен лишь один способ вербализации эмоционального сценария интереса, каузирующий оценочные суждения адресата, – модель **Вы + глагол в форме буд. вр.** (часто ментальный глагол): *вы научитесь работать...*; *вы расширите свои знания о...*; *вы будете изучать...*; *вы познакомитесь...* Данный способ, в котором всегда эксплицируется субъект-адресат, направлен на формирование оценки новизны учебного текста, которая, в свою очередь, может стать причиной появления интереса (Silvia 2006: 57). В то же время такая объективная оценка новизны учебного текста в большей степени относится к автору текста, а значит, формирование субъективной оценки у адресата может потребовать дополнительных средств (например, *вы узнаете о многих удивительных открытиях*).

Следующий способ – указание на значимость, актуальность определенной информации для адресата (*важное значение имеют знания о...; ...важно понимать причины этих событий; ...без этих знаний невозможно представить сегодняшнюю жизнь*). Данный способ связан с формированием у адресата убеждений в значимости информации, представленной в учебном тексте, что также оказывает влияние на интерес (Schiefele 2009). Следует учесть, что

подобные указания свидетельствуют о рациональном подходе к предоставлению информации в тексте и в большей степени могут воздействовать на человека в более зрелом возрасте, а не на читателя-подростка.

Другой способ вербализации эмоционального сценария интереса – использование так называемых «объяснительных вопросов»¹⁴ (примеры (19) и (20)), т.е. вопросов, обращенных к последующему содержанию текста, ответы на которые, по мнению автора текста, хочет получить адресат (Sperber & Wilson 1996: 252).

(19) *Как же ориентироваться в огромном многообразии организмов?*

(20) *Как в старину объясняли закономерности природных явлений?*

Такие вопросы отражают одну из деятельностных особенностей эмоции интереса – желание узнать что-то новое об объекте интереса. Так, по мнению С.А. Ушаковой (Шишкиной), «ментальное состояние интереса <...> соотносится с речевым актом вопроса» (Ушакова 2003: 53).

Особое внимание следует уделить проецированию ненормальных ситуаций на адресата. Такой прием часто используется в учебниках по физике и обществознанию.

Рассмотрим два характерных примера.

(21) *Казалось бы, ответить на вопрос, движется какое-либо тело или покоится, очень просто. Например, если **вы** сидите сейчас дома у окна, то **вы** покоитесь, а автомобиль, едущий мимо **вашего** окна, движется. Однако та же ситуация выглядит **по-другому** с точки зрения пассажира автомобиля, который проезжает мимо **вашего** дома. Он может считать, что он покоится, а **вы** вместе с домом движетесь.*

*Кроме того, **вы** оба вместе с пассажиром автомобиля находитесь на Земле, которая совершает суточное вращение вокруг своей оси и летит по орбите вокруг Солнца со скоростью около 30 км/с.*

(22) *По-видимому, все вещества состоят из отдельных частичек, между которыми имеются промежутки. Если частицы удаляются друг от друга, то объем тела увеличивается. И наоборот, когда частицы сближаются, объем тела уменьшается.*

*Тогда возникает вопрос: если все тела состоят из мельчайших частиц, почему они кажутся **нам** сплошными (например, железо, вода, стекло, дерево)?*

*Современная наука доказала, что частицы вещества так малы, что **мы** их не видим.*

В примере (21) ненормальная ситуация реализуется в первую очередь посредством противопоставления ирреальной и реальной модальностей. В первом абзаце можно выделить модальную ситуацию «ситуативно обусловленной возможности» (вводное слово *казалось*) со значением предположительности (частицы *бы*). Данная ситуация возможности обусловлена имеющимися у адресата фоновыми знаниями. Однако в следующих двух абзацах

¹⁴ “expository questions” (Sperber & Wilson 1996: 252).

демонстрируется несостоятельность представленной точки зрения, чему способствует использование противительного союза *однако* и наречия *по-другому*. Кроме того, такое противопоставление осуществляется и с помощью грамматически организованной субъектной перспективы, которая отражает смену точек зрения: *адресат* → *пассажир автомобиля* → *Солнце*.

В примере (22) в субъектной перспективе представлены сразу два субъекта модуса – адресант и адресат, выраженные с помощью форм личного местоимения *мы*. В первом высказывании выражено значение предположительности (вводное слово *по-видимому*), однако далее высказанное предположение не оспаривается. Ненормальная ситуация же создается автором с помощью «объяснительного вопроса», который словно возникает у адресата в результате интеграции новых знаний, полученных из первого абзаца, и «наивных» фоновых знаний. Эта интеграция отражена в самой структуре условно-вопросительной конструкции, в условной части которой (*если все тела состоят из мельчайших частиц...*) фиксируется уже известный читателю фрагмент знаний.

Как видно, в обоих фрагментах суть ненормальности проецируемых на адресата ситуаций заключается в несоответствии знаний учащихся реальному положению дел и, следовательно, в желании это несоответствие разрешить. Поскольку именно несоответствие наших ожиданий реальному положению дел лежит в основе эмоции интереса, запускающей познавательную деятельность (Miceli & Castelfranchi 2015: 56), полагаем, что проецированные на адресата ненормальные ситуации являются одним из способов вербализации эмоционального сценария интереса.

Примеры (21) и (22) демонстрируют, что одним из основных способов создания проецированных на адресата ненормальных ситуаций – это использование объяснительных вопросов и средств выражения модальных значений. Для бóльшей наглядности приведем еще один пример.

(23) *Мы* говорим: *грязные руки, грязный двор, грязный город. А можно ли* сказать: *грязный воздух, грязная вода, грязный лес, грязная земля? К сожалению, можно. Точнее так: загрязненный воздух, загрязненный лес, загрязненная вода и почва.*

В данном фрагменте адресат вновь эксплицирован совместно с адресантом в субъектной перспективе текста (местоимение *мы*). Ирреальная модальность представлена категориальной ситуацией возможности, однако на этот раз это ситуация «разрешения», о чем свидетельствуют формы глагола *мочь* (Бондарко и др. 1990: 135). Объяснительный вопрос вновь следует за высказыванием, в котором фиксируется некий известный для читателя фрагмент знаний.

Важно сказать, что все приемы проецирования ненормальных ситуаций на читателя связаны с так называемой «проблемной формой изложения учебного материала» (Холодная, Гельфман 2016: 37). Так, М.А. Холодная и Э.Г. Гельфман выделяют две главные особенности такой формы изложения:

1) «...наличие в тексте проблемной ситуации с выделением того противоречия, которое не может быть разрешено на основе прошлых знаний» (Там же: 38); 2) «...включение проблемных вопросов, которые “разворачивают” проблемную ситуацию в различных, часто неожиданных для ученика контекстах» (Там же). Несмотря на то что обсуждение проблемных форм изложения уже давно занимает отечественных педагогов, они до сих пор не были предметом детального изучения лингвистов.

На наш взгляд, вербализация эмоционального сценария интереса является одним из способов тематизации этой эмоции и, следовательно, направлена в первую очередь на эмоциональное заражение читателя.

6. Заключение

1. В ситуациях речевого взаимодействия намерение адресанта каузировать эмоцию интереса у адресата лежит в основе создания эмоционально-эвокативного типа учебного дискурса. В данном типе дискурса используются стратегии развертывания текста, ориентированные на каузацию интереса (*interest-evoking rhetorical strategies*). Ряд таких стратегий основывается на передаче в речи эмоций как особого типа информации (дискурс об эмоциях и собственно эмотивный дискурс).

2. В учебном тексте как продукте речевой деятельности данный тип информации представлен эмотивностью текста – компонентом его смысловой структуры, посредством которого манифестируются (описываются и выражаются) эмоциональные переживания. Такая манифестация связана с реализацией нескольких конкретных стратегий и приемов, нацеленных на увеличение потенциальной эмоциогенности текста.

3. Манифестация эмоциональных переживаний персонажей текста, или субъектов диктума, прежде всего связана со стратегиями усиления наглядности, яркости изложения. Повышая эмоциогенность учебного текста, такие стратегии, как правило, значительно детализируют изложение и продуцируют седативные детали (интересную, но незначимую информацию) в смысловой структуре текста. Кроме того, такие стратегии требуют идентификации субъекта эмоций, а потому используются преимущественно в текстах с элементами повествования (чаще всего в учебниках по истории).

4. Для увеличения динамичности и неожиданности («сюрпризности») учебного текста авторы могут реализовать в тексте особые эмоциональные сценарии, в которых субъекты диктума испытывают эмоции, – ненормальные ситуации. Эти ситуации основаны на нарушении ожидаемых отношений между компонентами действительности (пространственных, причинных и др.), отраженных в содержании текста.

5. Манифестация эмоциональных переживаний участников коммуникации, или субъектов модуса связана со стратегиями диалогизирования, нацеленного на формирование диалогового характера учебного текста, и тематизации эмоции интереса, направленной на эмоциональное заражение читателя.

Проведенный нами анализ показал, что именно эти стратегии шире всего используются в учебных текстах по всем дисциплинам – русскому языку, обществознанию, истории, биологии и физике.

6. Особой стратегией тематизации эмоции интереса считаем вербализацию эмоционального сценария интереса, проецированного на адресата. Данная стратегия осуществляется посредством фиксации в тексте характерных во время переживания эмоции интереса признаков познавательной деятельности адресата, главные из которых – желание узнать что-то новое об объекте интереса и оценка его значимости и новизны.

Благодарности и финансирование

Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам статьи, советы и замечания которых способствовали дополнительным размышлениям над предлагаемой концепцией и способами ее представления в статье.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00284 («Психолингвистическое исследование эмоциогенности учебных текстов (формирование эмоции интереса)»).

© Larisa A. Piotrovskaya and Pavel N. Trushchelev, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аверьянова Е.Н. Средства выражения семантики внезапности в сообщениях об отклонении от нормы ожидания (на материале текстов художественной литературы) [Электронный ресурс] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 4. <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2010-04/017.pdf>. (дата обращения: 15.03.2020). [Averyanova, Elena N. 2010. Means of Expression of Suddenness Semantics in the Reports of Abnormal Expectations (on the Example of Fiction Texts). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* 4. <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2010-04/017.pdf>. (accessed 15 March 2020). (In Russ.)].
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Апресян Ю.Д. Избранные труды: т. 2: интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 453–465. [Apresyan, Valeriya Yu. & Apresyan Yurii D. 1995. *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii* (Metaphor in Semantic Representation of Emotions). In Yurii D. Apresyan, *Izbrannye Trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*. 453–465. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury. (In Russ.)].
- Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в языке. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. [Babenko, Lyudmila G. 1989. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v yazyke* (Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language). Sverdlovsk: Ural State University Publishing house. (In Russ.)].

- Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981. [Bolotov, Vladimir I. 1981. *Emotsional'nost' teksta v aspektakh yazykovoi i neyazykovoi variativnosti. Osnovy emotivnoi stilistiki teksta* (The Emotionality of Text in Aspects of Linguistic and Non-Linguistic Variability. The Basics of Emotional Style of a Text). Tashkent: Fan. (In Russ.)].
- Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А., Корди Е.Е., Сильницкий Г.Г., Храковский В.С., и др. Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука, 1990. [Bondarko, Aleksandr V., Belyaeva, Elena I., Biryulin, Leonid A., Kordi, Elena E., Sil'nitskii, Georgii G., Khrakovskii, Viktor S., et al. 1990. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost', modal'nost'* (The Theory of Functional Grammar. Temporality, modality). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Вотьякова И.А. О концепте «удивление» в русской языковой картине мира // Вестник удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2015. № 3. С. 120–124. [Votyakova Irina A. 2015. On the Concept «Surprise» in the Russian Language Picture of the World. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology* 3. 120–124. (In Russ.)].
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. [Zalevskaya, Aleksandra A. 2001. *Tekst i ego ponimanie* (Text and its Comprehension). Tver: Tver State University Publishing house. (In Russ.)].
- Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МОДЭК, 2001. [Zimnyaya, Irina A. 2001. *Lingvopsikhologiya rechevoi deyatelnosti* (Linguo-Psychology of Performance). Moscow: МОДЕК. (In Russ.)].
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз., 2004. [Zolotova, Galina A., Onipenko, Nadezhda K. & Sidorova, Mariya Yu. 2004. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* (Communicative Grammar of the Russian Language). Moscow: Institute of the Russian language Publishing house. (In Russ.)].
- Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 20–30. [Ionova, Svetlana V. 2015. Emotional effects of positive forms of communication. *Russian Journal of Linguistics* 1, 966–987. (In Russ.)].
- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21. [Kibrik, Andrei A. 2009. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov (Modus, genre, and other parameters of discourses classification), *Voprosy Jazykoznanija* 2. 3–21. (In Russ.)].
- Котюрова М.П., Дмитриева К.В., Соловьева Н. В. Выражение диалогичности речи в научно-учебных текстах // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: мат. XIII конгресса Междунар. ассоц. преподав. рус. яз. (г. Гранада, 20 сентября 2015 г.). Редкол.: Л.А. Вербицкая [и др.]. СПб.: Междунар. ассоц. преподав. рус. яз., 2015. С. 119–123. [Kotyurova, Mariya P., Dmitrieva, Kristina V. & Solov'eva Natal'ya V. 2015. *Vyrazhenie dialogichnosti rechi v nauchno-uchebnykh tekstakh* (The Expression of Dialogic Speech in Expository Texts). In Lyudmila A. Verbitskaya, et al. (eds.), *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury*, 119–123. Saint Petersburg: Mezhdunarodnaya assotsiatsiya prepodavatelei russkogo yazyka. (In Russ.)].
- Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 179–204. [Maslova, Valentina A. 1991. Parametry ekspressivnosti teksta (The Options of Text

Expressivity). In Veronika N. Teliya (ed.), *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*, 179–204. Moscow: Nauka. (In Russ.).

- Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92–121. [Onipenko, Nadezhda K. 2013. Model of Subject Perspective and Classification of Egocentric Elements. In Aleksandr V. Bondarko & Viktoriya V. Kazakovskaya (eds.), *Problemy funktsional'noi grammatiki: printsip estestvennoi klassifikatsii*, 92–121. Moscow: Yazyki slavyanskoï kultury. (In Russ.).]
- Пiotровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования: (на материале русского и чешского языков). СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. [Piotrovskaya, Larisa A. 1994. *Emotivnye vyskazyvaniya kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya: (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov)* (Emotive Utterance as an Object of Linguistic Study (Based on Russian and Czech)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing house. (In Russ.).]
- Пiotровская Л.А. Эмоции в языке и речевой деятельности: описание, выражение и отражение эмоций // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 30 сент.–2 окт. 2015. Отв. ред. Т.А. Клепикова. С. 776–781. [Piotrovskaya, Larisa A. 2015. Emotsii v yazyke i rechevoi deyatelnosti: opisaniye, vyrazheniye i otrazheniye emotsii (Emotions in Language and Language Behavior: Description, Expression and Reflection). In Tatiana A. Klepikova (ed.), *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vol. 22. Yazyk i soznanie v mezhdistsiplinarnoi paradigme issledovaniy*, 776–781. (In Russ.).]
- Пiotровская Л.А., Трушелёв П.Н. Конкретизация учебного текста как способ формирования интереса у читателя (на примерах описания природы) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2018): сб. науч. тр. XIX Всероссийской науч. конф. Редкол.: Н.Б. Лезунова [и др.]. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 305–311. [Piotrovskaya, Larisa A. & Trushchelev, Pavel N. 2018. The Training Text Concretization as a Way to Evoke Reader's Interest (Nature Description for Examples). In Natal'ya V. Lezunova, et al. (eds.), *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2018)*, 305–311. Saint Petersburg: SPbGUPTD, (In Russ.).]
- Пiotровская Л.А., Трушелёв П.Н. Экспериментальное исследование эмотиогенности текстов (формирование интереса в учебном тексте) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 112–123. [Piotrovskaya, Larisa & Trushchelev, Pavel. 2019. An Experimental Investigation of Text Emotiogenicity (formation of interest in a school text). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* 192. 112–123. (In Russ.).]
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 5-е изд. СПб.: Питер, 2001. [Rubinshtein, Sergei L. 2001. *Osnovy obshchei psikhologii* (Foundations of General Psychology). 5th edn. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).]
- Трушелёв П.Н. Диалогизирование учебного текста как средство формирования интереса учащихся // Русская литература и диалог культур в эпоху глобализации: материалы II Всероссийской студенч. науч.-практ. конф. 19, 20 октября 2018. Редкол.: Е.И. Лелис (отв. ред.) [и др.]. СПб.: СПбГИКиТ, 2019. С. 109–114. [Trushchelev, Pavel N. 2019. Dialogizirovaniye uchebnogo teksta kak sredstvo formirovaniya interesa uchashchikhsya (Dialogization of Expository Text to Learners' Interest Evoking). In Elena I. Lelis (ed.), *Russkaya literatura i dialog kul'tur v epokhu globalizatsii*. 109–114. Saint Petersburg: SPbGIKiT. (In Russ.).]

- Ушакова С.А. Интенциональное состояние интереса и его выражение в английском языке // Международная филологическая конференция: Материалы XXIII международной филологической конференции: Вып. 3. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 51–53. [Ushakova, Svetlana A. 2003. Intentsional'noe sostoyanie interesa i ego vyrazhenie v angliiskom yazyke (The Intentional State of Interest and its Expression in English). *Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Vyp. 3. Leksikologiya i frazeologiya*, 51–53. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing house. (In Russ.)].
- Филимонова О.Е. Эмоциология текста: анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Книжный Дом, 2007. [Filimonova, Ol'ga E. 2007. *Emotsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsii v angliiskom tekste* (Emotiology of the Text. Analysis of the Representation of Emotions in the English Text). Saint Petersburg: Knizhnyi dom. (In Russ.)].
- Холодная М.А., Гелфман Э.Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2016. [Kholodnaya, Maria A. & Gelfman, Emanuila G. 2016. *Razvivayushchie uchebnye teksty kak sredstvo intellektual'nogo vospitaniya uchaschikhsya* (Developing educational texts as a means of students intellectual education). Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Rus.)].
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2009. [1987]. [Shakhovskii, Victor I. 2009/1987. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* (Emotion categorization in the language lexical semantical system) 3rd edn. Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovskii, Victor I. 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* (The Linguistic Theory of Emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Юматов Е.А., Глазачев О.С., Быкова Е.В., Дудник Е.Н., Потапова О.В., Перцов С.С. Психофизиология эмоций и эмоционального напряжения студентов. М.: ИТРК, 2017. [Yumatov, Evgenii A., Glazachev, Oleg S., Bikova, Elena V., Dudnik, Elena N., Potapova, Ol'ga V., & Pertsov, Sergei S. 2017. *Psychophysiology of emotions and emotional stress of the students*. Moscow, ITRC. (In Russ.)].
- Alba-Juez, Laura 2016. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 43–55. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-43-55.
- Alba-Juez, Laura & Larina, Tatiana. 2018. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9–37. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.]
- Alba-Juez, Laura & Mackenzie, J. Lachlan. 2019. Emotions in Discourse. In Laura Alba-Juez & J. Lachlan Mackenzie (eds.), *Emotion processes in discourse*, 3–27. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/pbns.302.01alb.
- Eitel, Alexander & Kühl, Tim (eds.). 2019. Harmful or Helpful to Learning? Boundary Conditions of Seductive Details Effects on Cognitive and Affective Processing of Instruction. [Special issue]. *Applied Cognitive Psychology*, 33 (1).
- Daneš, František. 1982. Intonace v textu (promluvě). *Slovo a slovesnost* 2. 83–100. (In Czech).
- Edwards, Derek. 1999. Emotion Discourse. *Culture & Psychology* 5 (3). 271–291. DOI: 10.1177/1354067X9953001.
- Hidi, Suzanne & Baird, William. 1988. Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students' Recall of Expository Texts. *Reading Research Quarterly* 23 (4). 465–483. DOI: 10.2307/747644.
- Hidi, Suzanne, & Renninger, K. Ann. 2006. The Four-Phase Model of Interest Development. *Educational Psychologist* 41(2). 111–127. DOI: 10.1207/s15326985ep4102_4.

- Izard, Carroll E. 2007. Basic Emotions, Natural Kinds, Emotion Schemas, and a New Paradigm. *Perspectives on Psychological Science* 3. 260–280. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x.
- Kaakinen, Johanna K., Papp-Zipernovszky, Orsolya, Werlen, Egon, Castells Gomez, Nuria, Bergamin, Per B., Baccino, Thierry, et al. 2018. Learning to Read in a Digital World. In Mirit Barzillai, Jenny Thomson, Sascha Schroeder, & Paul van den Broek (eds.), *Emotional and Motivational Aspects of Digital Reading*, 143–166. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/swll.17.06kaa.
- Katriel, Tamar. 2015. Methods of Exploring Emotions. In Helena Flam & Jochen Kleres (eds.), *Exploring Emotion Discourse*, 57–66. London/New York: Routledge.
- Kintsch, Walter. 1980. Learning from Text, Levels of Comprehension, or: Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics* 9. 87–98. DOI: 10.1016/0304-422X(80)90013-3.
- Koschut, Simon. 2018. Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn. In Maeva Clement & Eric Sangar (eds.), *Speaking from the Heart: Emotion Discourse Analysis in International Relations*, 277–301. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-65575-8_12.
- Macagno, Fabrizio. 2014. Manipulating Emotions. Value-Based Reasoning and Emotive Language. *Argumentation and Advocacy* 51. 103–122. DOI: 10.1080/00028533.2014.11821842.
- Miceli, Maria & Castelfranchi, Cristiano. 2015. *Expectancy and Emotion*. Oxford: Oxford University Press.
- Rey, Gunter D. 2012. A Review of Research and a Meta-Analysis of the Seductive Detail Effect. *Educational Research Review* 7. 216–237.
- Schiefele, Ulrich. 2009. Situational and Individual Interest. In Kathryn R. Wentzel & Allan Wigfield (eds.), *Handbook of Motivation at School*, 197–222. New York: Routledge.
- Schraw, Gregory & Lehman, Stephen. 2001. Situational Interest: A Review of the Literature and Directions for Future Research. *Educational Psychology Review*, 13 (1). 23–52. DOI: 10.1023/A:1009004801455.
- Silvia, Paul J. 2006. *Exploring the Psychology of Interest*. New York: Oxford University Press.
- Sperber, Deirdre & Wilson, Dan. 1996. *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd edn. Oxford/Cambridge: Blackwell.
- Stankiewicz, Edward. 1964. Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Education, Linguistics, Psychiatry, Psychology. In Thomas A. Sebeok, Alfred S. Hayes, & Mary C. Bateson (eds.), *Problems of Emotive Language*, 239–264. The Hague/Paris: Mouton & Co.
- van Dijk, Teun A. 2014. *Discourse and knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Volek, Bronislava. 1987. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wade, Suzanne E. 2001. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. *Educational Psychology Review* 13 (3). 243–261. DOI: 10.1023/A:1016623806093.

Article history:

Received: 30 July 2020

Revised: 20 November 2020

Accepted: 25 November 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июля 2020

Дата принятия к печати: 25 ноября 2020

Bionote:

Larisa A. PIOTROVSKAYA is Dr. (Advanced Doctorate), professor at Herzen State Pedagogical University of Russia; author of over 200 publications. Her research interests are focused on psycholinguistics, linguistics of emotions, intonation, Slavic studies, and pragmatics.

Contact information:

E-mail: larisa11799@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0195-5194

Pavel N. TRUSHCHELEV is PhD student at the Department of Russian Language at Herzen State Pedagogical University of Russia. His research interests include psycholinguistics, linguistics of emotions, pragmatics, and text linguistics.

Contact information:

E-mail: paveltrue2007@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0810-2434

Сведения об авторах:

Лариса Александровна ПИОТРОВСКАЯ – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор свыше 200 публикаций. Сфера научных интересов: психолингвистика, эмотиология, интонация, славистика, прагматика.

Контактная информация:

e-mail: larisa11799@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0195-5194

Павел Николаевич ТРУЩЕЛЁВ – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сфера научных интересов: психолингвистика, эмотиология, прагматика, теория текста.

Контактная информация:

e-mail: paveltrue2007@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0810-2434

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048

Research article

Demonyms in the Pacific Alliance countries: morphological and semantic variation

Olga CHESNOKOVA and Marija RADOVIĆ

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

Abstract

The existing research on onomastics does not sufficiently reflect upon the relation between cultural codes and demonyms, having in mind that demonyms universally represent linguistic devices for expressing territorial and regional identity. The article focuses on the complex polyparadigmatic analysis of the system of demonyms related to the macrotoponymy of the four founding countries of the Pacific Alliance: Chile, Colombia, Mexico, and Peru. Each of the four founding countries of the Pacific Alliance is characterised by the uniqueness of its culture, historical development, the specifics of the national variant of Spanish that reflects the indigenous influence of substrates and the collective values of the society. The research tasks of the article consist in systemising the morphological devices and the cultural layers of demonyms connected with the administrative division of given countries, detecting the variation parameters, comparing them from the linguacultural point of view. The main material of the research have been 100 official demonyms of Chile, Colombia, Mexico and Peru, and 31 variative denominations. The materials for the research are based on the official websites of the administrative units of the four countries, dictionaries data, diverse types of texts and discourse, as well as the notes of the informants' speech. The research uses such methods as the continuous sampling method based on Internet sources, the analysis of dictionary definitions, the method of semantic interpretation, the morphological analysis, combined with interviews with informants whose interaction is made possible by the complex polyparadigmatic analysis of the material. The authors have determined a series of lexemes that function as demonyms, analysed their form and content from the linguistic point of view. It has been revealed that the main tendency in the formation of suppletive demonyms for macrotoponyms are the terrain features and the assessment of ethnic background or mentality. The analysed demonyms manifest the relations of intralingual, interviant homonymy, as well as hypo-hyperonymic relations. The complex analysis of the material has provided an opportunity to represent the demonym systems of Chile, Colombia, Mexico, Peru as multidimensional and at the same time inherent to the unified functional continuum of entity in Spanish-speaking countries. The research results have led to the conclusion that demonyms act as independent notions and generators of new meanings and allusions. It is recommended to use transliteration when translating suppletive demonyms, while their decoding amplifies the linguacultural competence of Spanish-language students and harmonises the intercultural dialogue with the native speakers of Chilean, Colombian, Mexican and Peruvian national variants of Spanish in the areas of education and business.

Keywords: *demonym, the Pacific Alliance, linguaculture, variation, association, meaning, interpretation*

For citation:

Chesnokova, Olga S. & Marija Radović. 2020. Donyms in the Pacific Alliance countries: Morphological and semantic variation. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 1017–1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048

Научная статья

Катойконимы стран Тихоокеанского Альянса: морфологическое и семантическое варьирование

О.С. ЧЕСНОКОВА, М. РАДОВИЧ

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, Россия

Аннотация

Существующие ономастические исследования в недостаточной степени охватывают взаимосвязь кодов культуры и катойконимов, тогда как катойконимы универсально формируют языковые средства территориальной и региональной идентичности. Статья посвящена комплексному полипарадигмальному анализу систем катойконимов, связанных с макротопонимией четырех стран-основательниц Тихоокеанского Альянса – Чили, Колумбии, Мексики и Перу. Данные страны характеризуются уникальностью культуры, исторического развития, особенностями национального варианта испанского языка, отражающего субстратное автохтонное влияние и присущие соответствующим социумам ценности. Цель исследования – систематизировать морфологические средства и культурные слои катойконимов, связанных с административным делением данных стран, вывести параметры вариативности, сопоставить их в лингвокультурологическом ключе. Основным материалом исследования послужили 100 официальных катойконимов Чили, Колумбии, Мексики и Перу и 31 вариативное наименование. Источником материала послужили официальные сайты административных единиц четырех стран, данные из словарей, различные виды текста и дискурса, запись речи информантов. В исследовании использованы метод сплошной выборки из интернет-источников, анализ словарных дефиниций, метод семантической интерпретации, морфологический анализ, дополненные опросом информантов. Взаимодействие данных методов обеспечивает комплексный полипарадигмальный анализ материала. В ходе исследования выявлен набор лексем, функционирующих как катойконимы, и проведен лингвистический анализ их формы и содержания. Установлено, что основная тенденция образования супплетивных катойконимов макротопонимов – понятия рельефа, оценка этнического происхождения или ментальности. Исследованные катойконимы обнаруживают отношения внутриязыковой, межвариантной омонимии и гипо-гиперонимические отношения. Комплексный анализ материала позволил представить катойконимные системы Чили, Колумбии, Мексики, Перу как многомерные и одновременно принадлежащие единому функциональному испаноязычному континууму сущности. Полученные результаты позволили заключить, что катойконимы выступают как реалии и генераторы новых смыслов и аллюзий. При переводе супплетивных катойконимов целесообразна транслитерация. Декодирование катойконимов в целом расширяет лингвокультурологическую компетенцию изучающих испанский язык и гармонизирует межкультурный диалог с носителями чилийского, колумбийского, мексиканского, перуанского национальных вариантов испанского языка в сфере образования и бизнеса.

Ключевые слова: *катойконим, Тихоокеанский Альянс, лингвокультура, варьирование, ассоциация, интерпретация*

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Радович М. Катойконимы стран Тихоокеанского Альянса: морфологическое и семантическое варьирование. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 1017–1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048

1. Введение: постановка проблемы

Неизбежное размытие культурных границ в период глобализации обуславливает актуальность осмысления национально-культурной-идентичности в области имен собственных и, в частности, такой интересной и еще мало исследованной категории, как *катойконимы* (исп. *gentilicios*, англ. *demonym*), т.е. названий лиц по месту происхождения и/или проживания. Активность и эмоциональная насыщенность катойконимов варьирует в различных языках и культурах, что связано с типологическими особенностями языка (Радович 2016, Ахметова 2019, Estrada Flórez & Pérez Adárraga 2020), а также с языковыми вкусами этноса¹.

В современной лингвистике интерес к ономастике неизменно высокий, о чем свидетельствует, в частности, спектр исследовательских вопросов в журналах «*Вопросы ономастики*», *Acta onomastica*, *Names* и др. Однако существующие ономастические исследования в недостаточной степени охватывают взаимосвязь проприальной лексики и кодов культуры, тогда как на современном этапе развития общества катойконимы, универсально тяготеющие к оценочным коннотациям, служат средством территориальной и региональной идентичности, что подтверждают исследования последних лет на материале различных языков (например, Ильин, Сидорова 2015, Kordic & Chávez Fajardo 2017, Tent 2018, Chávez Fajardo & Kordic Riquelme 2019, Estrada Flórez & Pérez Adárraga 2020).

В нашей статье мы обращаемся к поливариантному и поликультурному испанскому ономастическому материалу, а именно к катойконимам четырех стран-основательниц Тихоокеанского Альянса². Если экономическое значение Тихоокеанского Альянса широко обсуждается (Ripoll 2017), то лингвокультурологические исследования данного торгового блока крайне немногочисленны и находятся лишь в стадии зарождения (Benites & Lorrain 2017, Чеснокова, Радович, Талавера Ибарра 2020). Предлагаемый в статье полипарадигмальный подход к катойконимам Чили, Колумбии, Мексики и Перу является первым в российской и зарубежной лингвистике опытом комплексной реконструкции и интерпретации катойконимных систем четырех стран-основательниц Тихоокеанского Альянса как форм их лингвокультурологической репрезентации.

¹ Об этом см., в частности, в статье в известном американском журнале, имеющем катойконим в своем названии – *The New Yorker*, где упомянуты такие предпочитаемые некоторыми жителями номинации, как *New Yorkian* для нью-йоркца или *Mancunian* вместо *Manchesterian* для манчестерца (<https://www.newyorker.com/magazine/2013/05/20/new-yorkians>).

² Тихоокеанский Альянс (образован в 2011 г.) – торговый блок, призванный обеспечить свободное передвижение товаров, услуг и капиталов.

Цель статьи – систематизировать морфологические средства катойконимов Чили, Колумбии, Мексики, Перу, установить культурные слои катойконимов, связанных с административным делением данных стран, вывести параметры вариативности, сопоставить их в лингвокультурологическом ключе. Для достижения данной цели в ходе нашего исследования мы выявили морфологические форманты, культурные слои, ассоциативные связи катойконимов Чили, Колумбии, Мексики, Перу, связанных с макротопонимией соответствующих стран, присущим им административным делением, а также вывели и интерпретировали параметры их национальной специфики и вариативности.

2. Катойконимы как средство выражения идентичности

Лингвокультурная идентичность представлена в языке разнообразными средствами (см., например, Bilá, Ivanova 2020; Bilá, Kačmárová, Vaňková 2020; Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017; Loester 2017). Одним из таких средств, на наш взгляд, выступают катойконимы.

Термин «*катойконим*» (От др.-греч. *κατά* – «под» + *οἶκος* – «дом») является синонимом «оттопонимической номинации» и представляет собой частичный русский эквивалент испанского термина *gentilicio*. В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии РАН» *этноним*³ толкуется как название этноса – племени, народа, нации, субэтнической группы. Этнонимы подразделяются на *автоэтнонимы* (самоназвания этносов: *Deutsch* ‘немцы’, *hayer* ‘армяне’) и *экзоэтнонимы* (названия этносов, данные другими народами: *венгры*, *цыгане*), среди которых выделяются номены с отрицательной коннотацией (*москали*, *хохлы*), номены для обозначения исчезнувших народов, когда-то населявших определенные территории⁴. Различаются также *макроэтнонимы* для обозначения крупных этносов и *микроэтнонимы*, обозначающие небольшие этнические общности, племенные названия. При рассмотрении нормативной кодификации значения испанского термина *gentilicio* обращает на себя внимание неполное совпадение двух понятий. Согласно словарю Испанской Королевской Академии, *gentilicio* – это имя прилагательное или существительное, «обозначающее соотносительность к географии» или «принадлежность или отношение к народам или нациям, а также роду или семье»⁵. Другими испанскими толковыми словарями (Larousse Dictionary 2009) предлагается сходное толкование данной лексемы: «имя прилагательное или существительное, обозначающее происхождение или родину»⁶. Таким

³ от греч. *éthnos* – племя, народ и *ónyma* – имя, название.

⁴ Словари и энциклопедии на Академике. URL: www.dic.academic.ru (дата обращения: 10 октября 2019).

⁵ Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). URL: www.dle.rae.es (дата обращения: 10 октября 2019).

⁶ gentilicio. (n.d.) *Diccionario Enciclopédico Vox 1*. (2009). URL: <https://es.thefreedictionary.com/gentilicio> (дата обращения: 15 июня 2020).

образом, семантическое поле понятия *gentilicio* оказывается шире, чем у термина «этноним». Согласно испанскому ономасту М. Морера Пересу (Morega 2016) катойконимы могут обладать мотивацией, не связанной с современным топонимом, к которому они относятся. Автор также подчеркивает факты образования топонимов от катойконимов в таких примерах, как *España, Italia, Berbería, Rusia*, которые представляют дериваты от названий этний: *hispano, italo, bereber, ruso* (García Padrón & Morera Pérez 2015: 83).

Типологическая принадлежность испанского языка, структура испанского слова обуславливают активность в нем катойконимов, значительно большую, нежели, например, в славянских языках. Будучи полинациональным языком, испанский язык имеет общеиспанское ядро и одновременно обнаруживает варьирование на всех уровнях языковой системы, на которое наслаивается варьирование, связанное с менталитетом, национальной языковой нормой и языковой картиной мира каждой испаноязычной нации, присущим им коммуникативным стилем и лингвокультурологическими особенностями, параметры которых (см. Larina 2015, Maluyuga, Krouglov & Tomalin 2018, Mugford 2020) имеют особое преломление в поликультурной испаноязычной среде и в сфере катойконимов. Примечательно, что современные исследования испанского языка выявляют такой его формат, как *lingua franca* (Pinto & Santero Pontes 2020).

Чили, Колумбия, Мексика и Перу уникальны по истории и культуре. В каждой из этих стран особое административное деление. Под *официальными катойконимами* мы будем понимать названия жителей, зафиксированные на официальных сайтах соответствующих административных единиц. Например, для колумбийского департамента *Антиокия* на сайте Википедия⁷ в качестве катойконима указан *antioqueño*⁸.

Уникальность истории и культуры Чили, Колумбии, Мексики и Перу своеобразно проявляется в сфере их катойконимных номинаций. В данной статье мы пытаемся доказать, что катойконимы выступают в четырех исследуемых странах испанского языка как средства территориальной и региональной идентичности, формируют ономастические доминанты социума как устойчивые модели присвоения и функционирования имени собственного и его производных, а приращения смысла создаются за счет оценочных коннотаций.

3. Материал и методология исследования

Основным материалом исследования послужили 100 официальных катойконимов Чили, Колумбии, Мексики и Перу, а также 31 вариативное наименование. Как источники материала были использованы официальные

⁷ Антиокия, Википедия. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Antioquia> (дата обращения: 20 мая 2020)

⁸ Здесь и далее в тексте испаноязычные катойконимы и отдельные суффиксы для их образования будут приводиться только в форме мужского рода единственного числа.

сайты административных единиц четырех стран, лексикографические данные, примеры из различных видов текста и дискурса, опрос информантов – носителей чилийского, колумбийского, мексиканского, перуанского национальных вариантов испанского языка в виде свободного ассоциативного эксперимента.

Для исследования был использован полипарадигмальный подход к катойконимам четырех испанозычных стран. Его базовым методологическим положением является представление о множественности и равноправии языковых норм в странах испанского языка, сформулированное академиком Г.В. Степановым (Степанов 1976: 159), и понимание вариантности как имманентного свойства языковой системы, восходящее в европейской лингвистике XX в. к работам Пражского лингвистического кружка при разработке принципов функционального описания языка, теории литературного (стандартного) языка, языковой нормализации и кодификации.

Для решения поставленных целей и задач использовались метод сплошной выборки из интернет-источников, анализ словарных дефиниций, семантическая интерпретация, морфологический анализ, дополненные опросом информантов, сочетание которых обеспечило комплексный полипарадигмальный анализ материала. Так же релевантными стали данные психолингвистики, теории дискурса, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, истории, социолингвистики, культурологии. Контактологический анализ позволил интерпретировать влияние на катойконимы субстрата автохтонных языков. Взаимодействие данных методов обеспечивает комплексный полипарадигмальный анализ материала.

4. Анализ материала

4.1. Катойконимы Чили

Республика Чили (*República de Chile*) расположена на юго-западе Южной Америки и простирается в виде узкой полосы земли между Тихим Океаном и Андами. В административном отношении страна разделена на 16 регионов (областей).

Систематизация чилийских катойконимов показывает их наличие для 9 и отсутствие для 7 из 16 номенов чилийских регионов. Название каждого Региона начинается со словосочетания *Región de* ‘Регион’: *Región de La Araucanía* ‘Регион-Ла-Араукания’. При этом лексема *Región* ‘Регион’ не участвует в деривации однокоренных катойконимов. В случае таких антропотопонимов, как *Región del Libertador General Bernardo O’Higgins* и *Región de Aysén del General Carlos Ibáñez del Campo*, причина отсутствия катойконима заключается, на наш взгляд, не только в сложном в звуковом и морфо-синтаксическом отношении для деривации антропонима в качестве топоформанта, но также в наличии в номинации титула исторических личностей, в честь которых Регион получил название: *Libertador* ‘Освободитель’, *General* ‘Генерал’.

Следовательно, образовать емкий по структуре официальный катойконим от данных многокомпонентных топонимов не удастся так же успешно, как в случае региона *Región de Magallanes y de la Antártica Chilena*, жителей которого чилийцы традиционно называют *magallánicos*. Еще одной и, возможно, главной причиной отсутствия у названий чилийских областей-регионов соответствующего официального катойконима можно признать относительно недавние изменения в политико-административном делении страны (2018 г.⁹), в силу чего данные топонимы и их дериваты еще не стали частью языковой традиции чилийцев и не успели «прижиться» среди населения. В табл. 1 представлены названия регионов Республики Чили и катойконимы в случае их наличия.

Таблица 1/ Table 1

Чилийские катойконимы / Chilean demonyms

№	Регион/Область / Region	Катойконим / Demyonym
1	Región de Arica y Parinacota	∅
2	Región de Tarapacá	tarapaqueño
3	Región de Antofagasta	antofagastino
4	Región de Atacama	atacameño
5	Región de Coquimbo	coquimbano
6	Región de Valparaíso	∅
7	<i>Región Metropolitana Santiago</i>	metropolitano
8	<i>Región del Libertador General Bernardo O'Higgins</i>	∅
9	<i>Región del Maule</i>	maulino
10	<i>Región de Ñuble</i>	ñublense
11	<i>Región del Biobío</i>	∅
12	Región de La Araucanía	∅
13	Región de Los Ríos	∅
14	Región de Los Lagos	laguino
15	Región de Aysén del General Carlos Ibáñez del Campo	∅
16	Región de Magallanes y de la Antártica Chilena	magallánico

Согласно опросу чилийских информантов (было опрошено 20 человек с высшим образованием), катойконимы для обозначения жителей некоторых провинций/городов из региона функционируют в качестве гиперонимов, т.е. именуют жителей всего региона:

ariqueño (*Arica* и *Región de Arica y Parinacota*),
aysenino (*Aysén* и *Región de Aysén del General Carlos Ibáñez del Campo*),
porteño (*Valparaíso* и *Región del Valparaíso*),

что показывает национально-специфичные чилийские параметры варьирования и иерархии катойконимов.

Вот как об истории региона *Región de Aysén del General Carlos Ibáñez del Campo* и использовании катойконима *aysenino* пишет историк Матео Мартинич Берос:

⁹ Территориальная организация Чили, Википедия. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Organizaci%C3%B3n_territorial_de_Chile (дата обращения: 17 мая 2020).

(1) *Su aporte, que valorizo especialmente, debe ser ciertamente destacado como el de un aysenino esforzado, honestamente empeñado en hacer luz para el apropiado conocimiento de determinados momentos del pretérito de su tierra* (Martinić 2005: 8)

‘Его особо ценный вклад, безусловно, должен быть отмечен как вклад трудолюбивого *айсенино*, с присущим ему достоинством настроенного пролить свет на события прошлого своей родины’.

Отметим также межвариантную омонимию катойконима *porteño*, относящегося к катойкониму чилийского города *Valparaíso* и Региона Вальпараисо, к катойкониму столицы Аргентины *Buenos Aires*, пуэрториканскому топониму *Puntarenas*, перуанскому *Callao*, костариканскому *Puntarenas*, что закреплено лексикографически (Diccionario de americanismos 2010: 1758), и что мы дополняем нашими данными об идентичном катойкониме для колумбийского ойконима *Puerto Carreño*, венесуэльских *Puerto Cabello* и *Puerto la Cruz*. Семантическая реконструкция происхождения данных катойконимов однозначно показывает их связь с лексемой *puerto* ‘порт’ и свидетельствует о межвариантной омонимии катойконимов, в которой задействованы чилийские катойконимы от макротопонимов *Región de Valparaíso* и *Valparaíso*. Примечательно, что по данным исследования лексикографических источников и опроса информантов, для Мексики, несмотря на обилие прибрежных городов и портов, данный катойконим не обнаружен. Сравним пример из художественного дискурса чилийского писателя Роберто Ампуэро, в котором лексема *porteño* однозначно относится к жителям Вальпараисо:

(2) *A la sede del Club Social y Deportivo Orompello de Valparaíso se llega con dificultad, a menos que seas porteño* (Ampuero 2012: 315). ‘В спортивный клуб «Оромпельо Вальпараисо» добраться трудно, если ты, конечно, не «портеньо»’.

Продуктивность суффиксов в узуальных в Чили девяти официальных катойконимах выглядит следующим образом:

-ino: 3 (*antofagastino, maulino, laguino*),
-eño: 2 (*tarapaqueño, atacameño*),
-ano: 2 (*coquimbano, metropolitano*),
-ense: 1 (*ñublense*),
-ico: 1 (*magallánico*).

Данная картина продуктивности, несмотря на ограниченный количественный признак выборки, почти полностью совпадает с результатами исследований продуктивности суффиксов катойконимов всей Чили (Радович 2016: 57).

Альтернативные варианты катойконимов нами не обнаружены, но следует отметить название жителя Столичной области *Región Metropolitana de Santiago* → *metropolitano*, отличающееся от названия жителя самой столицы *Santiago de Chile* → *santiaguino* (вариант – *capitalino*).

Общеиспанское значение номена *magallánico* – относящийся к Магелланову проливу¹⁰. Национально-специфичное чилийское значение – относящийся к Региону *Región de Magallanes y de la Antártica Chilena*. Приведем убедительные примеры функционирования номинации *magallánico* в символизированном названии чилийского регионального информационного интернет-портала и в значении жителя региона *Región de Magallanes y de la Antártica Chilena* в современном чилийском публицистическом дискурсе:

(3) *Dos años se cumplen desde que dos profesionales de las comunicaciones decidieron dar vida a un emprendimiento familiar y posicionar una nueva alternativa al quehacer diario de la comunidad regional: El Magallánico. [...] “Soñamos todos los días, y soñamos en grande. Esperamos que, de concretarse los proyectos, en el futuro podamos cambiar la forma en que los magallánicos se informan y cómo ven hoy las empresas a los medios digitales”, comentó (director del medio).*¹¹

‘Прошло два года с того дня, когда два специалиста по коммуникациям решили оживить семейный бизнес и предложили альтернативу повседневной жизни местного общества: «Эль Магальянико». [...] «Мы мечтаем каждый день, и мы мечтаем о большем. Надеемся, что, в случае завершения проектов, в будущем мы сможем изменить представление *магелланцев* о себе самих и то, как компании видят цифровые медиа сегодня», – сказал директор’.

(4) *Desde un desayuno típico hasta su propia bandera, así de potente es la identidad de los magallánicos. Gracias a distintos elementos que los hacen únicos en el país, los habitantes de la zona austral de Chile se caracterizan no tan sólo por vivir en un incomparable entorno natural, sino también por contar con particulares íconos y tradiciones.*¹²

‘От типичного завтрака до собственного флага – вот насколько неповторима личность *магелланца*. Уникальность этих жителей южной части Чили не только из-за неповторимой среды их обитания, но и из-за их ритуалов и традиций’.

Примечателен также факт межъязыковой романской омонимии в макротопонимах американского и африканского континентов: чилийский катойконим *laguino*, производный от топонима общеиспанского происхождения *Región de Los Lagos* и номинация от омонимичного топонима португальской этимологии для крупного нигерийского города *Lagos* → *lagosense*. Во время поселения йоруба, первичным номеном для города было название *Eko*, но высадившийся здесь в 15 веке португальский мореплаватель Руй ди Секейра назвал его *Lagos* (португальск. ‘озера’). В чилийском катойкониме суффикс

¹⁰ Diccionario de la Real Academia Española. URL: www.dle.rae.es (дата обращения: 26 мая 2020).

¹¹ “El Magallánico” cumple dos años. URL: <https://elmagallanico.com/2019/08/el-magallanico-cumple-dos-anos-informando-a-la-region> (дата обращения: 29 мая 2020).

¹² Magallanes: curiosidades de un pueblo único. URL: <https://www.cocacoladechile.cl/historias/gente-magallanicos-curiosidades-de-un-pueblo-unico> (дата обращения 26 мая 2020).

добавляется к апокопированному корню *Lagos* → *Lag* → *laguino*, в то время как в случае испанского варианта нигерийского катойконима суффикс *-ense* прикреплен к полной форме топонима *Lagos* → *lagosense*, несмотря на их общероманские корень и мотивационный субстрат.

4.2. Катойконимы Колумбии

Республика Колумбия (*República de Colombia*) – единственная страна Южной Америки, имеющая выход к Тихому и Атлантическому (Карибское море) океанам. В административном отношении страна делится на 32 департамента и Столичный округ, что позволяет рассматривать его наряду с катойконимными номинациями, относящимися к департаментам страны.

Катойконимы Колумбии сведем в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Колумбийские катойконимы / Colombian demonyms

№	Департамент / Department	Катойконим / Demonym	Вариант / Variant
1	Amazonas	amazonense	∅
2	Antioquia	antioqueño	paísa
3	Arauca	araucano	∅
4	Archipiélago de San Andrés y Providencia	sanandresano	raizal
5	Atlántico	atlanticense	costeño
6	Bolívar	bolivarense	costeño
7	Boyacá	boyacense	∅
8	Caldas	caldense	∅
9	Caquetá	caqueteño	∅
10	Casanare	casanareño	llanero
11	Cauca	caucano	∅
12	Cesar	cesarense	costeño
13	Chocó	chocoano	∅
14	Córdoba	cordobés	costeño
15	Cundinamarca	cundinamarqués	∅
16	Guainía	guainiano	∅
17	Guaviare	guaviarense	∅
18	Huila	huilense	opita
19	La Guajira	guajiro	costeño
20	Magdalena	magdalenense	costeño
21	Meta	metense	llanero
22	Nariño	nariñense	∅
23	Norte de Santander	nortesantandereano	toche
24	Putumayo	putumayense	∅
25	Quindío	quindiano	∅
26	Risaralda	risaraldense	paísa
27	Santander	santandereano	pingo
28	Sucre	sucreño	costeño
29	Tolima	tolimense	∅
30	Valle del Cauca	vallecaucano	∅
31	Vaupés	vaupense	∅
32	Vichada	vichadense	llanero
33	Bogotá	bogotano	cachaco

Суффиксы 33 катойконимов, относящихся к названиям департаментов и Столичного Округа, распределены следующим образом:

- ense:16,
- ano: 10,
- eño: 4,
- és: 2,
- o:1,

что вписывается в общие тенденции образования колумбийских катойконимов (Радович 2016: 59). При этом, если, по данным фундаментального труда колумбийских исследователей, самым частотным суффиксом катойконимов страны в целом оказывается *-eño*, за которым следуют *-ense* и *-ano* (Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 168), то данные по катойконимам от департаментов страны показывают другую картину распределения, поскольку самым частотным оказывается суффикс *-ense*. Вариантные супплетивные катойконимы от названий департаментов образуют иерархические гипо-гиперонимические отношения. Так, катойконим *paisa*, по данным опроса информантов, может обозначать жителя департаментов Антиокия и Рисаральда, т.е. выступать их гиперонимом (рис. 1).

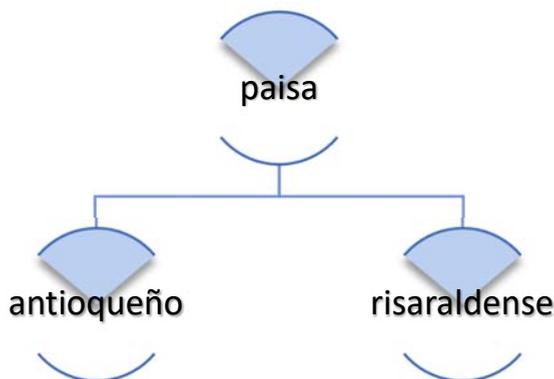

Рис. 1. Значение лексемы *paisa* / Fig. 1. The meaning of lexeme “paisa”

Реконструируем ассоциативные связи и коннотации альтернативных катойконимов, опираясь на наше предыдущее исследование (Чеснокова 2013). Лексема *paisa* ‘пайса’ является апокопой от общеиспанского существительного *paisano* ‘земляк’. *Пайса* – это жители департамента Антиокия и «Кофейной Оси». В узком смысле катойконим *paisa* – это разговорно-обиходный вариант однокоренного с названием департамента *Antioquia* его официального катойконима *antioqueño*. В коллективном восприятии колумбийцев *пайса* ассоциируются с талантом предпринимателей и коммерсантов, находчивостью, словоохотливостью и с богатым воображением (Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 157). Говоря об *антиокеньо-пайса*, колумбийский лексикограф Р. Монтойя приводит символичную для понимания этнокультурных стереотипов колумбийцев рифмованную поговорку

(5) *Antioqueño, no grande ni pequeño* ‘Антиокеньо ни велик, ни мал’, комментируя ее как оскорбительное речение в адрес меркантильных *paiса* (Montoya 2006: 19).

Прагматизм и коммерческую жилку пайса закрепило речение

(6) *Antioqueño que se respete, pide rebaja* (Luna Cabrera 2005: 135) ‘Уважающий себя антиokieц просит скидку’.

Лексема *llanero* оказывается гиперонимом для номинаций *casanareño* и *metense* (рис. 2). Номинация *llanero* происходит от общеиспанского существительного *llano* ‘равнина’.

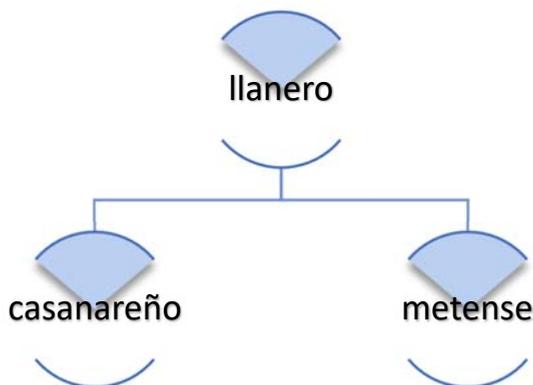

Рис. 2. Значение лексемы *llanero* / Fig. 2. The meaning of lexeme “llanero”

Этнокультурный тип *льянеро* – это всадник и скотовод; сравним иллюстрацию из колумбийского издания словаря *Larousse*:

(7) *Los llaneros recorrían grandes distancias para trasladar al ganado* (Larousse 2009: 378) ‘Перегоняя скот, льянеро преодолевали огромные расстояния’.

Этнокультурологический типаж колумбийского, а также венесуэльского *llanero* имеет параллели с архетипами мексиканского *charro* ‘чарро’ и аргентинского *gaucho* ‘гаучо’.

Наиболее многозначным в Колумбии оказывается катойконим *costeño*, так как он выступает обозначением жителей расположенных на Атлантическом (Карибском) Побережье Колумбии департаментов Атлантико, Боливар, Сесар, Кордова, Ла-Гуахира, Магдалена, Сукре, т.е. лексема *costeño* – гипероним катойконимов *atlanticense*, *bolivarense*, *cesarense*, *cordobés*, *guajiro*, *sucreño* (рис. 3).

Уникальность географического положения Колумбии состоит в том, что она единственная страна Латинской Америки, имеющая выход к Тихому и Атлантическому океанам. В языковом сознании колумбийцев противопоставлены жители Карибского побережья и жители остальной части страны, что нашло отражение в следующей стереотипной шутке:

(8) *Aunque Colombia tiene dos costas, se entiende por Costa la del Mar Caribe por ser la más rumbera. La otra Costa es más pacífica* (запись информантов).

‘Хотя Колумбия имеет два выхода к морю, под побережьем понимается Карибское побережье, поскольку оно более «заводное». Другое побережье – более «тихое»’.

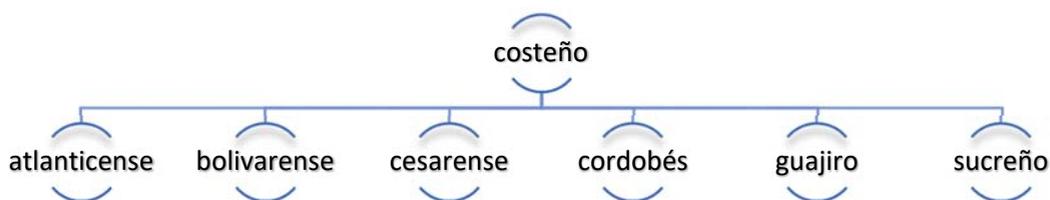

Рис. 3. Значение лексемы *costeño* / Fig. 3. The meaning of lexeme “*costeño*”

Знаменитый музыкальный жанр *костеньос* – *vallenato* ‘вальенато’ (Vargas López 2018), признанным мастером которого был Рафаэль Эскалона (1927–2009), а в настоящее время популярнейший колумбийский исполнитель Карлос Вивес, функционирует как альтернативное название жителей города Вальдедупар: *valduparense*/ *vallenato* (Estrada Flórez & Pérez Adárraga 2020).

Рассмотрим важнейшие варианты супплетивные катойконимы.

Cachacos. Обиходное сознание колумбийцев разделяет население страны на жителей высокогорных районов *cachacos* ‘качакос’ и *costeños* ‘костеньос’, проживающих на побережье (Bernal, Munévar & Varajas 2014). В узком смысле лексема *cachaco* именуется жителей Боготы, является разговорно-обиходным синонимом катойконима *bogotano*, а также реализует дополнительные смыслы хорошо одетого и любезного человека (Bogotálogo 2016: 60). Как синоним лексемы *cachaco* для обозначения жителей Боготы функционирует имя *roló*, возникшее как звукоподражательное обозначение креолов, имевших особую манеру произнесения согласного /rr/ (Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 157). Аксиологически как автоэтноним боготинцев лексема *roló* в настоящее время не приветствуется (Bogotálogo 2016, p. 261). В широком смысле лексема *cachaco* называет не только жителей столицы страны, но и жителей всей природно-географической зоны *Altiplano Cundiboyacense* ‘Альтиплано Кундибойясенсе’, исконной территории коренного населения Колумбии чибча-муисков, оказываясь экзонимом, так как номинация осуществлена с точки зрения «костеньос» (Breve Diccionario de colombianismos 2009: 39). Фразеологизм

(9) *Más contento que cachaco en playa* (Luna Cabrera 2005: 137) ‘Более довольный, чем качако на пляже’

апеллирует к высокомерному восприятию «качакос» со стороны «костеньос», которые живут на карибском побережье Колумбии и имеют доступ к прекрасным пляжам, от которых «качакос» отрезаны географически. Пренебрежительное обозначение *костеньос* со стороны качакос – *corroncho* или *corruncho*, имеющее в речи колумбийцев также значения ‘грубый’, ‘заурядный’ (Breve Diccionario de colombianismos 2009: 81). «Словарь американизмов» дает значения лексемы *cachaco* с территориальными пометами Колумбии, Венесуэлы и Эквадора. Колумбийские значения – ‘житель внутренних районов страны’, ‘уроженец Боготы’; переносные колумбийские и венесуэльские значения – ‘элегантный’ и ‘хорошо одетый’, эквадорское значение – ‘экстраверт, нелюдим’ (Diccionario de americanismos 2010: 328), что свидетельствуют о диффузности значений и межвариантной омонимии этой номинации.

Как свойственно обиходному сознанию, представления об изысканности в одежде могут аксиологически трансформироваться в отрицательную и даже презрительную характеристику. Именно помета *desp.* ‘пренебрежительное’ сопровождает колумбийское значение лексемы *cachaco* «для жителей прибрежных районов – житель столицы или внутренних районов страны» в Словаре Рено Ришара (Richard 2000: 94). Суффиксальный дериват от лексемы *cachaco* → *cachacueso* означает в Панаме гомосексуалиста (Diccionario de americanismos 2010: 328); таким образом идея хорошо одетого человека сгенерировала новые смыслы и аллюзии деривата катойконима *cachaco*.

Из случаев семантической деривации примечателен вариантный катойконим департамента *Huila* (официальный катойконим – *huilense*) *opita* ‘опита’, что мотивировано разговорным приветствием *opa*, ассоциирующимся в коллективном сознании колумбийцев с особенностями речи жителей департамента Уила (Diccionario de gentilicios de Colombia 2008: 155).

По данным нашего свободного ассоциативного эксперимента (участвовало 15 информантов с высшим образованием), альтернативные колумбийские катойконимы, как и катойконимы в строгом смысле слова, синтагматически сочетаются с типичными для катойконимов именами (García Padrón & Morera Pérez 2015: 85), т.е. с названиями лиц, животных, растений, минералов, природных явлений:

- (10) *Shakira es costeña, en particular, barranquillera, con ancestros árabes* ‘Шакира – костенья с арабскими корнями’;
- (11) *Juanes es paisa por su origen* ‘Хуанес – *paisa* по происхождению’;
- (12) *comida raizal /opita* ‘райсальская еда’ ‘еда из Уила’;
- (13) *petróleo llanero* ‘нефть из зоны Льянос’.

4.3. Катойконимы Мексики

Мексика (Мексиканские Соединенные Штаты, *Estados Unidos Mexicanos*) – крупнейшая испаноязычная страна, и фактически каждый четвертый испаноговорящий в мире – это мексиканец. В административном

отношении Мексика разделена на 32 федеративные единицы (*entidad federativa*): 31 штат и столицу страны – город Мехико (*Ciudad de México*), который до 2016 года имел статус Федерального округа (*Distrito Federal*). Каждое официальное название штата начинается со словосочетания *Estado Libre y Soberano de* ‘Свободный и Суверенный штат’, например, *Estado Libre y Soberano de Aguascalientes* ‘Свободный и Суверенный штат Агуаскальентес’, *Estado Libre y Soberano de México* ‘Свободный и Суверенный штат Мехико’.

Все названия штатов имеют официальные однокоренные катойконимы. Табл. 3 систематизирует катойконимы названий штатов.

Таблица 3 / Table 3

Мексиканские катойконимы / Mexican demonyms

№	Штат	Катойконим
1	Aguascalientes	aguascalentense
2	Baja California	bajacaliforniano
3	Baja California Sur	sudcaliforniano
4	Campeche	campechano
5	Coahuila de Zaragoza	coahuilense
6	Colima	colimense
7	Chiapas	chiapaneco
8	Chihuahua	chihuahuense
9	Durango	duranguense
10	Estado de México	mexiquense
11	Guanajuato	guanajuatense
12	Guerrero	guerrense
13	Hidalgo	hidalguense
14	Jalisco	jalisciense
15	Michoacán de Ocampo	michoacano
16	Morelos	morelense
17	Nayarit	nayarita
18	Nuevo León	neoleonés
19	Oaxaca	oaxaqueño
20	Puebla	pobiano
21	Querétaro de Arteaga	queretano
22	Quintana Roo	quintanarroense
23	San Luis Potosí	potosino
24	Sinaloa	sinaloense
25	Sonora	sonorense
26	Tabasco	tabasqueño
27	Tamaulipas	tamaulipeco
28	Tlaxcala	tlaxcalteca
29	Veracruz	veracruzano
30	Yucatán	yucateco
31	Zacatecas	Zacatecano

По частотности форманты катойконимов штатов распределены следующим образом:

-ense: 13,
-ano: 8,
-eño: 3,
-eco: 3,
-ino: 2,
-eca: 1,
-és: 1.

По данным исследования Н.Ю. Журавлевой, первые три места в образовании катойконимов Мексики в целом занимают форманты *-ense*, *-eño*, *-eco* (Журавлева 2013). Официальные катойконимы от названий штатов выявляют 7 формантов. При лидирующем положении суффикса *-ense*, второе и третье места занимают суффиксы *-ano* и *-eño*, а суффикс *-eco* оказывается на четвертом месте. Форманты *-eco* и *-eca* образуют фонемные варианты, восходят к суффиксу *-écatl* значения ‘родом из’ (Cabrerera 2003: 157) в языке ацтеков *nahuatl* ‘науатль’, представляя одно из сравнительно немногих (Дитрих 2002: 70, Moreno de Alba 2001: 111, 118) не вызывающих сомнений свидетельств влияния языка науатль на грамматику испанского языка Мексики. Катойконимы от названий штатов дают другую картину: при лидирующем положении суффикса *-ense*, второе и третье места занимают суффиксы *-ano* и *-eño*, а суффикс *-eco* оказывается на четвертом месте.

Если название штата состоит из нескольких компонентов, то катойконим может образовываться как от одного из них (*Querétaro de Arteaga* → *queretano*; *San Luis Potosí* → *potosino*), так и от обоих одновременно, что относится к топонимам как из сложного слова (*Aguaascalientes* → *aguascalentense*), так и словосочетания (*Baja California* → *bajacaliforniano*). Примечательно, что, как и в случае с катойконимами от крупнейших административных единиц Чили, номен статуса административной единицы (*Región* ‘Регион’ (‘Область’) для Чили; *Estado* ‘Штат’ для Мексики) в образовании катойконимов не участвуют. Многокомпонентные названия штатов образуют катойконим по принципу универбации от индейского компонента: *Michoacán de Ocampo* → *michoacano*, *Coahuila de Zaragoza* → *coahuilense*, что подтверждает значимость индейского компонента в кодах мексиканской лингвокультуры (Чеснокова 2020). Все случаи комбинации форманта *-eco/-eca* регистрируются для автохтонных топонимов-индихенизмов. Топонимы *Chiapas*, *Tamaulipas*, *Tlaxcala* восходят к языку науатль, топоним же *Yucatán* – к языку майя, отразив, по распространенной версии интерпретации, первые контакты испанцев с местным населением (Поспелов 2007: 93). Примечательно, что в случае однозначно майякского по происхождению топонима *Yucatán* ‘Юкатан’, катойконим так же образован посредством форманта из языка науатль: *Yucatán* → *yucateco*, что можно расценить как устойчивость кодов автохтонного мексиканского лингвокультурного субстрата.

Рассмотрим явление варьирования в катойконимах от названий штатов. Сайты штатов и информанты не дают большого количества вариантов официальных катойконимов. Остановимся на самых ярких примерах. Официальным катойконимом штата *Aguascalientes* является номинация от обоих корней: *agua* ‘вода’ *caliente* ‘горячий’ → *aguascalentense*, а вариативным – искусственно созданная игровая номинация *hidrocálido*, образованная сложением греческого корня *hidro* ‘вода’, широко представленного в терминологии естественных наук (ср. *hidrógeno* ‘водород’) и восходящего к латинскому *calidus* прилагательного *cálido* ‘теплый’, ‘горячий’. Катойконим *hidrocálido* употребляется в различных видах текста и дискурса и сочетается со всеми выделяемыми для катойконимов (García Padrón & Morera Pérez 2015: 85) именами. Приведем иллюстрации словосочетаний из «Словаря Испанского языка Мексики»: *la capital hidrocálida, un torero hidrocálido*¹³, ‘столица Штата Агуаскальентес’, ‘тореро из Агуаскальентес’. По данным опроса информантов, многие жители штата Агуаскальентес отрицательно относятся к катойкониму *hidrocálido*, считая его не аутентичным, хотя в языковом сознании мексиканцев он не обладает отрицательными коннотациями. Менее частотными в силу сложности звуковой формы, но структурно допустимыми вариантами для обозначения жителей штата Агуаскальентес являются лексемы *hidrotermopolitano, aquicalidense*. Поскольку столица штата Агуаскальентес имеет то же название, что и штат, идентичная вариативность наблюдается и в отношении названий жителей столицы.

Релевантный национально-специфичный параметр варьирования мексиканских катойконимов заключается в том, что в макротопонимии Мексики в десяти случаях из тридцати одно название штата (*Aguascalientes, Campeche, Colima, Chihuahua, Durango, Guanajuato, Oaxaca, Puebla, San Luis Potosí, Zacatecas*) и название столицы (*Aguascalientes, Campeche, Colima, Chihuahua, Durango, Guanajuato, Oaxaca, Puebla, San Luis Potosí, Zacatecas*) совпадают, и так же совпадают их официальные катойконимы. Данный факт обуславливает как омонимию, так одновременно и иерархические отношения катойконимов. В качестве модельной рассмотрим иерархию катойконимов штата *Aguascalientes*. Из 11 муниципий, на которые разделен штат *Aguascalientes*, официальные катойконимы в википедии¹⁴ указаны для пяти муниципий:

Aguascalientes → *aguascalentense*
Calvillo → *calvilense*,
Pabellón de Arteaga → *pabellonense*,
Tepezalá → *tepezalense*,
El Llano → *llanense*.

¹³ Diccionario del Español de México (DEM). URL: <http://dem.colmex.mx>, El Colegio de México, А.С. (дата обращения: 28 мая 2020).

¹⁴ Агуаскальентес, Википедия. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Aguascalientes> (дата обращения: 1 июня 2020).

Примечательно, что катойконим от муниципии *El Llano* → *llanense* в штате Агуаскальентес, будучи мотивированным общеиспанским обозначением равнины *llano*, отличается суффиксальным формантом от катойконима колумбийской зоны *llanos*, которым является *llanero*, несмотря на идентичность общеиспанского происхождения мексиканского ойконима и названия зоны равнин – важной черты рельефа Колумбии.

Катойконимы от названия штата *Aguascalientes* и названия столицы *Aguascalientes* образуют омонимы и одновременно находятся в гипо-гиперонимических отношениях (рис. 4).

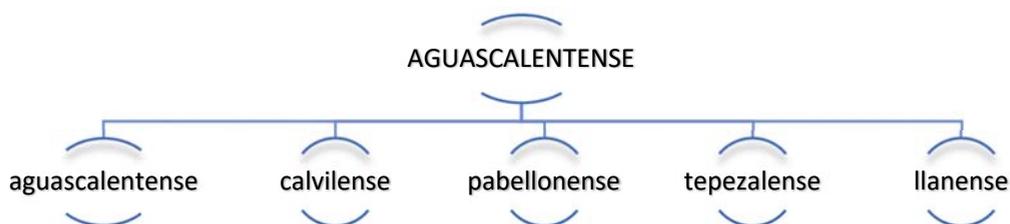

Рис. 4. Иерархия катойконимов штата Агуаскальентес /
Fig. 4. The hierarchy of demonyms of the state Aguascalientes

Данное явление омонимии и одновременно гипо-гиперонимии характерно для катойконимов штатов *Aguascalientes*, *Campeche*, *Colima*, *Chihuahua*, *Durango*, *Guanajuato*, *Oaxaca*, *Puebla*, *San Luis Potosí*, *Zacatecas*, в которых совпадают названия штата и название его столицы и что представляет, в свою очередь, релевантную черту мексиканской катойконимной системы.

Общеизвестный в Мексике и в паниспанском пространстве вариант катойконима *veracruzano* – это *jarocho*. Классик мексиканской лексикографии Франсиско Сантамария в «Словаре мексиканизмов» указывает на историческую обусловленность номинации *jarocho* обозначением крестьян, прекрасных наездников, сравнимых с чарро (*charro*) центральной части страны, побережья Веракрус и особенно района *Sotavento*, которая стала использоваться для номинации жителей порта Веракрус, а переносно – обозначать крепкого и здорового человека (Santamaría 2000: 630). «Словарь испанского языка Мексики» дает определение лексеме *jarocho* как ‘уроженец Веракруса (города и порта)’, ‘относящийся к этим территориям’, приводя примеры *puerto jarocho* ‘Веракрусская гавань’, *carnaval jarocho* ‘Веракрусская карнавал’, а также ‘социально-маргинальный жаргон’¹⁵. Примечательно, что общеиспанское значение прилагательного *jarocho* – ‘грубый’, ‘неотесанный’¹⁶. В Латинской Америке лексема *jarocho* оказывается межвариантным омонимом: мексиканским

¹⁵ Diccionario del Español de México (DEM). URL: <http://dem.colmex.mx>, El Colegio de México, A.C. (дата обращения: 28 мая 2020)/

¹⁶ Diccionario de la Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/jarocho> (дата обращения: 28 мая 2020)/

обозначением жителей штата Веракрус и порта Веракрус (лексема *porteño* не используется), ‘веселый’, ‘живой’ в Колумбии, ‘сильный (о ненависти)’ в Гондурасе: *odio jarocho* (Diccionario de americanismos 2010: 1212).

Интересную картину вариативности дает катойконим штата *Chihuahua*: *chihuahuense*, образованный с помощью самого частотного для катойконимов Мексики форманта *-ense*. Дериват от названия штата *Chihuahua* с формантом *-eño*: *chihuahuense* относится исключительно к обозначению породы собак (русск. ‘чихуахуа’).

Структурно возможный вариант катойконима от макротопонима *Jalisco* → *jalisquillo* имеет презрительные и оскорбительные коннотации, кодифицированные в нормативном «Словаре испанского языка Мексики», сравним текстовый пример:

(14) “¡Esos *jalisquillos* llorones, que no saben perder!”¹⁷ ‘Эти нытики из Халиско не умеют проигрывать!’.

Мексиканские катойконимы образуют собственную подвижную систему, но одновременно предстают как часть непрерывного континуума катойконимов испанского языка. Целый пласт мексиканских топонимов является кальками испанских топонимов. Возможная омонимия катойконимов снимается за счет варьирования суффиксального форманта, сравним: *Puebla* (Мексика) → *poblano*; *Puebla* (Huelva, España) → *puebloño*; *Puebla* (Huesca, España) → *puéblense*, *Puebla* (Ciudad Real) → *poblato*, *Puebla* (Comunidad de Madrid) → *pueblero*; *Durango* (México) → *duranguense*, *Durango* (España) → *durangués*.

В случае с названием штата *San Luis Potosí* и его одноименной столицы мотивация отразилась в сравнении богатства обнаруженных в XVI в. месторождений с городом Потоси (*Potosí*) в Боливии, центром горнодобывающей промышленности. Мексиканский катойконим от трехкомпонентного названия *San Luis Potosí* образован от компонента *Potosí* → *potosino* и оказывается омонимичным обозначением жителей департамента Потоси и его одноименной столицы в Боливии.

Отдельных комментариев заслуживает катойконим *yucateco* (сниженно-разговорный апокопированный вариант *yuca*) с индейским формантом *-eco*. Эта многозначная лексема реализует полный спектр функций катойконимов, а также обозначает вариант языка майя штатов Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо и реалию *huipil* ‘уипиль’ – хлопковую с вышивкой рубашку индейки¹⁸. В коллективном языковом сознании мексиканцев юкатеки ассоциируются с особой манерой произношения и простодушием. Отсюда следующие фразеологизированные стереотипы:

¹⁷ Diccionario del Español de México (DEM). URL: <http://dem.colmex.mx>, El Colegio de México, A.C. (дата обращения: 1 июня 2020)/

¹⁸ Diccionario del Español de México (DEM). <https://dem.colmex.mx/Ver/yucateco>, El Colegio de México, A.C. URL: <https://dem.colmex.mx/Ver/yucateco> (дата обращения: 31 мая 2020).

- (15) *Yucateco al yucateco se le ve y se le oye* ‘Юкатек узнает юкатека по речи и внешнему виду’ (сравним русск. «Рыбак рыбака видит изда-лека»). Вариантом мексиканской пословицы
- (16) *El que nace tepalcate no a comal tiznado llega* (Velasco Valdés 1998: 66) ‘Кто родился осколком, никогда не станет («долбаным») глиняным горшком’ (русский аналог «Где родился, там и пригодился») стало со-храняющее с исходным вариантом рифму речение
- (17) *El que nace yucateco, ni a comal tiznado llega* ‘Кто родился юкате-ком, никогда не станет («долбаным») глиняным горшком’.

Уникальные параметры вариативности образуют катойконимы от назва-ния страны, названия штата Мехико (*Estado Libre y Soberano de México*) и названия столицы страны – города Мехико (*Ciudad de México*, в разговорно-обиходном стиле – *La Ciudad de México*). С 2016 г. город Мехико получил статус тридцать второго федерального государственного образования (*entidad federativa*), наравне со штатами (*estado*). Индейское происхождение топонима *México* не вызывает сомнений у лексикографов и этимологов. Од-нако версии мотивирующих признаков весьма различны, и их количество, по оценкам Л. Кабреры, превышает двадцать гипотез (Cabrera 2002: 92). Много-значность топонима *México* снимается в катойконимах. Катойконим для жи-телей страны – *mexicano* ‘мексиканец’, жителей штата Мехико – *mexiquense*, тогда как жители крупнейшей городской агломерации Латинской Америки – города Мехико (*Ciudad de México*) называются *capitalino*, *chilango*. До 2016 г., когда город Мехико (*Ciudad de México*) имел статус Федерального Округа (*Distrito Federal*), его жителей называли *defeño*, от аббревиатуры *Distrito Federal* → *DF* → *defeño*.

Общеиспанское значение лексемы *capitalino*, *na* – относящийся или свя-занный со столицей государства¹⁹. В Латинской Америке лексема *capitalino*, помимо номинации жителей мексиканской столицы, регулярно воспроизво-дится как вариант однокоренного катойконима для столицы Гондураса *Tegucigalpa* → *tegucigalpense* / *capitalino* / *comayagüelense* и для столицы Чили *Santiago de Chile* → *santiaguino* / *capitalino*, что отражено на соответствующих официальных сайтах.

Важные лингвокультурологические коннотации содержит лексема *chilango*. «Словарь американизмов» кодифицирует лексему *chilango* как мек-сиканизм, «относящийся к Федеральному Округу» и сопровождает ее поме-тами *pop* «разговорное» и *cult* «литературное», указывая на связь с лексемой *shilango* (Diccionario de americanismos 2010: 522), которая так же кодифици-руется как «относящийся к Федеральному Округу» (Diccionario de americanismos 2010: 1951). Франсиско Сантамария определяет лексему *chilango* как вариант *shilango*, используемый в Веракрусе (Santamaría 2000: 384). В свою очередь, происхождение лексемы *shilango* (вариант *xilango*)

¹⁹ Diccionario de la Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/capitalino+> (дата обра-щения: 2 июня 2020).

определено знаменитым мексиканским лексикографом из майякского *xilaañ* ‘вздохмаченные волосы или волосы с перхотью’ и кодифицировано как разговорное прозвище, которое в Веракрусе дают жителям центральной части страны (Santamaría 2000: 971). Таким образом, мотивационная реконструкция лексемы *chilango* показывает ее связь с региональным словоупотреблением и стереотипом. Устойчивость и сохранность этой лексемы сопровождалась расширением спектра ее пользователей. Современный онлайн Словарь испанского языка Мексики дает лексему *chilango* с пометой *Coloq* «разговорное» и толкованием значения через синоним *capitalino*²⁰. В настоящее время варианты *shilango/xilango* не используются, тогда как лексема *chilango* употребляется повсеместно как разговорно-непринужденное обозначение жителей мексиканской столицы, перейдя из разряда экзонимов в разряд автоэтнонимов; сравним пример из записи речи (в свободном ассоциативном эксперименте участвовало 20 человек с высшим образованием) мексиканского дипломата-уроженца мексиканской столицы:

(18) *A los que somos de la Ciudad de México siempre nos han llamado chilangos (antes defeños también)*. ‘Нас, уроженцев Мехико, всегда называли чиланго (раньше также дефеньос)’. Пример о сотруднице из города Мехико:

(19) *Miroslava Cruz Aldrete es chilanga de nacimiento (1971) y de corazón*²¹ ‘Мирослава Крус Альдрете (1971) чиланга по рождению и по характеру’. В сниженно-разговорном узусе лексема *chilango* реализует неодобрительные коннотации экзонима; ср. текстовый пример из словаря мексиканского жаргона:

(20) *Un chilango buena onda es como santa claus, ninguno de los dos existen*.²² ‘Симпатичный чиланго как Санта Клаус: их просто нет’.

4.4. Катоиконимы Перу

Республика Перу (*República del Perú*) – третья по площади, после Бразилии и Аргентины, страна Южной Америки. В административном отношении страна разделена на 24 департамента и 2 провинции с особым статусом, не принадлежащие никакому департаменту (*Provincia Constitucional de Callao, Provincia de Lima*).

Аналогично топонимической картине в Мексике, в перуанской системе макротопонимов также наблюдаются многочисленные индихенизмы (*Ancash, Apurímac, Ayacucho, Cuzco, Lambayeque*, etc.), однако, в соответствии с местным субстратом – кечуанского происхождения и происхождения из языка аймара, в первую очередь, которые составляют подавляющее большинство перуанских названий департаментов, если сравнить их с примером топонима

²⁰ Diccionario del Español de México (DEM). URL: <http://dem.colmex.mx>. El Colegio de México, A.C. (дата обращения: 30 мая 2020).

²¹ Equipo. URL: <https://infoling.org/?lang=es&p=equipo> (дата обращения: 28 мая 2020).

²² Jergozo. URL: <https://jergozo.com/significado/chilango> (дата обращения: 28 мая 2020).

общеиспанского происхождения *La Libertad* и с названиями христианской тематики *Madre de Dios, San Martín*. В табл. 4 представлены катойконимы департаментов и провинций Республики Перу.

Продуктивность суффиксов катойконимов (табл. 5) в основном совпадает с общей картиной частотности суффиксов катойконимов Перу. Также следует отметить, что альтернативных катойконимов нами не обнаружено (было опрошено 14 информантов с высшим образованием).

Таблица 4 / Table 4

Перуанские катойконимы / Peruvian demonyms

№	Департамент / Department	Катойконим / Demonym
1	Amazonas	amazonense
2	Áncash	ancashino
3	Apurímac	apurimeño
4	Arequipa	arequipeño
5	Ayacucho	ayacuchano
6	Cajamarca	cajamarquino
7	Cuzco	cuzqueño
8	Huancavelica	huancavelicano
9	Huánuco	huanuqueño
10	Ica	iqueño
11	Junín	juninense
12	La Libertad	liberteño
13	Lambayeque	lambayecano
14	Lima	limeño
15	Loreto	loretano
16	Madre de Dios	madrediosense
17	Moquegua	moqueguano
18	Pasco	pasqueño
19	Piura	piurano
20	Puno	puneño
21	San Martín	sanmartinense
22	Tacna	tacneño
23	Tumbes	tumbesino
24	Ucayali	ucayalino
25	provincia constitucional de Callao	chalaco
26	provincia de Lima	limeño

Таблица 5 / Table 5

Продуктивность суффиксов перуанских катойконимов /
The suffix productivity of Peruvian demonyms

СУФФИКС	ПРИМЕРЫ
-eño (11)	<i>apurimeño, arequipeño, cuzqueño, huanuqueño, iqueño, liberteño, limeño, pasqueño, puneño, tacneño, limeño</i>
-ano (6)	<i>ayacuchano, huancavelicano, lambayecano, loretano, moqueguano, piurano</i>
-ino (4)	<i>ancashino, cajamarquino, tumbesino, ucayalino</i>
-ense (4)	<i>amazonense, juninense, madrediosense, sanmartinense</i>

В катойконимах от макротопонимов Перу мы вновь выявляем пример межвариантной омонимии: для катойконима перуанского региона *La Libertad* характерно использование номинации *liberteño*, в то время как жителя

одноименного департамента в Эль-Сальвадоре называют *libertadense*²³. Топоформант в виде определенного артикля, как и в случае чилийского региона Лос-Лагос, не входит в структуру катойконима.

О значении супплетивного катойконима *chalaco* существует множество теорий, согласно которым его однозначное происхождение из языка кечуа реконструируется как «дома из прочных сушеных листьев тростника и кукурузы, построенные на песчаной местности» (*chhalla-ako*), «индеец, собирающий листья тростников» (*chhallakuni*) или «проживающий в порту/рыбак» (*challahaque*)²⁴.

В романе «Город и псы» Марио Варгас Льюса описывает *serranos*, жителей андского региона с выраженными индейскими признаками, следующим образом:

(21) “*Y cuando el Ricardo se curó me dijo: "cuidate siempre de los serranos, que son lo más traicionero que hay en el mundo. Nunca se te paran de frente, siempre hacen las cosas a la mala, por detrás. Esperaron que yo estuviera bien borracho, con pisco que ellos mismos me convidaron, para echárseme encima. [...]”*²⁵ ‘После выздоровления Рикардо сказал мне: «Всегда будь осторожен с *serranos*, они те еще предатели. Никогда ни перед чем не остановятся, всегда все со зла делают, с задними мыслями. Они ждали, когда я напьюсь писко, которым сами меня угощали, чтобы наброситься на меня»²⁶’.

Такое явление, как подчеркивание социальной разницы между слоями перуанского населения, до сих пор препятствует созданию коллективного ощущения инклюзивности и гордости культурным разнообразием, которое свойственно Перу. Приведем пример из медийного дискурса, в котором объясняется функционирование лексем *serrano* и *cholo*.

(22) “*Serrano*” (como se denomina a los andinos) y “*cholo*” (el mestizo de sangre europea e indígena) son utilizadas como palabras despectivas. En las discotecas de moda de Lima es difícil ver personas de piel oscura o facciones indígenas. Los pocos que se atreven a intentar entrar son rechazados en la puerta²⁷.” ‘*Serrano* (как называют жителей андского региона) и *чоло* (метис европейского и индейского происхождения) используются как оскорбительные слова. В модных дискотеках Лимы сложно увидеть темнокожих людей с индейскими чертами. Тех немногих, кто осмеливается попробовать пройти туда, сразу выгоняют на входе’.

²³ Diccionario de la Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/libertadense?m=form> (дата обращения: 2 июня 2020).

²⁴ Chimpum Callao. <http://www.chimpum-callao.com/historia.html> (дата обращения: 25 мая 2020)

²⁵ Vargas Llosa, Mario. *La ciudad y los perros*. Edición conmemorativa de la Real Academia Española y la Asociación de Academias de la Lengua Española. 2012. 768 p.

²⁶ Перевод наш. – М.Р.

²⁷ El Diario, Peru, un país racista contra sí mismo: „*Es una forma de „blanquearse”*““. URL: https://www.eldiario.es/desalambre/Peru-pais-racista-mismo_0_254775486.html (дата обращения: 2 июня 2020)

Примечательно, что общеиспанская номинация *serrano* обладает разным функционированием в зависимости от страны и, несмотря на ее пейоративное значение в Перу, в Мексике, Колумбии, Чили, Эквадоре и Боливии, имеет лишь географическую коннотацию. Тем не менее, ее перуанское функционирование не зафиксировано в Словаре Испанской Королевской Академии, в котором упоминается его отношение к горному рельефу, а также к уругвайскому департаменту *Lavalleja*²⁸. Словарь Испанской Королевской Академии кодифицирует широкое употребление в ряде латиноамериканских стран номинации *cholo*, которую следует отнести к разряду реалий, в значении человека индейского происхождения, а также индейца, перенявшего привычки белого «западного» человека²⁹.

В интервью газеты *BCC Mundo* перуанский журналист Марко Авилес дает определение понятия *cholos* и производных от него лексических единиц, таких как *choledad* (созвучного с *soledad* ‘одиночество’ и выражающего противоречивое чувство гордости и грусти) или сложное существительное *pitucholo* (*pituco* ‘представитель высшего слоя общества’ + *cholo* ‘разбогатевший чоло’). Авилес также приводит примеры словосочетания *cholo power* с англицизмом *power* ‘власть’ в значении ‘успешный чоло’, ‘чоло с модельной внешностью’ и пейоративно окрашенный глагол *cholear*, означающий оскорбление чоло по рассовому признаку³⁰, что свидетельствует о значимости лексемы *cholo* ‘чоло’ в коллективном сознании перуанцев и ее высоком деривационном и семантическом потенциале.

5. Обсуждение результатов

Обобщая формальные и семантические параметры систем катойконимов названий крупнейших административных единиц Чили, Колумбии, Мексики, Перу, мы выявляем наличие в них единых общеиспанских формантов, которые, тем не менее, обнаруживают уникальное распределение по странам и выраженные тенденции к локализации. Примечательны для динамики испаноязычной катойконимной лексики случаи различий общеиспанских и национально-специфичных значений, как, например общеиспанское значение номена *magallánico* – относящийся к Магелланову проливу, а национально-специфичное чилийское значение – относящийся к региону *Región de Magallanes y de la Antártica Chilena*. Общеиспанская номинация *serrano* обладает разным функционированием в зависимости от страны и, несмотря на ее пейоративное значение в Перу, в Мексике, Колумбии, Чили, Эквадоре и Боливии, имеет лишь географическую коннотацию. Симптоматичен и факт отсутствия для Мексики, несмотря на обилие прибрежных городов и портов, катойконима *porteño*, свойственного Чили, Колумбии, Перу и другим южно-

²⁸ Diccionario de la Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/serrano?m=form> (дата обращения: 2 июня 2020).

²⁹ Ibid.

³⁰ *BBC News*, *Por qué a muchos peruanos les cuesta reconocerse como cholos*. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-37489332> (дата обращения: 2 июня 2020).

американским странам. Языковые вкусы и предпочтения носителей четырех исследованных национальных вариантов испанского языка, таким образом, различны, в области катойконимов.

Также наблюдается дифференцирующая функция суффиксов в морфологии катойконимов в случае межвариантной и межъязыковой омонимии макротопонимов. В мексиканской системе катойконимов фиксируется индейский (из языка науатль) формант *-eco*, что свидетельствует об устойчивости влияния индейского субстрата на морфологию мексиканского национального варианта испанского языка. Для катойконимов Чили примечательно их значительное отсутствие в связи с относительно недавним (2018) изменением административного деления страны и многокомпонентностью официальных названий регионов, трудно поддающихся для деривации катойконимов. Универбация, которая представляет диахронический процесс слияния устойчивого выражения, состоящего из нескольких слов в одно, представлена в основном в мексиканских и чилийских катойконимах. Системы катойконимов четырех стран обнаруживают своеобразные параметры вариативности и иерархии.

Разрабатывая классификацию семантических типов чилийских, колумбийских, мексиканских, перуанских катойконимов, мы фиксируем случаи межвариантной и внутриязыковой омонимии. Внутриязыковая омонимия, сопряженная с гипо-гиперонимическими отношениями, характерна для всех четырех стран, однако ее проявления всегда уникальны. В Колумбии гипо-гиперонимические отношения свойственны супплетивным вариантным катойконикам. В Мексике 10 названий штатов, имея совпадения с названиями столиц, образуют катойконимы, вступающие в одновременные отношения омонимии и иерархии. Субкультурные компоненты в образовании альтернативных катойконимов связаны с представлениями о рельефе и оценке и мотивируют номинации «своих» и «соседей», или «чужих», образуя этнические реалии (*cachaco, costeño, chilango, jarocho, cholo, serrano*), переводить которые целесообразно посредством транслитерации. Эти основные выводы могут быть дополнены другими выводами, которые логически вытекают из представленного в статье материала, как минимум, в следующих аспектах.

Политико-административный: Наименьшее из четырех стран количество официальных катойконимов для Чили создает своеобразную зону катойконимной разреженности, имея на то объективные причины в относительно недавней (2018) административной реформе страны.

Ареальный: Анализ материала позволяет говорить об ареальной дистрибуции суффиксов катойконимов и языковых предпочтениях социумов. Языковые вкусы и предпочтения носителей четырех исследованных национальных вариантов испанского языка, таким образом, различны в области катойконимов.

Лингвокогнитивный и имагологический: через супплетивные катойконимы можно проследить представления о «своих» и «чужих».

Вариантологический: установление межвариантной и внутриязыковой омонимии катойконимов Чили, Колумбии, Мексики, Перу, систематизация их оценочных коннотаций позволяет адекватно интерпретировать приращения смысла катойконимов и аксиологические ценности социума.

6. Заключение

В данной статье нами ставилась цель выявления и систематизации морфологических средств катойконимов стран-основательниц Тихоокеанского Альянса (Чили, Колумбии, Мексики, Перу), установления культурных слоев катойконимов, связанных с административным делением данных стран, выведения параметров вариативности и их лингвокультурологического сопоставления. Это первый в российской и зарубежной романистике опыт исследования катойконимной репрезентации четырех испаноговорящих стран, входящих в инфраструктуру Тихоокеанского Альянса – важного актора на мировом рынке. Полученные результаты показали, что на формирование катойконимов стран-основательниц Тихоокеанского Альянса (Чили, Колумбии, Мексики, Перу) оказали влияние универсальные тенденции испанского словообразования и одновременно уникальные для каждой страны субкультурные компоненты и коллективные этнические предпочтения языкового вкуса. Единство звуковой и содержательной стороны национальных катойконимов обуславливает их благозвучие и непротиворечивый смысл, при этом установлена тенденция к локализации морфологических, семантических, аксиологических свойств катойконимов.

Номены статуса крупнейших административных единиц (*Región* ‘Регион’ для Чили; *Estado* ‘штат’ для Мексики), зафиксированные в их официальных названиях, в образовании катойконимов не участвуют. В случаях топонимов-калек возможная омонимия катойконимов снимается за счет варьирования суффиксального форманта. Техника образования супплетивных катойконимов всегда национально окрашена, подвержена социолингвистической реконструкции и интерпретации, характеризуется уникальностью мотивировки и тенденцией к локализации, что позволяет отнести их к разряду релайи, а катойконимные системы каждой страны – к ономастическим доминантам социума.

Социоисторические факты, географическая среда, восприятие психического склада наций и этнических групп мотивируют экспрессивные обозначения «своих» и «чужих», однако применительно к каждой из рассмотренной стран эти единицы всегда оказываются национально окрашенными и специфичными. Основная тенденция образования супплетивных катойконимов макротопонимов Чили, Колумбии, Мексики, Перу – понятия рельефа, оценка этнического происхождения или ментальности. Катойконимы Чили, Колумбии, Мексики, Перу обнаруживают отношения внутриязыковой, межвариантной омонимии и гипо-гиперонимические отношения.

Таким образом, катойконимные системы макротопонимов Чили, Колумбии, Мексики, Перу предстают как многомерные национально-специфичные и одновременно принадлежащие единому функциональному испаноязычному континууму сущности. Катойконимы выступают как реалии и генераторы новых смыслов и аллюзий, а их успешное декодирование повышает лингвокультурологическую компетенцию изучающих испанский язык и гармонизирует межкультурный диалог с носителями чилийского, колумбийского, мексиканского, перуанского национальных вариантов испанского языка в качестве деловых партнеров. При переводе супплетивных катойконимов как этнических и региональных реалий предпочтительна транслитерация.

Выведенные параметры морфологического и семантического варьирования чилийских, колумбийских, мексиканских, перуанских катойконимов показывает множественность национальных норм полинационального и поликультурного испанского языка, а своеобразие предпочтений образует ономастические доминанты социума как устойчивые модели именования географических объектов и производных от них катойконимов. Методология полипарадигмального анализа катойконимных номинаций Чили, Колумбии, Мексики и Перу может быть экстраполирована на другие национальные варианты испанского языка и позволяет прийти к глобальным выводам о развитии испанского языка как знаковой и коммуникативной систем, в том числе в формате *lingua franca*, что относится к перспективам исследований в будущем.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316).

© Olga Chesnokova and Marija Radović, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахметова М. Катойконимы как объект метаязыковой рефлексии: орфографический аспект // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 115–146. [Akhmetova, M. 2019. *Katoikonimy kak ob"ekt metayazykovoï refleksii: orfograficheskii aspekt* (Demonyms as the Object of Metalinguistic Reflection: Orphographical Aspect), *Antropologicheskii forum*. 115–146. (In Russ.)].
- Дитрих В. Влияние языков американских индейцев на романские языки (II): «общие языки»: аттекский, кечуа и тупи. Субстрат, адстрат или интерстрат? (пер. с немецкого В.З. Демьянкова) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 64–85. [Ditrikh, V. 2002. *Vliyanie yazykov amerikanskikh indeitsev na romanskie yazyki* (II): «obshchie yazyki»: аттекский, кечуа и тупи. Субстрат, адстрат или интерстрат? (пер. с немецкого В.З. Демьянкова) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 64–85. [Ditrikh, V. 2002. *Vliyanie yazykov amerikanskikh indeitsev na romanskie yazyki* (II): «obshchie

- yazykI»: atstekskii, kechua i tupi. Substrat, adstrat ili interstrat? (per. s nemetskogo V.Z. Dem'yankova) (The influence of American indigenous languages on Romance languages (II) “common languages”: Aztec, Quechua and Tupi. Substrate, adstrate or interstrate? (translated from German by Dem'yankova, V.Z.), *Voprosy yazykoznaniya*. 2, 64–85. (In Russ.)).
- Журавлева Н.Ю. Функционирование катойконимов и этнонимов в мексиканском культурном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 142–153. [Zhuravleva, N.Yu. 2013. The Functioning of Demonyms and Ethnonyms in Mexican Cultural Space. *RUDN University Journal, series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”* 4. 142–153 (In Russ.)].
- Радович М. Los topónimos y gentilicios de Chile y Colombia: su etimología y morfología // Колумбия и Чили: наука, мышление и коммуникация: сборник материалов I Международного междисциплинарного семинара. Москва: ИД «КДУ», «Университетская книга», 2016. С. 54–61. [Radovich, M. 2016. Los topónimos y gentilicios de Chile y Colombia: su etimología y morfología (The Toponyms and Donyms of Chile and Colombia: Etymology and Morphology), *Kolumbiya i Chili: nauka, myshlenie i kommunikatsiya: Sbornik materialov I Mezhdunarodnogo mezhdistiplinarnogo seminara*. 54–61. (In Spanish)].
- Степанов Г.В. 1976. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. Москва. [*Tipologiya yazykovykh sostoyanii i situatsii v stranakh romanskoi rechi* (The Typology of the Linguistic Conditions and Situations in the Romance-speaking Countries). Moscow. (In Russ.)].
- Чеснокова О.С. Этнические и региональные реалии Колумбии // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2013. № 4. С. 77–84. [Chesnokova, O.S. 2013. Ehtnicheskie i regional'nye realii Kolumbii (Ethnic and Regional Characteristics of Colombia). *Moscow Region State University Journal* 4. 77–84. (In Russ.)].
- Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира. М.: ЛЕНАНД, 2020. [Chesnokova, O.S. 2020. *Ispanskii yazyk Meksiki: yazykovaya kartina mira* (Mexican Spanish: the Linguistic World View). Moscow: LENAND. (In Russ.)].
- Ampuero, Roberto. 2012. *El último tango de Salvador Allende*. Santiago: Sudamericana.
- Benites, Alfredo & Nathalie Lorrain. 2017. *Coopérer avec les Chiliens, les Colombiens, les Mexicains et les Péruviens: L'Alliance du Pacifique*. Paris, AFNOR Editions.
- Bernal, Julio, Alejandro Munévar & Catalina Barajas. 2014. Actitudes lingüísticas en Colombia. *Actitudes lingüísticas de los hispanohablantes hacia el idioma español y sus variantes*. Chiquito, Ana Beatriz y Quesada Pacheco, Miguel Ángel (eds.) 5, 180-245. Bergen Language and Linguistic Studies (BeLLS). URL: <http://dx.doi.org/10.15845/bells.v5i0.680> (accessed: 12 May 2020).
- Bilá, Magdaléna & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová & Ingrida Vaňková. 2020. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 344–365. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365
- Chávez Fajardo, Soledad & Raïssa Kordic Riquelme. 2019. Acerca del gentilicio: historiografía, remoquetes y estandarización. *Literatura y lingüística* 39. 275–300. URL: <http://dx.doi.org/10.29344/0717621x.39.2014> (accessed: 27 May 2020).
- Estrada Flórez, Rosa Elvira & José Manuel Pérez Adárraga. 2020. Las creencias y percepciones de los habitantes de Valledupar sobre el término vallenato como gentilicio. *Lingüística y Literatura* 41 (78). 110–139. URL: <https://doi.org/10.17533/udea.lyl.n78a05> (accessed: 3 June 2020).

- Ospina, Andrés. 2016. *Bogotálogo (Tercera edición) II. Usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá*. Bogotá: Instituto Distrital de Patrimonio Cultural.
- Ilyin, Dmitry & Elena Sidorova. 2015. Derivational Potential of Toponymical System: Formation and Functioning of Katoikonyms. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 3 (27). 7–14. URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>. (accessed: 2 May 2020).
- García Padrón, Dolores & Marcial Morera Pérez. 2015. Gentilicios y lexicografía. *Onomázein* 31. 81–98. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=1345/134544049007> (accessed: 12 March 2020).
- Kordic Riquelme, Raïssa & Soledad Chávez Fajardo. 2017. Qué se entiende por gentilicio. Aproximaciones onomasiológicas, sintácticas y morfológicas. Prolegómenos. *Boletín de Filología* 52 (1). 213–244.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). Special issue: Communicative Styles and Genres. 195–215.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs We-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 109–128.
- Loester, Barbara. 2017. “A Significant Part of an Insignificant Identity”: Tradition, globalisation and the re-articulation of North-East Scots. *Russian Journal of Linguistics* 21 (2). 335–347.
- Luna Cabrera & Julio Eduardo. 2005. *Su Majestad el Refrán*. Manizales.
- Malyuga, Elena, Alex Krouglov & Barry Tomalin. 2018. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators’ performance in the domain of intercultural business communication. *XLinguae* 11 (2). 566–582. URL: http://xlinguae.eu/2018_11_02_46.html (accessed: 18 March 2020).
- Martinić, Mateo. 2005. *De la Trapananda al Aysén: una mirada reflexiva sobre el acontecer de la Región de Aysén desde la Prehistoria hasta nuestros días*. Santiago: Pehuén Editores.
- Moreno de Alba, José Guadalupe. 2001. *El español en América. Tercera edición, corregida y aumentada*. México: Fondo de Cultura Económica.
- Morera, Marcial. 2015. *El gentilicio en español: aspectos teóricos y prácticos*. Madrid: Arco/Libros, S.L.
- Mugford, Gerrard. 2020. Mexican politeness: an empirical study on the reasons underlying/motivating practices to construct local interpersonal relationships. *Russian Journal of Linguistics* 24 (1). 31–55. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55> (accessed: 18 June 2020).
- Pinto, Carlos Felipe & Camilla Guimarães Santero Pontes. 2020. La Variación Socioespacial del español actual: el español como lengua franca y la enseñanza del español como lengua extranjera. *Intertexto* 13 (1). 172–213.
- Ripoll, Alejandra (ed.) 2018. *La Alianza del Pacífico ¿atrapada en el péndulo del regionalismo y del interregionalismo?* Bogotá: Opciones Gráficas Editores.
- Tent, Jan. 2018. What’s in a Demonym? A Note on a New and Uplifting Ethnonym. *Names. A Journal of Onomastics* 2 (66). 103–105. URL: <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415543> (accessed: 11 March 2020).
- Vargas López, Sergio Iván. 2018. *Vallenato y discurso, una aproximación a partir de sus canciones*. Corporación Universitaria Minuto de Dios. Bogotá, D.C. URL: https://repository.uniminuto.edu/bitstream/handle/10656/6407/T.HUM_VargasLopezSergioIvan_2018.pdf (accessed: 5 April 2020).
- Velasco Valdés, Miguel. 1998. *Refranero popular mexicano* (11 edición). México: Costa-Amic.

Словари / Dictionaries

- Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico / под ред. О.С. Чесноковой. Москва: РУДН, 2020. [Chesnokova, O.S. (ed). 2020. *The Dictionary of Illustrious Personalities of the Pacific Alliance*. Moscow: RUDN. (In Russ.)].
- Словари и энциклопедии на Академике. URL: www.dic.academic.ru (accessed: 5 April 2020).
- Поспелов Е.М. 2007. Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь: ок. 8000 единиц / Е.М. Поспелов. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель. [Pospelov, E.M. 2007. *Illyustrirovannyi atlas mira. Geografiya mira: noveishii toponimicheskii slovar': ok. 8000 edinits* (The Illustrated World Atlas. World Geography: the Newest Toponymic Dictionary: around 8,000 units). Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST: Khranitel', (In Russ.)].
- Breve diccionario de colombianismos. 3ª ed. (2009) Bogotá: Academia Colombiana de la Lengua.
- Luna Cabrera, Julio Eduardo. 2002. Diccionario de aztequismos. México: Colofón.
- Diccionario de americanismos. 2010. Lima: Santillana.
- Diccionario de gentilicios de Colombia. 2008. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia, 2008. 176 p.
- Diccionario educativo del estudiante. 2009. Bogotá: Larousse.
- Diccionario Enciclopédico Vox 1. 2009. Larousse Editorial, S.L., 2009. URL: <https://es.thefreedictionary.com/gentilicio> (дата обращения: 3 июня 2020)
- Montoya, Ramiro. 2006. Diccionario comentado del español actual en Colombia. Bogotá: Ed. Párrafo.
- Richard, Renaud. 1997. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia. 2ª ed. Madrid: Cátedra.
- Santamaría, Francisco. 2000. Diccionario de mejicanismos. 6a. ed. México: Porrúa.
- Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). URL: www.dle.rae.es (accessed: 15 April 2020).
- Diccionario del Español de México (DEM). URL: <http://dem.colmex.mx>; El Colegio de México, A.C.

Электронные ресурсы / Internet resources

- Антиокия, Википедия. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Antioquia> (accessed: 20 May 2020).
- Территориальная организация Чили, Википедия. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Organizaci%C3%B3n_territorial_de_Chile (accessed: 17 May 2020).
- “El Magallánico” cumple dos años”. URL: <https://elmagallanico.com/2019/08/el-magallanico-cumple-dos-anos-informando-a-la-region> (accessed: 29 May 2020).
- Magallanes: curiosidades de un pueblo único. URL: <https://www.cocacoladechile.cl/historias/gente-magallanicos-curiosidades-de-un-pueblo-unico> (accessed: 26 May 2020).
- Агуаскальентес, Википедия. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Aguascalientes> (accessed: 1 June 2020).
- Equipo. URL: <https://infoling.org/?lang=es&p=equipo> (accessed 28 May 2020).
- Jergozo. URL: <https://jergozo.com/significado/chilango> (accessed 28 May 2020).
- Chimpum Callao. URL: <http://www.chimpum-callao.com/historia.html> (accessed: 25 May 2020).
- El Diario, Peru, un país racista contra sí mismo: „Es una forma de „blanquearse““. URL: https://www.eldiario.es/desalambre/Peru-pais-racista-mismo_0_254775486.html (accessed: 2 June 2020).

BBC News, Por qué a muchos peruanos les cuesta reconocerse como cholos. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-37489332> (accessed: 2 June 2020).

Article history:

Received: 20 August 2020

Revised: 28 November 2020

Accepted: 1 December 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 августа 2020

Дата принятия к печати: 1 декабря 2020

Сведения об авторах:

Ольга Станиславовна ЧЕСНОКОВА – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН). Член Американского Ономастического Общества. Ее исследовательские интересы охватывают варьирование испанского языка, ономастику, лингвокультурологию, межкультурную коммуникацию, семиотику и перевод художественного текста. Она является автором более 200 публикаций на русском, английском, испанском языках, включая монографии, учебники, главы книг, а также многочисленные статьи.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 А,
e-mail: chesnokova-os@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0001-7025-4098

Мария РАДОВИЧ – кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН).

Исследовательские интересы: топонимика испанского языка, вариативность испанского и португальского языков, лингвокультурология, лексикография, межкультурная коммуникация, переводоведение. Она является автором более 30 публикаций, среди которых одна монография.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 А
e-mail: radovich-m@pfur.ru
ORCID ID: 0000-0002-8099-0184

Bionotes:

Olga CHESNOKOVA, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Philology, Full-time Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology of the RUDN University. She is a member of the American Name Society. Her research interests include variations of the Spanish language, onomastics, cultural linguistics, intercultural communication, semiotics and literary translation. She has authored over 200 publications in Russian,

English and Spanish, including monographs, textbooks, book chapters and numerous journal articles.

Contact information

Peoples' Friendship University of Russia
10/A Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198
e-mail: chesnokova-os@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0001-7025-4098

Marija RADOVIĆ is a Ph.D., Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology of the RUDN University. Her research interests include Spanish toponymy, variations of the Spanish and Portuguese languages, cultural linguistics, lexicography, intercultural communication and translation studies.

Contact information

Peoples' Friendship University of Russia
10/A Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198
e-mail: radovich-m@pfur.ru
ORCID ID: 0000-0002-8099-0184

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1049-1054

Book review

**Review of Sadow, Lauren, Bert Peeters,
and Kerry Mullan (eds.). 2020. *Studies in Ethnopragmatics,
Cultural Semantics, and Intercultural Communication:
Vol. 3. Minimal English (and beyond).*
Singapore: Springer. ISBN 978-981-329-978-8**

Anna GLADKOVA

Monash University / Australian National University
Australia

For citation:

Gladkova, Anna. 2020. Review of Sadow, Lauren, Bert Peeters, and Kerry Mullan (eds.). 2020. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 3. Minimal English (and beyond)*. Singapore: Springer. ISBN 978-981-329-978-8. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 1049–1054. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1049-1054

Рецензия

**Рецензия на книгу
Sadow, Lauren, Bert Peeters, and Kerry Mullan (eds.). 2020.
*Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics,
and Intercultural Communication: Vol. 3.
Minimal English (and beyond)*. Singapore: Springer. 309 с.**

А. ГЛАДКОВА

Университет Монаш / Австралийский национальный университет
Австралия

Для цитирования:

Gladkova A. Review of Sadow, Lauren, Bert Peeters, and Kerry Mullan (eds.). 2020. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 3. Minimal English (and beyond)*. Singapore: Springer. ISBN 978-981-329-978-8. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 1049–1054. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1049-1054

Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication is a set of three volumes published by Springer in 2020 and edited by Bert Peeters, Kerry Mullan, and Lauren Sadow.¹ They celebrate the career and

¹ The order of the authorship varies in different volumes.

achievements of Cliff Goddard, a Professor of Linguistics at Griffith University (Australia). Along with Anna Wierzbicka, Cliff Goddard is known as a pioneer and developer of the Natural Semantic Metalanguage (NSM) approach in linguistics. Encompassing the breadth of the approach, the volumes bear the subtitles:

Ethnopragmatics and Semantic Analysis (Vol. 1) (Mullan et al. 2020),

Meaning and Culture (Vol. 2) (Peeters et al. 2020),

Minimal English (and Beyond) (Vol. 3) (Sadow et al. 2020).

This review focuses on the third volume of the set which is dedicated to the latest development of the approach known as Minimal English (or Minimal Language). Minimal English is rooted in the Natural Semantic Metalanguage and aims to enlarge its potential in areas beyond linguistics.

NSM is an evidence-based approach in linguistic analysis which claims that linguistic meaning can be formulated using mainly sixty-five universal, semantically simple and empirically identified meanings (Goddard 2018a, Goddard and Wierzbicka 2002, 2014, see Gladkova and Larina 2018a, 2018b for an overview). The idea is based on Leibniz's hypothesis that each language has a core vocabulary (named by him "the alphabet of human thought") which cannot be defined further. The empirical testing of various types of vocabulary was started by Wierzbicka to explore this hypothesis and was later supported and enriched by Goddard's contribution, along with contributions from other scholars. In the current form, the NSM comprises a fully-developed metalanguage of sixty-five semantic universals and their governing syntax. It has been successfully used for writing explications (formulas representing meaning of lexemes or expressions) and cultural scripts (short texts capturing cultural norms underlying linguistic practices). The branches of linguistics associated with this approach became known as Cultural Semantics and Ethnopragmatics. The NSM has proven to be highly successful in a comparative cross-linguistic and cross-cultural analysis.

A more recent development of the NSM approach became known as Minimal English (or Minimal Language). In her 2014 book *Imprisoned in English* (2014) Anna Wierzbicka introduced the idea that the potential of the NSM (with the principle of reductive paraphrase and limited vocabulary for definitions) could serve broader communities and be applied in other discipline studies in its expanded version.

This idea was later discussed and developed at a symposium on the topic held at the Australian National University in 2014. The first publication on Minimal English was *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words* (Goddard 2018b). In this edited collection of works, linguists, along with specialist in other disciplines, address the potential of Minimal English in areas such as the media, science communication, applied sciences, and the defence of human rights.

The 2020 celebratory volume is a brilliant representation of the Minimal English in linguistics and relating areas. Its content can be broadly summarised into the following areas: language and culture pedagogy (Chapters 2, 7, 9, 11),

communication in the situation of limited language knowledge (Chapters 3, 11), conceptual and semantic analysis for the purpose of successful communication in the areas of personal relations, attitudes, colour studies and others (Chapters 4, 5, 6), and explorations in neurodiversity (Chapter 8). Across the volume, Minimal English is used to construct explications, cultural scripts, as well as short texts to represent meaning or ideas. Other linguistic issues dealt upon in this volume include cross-linguistic and cross-cultural analysis (Chapter 4, 5), diachronic semantic change (Chapter 6), conceptual variation in language varieties (Chapters 3 and 7), and dictionary making (Chapters 9 and 10). The content of the volume can be summarised as follows.

Lauren Sadow in Chapter 1 compares NSM and Minimal English and justify describes the content of the volume. She discusses the potential of Minimal English in different areas.

Susana S. Fernández (Chapter 2) identifies gaps in major Spanish teaching textbooks in Denmark and explores how NSM and Minimal English can bridge those gaps. The chapter includes her analysis of practical application of NSM in intercultural training at university level and contains examples of practical activities in educational process. Fernández argues for a greater potential of Minimal English in teaching intercultural communication.

Deborah Hill (Chapter 3) identifies the Minimal English potential in the situation of agricultural training in PNG. While the training is being conducted in English, the detailed context is not always well understood by local participants due to poor knowledge of English as well as the influence of the local vernacular language. This misunderstanding is two-way as participants can be using English sounding words in their localized meanings which are not accessible and known to trainers. By way of example of such misunderstanding, Hill provides a detailed discussion of the three lexemes of the verb *to brainstorm*: 1) *to brainstorm ideas* (mainstream English), 2) *brainstorm first* and 3) *brainstorm me* (the two latter are local uses). With the help of Minimal English she explicates the three meanings in question and demonstrates how Minimal English could be effective in the explanation of project-related ideas and concepts. She also proposes explications for *story* and *case study* which are used in training and have different cultural value for the participants and the presenters. Hill concludes with the importance of using Minimal English in the situation of multicultural training.

The chapter by Anna Wierzbicka and Anna Gladkova (Chapter 4) explores the meaning of *sex* in a cross-linguistic and cross-cultural perspective. It overviews possible differences in its conceptualisation across European languages and then focuses on the meanings of the words in question in English and Russian. Drawing on corpora data the study identifies similarities and differences between Russian and English lexemes. One of possible linguistic reasons for the differences is the variation in the collocation profiles of the expressions. The results suggest that the Russian expression implies a greater degree of involvement. Hypothetically, this is consistent with broader cultural themes relating to emotion expression.

Anna Gladkova's research (Chapter 5) deals with the situation of linguistic borrowing in modern Russian. In particular, she looks at the assimilation of the term *tolerantnyj* 'tolerant' in Russian. The history of the term appears to be closely linked with the country's history and ideological turns. The term was first used in the 19th century, but fell out of use in the Soviet times. It became relevant during Perestroika under the influence of Western ideas. The chapter observes a certain 'adaptation' and 'adjustment' of the meaning compared to its source meaning in English. The adaptation is largely explained by the existence terms with close meaning and overall influence of cultural ideas and themes. Minimal English serves as an effective tool in explaining this concept which potentially could be useful in communicating ideas of social attitudes across disciplines.

Jiashu Tao and Jock Wong (Chapter 6) explore the meaning of the Mandarin colour term *qīng* in a diachronic perspective applying Minimal English. In particular, they analyse the polysemy of *qīng* and trace its meaning in different periods. Being regarded as an equivalent of *blue*, *black*, and *green* in English, the meaning of the term is shown to change from a non-colour term to a colour term and to a non-colour term again but with different meanings. Minimal English proves to be an effective tool in the description of the richness of the meanings embedded in *qīng*.

Jock Wong (Chapter 7) discusses the issue of linguistic conceptualisation in the context of the complex situation of linguistic diversity in Singapore. In particular, he demonstrates using the examples of his students' work that their understanding of certain English terms (*hypothesis*, *theory*, and *proof*) differs from their actual meaning in an academic context. He reports on his use of Minimal English to teach them how to think about and break down the concepts, before writing Minimal English explications to clarify their exact meaning.

Alex Forbes (Chapter 8) illustrates the use of Minimal English in the conceptualisation of neurodiversity. In particular, relying on data from cross-country sources he summarises how parents think about their autistic children and how they reflect on their experiences as parents. Minimal English proves to be an effective tool to describe group cognition, allowing us to understand more about perspectives on neurodiversity.

The chapter by Lauren Sadow (Chapter 9) is about creating a cultural dictionary for learners of English as a second language. In this dictionary, Minimal English becomes the instrument which is able to capture ethnopragmatic norms and cultural values in a culture-neutral and restricted metalanguage. She discusses the challenges of structuring a dictionary without alphabetical ordering of entries.

María Auxiliadora Barrios Rodriguez (Chapter 10) discussed the role of Minimal English in creating effective dictionary definitions. Based on her experience, she acknowledges that recognition of a description of a concept does not involve using all the aspects of semantic explications practiced in NMS. She reports on creating 'minimal and inverse definitions' and uses statistical methods in identifying the level of recognition of a definition by native speakers. This

research is part of a university project and demonstrates how post-graduate research students can be effectively involved in such lexicographic explorations.

Ulla Vanhatalo and Camilla Lindholm (Chap. 11) discuss a significant role that Minimal English can play in creating texts within the easy-to-read movement. They report on a growing role of such movement in some European countries in the context of the increase of groups of people with limited abilities for reading (migrants as well as people with learning disabilities or cognitive decline). Within a pilot project, the authors identify the prevalence of the NSM semantic primes in easy-to-read texts and discuss the potential of Minimal English in the easy-to-read movement.

The volume closes with an exhaustive list of Cliff Goddard's publications to date in a chronological order.

The book is a brilliant collection of state-of-the art research in NSM and Minimal English. It significantly advances explorations of the potential of Minimal English (or Minimal Language) in linguistics and other areas. It successfully demonstrates how Minimal English can be used in language and culture pedagogy, dictionary making, conceptual analysis and communication, understanding neurodiversity and group cognition.

© Anna Gladkova, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018a. Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499–520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018b. Anna Wierzbicka, culture and text. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. .doi: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>.
- Goddard, Cliff. 2018a. *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage: Exploring language, thought and culture using simple, translatable words*. Leiden: Brill.
- Goddard, Cliff (ed.). 2018b. *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*. London: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (eds.). 2002. *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Vols. I, II. Amsterdam: John Benjamins.
- Mullan, Kerry, Bert Peeters & Lauren Sadow (eds.). 2020. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 1. Ethnopragmatics and Semantic Analysis*. Singapore: Springer.
- Peeters, Bert, Kerry Mullan & Lauren Sadow (eds.) 2020. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 2. Meaning and culture*. Singapore: Springer.

Sadow, Lauren, Bert Peeters & Kerry Mullan (eds.). 2020. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Vol. 3. Minimal English (and beyond)*. Singapore: Springer.

Wierzbicka, Anna. 2014. *Imprisoned in English: The hazards of English as a default language*. New York: Oxford University Press.

Book review history:

Received: 1 August 2020

Revised: 25 October 2020

Accepted: 27 October 2020

История рецензии:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2020

Дата принятия к печати: 27 октября 2020

Bionote

Anna GLADKOVA is a Lecturer на an Adjunct Research Fellow in English as an International Language at Monash University and an Honorary Lecturer in Linguistics at the Australian National University. She received her PhD in Linguistics from the Australian National University. Her research interests include semantics, pragmatics, language and culture interface, cognitive linguistics and Natural Semantic Metalanguage. She has taught linguistics and applied linguistics at the Australian National University and University of New England (Australia) as well as University of Sussex and University of Brighton (United Kingdom). She is member of the Editorial Board of *Corpus Pragmatics* and *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (Springer).

Contact information:

20 Chancellors Walk, Clayton Campus, Monash University, Melbourne VIC 3800, Australia

e-mail: angladkova@gmail.com

Сведения об авторе:

Анна ГЛАДКОВА получила докторскую степень по лингвистике в Австралийском национальном университете. Она преподает на внештатный научный сотрудник в Университете Монаш (Австралия), а также является почетным преподавателем лингвистики в Австралийском национальном университете. Ее научные интересы включают семантику, прагматику, взаимодействие языка и культуры, когнитивную лингвистику и Естественный Семантический Метаязык. Она преподавала лингвистику и прикладную лингвистику в Австралийском национальном университете и Университете Новой Англии (Австралия), а также в Университете Сассекса и Университете Брайтона (Великобритания). Является членом редколлегии журнала «Корпусная Прагматика» и «Ежегодника по корпусной лингвистике и прагматике» (издательство Springer).

Контактная информация:

20 Chancellors Walk, Clayton Campus, Monash University, Melbourne VIC 3800, Australia

e-mail: angladkova@gmail.com

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1055-1061

Book review

**Review of O.A. Leontovich, M.A. Gulyaeva, O.V. Lunyova,
M.S. Sokolova. 2019. *Positive communication*.
Moscow: Gnosis. 295 p. ISBN 978-5-94244-072-5**

Vladimir I. KARASIK

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

For citation:

Karasik V.I. Review of O.A. Leontovich, M.A. Gulyaeva, O.V. Lunyova, M.S. Sokolova. 2019. *Positive communication*. Moscow: Gnosis. 295 p. ISBN 978-5-94244-072-5. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 1055–1061. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1055-1061

Рецензия

**Рецензия на книгу:
Леонтович О.А., Гуляева М.А., Лунёва О.В., Соколова М.С.
Позитивная коммуникация. –
Москва: Гнозис, 2019. – 295 с. ISBN 978-5-94244-072-5**

В.И. КАРАСИК

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия

Для цитирования:

Карасик В.И. Рецензия на книгу: О.А. Леонтович, М.А. Гуляева, О.В. Лунёва, М.С. Соколова; под общ. ред. проф. О.А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2019. – 295 с. ISBN 978-5-94244-072-5. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 1055–1061. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1055-1061

Изучение коммуникации как предмета лингвистического анализа привлекает к себе множество современных исследователей. Хорошо изучены структурно-системные характеристики общения, детально описаны психолингвистические и прагмалингвистические его аспекты, существенный вклад в развитие теории коммуникации внесли специалисты, рассматривающие различные характеристики дискурса. В меньшей мере освещены особенности коммуникации с позиций участвующих в ней личностей. Рецензируемая коллективная монография, вышедшая под редакцией известного отечественного специалиста в области теории коммуникации профессора Ольги Аркадьевны

Леонтович, посвящена личностному измерению общения и в этом плане представляет собой обоснование и развитие теории коммуникации в новом направлении – на стыке с теорией языковой личности.

Книга состоит из шести глав, посвященных соответственно понятию позитивной коммуникации, позитивной личности, коммуникативной инициативе, вовлеченности в коммуникацию, адаптации к собеседнику и социальной поддержке. Рецензируемое исследование в полной мере соответствует жанру монографии: это глубокий анализ четко очерченной проблемы, разработка теоретической модели ее изучения и тщательно выполненное описание фактического материала.

В предисловии к монографии ее научный редактор объясняет актуальность изучения позитивной коммуникации тем, что этот вид общения исключительно важен для здорового состояния общества, он должен быть противопоставлен нарастающей речевой агрессии в разных типах дискурса, и при этом он не разработан в теоретическом отношении. Сказанное свидетельствует о несомненной своевременности выхода в свет этой книги.

О.А. Леонтович следующим образом определяет ключевое понятие исследования, характеризуя позитивную коммуникацию как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» (с. 14). Автор доказывает, что основными признаками такого общения являются конструктивность, окрашенность положительными эмоциями и эффективность, в качестве факультативных признаков названы информативность и ассертивность, под которой понимается «напористость, не переходящая в агрессивность». Справедливо отмечено, что ассертивность имеет несомненную этнокультурную специфику: если в США успешное продвижение себя считается нормой поведения и получает у многих одобрение, то в других странах, в частности в России, такое поведение обычно оценивается критически.

Модель изучения позитивной коммуникации построена как пятичленное образование, включающее коммуникативную инициативу, вовлеченность в коммуникацию, адаптацию к собеседнику, социальную поддержку и конгруэнтность. Эти понятия еще недостаточно освоены в филологии. Коммуникативная инициатива объясняется как наличие положительной интенции у индивида, вовлеченность в общение – как эмпатическое сопереживание, коммуникативная адаптация – как приспособление к адресату, обусловленное возрастом, гендером, статусными и культурными признаками, социальная поддержка – как демонстрация готовности помочь партнеру по общению, конгруэнтность – как соответствие внутреннего «Я» индивида его внешним проявлениям, т. е. как искренность и открытость. Заслуживает внимания предложенная в работе система антиномий, позволяющих осмыслить сущность позитивной коммуникации: «позитив – негатив (= не позитив), аттракция – дезаттракция, инициативность – пассивность (безынициативность),

вовлеченность в коммуникацию – отчужденность (невовлеченность), эгоцентризм – альтероцентризм, социальная поддержка – социальная индифферентность (отсутствие социальной поддержки), конструктивная – деструктивная коммуникация» (с. 22–23). Эти антиномии объясняют и уточняют ключевые признаки анализируемого понятия.

В книге детально охарактеризовано понятие «позитивная личность». Опросив 200 информантов, авторы определили признаки такой личности в современном российском языковом сознании (оптимизм, положительное отношение к окружающим, активность, лидерские качества, неординарность, гармония с собой, интеллект и др.) и установили типичных носителей таких качеств, среди которых было названо 168 известных людей (лидерами оказались известные представители медийно-развлекательной индустрии – Иван Ургант, Владимир Познер, Константин Хабенский). Отвечая на вопросы в анкете, информанты выделили следующие характеристики положительного отношения к окружающим (в скобках указано количество упоминаний): доброжелательность (16), дружелюбие (11), доброта (11), умение общаться с людьми (5), неконфликтность (5), эмпатия (4), добродушие (4), готовность прийти на помощь (4), отзывчивость (3), забота о других (2), приветливость (2), умение быть благодарным (2), умение радоваться за других (2), сочувствие (2), уважение к окружающим (2), тактичность (2), незлобивость (2), умение не обременять других своими заботами (2), великодушие (1), добросердечность (1), сострадание (1), сопереживание (1), надежность (1), терпимость (1), воспитанность (1), вежливость (1), дипломатичность (1), сдержанность в высказываниях (1), интеллигентность (1), умение быть снисходительным к чужим слабостям (1), умение прощать (1) (с. 36–37). Эти данные можно рассматривать как важные признаки русской ценностной картины мира. Тот факт, что в ряду образцовых позитивных личностей оказались популярные журналисты и шоумены, свидетельствует о значимости медийной индустрии в наше время и о специфике коммуникативного стиля нашей эпохи.

Важнейшей характеристикой позитивной личности, как показано в исследовании, является коммуникативная аттракция – привлекательность партнера по общению в биологическом, социальном, психологическом и культурном аспектах. Читатели несомненно обратят внимание на установленные в исследовании характеристики позитивной личности в аспекте межкультурного общения. Заслуживают внимания выделенные в книге специфические коммуникативные стратегии самопрезентации, к числу которых О.А. Леонтович относит самопозиционирование (принижение себя в восточных культурах и отсутствие такого самопринижения в американском коммуникативном поведении), ассертивность (во многих культурах этот тип поведения признается нескромным), сохранение лица (в коллективистских культурах участники общения стремятся прежде всего сохранить лицо партнера, в индивидуалистских – собственное лицо), роль юмора (наличие иронии и самоиронии,

степень прямолинейности и т.д.), использование молчания (допустимый лимит молчания в общении существенно различается в «теплых и холодных» культурах). Эти наблюдения весьма интересны, но я бы в этой связи подчеркнул значимость не только этнокультурной, но и социокультурной специфики в понимании самопрезентации: поведение представителей среднего класса и социальных низов имеет существенные различия. Кроме того, самопрезентация в общении весьма специфична применительно к разным типам дискурса: то, что считается нормой в контактном личностном общении, весьма часто нарушается в дистантных сетевых интеракциях.

Весьма интересны разделы книги, детально характеризующие компонентный состав позитивной коммуникации.

О.В. Лунёва раскрывает суть феномена «коммуникативная инициатива», сравнивает его с явлениями коммуникативной активности и лидерства, объясняет причины взятия инициативы, устанавливает константные и переменные составляющие этого понятия, выделяет его базовые функции. Автор предлагает рассматривать коммуникативную инициативу в следующих аспектах: 1) уточнение характеристик коммуникативной инициативы и ее места в межличностном общении; 2) изучение влияния объективных факторов на частотность и форму проявления инициативы в процессе коммуникации; 3) анализ языковых средств, используемых при взятии и сохранении коммуникативной инициативы; 4) выделение основных стратегий, реализуемых инициатором общения; 5) определение значимости и условий влияния коммуникативной инициативы на характер и тональность общения (с. 52). Нельзя не согласиться с О.В. Лунёвой, доказывающей, что инициатива в общении является составной частью коммуникативного лидерства; в отличие от лидерства и активности, она всегда ситуативна, адресно направлена, предполагает обратную связь, переходность и выражение в вербальной форме (с. 58–59). Механизм коммуникативной инициативы, как установлено в исследовании, включает ряд константных и переменных составляющих. К первым относятся зарождение интенции, формулировка содержания сообщения на уровне внутренней речи, передача сигналов инициации общения, введение новой темы, мена коммуникативных ролей, передача сигналов завершения общения, ко вторым – гладкая мена коммуникативных ролей либо взятие инициативы силой, ее добровольная либо вынужденная передача партнеру по общению; развитие/смена темы говорящим либо собеседником и т.д. В книге показаны структурные единицы коммуникативной инициативы, ее стратегии и тактики.

М.А. Гуляева излагает результаты изучения вовлеченности в коммуникацию, описывает конститутивные признаки этого явления на когнитивном и поведенческом уровнях (восприимчивость, внимание и реагирование – готовность к коммуникации, экспрессивность, управление интеракцией, альтероцентризм, отсутствие социального беспокойства) (с. 112). Вовлеченность в общение противопоставлена отчужденности. Автор справедливо отмечает, что в лингвистике еще недостаточно освещены характеристики

вовлеченности в коммуникацию и предлагает рассматривать эту категорию как градуальное образование, включающее следующие позиции на условной шкале: сверхвовлеченность – высокая степень вовлеченности – низкая степень вовлеченности – отказ от общения (с. 113). Отмечено, что сверхвовлеченность в коммуникацию не способствует ее успешному осуществлению. Примером может служить чрезмерная родительская опека. Добавим к этому, что в культурах состязательного типа наблюдается резко отрицательное отношение к любым проявлениям патернализма. Этот тип вовлеченности проявляется, как показано в работе, в озабоченности собой и другими, характеризуется акцентированным вниманием к процессу общения и часто свидетельствует о повышенной тревожности такого коммуникативного субъекта. Высокая степень коммуникативной вовлеченности проявляется в естественном спонтанном общении. В исследовании подчеркивается значимость невербальных средств коммуникации как сигналов вовлеченности в общение. Коммуникативная отчужденность выражается в невнимании к партнеру по общению, инертности и направленности на завершение разговора. Крайней степенью отчужденности является отказ от общения. В работе показаны характеристики такого отказа. Эти наблюдения будут весьма интересны для исследователей в области конфликтологии и конфликтных языковых личностей.

М.С. Соколова анализирует типы и характеристики адаптации к собеседнику и коммуникативно релевантные способы социальной поддержки. Коммуникативная адаптация определяется как «процесс коммуникативного приспособления, актуализируемый на основании контекстуальных условий общения, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных позиций его участников и проявляющийся в вариативности поведения личности для достижения коммуникативной цели» (с. 156). В книге справедливо отмечено, что такая адаптация является дискурсивно специфической, обнаруживая своеобразие в политической, рекламной, медийной и других сферах общения. Заслуживают внимания выделенные в исследовании отличия адаптации от других форм приспособления – псевдоадаптации, аккомодации, мимикрии, ассимиляции и конформизма (с. 164).

Интересна предложенная автором модель коммуникативной адаптации, включающая три группы детерминант – адресной, ситуативной и субъектной ориентации. К параметрам адресной ориентации относятся возрастная, гендерная, социальная и национально-культурная принадлежность адресата. Ситуативная ориентация определяется контекстуальными условиями взаимодействия – сферой, формой общения, наличием/отсутствием физических помех, типом взаимоотношений между собеседниками. Субъектная ориентация отражает индивидуально-личностную сферу адресанта (с. 183). Предложенная модель является развитием исследовательских конструктов, успешно применяемых для изучения субъектных и ситуативных характеристик общения. Заслуживают внимания выделенные в работе критерии успешной

межличностной адаптации, к которым М.С. Соколова относит: 1) установление оптимального типа взаимоотношений с собеседником; 2) компенсацию существующих между коммуникантами культурных, языковых, возрастных и прочих различий; 3) уместный выбор вербальных и невербальных средств общения в рамках конкретной ситуации; 4) умение преодолевать коммуникативные барьеры различной природы; 5) формирование интерактивного смысла; 6) реализацию личной или социально-значимой интенции общения; 7) чувство внутреннего комфорта (с. 206).

Отмечу, что аргументы и выводы авторов подтверждаются интересными иллюстративными примерами, интерпретация которых не вызывает возражений. Подводя итоги выполненному исследованию, авторы справедливо отмечают, что «детальное рассмотрение позитивной коммуникации в различных типах дискурсов – межличностном, массмедийном, политическом, педагогическом и т. д. – может внести посильный вклад в разработку этических и аксиологических аспектов коммуникации» (с. 247).

Нет сомнения в том, что рецензируемая книга станет существенной вехой в развитии коммуникативной лингвистики и будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области филологического знания.

© Vladimir Karasik, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Leontovich, Olga. 2019. “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2). 399–414.
- Леонтович О.А. *Введение в межкультурную коммуникацию*. М.: Гнозис, 2007. 368 с. [Leontovich, Olga. 2007. *Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju (Introduction to Intercultural Communication)*. М.: Gnozis. 368].
- Леонтович О.А. *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис, 2011. 224 с. [Leontovich, Olga. 2011. *Metody kommunikativnyh issledovanij (Methods of Communication Studies)*. М.: Gnozis. 224].
- Леонтович О.А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. М.: Гнозис, 2005. 341 с. [Leontovich, Olga. 2005. *Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshhenija (Russian and Americans; Paradoxes of Intercultural Communication)*. М.: Gnozis. 341].
- Леонтович О.А., Якушева Е.В. *Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация*. М.: Гнозис, 2013. 224 с. [Leontovich Olga & Elena Yakusheva. 2013. *Ponimanie – nachalo soglasija: mezhkul'turnaja semejnaja kommunikacija (Understanding as the Beginning of Agreement; Intercultural Family Communication)*. М.: Gnozis. 224].

Book review history:

Received: 4 August 2020

Revised: 18 October 2020

Accepted: 21 October 2020

История рецензии:

Дата поступления в редакцию: 4 августа 2020

Дата принятия к печати: 21 октября 2020

Сведения об авторе:

Владимир Ильич КАРАСИК – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР). Специалист в области социолингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса.

Контактная информация:

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

Москва, 117485, ул. Академика Волгина, 6.

e-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8306-5317

Bionote:

Vladimir KARASIK is Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor at the Department of General and Russian Linguistics at Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), and Professor at Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China). His research interests embrace sociolinguistics, cultural linguistics, pragmatics, and discourse analysis.

Contact information:

Pushkin State Russian Language Institute

Academic Volgin Str., 6, Moscow, 117485.

e-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8306-5317

